

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 4 2022

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 4 2022

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:

канд. ист. наук *С.Г. Бочаров*

Редакционная коллегия номера:

Е.В. Асташенкова, к.и.н. (Владивосток); **С.Г. Бочаров**, к.и.н. (Севастополь); **И.О. Гавритухин** (Москва); **З.В. Доде**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Ю.А. Зеленева**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В.П. Кирилко**, к.и.н. (Симферополь); **В.Л. Мыц**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **К.А. Руденко**, д.и.н. (Казань); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., проф. (Казань); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (Казань); **Л.В. Яворская**, к.и.н., доцент (Москва).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrastep.ru>

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Журнал издан при поддержке Фонда президентских грантов, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, ГАУК СО «Исторический парк «Моя история», АНО «Живая история», АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2022
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2022

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 4 2022

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:

Candidate of Historical Sciences **Bocharov Sergei G.**,

Editorial board:

Elena V. Astashenkova, Candidate of Historical Sciences (Vladivostok); **Sergei G. Bocharov**, Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Igor O. Gavritukhin** (Moscow); **Zvezdana V. Dode**, Doctor of Historical Sciences (Rostov on Don); **Yuriy A. Zeleneev**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Iskander L. Izmailov**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir P. Kirilko**, Candidate of Historical Sciences (Simferopol); **Victor L. Myts**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Konstantin A. Rudenko**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazan); **Zufar G. Shakirov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Liliya V. Yavorskaya** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Executive Secretary: Antonina S. Beshpalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrastep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Нижняя Волга

- Васильев Д.В., Чичко Т.В.** (*Астрахань, Россия*)
Буддистские погребально-поминальные комплексы
из материалов могильника «Маячный Бугор» 8
- Яворская Л.В.** (*Москва, Россия*)
К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги:
новые исследования археозоологических коллекций..... 13
- Корж Е.А.** (*Ставрополь, Россия*), **Шашунова С.М.** (*Волгоград, Россия*)
Шёлковые шапочки бокк из коллекций Волгоградского областного краеведческого музея
и Астраханского музея–заповедника..... 20
- Пигарёв Е.М.** (*Йошкар-Ола, Россия; Казань, Россия*)
100 лет с начала научного изучения Селитренного городища (некоторые итоги и выводы) 28

Восточная Европа

- Грибов Н.Н.** (*Москва, Россия*) Предметы восточного импорта из Нижнего Новгорода:
ассортимент находок, археологический контекст, опыт интерпретации 37
- Ахметгалин Ф.А., Хазиев А.И.** (*Казань, Россия*),
Грибов Н.Н. (*Москва, Россия*)
Керамические комплексы Старого посада города Касимова
(по материалам исследований 2009–2018 гг.) 44
- Тропин Н.А., Ермаков С.В.** (*Елец, Россия*) Находка монгольского доспеха в округе Ельца 54
- Цыбин М.В.** (*Воронеж, Россия*)
Таганский комплекс памятников золотоордынского времени на р. Битюг 62
- Яблоков А.Г.** (*Воронеж, Россия*)
Памятники золотоордынского времени в низовьях р. Воронеж..... 68
- Андреев С.И.** (*Тамбов, Россия*) Русско-ордынское пограничье на Окско-Донской равнине 73
- Битюков В.С.** (*Воронеж, Россия*) Территория Дивногорья в эпоху Золотой Орды..... 80
- Ковалева К.С.** (*Москва, Россия; Волгоград, Россия*)
Химический состав цветного металла золотоордынских городов: предварительные данные... 84
- Курышова Н.П.** (*Казань, Россия*)
Стеклянные подвески в виде водоплавающей птицы
с территории Волго-Донского региона (XIII–XIV вв.) 89
- Бочаров С.Г.** (*Севастополь, Россия*), **Масловский А.Н.** (*Азов, Россия*)
Периодизация развития градостроительства в Золотой Орде 98

Северный Кавказ

- Бабенко В.А.** (*Ставрополь, Россия*)
Локализации городища Маджары и его топография
по архивным материалам XVIII–XIX вв. 104
- Бочаров С.Г.** (*Севастополь, Россия*), **Обухов Ю.Д.** (*Элиста, Россия*)
Стратиграфия золотоордынского города Маджар. Первые наблюдения 110
- Гаглойты Р.Х.** (*Цхинвал, Республика Южная Осетия*),
Кочкаров У.Ю. (*Москва, Россия*), **Мамаев Р.Х.** (*Грозный, Россия*),
Нарожный В.Е. (*Армавир, Россия*), **Нарожный Е.И.** (*Карачаевск, Россия*)
Об одном типе наконечников копий XIII–XIV вв. с территории Северного Кавказа..... 119
- Савенко С.Н.** (*Пятигорск, Россия*) О малоизвестном бытовом комплексе
золотоордынского времени во въездной зоне города Кисловодска (Северный Кавказ) 128
- Нарожный Е.И.** (*Карачаевск, Россия*) Городище «Нижний Джулат» в Кабардино-Балкарии 136

Северное Причерноморье и Крым

Юдин Н.И., Кравченко С.А. (<i>Азов, Россия</i>) К характеристике гончарного ремесла Азака начала XIV века (по материалам раскопок мастерской по пер. Социалистическому 53, в г. Азове в 2015 году).....	147
Минаев А.П. (<i>Азов, Россия</i>) Каменные архитектурные детали золотоордынского Азака	155
Юдин Н.И. (<i>Азов, Россия</i>) О локализации местоположения мечетей Азака на основании эпиграфических находок.....	167
Мойсова Е.Д. (<i>Азов, Россия</i>) Изображение птиц на поливной керамике производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Азака	176
Масловский А.Н. (<i>Азов, Россия</i>) Золотоордынский Азак во время правления Тохтамыша (1381–1395 гг.)	185
Кравченко Э.Е. (<i>Казань, Россия</i>) Новые сведения о находках чугуна на золотоордынских памятниках Донецкого региона	198
Мыц В.Л. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Амфоры-голосники из храма Иоанна Предтечи в Керчи и проблема датировки памятника.....	206
Бочаров С.Г. (<i>Севастополь, Россия</i>), Яворская Л.В. (<i>Москва, Россия</i>) Сельские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения	228
Гусельников Т.А. (<i>Москва, Россия</i>) Иерархия сакральных пространств Храма Девы Марии в Судакской крепости	236
Крамаровский М.Г. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Сейдалиев Э.И. (<i>Симферополь, Россия; Казань, Россия</i>) Мечеть Куршун-Джами (Крым, XIV в.) и сельджукская традиция Анатолии.....	242
Сейдалиев Э.И. (<i>Симферополь, Россия; Казань, Россия</i>) Мавзолей-дюрбе городища Солхат (XIII–XVIII вв.) по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа	250
Могаричев Ю.М. (<i>Симферополь, Россия</i>) Пещерные церкви горного Юго-Западного Крыма XIII–XIV вв. как отражение политической, культурной и религиозной ситуации в регионе	259
Ушаков С.В., Байбуртский А.М. (<i>Симферополь, Россия</i>) Средневековый Херсонес в второй половине XIII в.: город, поселок, торговый пункт?.....	264
Ломакин Д. А., Айбабина Е. А. (<i>Симферополь, Россия</i>) Беседка Селямет Герая в Бахчисарайском Дворцовом комплексе	274
Список сокращений	282
Правила для авторов	283

CONTENT

Lower Volga

- Vasiliev D.V., Chicks T.V.** (*Astrakhan, Russian Federation*)
Buddhist Burial-Memorial Complexes from the Materials of Mayachny Bugor Burial Ground..... 8
- Yavorskaya L.V.** (*Moscow, Russian Federation*)
The Issue of Meat Product Supply of the Golden Horde Cities of the Lower Volga:
new studies of archaeozoological collections 13
- Korzh Y.A.** (*Stavropol, Russian Federation*), **Shashunova S.M.** (*Volgograd, Russian Federation*)
Silk Boktag Hats from the Collections of the Volgograd Regional Museum of Local History
and Astrakhan Reserve Museum..... 20
- Pigarev E.M.** (*Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*) 100 Years Since
the Beginning of Scientific Study Selitrennoe Settlement (some results and conclusions) 28

Eastern Europe

- Gribov N.N.** (*Moscow, Russian Federation*) Items of Oriental Import from Nizhny Novgorod: assort-
ment, archaeological context, interpretation 37
- Akhmetgalin F.A., Khaziev A. I.** (*Kazan, Russian Federation*),
Gribov N.N. (*Moscow, Russian Federation*)
Ceramics of the Old Posad of the City of Kasimov (based on research materials of 2009–2018)..... 44
- Tropin N. A., Ermakov S.V.** (*Elets, Russian Federation*)
The Discovery of Mongolian Armor in the Yelets District 54
- Tsybin M.V.** (*Voronezh, Russian Federation*)
Tagansky Complex of Monuments of the Golden Horde Period on the Bitug River 62
- Yablokov A.G.** (*Voronezh, Russian Federation*)
Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Reaches of the Voronezh River 68
- Andreev S.I.** (*Tambov, Russian Federation*)
Russian-Golden Horde Borderland and on the Oka-Don Plain 73
- Bitjukov V. S.** (*Voronezh, Russian Federation*)
The Territory of Divnogorye in the Golden Horde Period 80
- Kovaleva K.S.** (*Moscow, Russian Federation; Volgograd, Russian Federation*)
Chemical Composition of Non-Ferrous Metal From Golden Horde Cities: preliminary data 84
- Kuryshova N. P.** (*Kazan, Russian Federation*) Glass Pendants in the Form
of a Waterfowl from the Territory of the Volga-Don Region (13th–14th cc.) 89
- Bocharov S.G.** (*Sevastopol, Russian Federation*), **Maslovskiy A.N.** (*Azov, Russian Federation*)
Periodization of Urban Development in the Golden Horde State 98

Northern Caucasus

- Babenko V.A.** (*Stavropol, Russian Federation*)
Localization of the Settlement of the Hillfort of Madjary and Its Topography
Based on Archival Materials of the XVIII–XIX Centuries 104
- Bocharov S.G.** (*Sevastopol, Russian Federation*), **Obukhov Yu. D.** (*Elista, Russian Federation*)
Stratigraphy of the Golden Hoard Town of Madzhar. First Observations 110
- Gagloity R.Kh.** (*Tskhinval, Republic of South Ossetia*), **Kochkarov U.Yu.** (*Moscow, Russian
Federation*), **Mamaev R.Kh.** (*Grozny, Russian Federation*), **Narozhny V.E.** (*Armavir, Russian
Federation*), **Narozhny E.I.** (*Karachaevsk, Russian Federation*)
A Type of Spearheads of the 13th–14th Centuries from the Territory of the North Caucasus 119
- Savenko S.N.** (*Pyatigorsk, Russian Federation*)
An Understudied Household Complex Golden Horde Period
in the Entrance Area Of Kislovodsk (North Caucasus) 128
- Narozhny E.I.** (*Karachaevsk, Russian Federation*) Nizhny Julat Settlement in Kabardino-Balkaria .. 136

Northern Black Sea Region and Crimea

Iudin N.I. , Kravchenko S.A. (<i>Azov, Russian Federation</i>) On Characteristics of Azak's Pottery Craft of the Beginning of the 14th Century Ad (based on materials from excavations in Azov on Sotsialistichesky Lane, 53, in 2015).....	147
Minaev A.P. (<i>Azov, Russian Federation</i>) Stone-Made Architectural Décor Details from the Golden Horde Town of Azak.....	155
Iudin N.I. (<i>Azov, Russian Federation</i>) On the Localization of the Azak Mosques on the Basis of Epigraphic Finds.....	167
Moiciva E.D. (<i>Azov, Russian Federation</i>) Bird Images on Ceramics Produced in South-Eastern Crimea from the Excavations of Azak	176
Maslovskiy A.N. (<i>Azov, Russian Federation</i>) The Golden Horde Town of Azak During the Tokhtamysh Reign (1381–1395 cc.)	185
Kravchenko E.E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) New Findings of Cast Iron in the Golden Horde Monuments of the Donetsk Region.....	198
Myts V.L. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Amphorae-Resonators from the Church of St. John Prodromos in Kerch and the Issue of Monument Dating.....	206
Bocharov S.G. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>), Yavorskaya L.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Rural Settlements of Crimea in the Golden Hord Period: current stage of research	228
Guselnikov T.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Hierarchy of the Sacral Spaces of the Temple of the Virgin Mary in Sudak Fortress	236
Kramarovskiy M.G. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), Seydaliyev E.I. (<i>Simferopol, Russian Federation; Kazan, Russian Federation</i>) Kurshun-Jami Mosque (Crimea, 14 th Century) and the Seljuk Tradition of Anatolia	242
Seydaliyev E.I. (<i>Simferopol, Russian Federation; Kazan, Russian Federation</i>) Durbe-Mausoleums of the Ancient City of Solkhat (13th-18th Centuries) According to the Study Materials of Starokrymskaya Archeological Expedition by the State Hermitage Museum	250
Mogarichev Yu. M. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) Cave Churches of the South-West Crimea in 13th – 14th Centuries as a Reflection of Political, Cul- tural, and Religious Agenda of the Region	259
Ushakov S.V., Bayburtsky A.M. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) Medieval Chersonesus in the Second Half of the 13th Century: a city, a village, a trading post?	264
Lomakin D.A., Aibabina E.A. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) Selyamet Gerai Gazebo in Bakhchisarai Palace Complex.....	274
List of Abbreviations	282
Instructions for Authors	283

Нижняя Волга

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.8.12>**БУДДИСТСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ИЗ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА «МАЯЧНЫЙ БУГОР»**

© 2022 г. Д.В. Васильев, Т.В. Чичко

Статья посвящена анализу археологических остатков трёх сырцовых сооружений, исследованных в разные годы на грунтовом могильнике «Маячный бугор» в Астраханской области. Они интересны в свете рассмотрения проблемы изучения археологических следов присутствия буддизма в Золотой Орде. В.П. Костюков предложил список основных черт, присущих буддистским погребениям, подчеркнув, что «Маячный бугор» является одним из наиболее изученных некрополей, на которых присутствуют захоронения с признаками буддизма. Два из открытых на могильнике сооружений представляли собой квадратные сырцовые постройки, в одной из которых обнаружены остатки трупосожжения на стороне с обожжёнными семенами культурных растений. Рядом со вторым была обнаружена монета – одна из самых ранних в Улусе Джучи. Третье сооружение имело сложную структуру – к прямоугольной основной постройке со следами прокала внутри примыкали с юга, востока и севера захоронения в склепах, которые содержали богатый инвентарь. Постройка стояла в центре огороженной сырцовой стеной площадки, на которой было выявлено 11 захоронений, ориентированных на восток. В статье выдвигается предположение, ввиду наличия буддистских захоронений на могильнике, что указанные постройки являются основаниями буддистских ступ.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Маячный бугор, буддизм, погребальный обряд, кремация, ступа.

**BUDDHIST BURIAL-MEMORIAL COMPLEXES
FROM THE MATERIALS OF MAYACHNY BUGOR BURIAL GROUND**

D.V. Vasiliev, T.V. Chiko

The article is concerned with an analysis of the archaeological residues of three adobe brick structures studied in different years at Mayachny Bugor subsoil burial ground in the Astrakhan Oblast. They are interesting in the light of the issue of studying archaeological traces of the presence of Buddhism in the Golden Horde. V.P. Kostjukov suggested a list of the main features inherent in Buddhist burials, underlining that Mayachny Bugor is one of the most studied necropolises which contain burials with signs of Buddhism. Two of the structures revealed at the burial ground were square adobe brick buildings, one of which contained the remains of a cremated body with burnt seeds of cultivated plants. Next to the second structure, a coin was discovered – one of the earliest in the Ulus of Juchi. The third structure had a complex layout - a rectangular main building with traces of the firing inside was adjoined by burials in crypts with rich inventories from the south, east and the north. The structure was located in the center of a fenced adobe brick wall of the site, where 11 burials oriented to the East were identified. The paper proposes an assumption, based on the presence of Buddhist burials at the burial ground, that these buildings are the bases of Buddhist stupas.

Keywords: archaeology, Ulus of Juchi, Mayachny Bugor, buddhism, funeral rite, cremation, stupa.

В начале текущего столетия В.П.Костюков поставил вопрос о том, что настало время углубленного изучения вопросов, связанных с присутствием буддизма в Улусе Джучи (Костюков, 2006, с. 177–207). Одним из памятников, на которых наблюдается значительная концентрация погребений с чертами буддистского погребального обряда, он называет грунтовый могильник «Маячный бугор» в Астраханской области.

Могильник, который является некрополем Красноярского городища эпохи Золотой Орды, получил известность прежде всего

благодаря встречающимся на нём погребениям с восточной и южной ориентировками. В двух десятках погребений здесь обнаружены монеты. На «Маячном бугре» также открыты 4 погребения с кремацией. В двух случаях остатки кремации находились в золотоордынских красноглиняных корчагах, в одном были рассыпаны в гробу вдоль левой ноги человека, захороненного головой на юг (среди пережженных костей найдены фрагменты золотых серьги и пластинки). Аналогии видны в обрядности чжурчжэней, которые в ходе жертвоприношений на похоронах знатных лиц

помещали в могилу останки сожженных слуг и лошадей (Ларичев, 1998, с. 57–58). В одной могиле гроб стоял на трех сырцовых кирпичах (похожим образом был установлен гроб в погребении из могильника «Мамуу-Толгой» в окрестностях Каракорума – на три поперечные плахи (Войтов, 1990, с. 138–141)). Яркой особенностью следует признать положение кисти правой руки умершего около лица, что является характерной чертой канонической позы покойного в буддийском погребальном обряде. В могилах этой группы на дне иногда встречаются также следы огня (в одном случае гроб был поставлен на толстый слой углей), а также скопления семян проса, винограда, дыни. Засыпание мертвеца зернами проса, ячменя или пшеницы считается древнейшей деталью похоронного ритуала, возникшей и развившейся у оседлых народов (Потапов, 1969, с. 391).

В связи с наличием комплекса буддистских захоронений на «Маячном бугре» интересно было бы рассмотреть ряд сооружений, которые не имеют аналогов в мусульманской культуре Золотой Орды XIV века.

В 1992 году было исследовано первое сооружение (Котеньков, 1992). Оно имеет в плане подквадратную форму, размеры 300 на 280 см. Сооружение выложено из сырца на глиняном растворе. Стенки сохранились на высоту 6 слоев кирпича. Система кладки «тычок-ложок», причём кладка меняется от слоя к слою, образуя перевяз. При расчистке внутреннего объема на полу была обнаружена бесформенная куча древесных углей, золы, мелких обломков кальцинированных костей человека и масса обугленных семян винограда, проса, чечевицы, лоха серебристого, дыни, злаковых и один грецкий орех. Среди углей были обнаружены мелкие обломки железного предмета, несколько фрагментов непрогоревших веток (Морарь, 2002, с. 109–110).

Аналогичное сооружение было обнаружено в 2012 году (Зиливинская, 2012). Оно представляет собой остатки квадратной в плане постройки из чёрных иловых сырцов на глинистом связующем растворе. Сооружение ориентировано стенами по сторонам света. Длина южной стены (наиболее сохранившейся) по южному фасау составляет 293 см. Толщина её 50–52 см. Общая система кладки, как и в сооружении, выявленном в 1992 году, также «тычок-ложок». В 30 см к югу от контура южной стены сооружения №5 на поверхности раскопа в слое заполнения была обнаружена половинка монеты из белого металла.

Тип монеты определяется как оригинальный, не встречавшийся ранее в Нижнем Поволжье, датируется монета периодом правления хана Берке (1257–1266 гг.)

Следующее сооружение, наиболее яркое и выразительное, было исследовано в 1995 году (Аръемьев, 1995) и уже однажды публиковалось одним из авторов данной статьи (Васильев, 1999, с. 101–112). Оно возведено на материке, имело прямоугольную форму, вытянуто по линии ССВ – ЮЮЗ. Длина сооружения по восточной стене 518 см, по южной стене (с запада на восток) 325 см.

Оно представляло собой постройку, состоящую из 3 камер: северной, южной и центральной, имеющих прямоугольную форму и ориентированных с запада на восток. Размеры северной камеры по внешнему контуру 270×202 см, центральной камеры – 340×180 см, южной — 325×120 см. Кроме того, сохранились остатки ещё одной камеры, которая была пристроена с севера к сооружению.

Северная камера является замкнутой со всех сторон конструкцией и выложена из сырцового кирпича серого цвета (размер 45×12×22 см) на глиняном растворе. Именно эта камера была наиболее ранней, и, видимо, остальные являются всего лишь поздними пристройками к ней. Стены более поздних камер не имеют перевяза со стенами центральной камеры. Уровни возведения стен не совпадают, как не совпадают размеры и фактура строительного материала. Содержимое камеры было разрушено основанием триангуляционного знака. На уровне верхних кирпичей стен камеры были отмечены остатки кострища с прокалом на глубину до 10 см.

К восточной стене северной камеры, к юго-восточному углу, была пристроена позже дополнительная восточная камера. Внутри камеры расчищено захоронение младенца, совершенное в прямоугольной яме вытянуто на спине, головой на восток, лицом вверх. Голова и плечи погребенного покоились на подушке из семян проса толщиной до 8 см. Вокруг шеи, на груди и вокруг черепа погребенного было обнаружено ожерелье из 13 раковин каури.

С севера от северной камеры располагалось захоронение, от контура сырцовых стен вокруг которого осталась только торцовая восточная стенка. На дне трапециевидной ямы под сырцовым закладом могильной ямы расчищен костяк ребенка, лежавший на спине головой на восток, череп был склонен к

правому плечу. Руки и ноги вытянуты, инвентарь отсутствовал.

В центральной камере мавзолея было расчищено захоронение, совершенное в подземном склепе. Стены центральной камеры частично опираются на насыпь, что говорит о том, что они возводились вокруг уже засыпанной ямы. Внутри склепа были расчищены остатки трапециевидного гроба со следами красной краски и полукруглой крышкой. В гробу был расчищен костяк пожилой женщины, уложенной вытянуто на спину и ориентированной головой на восток. Инвентарь погребения очень богат (в том числе два парчевых халата, кожаные сапоги с матерчатой аппликацией, бокка, костяные палочки для еды, деревянные ложка и миска, зёрна проса под миской проса под ней, а также 6 серебряных монет хана Менгу-Тимура).

В предыдущей публикации (Васильев, 1999, с. 101–112) данное сооружение трактовалось как мавзолей, основным погребением в котором являлось захоронение в центральной камере. Однако мы видим, что рассматривать постройку в качестве мавзолея невозможно. Основой комплекса является прямоугольная северная камера, представляющая собой замкнутое сооружение. Прокал, обнаруженный на сырцах северной камеры, говорит о том, что внутри неё изначально располагалось либо небольшое кострище поминального характера, либо сюда были засыпаны горячие остатки трупосожжения (по аналогии с сооружением №1 1992 года). С юга, запада и севера к данному сооружению были пристроены оградки, содержащие захоронения. Люди, производившие данные захоронения, явно стремились подхоронить своих покойных поближе к сакральному месту. Именно так называемая северная камера и является этим сакральным местом.

О сакральности говорит также наличие ограды вокруг сооружения. Мощной стеной из сырца толщиной в 1,5 кирпича, ориентированной по сторонам света, обнесена площадка 10 на 10 м размером. В северной стене обнаружены остатки прохода (ворот) на сакральную территорию. Внутри ограды выявлено и расчищено 11 погребений (включая три вышеописанных), во всех захоронениях покойные были ориентированы головами на восток и в основном сопровождалась богатым инвентарём. Принадлежность всех погребений данной группы нами определяется как буддистская. Датируются они концом XIII – началом XIV вв.

Равным образом трактуются и датируются все вышеописанные сооружения.

Наличие следов кремации – самый яркий признак буддистского погребального обряда, присущего высшим слоям общества. По сообщениям западных путешественников, в XIII в. буддисты умерших единоверцев кремировали. «Тела мертвых идолопоклонников повсюду сжигают» (Марко Поло, 1955, с. 80–81). «А когда кто-либо из них умирал или если убивали кого, то, бывало, много дней подряд возили [его труп] с собой... Бывало, что [труп] сжигали, чаще же хоронили в землю, в глубокой яме, и вместе с ним складывали оружие его, и одежду, золото, серебро, и всю его долю [имущества]» (Киракос, 1976, с. 173).

Согласно данным второй половины XVIII в. о калмыках, «покойников своих оставляют они или для истлевания на вольном воздухе, или погружают их в воду, или зарывают в землю, или сожигают ... Сожжения удостоиваются тела токмо умерших князей, верховных священнослужителей и почитаемых между ними за святых обоюбого пола» (Георги, 2005, с. 407–408). Наиболее интересное и ёмкое свидетельство мы находим у Рубрика: «Они (Югуры) сожигают своих умерших по старинному обряду и сохраняют прах на вершине пирамиды» (Рубрук, 1957, с. 129). Именно упоминаемые им «пирамиды» подводят нас к следующей трактовке обнаруженных сооружений.

Данные постройки могут являться остатками ступ – буддистских архитектурно-скульптурных культовых сооружений, имеющих пирамидальную форму и квадратное основание. Исторически ступы восходят к могильным курганам для погребения царей или вождей, имитирующим структуру мироздания. Ступы возводились на круглой или квадратной трёхчастной платформе. В случае возведения ступы под открытым небом она окружалась специальной оградой с ориентированными по сторонам света четырьмя воротами, через которые проходили религиозные процессии для обхода ступы и поклонения. В культуре Монголии ступа получила название субурган. Традиционный монгольский субурган – это воздвигнутое на пьедестале бутылеобразное сооружение-дарохранилище со шпилем (Жуковский, Копцева, 2005, 227–236). Согласно легенде о происхождении ступ, эти сооружения были воздвигнуты для хранения частиц пепла, оставшегося от сожжения тела Будды Шакьямуни. Таким образом, наличие тесной связи этих сооружений с обрядом кремации.

ЛИТЕРАТУРА

Артемов С.Б. Отчёт о научно-исследовательских работах на грунтовом могильнике «Маячный -2» Красноярского района Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН, Р-1, 19395, 19396.

Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 101–112.

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1990. С. 132–149.

Ганзакеци Киракос. История Армении. Пер. с древнеармян., предисл. и коммен. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 425 с.

Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 246 с.

Жуковский В.И., Копцева Н.П. Искусство Востока. Индия: Учеб. пособие. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. 402 с.

Зиливинская Э.Д. Отчёт об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Маячный бугор» в Красноярском районе Астраханской области в 2012 году // Архив ИА РАН.

Книга Марко Поло. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. 378 с.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркоязычных народов России и сопредельных стран / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит.-ра. 2009. С. 189–236.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-1» в Красноярском районе Астраханской области в 1992 г. Астрахань, 1993 / Архив ИА РАН. № 17655, 17656.

Ларичев В.Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 34–88.

Морарь Т.Н. Сырцовая культовая ограда на могильнике «Маячный бугор» // Материалы XXXIV Урало-Поволжской археологической студенческой конференции, Ульяновск, 31 янв. – 2 февр. 2002 г. / Отв. ред. Ю.А. Семькин. Ульяновск: Ульян. гос. пед. ун-т, 2002. С. 109–110.

Позднеев А.М. Очерки быта буддистских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1993. 512 с.

Потанов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.

Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благодати 1253 г. // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. 274 с.

Четвериков С.И. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника «Маячный-II» Красноярского района в 1991 г. Саратов, 1992 / Архив ИА РАН. № 16750.

Информация об авторах:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, рук. Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

Чичко Татьяна Вячеславовна, ведущий специалист Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет (г. Астрахань, Россия); karaman74@mail.ru

REFERENCES

Artem'ev, S. B. 1995. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh ra-botakh na gruntovom mo-gil'nike «Mayachnyy -2» Krasnoyarskogo rayona Astrakhanskoy oblasti v 1995 g. (Report on research activities on the ground grain of the "Mayachny Bugor-2" in Krasny Yar district of the Astrakhan region in 1995)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 19395, 19396 (in Russian).

Vasil'ev, D. V. 1998. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey (Ancient times of Volga-Don steppes)* 6. Volgograd: "Peremena" Publ., 101–112 (in Russian)

Voytov, V. E. 1990. In Derevyanko, A. P., Natsagdorzh, Sh. (eds.). *Arkheologicheskie, etnograficheskie i antropologicheskie issledovaniya v Mongolii (Archaeological, Ethnographic and Anthropological Studies in Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 132–149 (in Russian).

Gandzaketsi, Kirakos. 1976. *Istoriia Armenii (History of Armenia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Georgi, I. G. 1799. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zHITEYskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey*. T. 2. (Description of All Peoples in the Russian State: their Rites, Customs, Clothing, Dwellings, Exercises, Games, Faiths and Other Notable Features) Vol. 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Zhukovskiy, V. I., Koptseva, N. P. 2005. *Iskusstvo Vostoka. Indiya: Uchebnoye posobiye*. (Art of the East. India: tutorial). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D., 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike «Mayachnyy bugor» v Krasnoyarskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2012 godu* (Report on archaeological excavations on the ground burial ground "Mayachny Bugor" in the Krasny Yar district of the Astrakhan region in 2012). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

1956. *Kniga Marko Polo (Book of Marco Polo)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury" Publ. (in Russian).

Kostyukov, V. P. 2009. In Kliashtorni, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2007–2008: Istoriia i kul'tura tiurkoiazychnykh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* (Collected Papers on Turkic Studies 2007–2008: History and Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Russia and Adjacent Countries). Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 189–236 (in Russian).

Koten'kov, S. A. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoyarskom raione Astrakhanskoy oblasti v 1992 g.* (Report on the Archaeological Study of the "Mayachni Bugor-I" Burial Ground in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 1992). Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 17655, 17656 (in Russian).

Larichev, V. E., 1998. In *Istoriya Zolotoy imperii (History of the Golden Empire)*. Novosibirsk: Publisher of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 34–88 (in Russian).

Morar', T. N. 2002. In Semykin, Yu. A. (ed.). *Materialy XXXIV Uralo-Povolzhskoy arkheologicheskoy studencheskoy konferentsii* (Materials of the XXXIV Ural-Volga Archaeological Student Conference, Ulyanovsk, Jan 31. – Feb. 2002) Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 109–110 (in Russian).

Pozdneev, A. M. 1993. *Ocherki byta buddistskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu* (Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection to the Relationship of the Latter with the People). Elista: "Kalmyk Book Publishing House" (in Russian).

Potapov, L. P., 1969. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* (Essays of the national life of Tuva people). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rubruk, G. 1957. In *Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Gil'oma de Rubruka*. (Journey to the eastern countries of Plano Karpini and Guillem de Rouisbroek). Moscow: State Publishing House of Geographical Literature (in Russian).

Chetverikov, S. I. 1992. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh gruntovogo mogil'nika «Maiachnyi-II» Krasnoyarskogo raiona v 1991 g.* (Report on the Rescue Excavations on the "Mayachni-I" Burial Ground, Krasny Yar District, in 1991). Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16750 (in Russian).

About the Authors:

Vasiliev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru

Chichko Tatyana V. Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; karaman74@mail.ru.

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

К ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЯСНЫМИ ПРОДУКТАМИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕЙ ВОЛГИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ¹

© 2022 г. Л.В. Яворская

Археозоологические исследования коллекций костных остатков животных из раскопок средневековых памятников Нижнего Поволжья позволили приблизиться к реконструкции экономической ситуации в этом регионе в эпоху средневековья. Как и в других регионах золотоордынского государства, в городах превалировала говядина, снабжение мясными продуктами происходило преимущественно из сельских поселений округа. Это хорошо фиксируется для домонгольских памятников в дельте Волги и для золотоордынского Укека. Особенность экономики нижневолжских левобережных памятников – столичных мегаполисов – Царевского и Селитренного городищ, состоит в том, что ресурсная зона для сельских поселений и выпаса крупного рогатого скота весьма невелика. В этих городах недостаток говядины восполнялся продукцией степного скотоводства – бараниной и кониной. В ремесленном квартале Селитренного городища на раскопе №3 обнаружены остатки масштабных забоев кочевнического скота и мастерской по обработке шкур. Из письменных источников известно о вывозе из Золотой Орды шкур быков и коней, но следы масштабных забоев лошадей зафиксированы здесь впервые. Мясные продукты баранина и конина, поступали в город преимущественно из специальных «производственных» пригонов кочевнического скота.

Ключевые слова: Золотая Орда, Нижнее Поволжье, города, археозоология, остеологические спектры, мясные продукты, костные скопления, забой лошадей, обработка животных шкур.

THE ISSUE OF MEAT PRODUCT SUPPLY OF THE GOLDEN HORDE CITIES OF THE LOWER VOLGA: NEW STUDIES OF ARCHAEOZOOLOGICAL COLLECTIONS²

L.V. Yavorskaya

Archaeozoological studies of the collections of bone remains of animals from the excavations of medieval monuments of the Lower Volga region have made it possible to approach the reconstruction of the economic situation in this region in the Middle Ages. As in the other regions of the Golden Horde state, beef was predominant in the cities, and the supply of meat products mainly came from the rural settlements of the district. This is reliably recorded for the pre-Mongol sites in the Volga delta and for the Golden Horde Ukek. The peculiarity of the economy of the Lower Volga left-bank sites - Tsarevskoe and Selitrennoe capital settlements, is that the resource area for rural settlements and cattle grazing is very small. In these cities, the lack of beef was made up by steppe breeding products - lamb and horse meat. Excavation No. 3 in the craft quarter of Selitrennoye settlement revealed the remains of large-scale slaughter of nomadic livestock and a hide processing workshop. It is known from written sources that the hides of bulls and horses were exported from the Golden Horde, but traces of large-scale slaughter of horses were recorded for the first time. Meat products of mutton and horse meat came to the city mainly from special 'production' groups of nomadic animals.

Keywords: Golden Horde, Lower Volga region, cities, archaeozoology, osteological spectra, meat products, bone accumulations, slaughter of horses, processing of animal hides.

Берега нижней Волги – особый регион в государстве Джучидов, это территория ханских кочевий, феодального домена главных семей страны. Несмотря на ведущее положение в государстве этого региона и активные археологические исследования здесь во второй половине XX – начале XXI вв., его палеоэкономика не изучена. Археозоологиче-

ские исследования коллекций костных остатков ведутся автором на памятниках региона с 2005 года и частично восполняют этот пробел. Результаты дополняются и уточняются новыми коллекциями и исследованиями. Современному состоянию проблемы реконструкции скотоводческой экономики региона эпохи Золотой Орды посвящена эта работа.

¹ Исследование выполнено по проекту РФФИ № 20-09-00310.

² The research was carried out according to the RFBR project No. 20-09-00310.

Исследования выполняются по методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН (Антипина, 2004) для палеоэкономических реконструкций. В данной статье будет обсуждаться преимущественно остеологический спектр домашних копытных и высчитанный на его основе вклад каждого вида животных в мясное потребление, анатомический спектр отдельных видов, исследованы такие «археологические» параметры, как сохранность и раздробленность.

В ландшафтно-географическом отношении данный регион отлично приспособлен для скотоводческого кочевого хозяйства, но есть возможности оседлого разведения сельскохозяйственных культур и животных. Вдоль обоих берегов Волги, примерно от уровня современного Саратова, тянутся бескрайние степные просторы, перемежаясь балками, часто огромными и глубокими с балочным лесом, есть небольшие речки, водоемы и линзы пресных вод для водоемов. После ответвления от Волги реки Ахтубы на левом берегу вниз по течению постепенно нарастает полупустыня с соответствующей растительностью, тоже вполне пригодная для кочевого скотоводства.

В средневековый период, непосредственно предшествующий появлению монголов (конец X – начало XIII вв.), кочевники активно выпасали здесь скот. Оседлое население располагалось на самом юге региона в Волжской дельте – здесь известно как минимум два домонгольских города – городища Самосдельское и Мошаик, и несколько поселений (Васильев, 2015). На Самосдельском городище в слоях конца X– начала XIII вв. зафиксированы очень масштабные накопления костных остатков, а также инструментов от первичной выделки шкур степного кочевнического скота (Яворская, 2009). Город, располагавшийся на месте Самосдельского городища – Саксин, был активным участником международной торговли по Волге и Каспию (Васильев, 2015). Город аккумулировал, перерабатывал и продавал продукцию степного скотоводства. Кочевники эпизодически пригоняли к нему свои стада, преимущественно мелкого рогатого скота, на убой для получения шкур, и тогда в городе появлялось очень много баранины. Методами археозоологии зафиксированы огромные накопления костных остатков от мясных частей бараньих туш, входящие в остеологические спектры Саксина до 69% (Яворская, 2009, табл. 2). Но мясные продук-

ты требовались горожанам постоянно, а не эпизодически и основой мясного рациона Саксина была говядина (Яворская, 2009, диагр. 2). Где выращивали крупный рогатый скот для дельтовых домонгольских городов? Недавние 2018 года археологические исследования на Самосдельском левобережном селище позволили приблизиться к реконструкции региональной экономической системы. В частности, археозоологические материалы свидетельствуют, что на селище в огромном объеме потребляли и, по-видимому, разводили крупный рогатый скот, скорее всего для поставок в город в качестве регулярной мясной пищи (Яворская, 2020а, с. 161, табл. 2; с. 162–163). Кроме этого, на селище, так же, как и в городе, велась первичная обработка шкур, о чем говорят найденные инструменты-лощила.

Вхождение региона в состав монгольского государства изменило его экономику. Скотоводческая ее составляющая, безусловно, сохранилась, но существенно трансформировалась. Оба известных домонгольских города продолжили функционирование. Однако аккумуляторами скотоводческой продукции своей кочевой округи быть перестали. Методами археозоологии и на Самосдельском городище и на Мошаике отчетливо фиксируется переход на обычный мясной рацион городского типа с превалированием говядины (Яворская, 2015, табл. 2). Огромных накоплений остатков мелкого рогатого скота в золотоордынских напластованиях уже не наблюдается. В XIV веке на обоих городищах археологически фиксируются следы подтопления речными водами, история поселений прервалась.

Уже в XIII веке в Нижнем Поволжье монголами были основаны новые города. До настоящего времени археологам неизвестны остатки столичного центра XIII века города Сарай, известного по письменным источникам на левом берегу Ахтубы. Хорошо известен и археологически, и по письменным источникам другой город, основанный в XIII веке на правом берегу Волги, – Укек (современное городище Увекское на южной окраине города Саратов). В раскопах Укека с культурными напластованиями конца XIII – первого десятилетия XIV века решительно преобладали остатки мелкого рогатого скота, а в мясном потреблении около 41% приходилось на баранину (Яворская, 2015, табл. 2), позднее ситуация принципиально меняется. На всех раскопах с напластованиями XIV века, уже со второго его десятилетия, в остеологическом

спектре домашних копытных резко возросла доля крупного рогатого скота, а доля говядины в мясном потреблении приблизилась к 80%. Поскольку в мясном потреблении отражается структура обеспечения мясными продуктами, то высокие доли говядины напрямую коррелируют с развитостью сельской округи, где преимущественно и разводится крупный рогатый скот. В округе Укека изучена целая серия сельских поселений (Недашковский, 2010), но археозоологические исследования по методике ИА РАН проведены лишь на одном памятнике – селище Багаевское (Яворская, Недашковский, 2020). Исследование показало очень высокую, свыше 46,6%, долю остатков крупного рогатого скота в остеологических спектрах памятника, доля говядины в мясном потреблении превысила 80% (Яворская, Недашковский, 2020, табл. 2, 3). На основе изучения материалов Багаевского селища высказано предположение, что сельские поселения, помимо земледельческой деятельности, занимались специализированным разведением крупного рогатого скота для поставок говядины в города, что подтверждается данными, полученными из археозоологических коллекций центрального города этого региона Укека.

За последние несколько лет в исследованиях археозоологических материалов из раскопок золотоордынских городов произошли существенные изменения – были обнаружены следы периодических забоев рогатого скота, а также следы ремесленных производств, обрабатывающих животные шкуры. Установлено, что эти процессы существенно изменяли заполнение культурных напластований костями животных в ремесленных кварталах городов: обнаруживается резкое повышение доли остатков мясных частей тушек преимущественно от мелкого рогатого скота, повышается доля баранины в спектрах мясного потребления. Такие заполнения получили названия «производственных скоплений». На Увекском городище раскопками не было выявлено непосредственных следов массовых забоев. Однако на раскопе №XIII (13) 2019 года выявлено очень мощное наполнение «кухонными» остатками мелкого рогатого скота и серия специфических костей, служивших инструментарием в станочных приспособлениях при выделке шкур (Яворская, 2020б). Безусловно, в этом районе города в спектрах мясного потребления доля баранины была существенно выше, чем в обычных жилых кварталах.

Крупные столичные центры золотоордынского Нижнего Поволжья – городища Царев-

ское и Селитренное на настоящий момент датируются в рамках уже исключительно XIV века. Это были огромные и густонаселенные для средневековья мегаполисы, расположенные на левом берегу Ахтубы в открытой степи, без каких-либо искусственных или естественных укреплений-укрытий. Жизнеобеспечение этих городов в таких суровых природных условиях представляет загадку палеоэкономики. Если Царевское хоть сколько-нибудь окружено скромными пойменными перелесками, то Селитренное не обладает даже этими возможностями – оно расположено в открытой степи на бэровских буграх и между ними. Узкая полоса азональных ландшафтов – поросшая лесом Волго-Ахтубинская пойма довольно обширна и, скорее всего, именно оттуда должны были поступать в города продукты земледелия. Однако поселения там почти неизвестны и археологически не изучались. Археозоологические исследования, выполненные на материалах из 5 раскопов Царевского городища и 4 Селитренного, – все расположены в разных частях памятников, демонстрируют невероятное единство остеологических спектров, в которых решительно преобладают кости мелкого рогатого скота – 62–65%, второе «место» у остатков КРС – 24–27%, третья «позиция» – у лошадей – 8–9% (Яворская, 2009, табл. 2). Пересчет этих спектров на мясное потребление на первое место выводит говядину с долей в 56–59%, баранина составляет 22–25%, конина – 18% (Яворская, 2020, табл. 1). При сравнении спектров мясного потребления с другими крупными городами Золотой Орды выясняется специфика – здесь совокупная доля мясных продуктов степного скотоводства – баранины и конины – самая высокая из всех изученных золотоордынских городов и составляет свыше 40%. Для Золотой Орды основных мясных продукта только три – говядина, баранина и конина. Мясо других животных (свинина, верблюжати́на, мясо диких животных) использовалось в очень скромных масштабах. Соответственно, здесь до 56–59% снижена доля говядины – продукции сельских поселений городской округи¹. По-видимому, существенную роль играют природные условия – в округе столичных степных городов ресурсная зона невелика, она не способна «прокормить» большое количество крупного рогатого скота. Получается, что на всех памятниках Нижнего Поволжья, расположенных в степях и полупустыне, продукция степного скотоводства – баранина и конина, восполняли недостаток говядины.

Что же касается продукции земледельческой, то можно предположить, что в обеспечении этих степных мегаполисов небольшая сельская округа не могла играть основную роль и продукты поставлялись из других регионов.

Остается еще один важный вопрос: если столицы расположены в непосредственной близости со степью, если в них высокая доля остатков животных, разводимых кочевниками, то пригонялись ли сюда стада на убой для получения и обработки шкур? Археозоологические исследования коллекций костных остатков из столичных городов проводи-

ной, где исследован горн для обжига изразцов (раскоп №1-2021). Тем не менее в жилом квартале обнаружено два артефакта, маркирующих коженные производства, которые могли располагаться вблизи.

Интересные результаты принесло изучение археозоологической коллекции из исследований 2017–2019 гг. на раскопе №III (3) городища Селитренного, которые стали продолжением работ ПАЭ 1967 года, где тогда была обнаружена мастерская по изготовлению предметов из стекла (Пигарев, 2020). Это «производственный» район города, или

Таблица 1. Археозоологическая коллекция раскопа № III(3) городища Селитренное 2017 – 2019 гг. (выборочно)
Table 1. Archaeological collection from excavation No. III(3) of Selitrennoye settlement, 2017 – 2019 (optional)

	ВСЕГО	домашние копытные				Всего домашних копытных	Индекс раздробленности	кости-инструменты (шт.)
		КРС	Лошадь	МРС	Свинья			
Культурный слой								
Шт. 1	2171	343	137	976		1456	39,0	1
%		23,6	9,4	67,0		100,0		
Шт. 2	7160	1043	496	3074	1	4614	41,9	6
%		22,6	10,7	66,6	0,02	100,0		
Шт. 3	2986	646	237	1192		2075	32,1	10
%		31,1	11,4	57,4		100,0		
Ямы								
Яма 3	1337	223	73	801		1097	23,4	1
%		20,3	6,7	73,0		100,0		
Яма 6	499	98	27	338		463	26,1	
%		21,2	5,8	73,0		100,0		
Яма 10	502	141	59	285		485	14,9	1
%		29,1	12,2	58,8		100,0		
Яма 11	3010	633	561	1000	1	2195	14,7	4
%		28,8	25,6	45,6	0,05	100,0		
Яма 15	535	52	48	201		301	62,2	
%		17,3	15,9	66,8		100,0		
Яма 16	419	36	16	172		224	48,7	
%		16,1	7,1	76,8		100,0		

лись мной задолго до 2018 года, когда были установлены масштабные забои и появились маркеры обрабатывающих производств.

Исследование двух коллекций костных остатков, полученных из раскопок Царевского городища в 2021 году, выявило обычные для этого памятника спектры, как в жилой части города (раскоп №2-2021, являющийся продолжением раскопов №1 2007–2010 гг. Глухов, 2014. с. 79), так и в производствен-

правильнее его будет назвать «ремесленный квартал». Общий объем коллекции костных остатков составил 24426 костных фрагментов. Сохранность костей была в основном хорошей, хотя в ямах №10, и 11 обнаруживались фрагменты очень плохой сохранности, с вздувшимся поверхностным слоем костной компакты, то есть побывавшие в кислой или щелочной среде, скорее всего, в специальных химических растворах.

Наиболее высокая наполненность костными фрагментами приходится на культурные напластования в штыке 2 – свыше 7 тысяч костных фрагментов, здесь же и самый высокий индекс раздробленности – почти 42 фрагмента на 1 куб. дм. На штыке 3 – в предметниковых напластованиях наполненность и раздробленность несколько ниже. В ямах индексы раздробленности разные – в ямах №10 и 11 он существенно ниже (14 фр. в 1 куб.дм), чем по культурному слою, а в ямах №15 и 16 – очень высок (48–62 фр. в 1 куб.дм). Доли домашних копытных в остеологических спектрах этого раскопа обычны для данного памятника, однако в материалах 3 штыка доля крупного рогатого (31%) выше, чем в верхних напластованиях (22–23%), возможно, поэтому и раздробленность здесь ниже. Остеологические спектры в крупных ямах практически повторяют спектры в культурных слоях, лишь в ямах № 15 и 16 с очень высоким индексом раздробленности существенно выше доли остатков МРС. Наиболее интересны материалы из ямы №11. Остеологический спектр здесь обычен, но неожиданно высокой оказалась доля костных остатков лошади – 25% – против обычных 9–11 % в культурных слоях. Анализ анатомических спектров домашних копытных в этой яме выявил, что практически все костные остатки являются «кухонными» – то есть разделанными, раздробленными остатками мясной пищи. По-видимому, можно говорить о «производственном» скоплении – остатках массовых забоев животных для получения шкур, включая лошадей. Версию производственных забоев подтверждают находки костей-инструментов, используемых в первичной обработке шкур, сделанных из костей крупного и мелкого рогатого скота (табл. 1).

Археозоологическим исследованием удалось зафиксировать на этом участке функционирование некоторое время мастерской по обработке животных шкур. Особенно важно, что впервые удалось найти следы массовых забоев лошадей, о вывозе шкур которых неоднократно сообщают письменные источники. Мастерские могли функционировать в таких кварталах по несколько лет, поэтому на конкретном участке города в различные периоды может быть зафиксировано несколько сменяющих друг друга производств.

Итоги

Нижневолжский регион в эпоху зрелого средневековья был зоной активного освоения кочевыми скотоводами. Еще с домонгольско-

го времени города аккумулировали и перерабатывали продукцию кочевников. Эпизодические пригоны скота на убой существенно увеличивали долю остатков мелкого рогатого скота в культурных напластованиях отдельных районов городов. Тем не менее основным мясным продуктом в городах была говядина, продукция преимущественно сельских поселений городских округ. Удалось реконструировать снабжение домонгольского Саксина говядиной – оно производилось из сельских поселений, подобных Самосдельскому левобережному селищу. Для столичных городов золотоордынского времени реконструкция несколько затруднена отсутствием исследований археозоологических коллекций с близлежащих сельских поселений, да и сами поселения не особенно известны. Тем не менее по материалам только городских коллекций для столиц удалось установить несколько сниженную долю говядины и высокую совокупную долю баранины и конины в мясном рационе по отношению к другим крупным ордынским городам. На наш взгляд, эта специфика связана с неширокой полосой ресурсной зоны, где должны были располагаться сельские поселения, разводившие крупный рогатый скот, поэтому недостаток говядины восполнялся продукцией степного скотоводства – бараниной и кониной. Эта мясная «добавка» поступала, по нашему мнению, по большей части из «производственных» пригонов кочевнического скота на убой для получения шкур. На Царевском городище в недавних археозоологических исследованиях удалось обнаружить кости, используемые как инструменты в обработке шкур, а на городище Селитренном на территории ремесленного квартала зафиксированы «отголоски» масштабных забоев кочевнического скота и мастерской временного функционирования по обработке шкур. По письменным источникам известно о вывозе из Золотой Орды «бычьих и конских» шкур, но до настоящего времени в скоплениях обнаруживались остатки крупного и, преимущественно, мелкого рогатого скота, их же кости использовались в качестве инструментария. Доля остатков лошадей в этих скоплениях была снижена даже по отношению к обычным бытовым городским накоплениям костных остатков. Поэтому важно зафиксировать участие столичных центров в активном экспорте шкурно-кожевенной продукции и особенно отметить впервые полученные именно в нижневолжском регионе данные по остаткам масштабных забоев лошадей.

Примечание:

¹ В настоящий момент известно крайне мало типичных сельских поселений в округе столичных городов. Существуют разные интерпретации ряда памятников в округе Царевского городища, например, поселений Колобовка или Зубовка, но ни одна из этих интерпретаций не связывает эти поселения с понятием «сельские, ресурсные», то есть те, которые обеспечивали город продуктами сельского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Ред. и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 182–248.

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 189–267.

Глухов А.А. Археологические исследования на Царевском городище в 2005–2010 гг. Волгоград, Волгоградское научное издательство. 2014. 200 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 352 с.

Пигарев Е.М. Раскопки стеклоделательной мастерской Селитренного городища (итоги работ 2017–2019 гг.) // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции. Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2020. С. 210–214.

Яворская Л.В. Специфика мясного потребления жителей городища Самосделка в VIII–XIV вв. (по археозоологическим данным) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 499–508.

Яворская Л.В. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 197–207.

Яворская Л.В. Ремесленные производства из животного сырья в золотоордынском Укеке: новые данные // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2020. С. 222–228.

Яворская Л.В. Результаты определения таксономической принадлежности остатков костей животных из раскопок, произведенных на Левобережном Самосдельском селище // Васильев Д.В. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства газопроводов с. Самосделка – п. Аршин – с. Алексеевка в Камызякском районе Астраханской области на территории выявленного объекта культурного наследия «Грунтовый могильник «Бугор Рябичкин» (на Левобережном Самосдельском селище) в 2018 году. 2020а. С. 157–163.

Яворская Л.В., Недашковский Л.Ф. Археозоологические материалы Багаевского селища // КСИА. 2020. № 261. С. 393–402.

Информация об авторе:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории естественно-научных методов Института археологии Российской академии наук (г. Москва, Россия); lv.yavorskaya@gmail.com

REFERENCES

Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly. T. III. Selishche Gornyy: arkheologicheskie materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskie issledovaniya* (Kargaly. Vol. III. Gorny site: Archaeological materials: Technology of mining and metallurgy: Archaeobiological studies). Moscow: "Iazyki slavianskoj kul'tury" Publ., 182–248 (in Russian).

Vasil'ev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189–267 (in Russian).

Glukhov, A. A. 2014. *Arkheologicheskie issledovaniya na Tsarevskom gorodishche v 2005–2010 gg. (Archaeological research at the Tsarevsky settlement in 2005–2010)*. Volgograd, "Vologradskoe nauchnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Pigarev, E. M. 2020. In Skripkin, A. S. (ed.). *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya (Volga-Ural Region from Ancient to the Medieval Ages)* Volgograd. 210–214 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space). Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 499–508 (in Russian).*

Yavorskaya, L. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 1. Kazan, Simferopol, Kishinev: "Stratum plus" Publ., 197–207 (in Russian).*

Yavorskaya, L. V. 2020. In Skripkin, A. S. (ed.). *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya (Volga-Ural Region from Ancient to the Medieval Ages)* Volgograd. 222–228 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2020. In *Vasil'ev D.V. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v zone stroitel'stva gazoprovodov s. Samosdelka – p. Arshin – s. Alekseevka v Kamyzyakskom rayone Astrakhanskoy oblasti na territorii vyyavlennogo ob"ekta kul'turnogo naslediya «Gruntovyy mogil'nik «Bugor Ryabichkin» (na Levoberezhnom Samosdel'skom selishche) v 2018 godu (Vasiliev D.V. Report on Archaeological Studies in the Area of Construction of Gas Pipelines in Samosdelka Village - Arshin Settlement - Alekseevka Village in Kamyzyaksky District of Astrakhan Oblast in the Territory of the Identified Cultural Heritage Site "Bugor Ryabichkin" Subsoil Burial Ground" (in the Left Bank Samosdelsky Settlement)). 157–163 (in Russian).*

Yavorskaya, L. V., Nedashkovskii, L. F. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 261. 393–402 (in Russian).

About the Author:

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Associated professor. Senior researcher of the Laboratories of Natural Scientific Methods of Institute of Archaeology of Russian Academy of Science. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; lv.yavorskaya@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

ШЁЛКОВЫЕ ШАПОЧКИ БОКК ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ ВОЛГОГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ И АСТРАХАНСКОГО МУЗЕЯ–ЗАПОВЕДНИКА

© 2022 г. Е.А. Корж, С.М. Шашунова

В данной статье вводятся в научный оборот ранее неопубликованные шёлковые шапочки бокк и их фрагменты из музеев Волгоградской и Астраханской областей. Бокка являлась статусным головным убором замужних женщин на территории Монгольской империи. В результате исследований были выявлены три различных вида шапочек. Была проведена работа по реконструкции кроя шапочек, исправлены ошибки в схемах кроя в предыдущих исследованиях. Анализ ткацких переплетений позволил определить, что шапочки бокк были выполнены из самых дорогих и качественных узорных тканей типа лампас, существовавших в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: бокка, боктаг, Золотая Орда, шёлк, костюм населения Золотой Орды, археологический текстиль.

SILK BOKTAG HATS FROM THE COLLECTIONS OF THE VOLGOGRAD REGIONAL MUSEUM OF LOCAL HISTORY AND ASTRAKHAN RESERVE MUSEUM

Y.A. Korzh, S.M. Shashunova

The paper introduces into scientific discourse the previously unpublished silk boktag caps and their fragments from the museums of the Volgograd and Astrakhan Oblasts. Boktag was a status headdress of married women in the Mongol Empire. Three different types of hats have been identified as a result of studies. Work on the reconstruction of the style of the hats was carried out, and errors in the style layouts from previous studies were corrected. An analysis of the weaving types made it possible to determine that boktag hats were made of the most expensive and high-quality patterned fabrics such as lampas that existed in the 13th–14th centuries.

Keywords: bokka, boktag, the Golden Horde, silk, costume of the Golden Horde population, archaeological textile.

Бокка (боктаг) – специфический колоннообразный/сапожкообразный головной убор замужних женщин. Термин "боктаг/бокка/богто" (изначально *boᠣᠲᠠ*?) в живых монгольских языках не встречается, однако имеется производный от него глагол *boᠣᠲᠤᠯᠠ*, а также такие понятия как *богтол* – сговаривать, обручать девушку; *богтоло* – убирать голову молодой женщины в день её замужества; выдавать дочь замуж (Санжеев, 2015, с. 94).

В настоящее время этот термин является устоявшимся понятием, обозначающим головной убор в целом, но фактически убор состоит из основы (каркаса), обтянутой тканью с различного типа украшениями, и шёлковых шапочек. В научной литературе широко освещен вопрос берестяных каркасов различных типов, шёлковые шапочки бокк анализируются гораздо реже. Берестяные каркасы бокк и их детали подробно описаны в публикациях З.В. Доде, Л.Э. Макласовой и В.Ю. Макласова, С.А. Пилипенко.

А.А. Мамонова, О.Б. Лантратова, О.В. Орфинская в своей публикации «Бокка из

захоронения 51 могильника Маячный Бугор-II (Астраханская область)» не только исследовали форму берестяного каркаса головного убора бокк, но и описали технологию нанесения рисунка на ткань, обтягивающую каркас.

Средневековые авторы неоднократно в своих сочинениях описывали бокку, особо отмечая форму и размеры. У некоторых авторов также встречаются упоминания шапочек, их цветовой гаммы и тканей, из которых они были сшиты.

У Гильома Рубрука, совершившего дипломатическое путешествие к монголам в 1253–1255 гг., бокка описана так: «...Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое бокка... Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собираются сзади к верху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком. Отсюда, когда много госпож едет вместе, то, если

смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы с поднятыми копиями. Именно бокка кажется шлемом, а прутик наверху копьем» (Рубрук, 1957, с. 100).

Разные виды тканей шапочек упомянуты у Плано Карпини: «Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длинную в один локоть и заканчивающееся наверху четырёхугольником, и снизу доверху этот [убор] всё увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отделить от мужчин, так как они одеваются во всём так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны» (Путешествие, 1957, с. 27).

Первое научное упоминание бокки было приведено А.А. Кротковым в описании женского захоронения из мавзолея 1 (раскопки 1913 г. на Увеке): «Голова этой женщины покрыта особого рода мягкой шапочкой из красной шелковой, затканной в узор золотыми нитями (гладь) материи. Шапочка эта, плотно облекая голову, на лоб спускается широким полукруглым фестонком, а сзади, разрезанная от верхушки надвое, в виде узкой косынки, идет до конца лопаток. На макушке шапочка вытянута несколько в виде усеченного конуса с отверстием в 4 см, а по бокам, над ушами, имеет придатки из той же материи, в виде двух узких крылышек птицы (кречета?), обращенных концами назад. Сзади, по разрезу, шапочка стягивается на голове целым рядом шелковых ленточек, завязанных в бантики. Близ верхнего отверстия шапочки и на затылке — два банта из более широких и прочных шелковых лент. В верхнее отверстие шапочки пропускался волосяной столбик из кос хатуни» (Кротков, 1915, с. 128). Позднее Д.А. Кубанкин дал описание орнамента ткани на головном уборе: «шапочка-бокка, скроенная из парчи и орнаментированная рисунком в виде побегов лотоса, цветка пиона и шестиконечной звезды, внутри которой располагалась шестилепестковая розетка» (Кубанкин, 2006, с. 194).

Первое и наиболее полное описание шапочек бокк с территории Нижнего Поволжья опубликовано в 1995 г. в статье Е.П. Мыськова «О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды» и позднее было развито в его монографии «Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды» (Мыськов, 1995, с. 36, Мыськов, 2015, с. 195). В публикациях Е.П. Мыськов не только ввел в оборот ранее неизвестные бокки, но и отметил различия в форме шапочек, встречающихся на территории Нижнего Поволжья. Интересны его замечания об этом головном уборе как космогоническом символе, представляющем водоплавающую птицу, связанную с созданием суши и всего живого во многих этносах. При этом он критически оценивает выводы о тюркских корнях символа птицы в форме бокки, но не приводит примеров почитания этих символических образов у монгольских племен (Мыськов, 2015, с. 202). Так, тотемом одного из важных родов «ongirad», из ветвей которого происходили жена Чингисхана Бортэ и его мать Оэлуи, а также другие жены представителей правящего дома Монгольской империи, являлся лебедь (Ангархаев, 2002, с. 31). То есть обращение к данному символу может быть не только демонстрацией космогонических представлений, но и отсылкой к образу матери-прародительницы женской линии Чингизидов.

Близость формы головного убора к образу птицы особо подчеркивается видом передней лопасти этих шапочек, выполненной в форме крыла, а также способом выкладывания лопастей при ношении. Авторы не согласны с формулировкой «летний» и «зимний» вариант ношения шапочек бокк, который осуществляется за счет завязывания лент передней лопасти под подбородком в холодное время и на затылке в теплое (Мыськов 2015, с. 198–199, Доде 2008, с. 58). На практике шапочка из шёлковой ткани, затканной золотом на тонкой подкладке с глубоким подрезом, разделяющим переднюю и заднюю часть, не обеспечивает ее должного прилегания в районе шеи и ушей. Эти шапочки не могут защитить от холода, поэтому их носят только в теплое время года или внутри помещения, и лишь призваны подчеркнуть образ водоплавающей птицы с длинной шеей.

Нами были исследованы текстильные коллекции Волгоградского областного краеведческого музея (ВОКМ) и Астраханского музея-заповедника (АМЗ). Для сравнительного анализа был привлечен предмет из фондов

музея-заповедника «Танаис». В исследуемых нами фондах музеев 17 предметов и их фрагментов из 15 захоронений возможно атрибутировать как шапочки бокк с высокой степенью достоверности.

К сожалению, включить все фрагменты текстиля, обнаруженные в районе черепа погребенных, не представляется возможным, потому что кроме шапочек бокк встречаются фрагменты обшивки основания берестяных каркасов или фрагменты халатов и их отделок. Атрибуция усложняется тем, что в большинстве случаев шапочка бокки находилась на лице, груди, тазовых костях, и только в редких случаях непосредственно на голове. Также встречается ряд захоронений, где было по две шапочки бокк.

В выборку мы включили наиболее полно сохранившиеся шапочки и фрагменты, обладающие признаками шапочек (налобные части, части лопастей, фрагменты со швами фиксации подкладки от провисания на небольшом расстоянии от края, что характерно именно для шапочек (на халатах данный шов находится на большем расстоянии)).

Проведенные исследования позволили определить 3 разных вида шёлковых шапочек:

Шапочки с крыловидной передней лопастью (узкой (рис. 1: а) и широкой (рис. 1: б)).

Шапочки с подквадратной передней лопастью (рис. 1: в).

Шапочки с большой трапецевидной лопастью (рис. 1: г).

По мнению различных авторов, шапочки с крыловидной передней лопастью являются преобладающим видом. Их характеризует сложная фигурность внешнего края передней и задней лопастей, с многочисленными нефункциональными декоративными вырезами, формирующими из передней лопасти крыло, а из задней – птичий хвост. Отсутствие этих вырезов на некоторых реконструкциях, как правило, связано с неполной сохранностью убора. Спереди у этих шапочек присутствует выступ – козырек, а задняя часть – распашная и чаще всего фиксируется лентами или пуговицами (рис. 1: а, б). Это позволяет предположить, что в большинстве случаев шапочка одевалась после того, как основная часть бокки закреплялась с помощью лент на голове. В верхней части шапочки оформлен выступ «хохол», дополненный широкой лентой, для крепления хохла вокруг бокки (рис. 2: а).

К сожалению, на данный момент не представляется возможности проверить версию

Е.П. Мыськова о том, что у шапочек молодых девушек «хохол» был зашит (Мыськов, 2015, с. 198). Шапочка из разрушенного погребения кургана Змеиный у хутора Демочкин была отреставрирована и в настоящий момент зафиксирована под реставрационной сеткой. Другая известная шапочка из погребения 1 кургана 64 могильника Царев утратила практически все швы. Однако тот факт, что шапочка предназначена для надевания поверх берестяного каркаса бокк, наличие ленты, фиксирующей бокку вокруг каркаса, демонстрирует специальную принадлежность ее к комплексному убору и может исключить версию о самостоятельном ношении этого предмета.

Шапочка с подквадратной передней лопастью встречается значительно реже. Нам известны три таких шапочки: из погребения 104 могильника Маячный бугор из Астраханского музея-заповедника (НВ13246.59), погребения 1 кургана 1 могильника Вербовый лог VIII из фондов музея «Танаис» и могильника Тингутинский I (Доде, 2018, с. 331). Но наиболее полно сохранилась шапочка из Астраханского музея-заповедника, которая позволяет реконструировать крой этого вида шапочек с высокой степенью достоверности (рис. 1: в).

Шапочки с подквадратной передней лопастью отличаются незначительными размерами задней лопасти и сглаженным неглубоким переходом между задней и передними лопастями. Также обращает на себя внимание слабо выраженный выступ – хохол. Орнамент на ткани этого вида шапочек также отличается от орнаментов шапочек других видов, где «использовалась парча с мелкими циклическими орнаментами, которые хорошо сочетались с относительно небольшими размерами готового изделия» (Мыськов, 2015, с. 198). Для них характерным орнаментом являются более крупные элементы, такие как турундж на шапочке из погребения 104 могильника Маячный бугор – I из фондов АМЗ (НВ13246.59), медальоны с джейранами из погребения 1 кургана 1 Вербовый лог VIII и летящие птицы на шапочке из Тингутинского I (Доде, 2018, с. 331).

Отсутствие в этих уборах стилизации передней лопасти под крыло птицы может быть связано с утратой смысловой нагрузки головного убора в более поздний период бытования или, возможно, другой племенной принадлежностью носительницы, исключающей использование символики птицы.

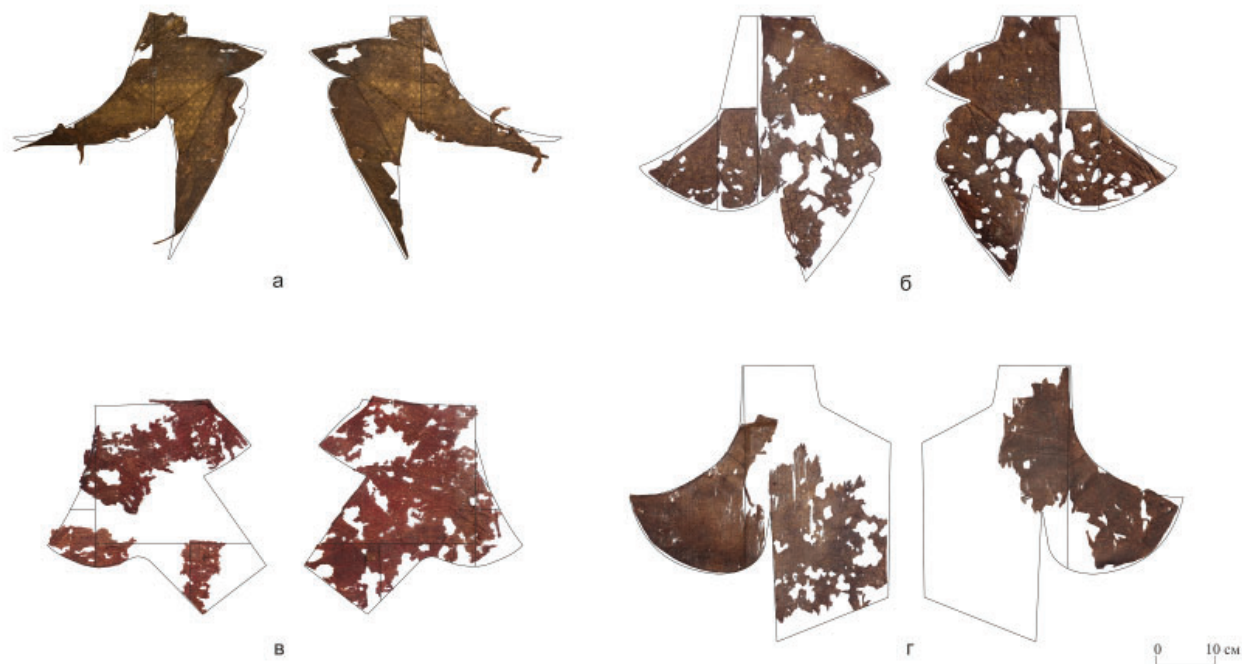

Рис. 1. Реконструкции кроя шёлковых шапочек бокк: а – с узкой крыловидной лопастью (погребение 1 курган 70 могильника Бахтияровка (ВОКМ 6854/54 НВ); б – с широкой крыловидной лопастью (шапочка 1 погребение 1 план 2 кургана 64 могильника Царев (ВОКМ 7621/40 НВ); в - с подквадратной передней лопастью (погребение 104 могильника Маячный бугор – I (НВ13246.59); г - с трапециевидной передней лопастью (шапочка 2 погребение 1 план 3 курган 64 могильника Царев (ВОКМ 7621/40 НВ).

Fig. 1. Reconstructions of the style of silk boktag hats: а - with a narrow wing-shaped front blade (burial 1, barrow 70 of Bakhtiyarovka burial ground (VOKM 6854/54 NV); б – with a wide wing-shaped front blade (hat 1, burial 1, plan 2 of barrow 64 of the Tsarev burial ground (VOKM 7621/40 NV); в - with a subsquare front blade (burial 104 of the Mayachny bugor burial ground - I (NV 13246.59); г - with a trapezoidal front blade (hat 2, burial 1, plan 3, barrow 64 of the Tsarev burial ground (VOKM 7621/40 NV).

Основываясь на известных нам экземплярах, можно отметить отличительную особенность шапочек с подквадратной лопастью. Ею является зашитый задний шов, что возможно несет изменение процесса фиксирования шапочки поверх основания берестяной основы (рис. 2: б).

Мы относим шапочки с крыловидной и подквадратной передней лопастью к непосредственно шапочкам бокк или другим подобным головным уборам.

Но существуют шапочки с большой трапециевидной передней лопастью, которые можно отнести к третьему виду (шапочка 2 из погребения 1 кургана 64 могильник Царев (ВОКМ 7621/40 НВ) (рис. 1: г). Однако мы не можем однозначно утверждать, являются ли они самостоятельным головным убором или относятся к дополнительному слою, который надевался поверх основной шапочки на случай непогоды (рис. 2: в). К такому выводу мы пришли на основании факта фиксации в погребении 1 кургана 64 курганного могильника Царев двух шапочек разной конструк-

ции. Шапочка 1 относится к первому типу с широкой крыловидной лопастью, шапочка 2 – к третьему типу.

Схожие по функциональному значению имеющиеся аналоги, но отличающиеся по конструкции, такие как шапочка из Музея мусульманского искусства в Дохе и шапочка из мавзолея Болган Ана, также обладают увеличенными размерами передней лопасти (Unseen, 2010, с. 164, Крупа, 2019, с. 142). Шапочка из музея в Дохе состоит из непосредственно шапочки и чехла для берестяного каркаса, с возможностью фиксировать дополнительными завязками вдоль всей длины цилиндрической части каркаса. В случае шапочки из мавзолея Болган Ана, отсутствует вырез под налобную часть, а завязки на верхней части шапочки пришиты недостаточно часто, чтобы скрыть волосы, как в других головных уборах.

Ширина передней лопасти во всех случаях, включая предмет из погребения 1 кургана 64 курганного могильника Царев (ВОКМ 7621/40 НВ), позволяет голове находиться

значительно глубже внутри головного убора и закрывает от воздействия неблагоприятных природных условий.

Общей спецификой орнаментов тканей шапочек бокк является то, что они затканы узором максимально плотно.

Ткани с растительным орнаментом, ткани с изображением мифологических существ и ткани, которые можно отнести к растительно-геометрическому орнаменту, встречаются практически с одинаковой частотой. Можно отметить незначительное преобладание тканей с растительным узором.

В коллекции музея ВОКМ хранятся фрагменты двух шапочек бокк с изображением драконов, одна шапочка с изображением цилиндра, и одна шапочка с изображением зайца, символ которого также имеет корни в китайской мифологии.

Ткани с растительно-геометрическим орнаментом различаются по стилистике и формированию орнамента. В упомянутой выше шапочке из погребения 104 могильника Маячный бугор-I (НВ13246.59) основным орнаментом является решетка из достаточно крупных заостренных овалов, промежутки между которыми заполнены растительным орнаментом. В арабских источниках такое формирование орнамента получило название турундж. Близким к орнаменту турундж является орнамент из каплевидных медальонов в растительной окантовке на одной из шапочек из погребения 1 кургана 64 могильника Царев (ВОКМ 7621/40 НВ).

Ткань на шапочке бокки из погребения 1 кургана 70 могильника Бахтияровка (ВОКМ 6854/54 НВ) выделяется среди типичных орнаментов золотоордынского текстиля. Ткань заткана плоскими и прядеными золотными нитями, орнамент мелкий, состоит из рядов четырехлепестковых цветов и ромбов.

Анализ переплетения тканей проводился на основании работы О.В. Орфинской «Терминологический аппарат для описания узорных шелковых тканей Средневековья в музейных коллекциях: иллюстрированное методическое пособие для сотрудников музеев и специалистов по музейному и археологическому текстилю» (Орфинская, 2019).

Из 17 исследованных шапочек и их фрагментов 16 выполнены из ткани типа лампас, из них семь образцов – это лампас с двумя золотными узорными нитями (прядеными и плоскими), и девять – ткань лампас с одним узорным золотным утком (четыре с пряденым золотным утком и пять с плоским), один пред-

мет сшит из ткани, выполненной в технике лансе.

Г.В. Ласикова отмечает: «Ткань с узором золотом по золоту – одна из самых дорогих тканей, изготавливавшихся в монгольских мастерских, – в китайских источниках носила арабское название *наседж*, буквально означающее «ткань» ... Судя по всему, *наседжем* монголы называли вид лампаса, в котором для узорного утка использовали два типа металлических (в русской исторической терминологии «золотных») нитей: посеребренные и/или позолоченные полосы кожи или бумаги покрывали фон ткани, в то время как пряденые нити, представлявшие собой аналогичные полосы, скрученные вместе с шелковой нитью, образовывали узор» (Ласикова, 2010, с. 164).

Плоские золотные нити в большинстве предметов утрачены, сохранились следы органической подложки и незначительные фрагменты покрытия золотом этой подложки. Исключением является шелковая шапочка из погребения 1 кургана 70 могильника Бахтияровка (ВОКМ 6854/54 НВ), в которой нитки утка и нитки основы сохранились в идеальном состоянии.

С большой долей уверенности можно утверждать, что на шапочки бокк шли наиболее дорогие и качественные узорные ткани. Три из исследованных нами предмета находились в погребениях, где сопутствующие им большие халаты были выполнены из более простых по переплетению тканей типа камки или лансе.

Несмотря на различные формы шапочек бокк, раскрой и пошив выполнялся однотипно. Передняя часть бокки выкраивалась цельно, практически всегда без подкройных деталей, удлиняющих переднюю лопасть (исключением является шапочка из погребения 104 могильника Маячный бугор-I (НВ13246.59)). Задняя часть шапочки набиралась из более мелких кусочков ткани, и если в основном детали сшивали, соблюдая направление ниток основы, то окончание задней лопасти очень часто было собрано исходя из оставшихся в наличии кусочков, без учета направления нитей основы, а в некоторых случаях при нехватке ткани добирались и из других тканей. Это может косвенно свидетельствовать о том, что шапочки всегда носились с завязанными назад передними лопастями, и нижняя часть задних лопастей была практически не видна.

Подкладка у большинства изделий не сохранилась. В тех случаях, где ее фрагмен-

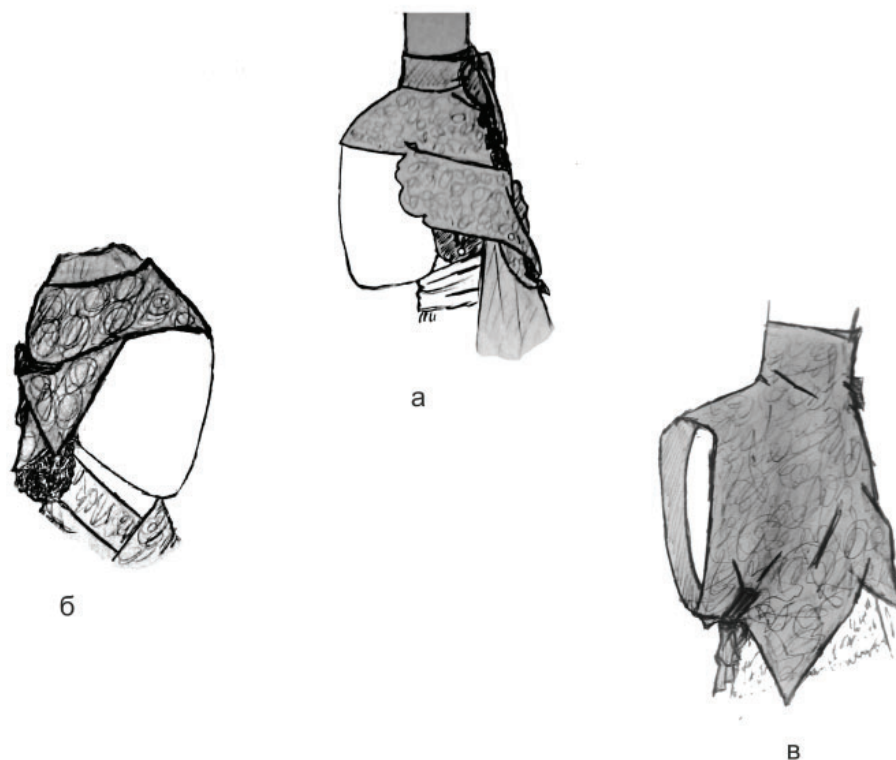

Рис. 2. Графические реконструкции шапочек бокк: а – с крыловидной передней лопастью; б – с подквадратной передней лопастью; в – с трапециевидной передней лопастью.

Fig. 2. Graphic reconstructions of boktag hats: а – with a wing-shaped front blade; б – with a subsquare front blade; в - with a trapezoidal front blade.

ты удалось зафиксировать, она выполнена из очень тонкой ткани полотняного переплетения.

В виду хорошей сохранности шапочки с узкой передней лопастью из погребения 1 кургана 70 курганного могильника Бахтияровка (ВОКМ 6854/54 НВ) удалось зафиксировать технологию изготовления шапочек.

На первом этапе были выкроены и сшиты детали шапочки из основной узорной ткани.

Подкладка выкраивалась по форме деталей из основной ткани, но без использования дополнительных швов.

На следующем этапе был сшит налобный шов, как на детали из основной ткани, так и на подкладке.

Затем детали основы и детали подкладки были сложены лицевыми сторонами друг к другу, прошиты вдоль всего переднего края мелким швом вперед иголку, изделие было вывернуто, и был проложен потайной шов, фиксирующий подкладку от провисания на расстоянии 35 мм от края. Далее был выполнен шов, фиксирующий подкладку от провисания, вдоль оставшихся краев изделия, включая хохолок. И уже на следующем этапе оставшиеся открытые края шапочки были подогнуты и обработаны потайным швом, скрепляющим основную ткань и подкладку.

Шов, фиксирующий подкладку от провисания, на налобной части был прошит не между слоями ткани, а поверх подкладки. Вероятнее всего, это связано со сложностью доступа к этой детали изнутри при подобной сборке.

В других шапочках, не обладающих такими узкими лопастями, технология подшивания подкладки могла быть изменена таким образом, что сперва выполнялся шов фиксации подкладки по всем открытым краям, затем потайным швом подкладка подшивалась.

Шов, фиксирующий подкладку от провисания, прокладывался на расстоянии от 7 до 40 мм от края, он выполнялся очень аккуратно и был практически не виден как с лицевой стороны бокки, так и со стороны подкладки.

Для прохладного времени года существовали отдельные утепленные виды шапочек. В исследованных нами материалах была найдена одна такая шапочка из погребения 104 могильника Маячный бугор-I, где между подкладкой и основной тканью были зафиксированы фрагменты шёлковой ваты. Эта шапочка сохранила следы замены подкладки, вероятнее всего, сохранившаяся шёлковая вата была укреплена после ремонта. Невозможно установить, была ли это замена износившейся подкладки или существовала необходимость

проложить утепляющий слой. Новая подкладка зафиксирована с нарушением привычной технологии пришивания.

Завязки на шапочках бывают из трех разных видов тканей. Почти все исследованные предметы имеют завязки из ажурного газа. Исключением является один экземпляр с завязками из ложного газа и один экземпляр с завязками из шёлковой полотняной ткани очень низкой плотности.

В некоторых случаях завязки в разных местах шапочки выполнены из ткани с разным переплетением. Например, завязка вокруг основания бокки на головном уборе из погребения 104 могильника Маячный бугор сшита из ажурного газа, а завязки на передней лопасти – из ткани полотняного переплетения. На шапочке из погребения 2 кургана 1 могильника Степной-1 завязка вокруг основания бокки сшита из ажурного газа, а завязки вдоль заднего края шапочки из ложного газа.

Практически во всех шапочках оригинальная цветовая гамма утрачена, насыщенный красный цвет сохранился только в шапочке из погребения 104 могильника Маячный бугор-I. Косвенным свидетельством того, что и некоторые другие шапочки были сшиты из ткани красного цвета, являются красные шивные нити, сохранившиеся на нескольких предметах.

В процессе работы над статьей нами были изучены 17 предметов и их фрагментов. Для некоторых предметов были проведены консервационные мероприятия: очистка, устранение деформации и пластификация. Это позволило комплексно изучить шапочки бокк (конструкцию, технологию изготовления, орнаменты тканей, структуру ткацких переплетений). В ходе изучения были определены три вида шапочек, различающихся по конструкции.

Выявленная типология шапочек бокк позволит в дальнейшем атрибутировать головные уборы с большей долей достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

Ангархаев А. Л. Этимологическое исследование древнемонгольских онимов. Дисс. ... канд. филолог. наук. Улан-Удэ, 2002. 156 с.

Доде З.В. К вопросу о боктаг // РА. 2008. № 4. С. 52–63.

Доде З.В. Предметы женского костюма из золотоордынского захоронения могильника Тингутинский I. Консервация и предварительные выводы // *Serie poúã. Vol. XII [XXVII], nr. 1, 2018. С. 331–346.*

Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего / сост. Г.В. Ласикова. М.: Издательский дом Марджани. 2013. 432 с.

Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 г. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Союз Печатного Дела, 1915. С. 111–143.

Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увецкого городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2006. С. 190–213.

Крупа Т.Н. Комплекс древних тканей из раскопок Болган Ана в 2018 году: предварительные исследования // Материалы Международной конференции «Сарыарка и Алтын орда: время и пространство», посвященной 750-летию основания Золотой Орды (Караганды, 23–25 октября 2019 г.) / Ред. В. Сумер, Н. Кенжеахмет, Т. Смагулов, А. Касеналин, Т. Крупа, О. Канай, С. Есенов. Алматы, 2019. С. 142–170.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2. С. 36–43.

Орфинская О.В. Терминологический аппарат для описания узорных шелковых тканей Средневековья в музейных коллекциях. М.: Институт Наследия, 2019. 122 с.

Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 270 с.

Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. / Пер. А. И. Малеина. М.: Географгиз, 1957. С. 80–100.

Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков. Т. I А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.

Unseen treasures from museum of Islamic Art in Qatar. Bloomsbury Qatar Foundation Publishing. 2010, p. 128.

Информация об авторах:

Корж Елена Александровна, независимый исследователь, ГБУЗ СК "СККСПБ№1 (г. Ставрополь, Россия); linn_13@mail.ru

Шашунова Софья Михайловна, научный сотрудник, ВОО «Волго-Донское археологическое общество» (г. Волгоград, Россия); sm_2711@mail.ru

REFERENCES

Angarkhaev, A. L. 2002. *Etimologicheskoe issledovanie drevnemongol'skikh onimov (Etymological Study of Ancient Mongolian Onyms)*. Diss. of Candidate of Philological Sciences (in Russian).

Dode, Z. V. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 52–63. Russian.

Dode, Z. V. 2018. In *Tyragetia. Serie nouă. Vol. XII [XXVII]*, no. 1, 331–346 (in Russian).

Lasikova, G. (comp.). 2013. *Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devianosto deviat' imen Vsevyshnego (Classic Art of the Muslim World of 9th – 19th Centuries. Ninety-Nine Names of God)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ. (in Russian).

Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)*. 32. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 111–143 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2006. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)*. 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 190–213 (in Russian).

Krupa T. N. 2019. In Sumer, V., Kenzheakhmet, N., Smagulov, T., Kassenalin, A., Krupa, T., Hanayi, O., Yessenov, S. (eds.). *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Saryarka i Altyn orda: vremya i prostranstvo», posvyashchennoy 750-letiyu osnovaniya Zolotoy Ordy (Karagandy, 23–25 oktyabrya 2019 g.)* Proceedings of the International Scientific Conference to the 750th Anniversary of the Founding of the Golden Horde "Sayarka and the Golden Horde: time and space" (Karagandy, October, 23–25. 2019). Almaty, 142–170 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Mys'kov, E. P. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 36–43 (in Russian).

Orfinskaya O. V. 2019. *Terminologicheskii apparat dlia opisaniia uzornykh shelkovykh tkanei Srednevekov'ia v muzeinykh kollekttsiakh (Terminological Means of Describing the Patterned Silk Fabrics of the Middle Ages in Museum Collections)*. Moscow: Russian Heritage Institute Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (in Russian).

1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Rubruk, Gil'om de 1957. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., Shevernina, Z. V. 2015. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov (Etymological Dictionary of Mongolian Languages)* Vol. I. A-E. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

2010. *Unseen treasures from museum of Islamic Art in Qatar*. Bloomsbury Qatar Foundation Publishing.

About the Authors:

Korzh Elena A. Independent researcher, ГБУЗ СК "СККПБ No. 1" (Stavropol, Russian Federation). Suvorova str., 13, Mikhailovsk, 356240, Russian Federation; linn_13@mail.ru

Shashunova Sofia M. Volga-Don Archaeological Society. Lenin str. 109, office 43, Volgograd, 400105, Russian Federation; sm_2711@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.28.36>

100 ЛЕТ С НАЧАЛА НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ)

© 2022 г. Е.М. Пигарёв

Статья посвящена 100-летию юбилею археологических исследований на Селитренном городище экспедиции под руководством Ф.В. Баллода. Эти работы считаются началом научного изучения памятника – столицы Золотой Орды города Сарай ал-Джедида. Приводится сравнительный анализ результатов работы Баллода, Поволжской археологической экспедиции АН СССР/РФ и исследований последних двух десятилетий. Рассматриваются комплексы монетных находок на городище. Дается краткая характеристика комплексным исследованиям золотоордынского памятника с применением современных неконтактных технологий. Отмечается ценность проведенных Ф.В. Баллодом полевых работ и теоретического обоснования необходимости изучения памятников Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Селитренное городище, Сарай, Сарай ал-Джедида, археологические раскопки, джучидские монеты, 100-летие исследований, Баллод, Рудаков.

100 YEARS SINCE THE BEGINNING OF SCIENTIFIC STUDY SELITRENNOE SETTLEMENT (SOME RESULTS AND CONCLUSIONS)

E.M. Pigarev

The article is devoted to the 100th anniversary of the archaeological research at the Selitrennoe settlement of the expedition led by F.V. Ballod. These works are considered the beginning of the scientific study of the monument – the capital of the Golden Horde of the city of Sarai al-Jedida. A comparative analysis of the results of the work of Ballod, the Volga Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences is given/Russian Federation and research of the last two decades. The complexes of coin finds on the settlement are considered. A brief description of the complex research of the Golden Horde monument with the use of modern non-contact technologies is given. The value of the field research conducted by F.V. Ballod and the theoretical justification of the need to study the monuments of the Golden Horde is noted.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Selitrennoe settlement, Sarai, Sarai al-Jadida, archaeological excavations, Juchid coins, 100th anniversary of research, Ballod, Rudakov.

Осенью 1922 года, несмотря на голод в Поволжье, эпидемии тифа и холеры, продолжавшуюся гражданскую войну и борьбу с бандитизмом, в село Селитренное Астраханской губернии приезжает археологическая экспедиция Саратовского университета. Экспедиция была образована Ф.В. Баллодом на деньги, выделенные Татнаркомпросом. С 15 сентября по 7 октября 1922 г. экспедиция, состоящая из специалистов и студентов Саратовского университета, работает на территории золотоордынского городища.

1922 год можно считать началом полноценного научного изучения памятника. Ф.В. Баллодом был снят первый подробный план Селитренного городища, на котором город был условно разбит на семь районов. Баллодом была дана социальная характеристика каждому району, налажено порайонное собирание монет, произведена первичная классификация керамики, архитектурного декора и других категорий находок, сделаны чертежи планов и разрезов раскопанных объектов. Как

считает В.Г. Рудаков, Баллод дал упрощенную и во многом неверную характеристику районов, и последующие раскопки выявили ряд ошибок исследователя (Рудаков, 2007, с. 31). Однако необходимо отметить, что для своего времени работы и выводы, сделанные Баллодом, отличаются высокой степенью объективности, научности и профессионализма, в них отсутствуют социально-революционные перекосы, характерные для того периода отечественной истории. Качество проведенных Ф.В. Баллодом исследований позволяет нам и 100 лет спустя (конечно, с корректировкой на современные достижения и технологии) пользоваться полученной им информацией.

Ниже мы проведем сравнительный анализ информации, полученной в результате исследований, направленных на изучение топографии и хронологии Селитренного городища, Ф.В. Баллода (1922 г.) и В.Г. Рудакова (2002–2003 гг.), а также нашими исследованиями. Оба исследователя для разделения территории городища на отдельные районы

(участки), использовали природные особенности региона в виде бэровских бугров, длинными цепями протянувшимися по линии ЗЮЗ–ВСВ. (Рудаков, 2007, с. 51). Баллодом Ф.В. территория городища разделена на 7 условных районов, у Рудакова В.Г. предложено более подробное деление на 16 участков (с отдельной характеристикой основных возвышенностей (бугров)). Для объективного анализа мы постараемся максимально аккуратно

приблизить схему Рудакова к схеме Баллода. Обоими археологами использовались практически одинаковые методики изучения городища (здесь мы сознательно не рассматриваем материалы раскопок Ф.В. Баллода) – визуальный осмотр, сбор и анализ подъемного материала, что и позволяет сравнивать результаты исследований, разделенных между собой несколькими десятилетиями.

Таблица 1. Сравнительный анализ исследований
Table 1. Comparative analysis of studies

Ф.В. Баллод (1922 г.)	В.Г. Рудаков (2002–2003 гг.)	Примечания автора (Е.П.)
Район I: территория села, ограниченная буграми Больничный и Маячный	Территория села Селитренное	Территория села Селитренное
Середину городища, площадь около 3 кв. верст, ныне занимает село ..., по-видимому, наиболее древняя и богатая часть городища. На улицах села видны следы стен, облицованных изразцами. На Коммерческой улице (2-й от Ахтубы) (ныне ул. Ленина) как бы сохранились следы ряда домов. На берегу Ахтубы найдены 2 монеты хана Токты, чекан Сарая, 710 г.х.; 10 монет времени хана Узбека.	ул. Молодежная, ул. Костина, ул. Степная – кирпичные кладки; ул. Мусаева – керамика; русское кладбище – кладки кирпича, культурный слой; бугор Маячный – материал отдельными пятнами, кирпичные развалы, горны; ул. Пионерская – склеп.	По всей площади села работами 2003–2004, 2019–2020 гг. зафиксирован культурный слой и остатки архитектурных сооружений; на бугре Маячный – погребения, склепы, мастерская по производству кашины; территория села занимает южную часть городища; в центральной части села, вплотную примыкающей к бугру Больничный, встречены монетные находки с 1320-х гг. до нач. XV в; здесь же: монеты 1380–1390-х гг. тяготеют к Больничному бугру (центральной части городища) и пропадают с удалением от него на юг; в сельском районе "Киселевка", где расположена производственная зона Сарая, зафиксированы находки только 1330–1360-х гг.; полное отсутствие монет XIII века
Район II: к северу от села	9. Низина между Безымянным и Песчаным буграми; 11. Низина между селом и Песчаным бугром; 12. Песчаный бугор; 15. Имашкина яма.	Участок к северо-востоку от села: карьеры в 350 м от русского кладбища
По-видимому, район был заселен преимущественно городской беднотой, частью же просто представлял площадь, где разбивались шатры, когда в город наезжали кочевники. Найдено 108 монет, из них: 31 времени Узбека, 47 времени Джанибека, 11 – смутного времени, 19 нечитаемых.	9. Остатки линии вала и рва. Редкая встречаемость материала. Вероятно, здесь расположена северная окраина города. 11. Материал встречается редкими пятнами. 12. Общественные сооружения. 15. Редкая встречаемость материала.	Жилые сооружения из сырцового кирпича и плинфы, поливная керамика, монеты 1340-х гг.

Район III: к востоку от Маячного бугра, Киселевка, «черепяное поле»	17. Слобода Киселевка и пустырь к востоку от нее.	Черепяное поле
Занимает площадь не менее 3 кв. верст. Керамическое и литейное производство. Насчитывает до 90 кургановидных насыпей. Найдено 11 монет, из них: 7 времени Узбека, 4 времени Джанибека.	Участки с кирпичным боем и шлаком; гончарное производство.	Керамическое производство (свыше 50 горнов), зона жилой застройки, некрополь; монеты 1330–1350-х г.х.
Район IV: низины вокруг бугра Кучугуры	10. Район между буграми Кучугуры и Больничный.	Район между буграми Больничный и Кучугуры.
Площадь не менее 5 кв. верст. Район безусловно производит впечатление квартала населенного, с богатым (торговым) центром на Кучугурах. Многочисленные находки изразцов, обломков мрамора, различных видов керамики.	Данный участок городища примыкал с востока к центру города. Для него характерны небольшие усадьбы. На позднем этапе эта территория превращается в кладбище.	Стеклоделательные и гончарные мастерские, жилая застройка; монеты 1330–1390-х гг. На бугре Больничный некрополь п.п. XV в.
Район V: между Кучугурами и Красным бугром	7. Район между Красным бугром и Кучугурами.	Район между Красным бугром и Кучугурами.
Площадь более 3 кв. верст. Южная часть со следами богатых строений. Северная часть выявляет несколько широких улиц и площадей; сохранились следы прудов и рвов. Встречаются шлаки и следы керамического производства. Многочисленные находки различных видов, в том числе и импортных, керамики. Найдено 1042 монеты (с учетом монет района IV), из них Токта – 6 экз., Узбек – 259 экз., Джанибек – 115 экз., смута – 537 экз., нач. XV в. – 119 экз.	Размер: 1x1,2 км. Как показали раскопки, здесь располагалось много общественных сооружений, богатых усадеб, жилищ рядового населения, ремесленных мастерских. Можно достаточно уверенно предполагать, что этот район являлся центром города.	Жилые усадьбы, гончарные мастерские, общественные сооружения; монеты 1330–1390 гг.
Район VI: между буграми Красный и Змеиный	5. Район между Змеиным и Красным буграми	Район между Змеиным и Красным буграми
Сохранились следы вала. В южной части следы жилой застройки, в северной части следы различных производств.	Отмечаются ров и вал. Вдоль береговой линии остатки керамического производства. В северной части следы различных производств. Найдена 1 монета 1340-х гг.	Жилая застройка, керамическое и железодельное производство
Некрополи	2. Вторая гряда бугров; 4. Змеиный бугор; 6. Бугор с триангуляционным пунктом; 8. Безымянный бугор.	Бугор Змеиный
Змеиные бугры и цепь дюнных холмов от всех районов – представляют собой древний некрополь. На дюнных холмах ветер выдувает из под песка целые строения (тюрбы), иногда ряды скелетов. К северу от села ... выделяется бугор ... встречаются обломки кирпича и изразцов. Отсутствуют обломки посуды. Называют сие место Джигит-Хаджи. Обнаружен мозаичный пол строения №1. Вблизи раздуло 5 горнов. Найдены 2 монеты времени Узбека и 1 начала XV в.	2. Остатки мавзолеев; 4. Остатки мавзолеев; 6. Культовый комплекс; 8. Могильник, мавзолей.	Раскоп 2013 г. на СВ склоне бугра Змеиный – городской некрополь, отсутствие жилого культурного слоя. На предполагаемом месте Джигит-Хаджи, вероятно, расположены мавзолей и иные культовые сооружения. Обозначенные горны предназначались для строительства этих мавзолеев.
-----	3. Низина между второй грядой бугров и Змеиным бугром (рисовые чеки).	-----

-----	Жилая застройка, разнообразные типы керамики. Возможно, здесь располагались пригородные усадьбы.	-----
-----	8. Безымянный бугор.	-----
-----	Жилая застройка окраины города.	-----

Результаты исследований и выводы Ф.В. Баллода (рис. 1).

В ходе обследования Селитренного городища Ф.В. Баллодом было обнаружено 2300 монет, из них: 780 экз. неопределимые, античные – 4 экз., X в. – 1 экз., Токта (1310 г.х.) – 8 экз., Узбек – 421 экз., Джанибек – 169 экз., Бердибек – 3 экз., от Кульны до Тохтамышша (1360–1400 гг.) – 727 экз., время распада Золотой Орды – 191 экз., вт. пол. XV – начало XVI вв. – 28 экз., иных – 7 экз. К сожалению, исследователем не представлена подробная типологическая проработка монетного материала, что сильно затрудняет работу с этим монетным комплексом.

Баллод одним из первых указал на откровенные противоречия приводимой в письменных источниках информации: «Скотоводы-кочевники, но занимаются земледелием; имеют массу стад, но питаются мясом лисиц, собак и даже людей, занимаются охотой на диких зверей. Не знают домашнего скарба, но одеваются в бобровые шубы, и у хана роскош-

ная палатка; живут как собаки, но в их движущемся городе «мечети и базары». Совершенно очевидно, что в тех показаниях, что приведены выше, есть что-то недосказанное, какая то неясность или неточность. И строить свои суждения на подобном материале современному историку Золотой Орды, естественно, нельзя» (Баллод, 1924, с.337).

«Золотая Орда – более сложный механизм, чем предполагали ранее; её культура не исчерпывалась войлочными шалашами и идолами, а знала письменность (раз составлялись описи имущества в покоренных странах и перепись населения), не чуждалась промышленности (раз в золотоордынских городах находили остатки заводов), разводили бахчи и сады (раз сооружались оросительные приспособления)» (Баллод, 1924, с.339).

Он первым обратил внимание на функции городов: «Если изучение окрестностей г. Царева позволяет полагать, что Новый Сарай (Царевское городище – в настоящее время многими исследователями отождествляется

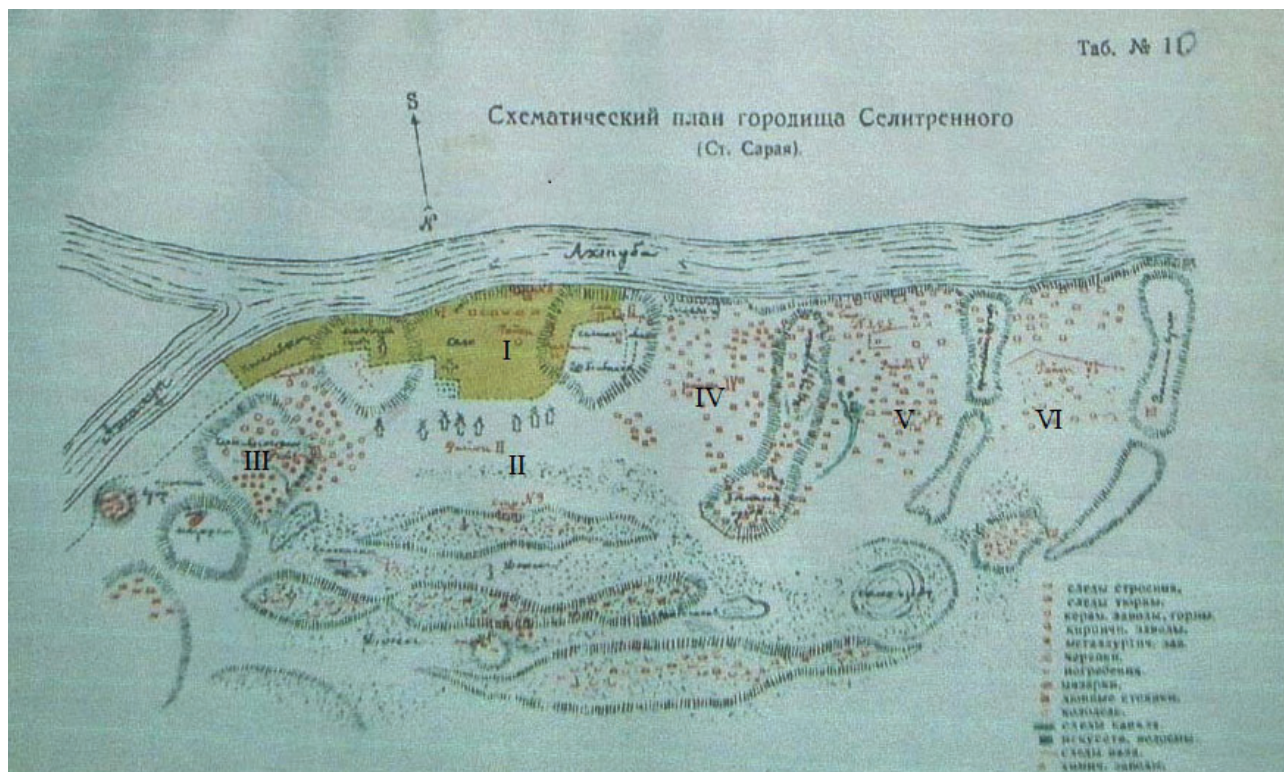

Рис. 1. План Селитренного городища, Ф.В. Баллод, 1922 г.

Fig. 1. Plan of the Selitrennoe settlement, F.V. Ballod, 1922.

с городом *Гюлистан*, прим. Е.П.) утопал среди садов и бахч, что в столице Узбека и Джанибека общались не только с кочевниками ближней степи, но извлекали выгоду также из занятий в окрестностях земледелием (просо, пшеница), то Старый Сарай (Селитренное городище), по преимуществу, – промышленный центр. Столица Батгя в годы расцвета Золотой Орды, в 14 столетии, опоясалась густым рядом фабрик и заводов, которые снабжали страну продуктами усовершенствованной культуры» (Баллод, 1924, с. 342).

Подводя итоги своим исследованиям, Баллод пишет: «Вообще же откопанные нами памятники архитектуры еще раз подтверждают, как технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордынского города; прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте. Какой дивный вид должны были иметь дома и дворцы, облицованные изразцами и расписанные пестрыми узорами по оштукатуренным стенам; нужно поражаться странными рассказами недавнего прошлого о золотоордынской культуре; как мог д. член Военно-Исторического О-ва Нечволодов в своих «Сказаниях о русской земле» преподнести народу басни об «астрahanских мечетях, сооруженных из черепов новгородских ушкунников»? Правильное освещение золотоордынской культуры и обследования сохранившихся памятников – есть долг науки, причем насущный и срочный. Раскопки на древних золотоордынских городищах могут дать и ценные памятники искусства (изразцы, стенопись) и образцы инженерного искусства (укрепления дюн), принадлежащие народу, чья культура мало известна и явно не правильно освещалась» (Баллод, 1923, с. 60–61).

Резюмируя проведенные исследования, Баллод пишет: «Развалины Селитренские – вовсе не исключительно некрополь, как полагал Григорьев; это – громадный город, ядро которого существовало еще до татар. Нет данных, которые бы противоречили бы руководящей роли этого города со времени Батгя и до Узбека. Если не найдены монеты Батгя и Берке, то все же собрано несколько монет более древних, и центр города застроен: здесь собирать монеты более не приходится. А самое главное, 52% монет «сарайского» чекана, т.е. «старо-сарайского», позволяют видеть в развалинах Селитренских, развалины древней, первой столицы З. Орды, «Сарая» («Старого Сарая»), который – при

Узбеке замененный «Новым Сараем» и при Джанибеке переживший невеселую годину, – к концу XIV века стал вновь играть видную роль и по справедливости мог быть назван «Большими Сараями». Сарай с.Селитренного, явно, – крупнейший культурный центр З. Орды, заводы и мастерские которого поистине могли снабжать все государство всем, что нужно было народу, решившему сбросить с себя облик дикаря и варвара» (Баллод, 1923, с. 61–62).

Результаты исследований и выводы В.Г. Рудакова (рис. 2).

В своей диссертационной работе В.Г. Рудаков приводит анализ полевых материалов и комплекса медных джучидских монет, обнаруженных при исследовании Селитренного городища Поволжской археологической экспедицией (ПАЭ ИА АН СССР/РФ). В комплекс входит более 4900 экземпляров медных пулов, чеканенных на различных монетных дворах Золотой Орды, из них поддались определению 4610 монет (Рудаков, 2007, с. 226–232). Основу монетного комплекса составляют пулы монетного двора Сарай ал-Джедида – 3262 экз. (70,76%); монетный двор Сарай и Сарай ал-Махруса представлен 1071 экз. (23,2%). В представленный комплекс также входят монеты, чеканенные и на других монетных дворах: Гулистан – 63 экз. (1,37%), Азак – 7 экз. (0,15%), Барджин – 27 экз. (0,59%), Болгар – 2 экз. (0,04%), Крым – 9 экз. (0,20%), Мохши – 9 экз. (0,20%), Орда – 22 экз. (0,48%), Хаджи-Тархан – 35 экз. (0,36%), Хорезм – 36 экз. (0,38%), с надчеканами – 54 экз. (1,17%), иностранные – 6 экз. (0,13%). При этом монет, чеканенных во время правления Узбек хана, обнаружено 561 экз. (13,3%), ханов Джанибека и Бердибека – 1901 экз. (45,1%), период «замятни» представлен 1167 экз. (27,7%), хана Тохтамышша – 508 экз. (12,06%), XV в. – 13 экз. (0,31%). Анализ монетного комплекса, по мнению Рудакова В.Г., показывает, что монеты с обозначением места чеканки «Сарай», «Сарай ал-Махруса» и «Сарай ал-Джедида» с 1340-х гг. выпускались в одном и том же месте – на Селитренном городище (Рудаков, 2007, с. 237).

В результате проведенного исследования В.Г. Рудаков приходит к выводу, что на месте Селитренного городища располагался крупный, благоустроенный город с остатками как рядовых жилищ, так и богатых усадеб, ремесленных мастерских и монументальных сооружений культового и общественного характера. Автор отмечает, что культурных слоев,

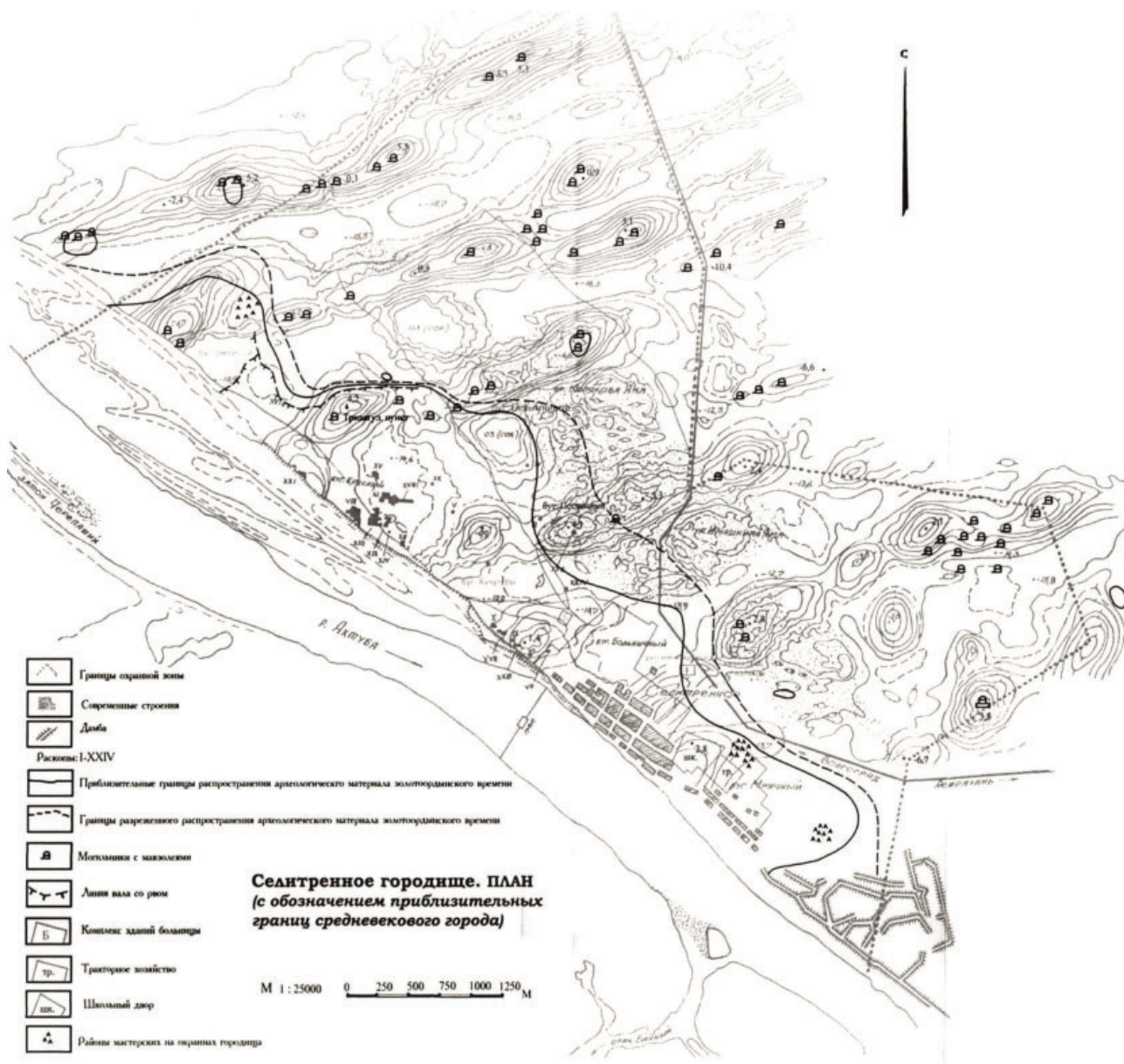

Рис. 2. План Селитренного городища, В.Г. Рудаков, 2007 г.

Fig. 2. Plan of the Selitrennoe settlement, V.G. Rudakov, 2007.

относимых ко времени ранее 1330-х гг. на городище не обнаружено, а остатками раннего Сарая является какой-то другой золотоордынский памятник, возможно, Красноярское городище. Сарай Селитренного городища отождествляется В.Г. Рудаковым с городом Сарай ал-Джедида, Царевское городище – с городом Гулистан.

В процессе написания диссертационной работы В.Г. Рудаков использовал материалы исследований ПАЭ за 1965–1995 гг. и результаты собственных разведок 2002–2003 гг. В конце 1990-х гг. и за первых два десятилетия XXI в. на Селитренном городище значительно расширилась география раскопок, общая площадь исследований составила более 35000 м². За эти годы был получен огромный объем информации, которая где-то подтвер-

дила, а где-то сильно скорректировала выводы коллег, сформированные ранее. Исследованиям подверглись не только центральная часть городища, но и территории к западу, северу, востоку и югу от нее, а также территория современного села, рис.3 (Пигарёв, 2016; Пигарёв, 2019; Пигарёв, 2021; Пигарёв, 2021 а). Кроме археологических раскопок было проведено масштабное неконтактное изучение городища – геофизические исследования (общая площадь 3 га) и Дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ, общая площадь 22,5 га) (Пигарёв, 2019, с.175–306). В ходе выполнения охранных исследований в 2019–2020 гг., связанных с газификацией с. Селитренное, внутри сельской застройки было заложено 12 раскопов и 407 шурфов, позволивших проследить стратиграфию памятника на территории

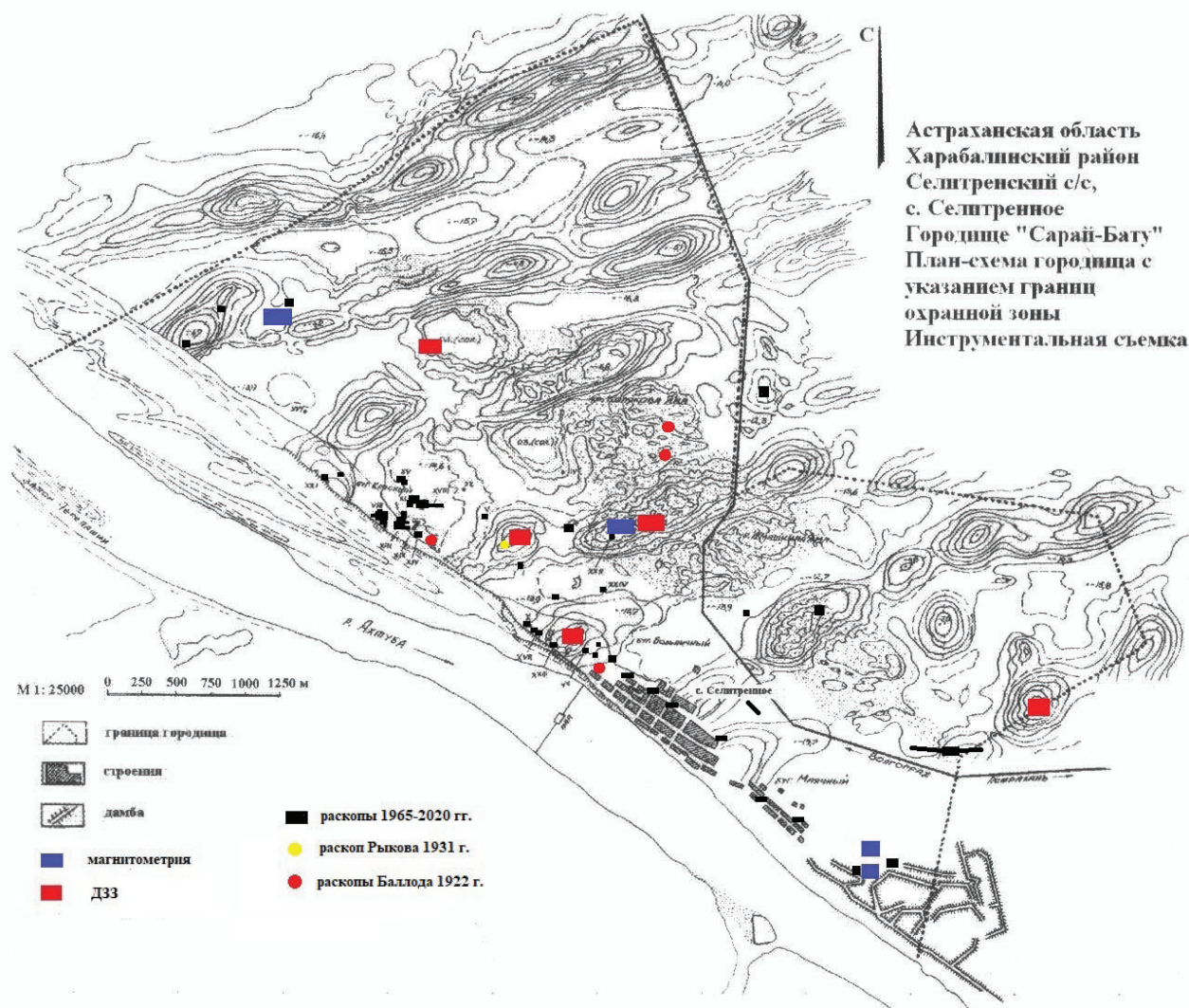

Рис.3. План Селитренного городища, Е.М. Пигарёв, 2021 г.

Fig.3. Plan of the Selitrennoe settlement, E.M. Pigarev, 2021.

свыше 200 га. Изучение нумизматического корпуса со всей территории городища, включая и сельскую застройку, картографирование монетных находок позволило конкретизировать хронологию города, показать изменение его площади на разных исторических этапах (Пигарёв, 2021 а, с.269-272, рис. 1).

Анализ находок и археологических объектов дали возможность зафиксировать изменения городской структуры золотоордынской столицы. Так, в южной части села большая часть обнаруженных конструкций была выполнена из сырцовых кирпичей. В культурном слое и в заполнении ям фиксируется низкая встречаемость обломков обожженного кирпича и архитектурного декора. Кроме того, здесь также небольшую долю имеют фрагменты глазурованной глиняной и кашинной посуды, практически не встречается керамический импорт. Мощность культурного слоя в этом районе достаточно невелика и составляет (за исключением ям) 20–25 см.

Парадная керамика, импортная посуда, архитектурный декор и сооружения из обожженного кирпича и с различными элементами внутреннего интерьера в массе начинают встречаться в центральной и северной частях села. Здесь же возрастает до 40–50 см и общая мощность культурного слоя.

Исследования показали – культурный слой XIII века под современной жилой застройкой села Селитренное, как и на других участках Селитренного городища, не обнаружен. Строительство города началось не ранее рубежа 1320–1330-х гг. Во второй половине XIV века территория городища значительно уменьшается. Активная жизнь продолжается в центральной части городской застройки. Промышленный район и жилая застройка, находящиеся к югу от бугра Маячный, после "замятни" покидаются людьми, и активная жизнь здесь затухает. К концу XIV – началу XV вв. городская территория еще больше сужается, обрастая по окраинам многочисленными кладбищами.

Подводя итоги выше изложенному, мы можем отметить следующее:

– Результаты полевых работ, проведенных Ф.В. Баллодом в 1922 г., не смотря на появление огромного объема новой информации, полученной в ходе исследований Селитренного городища за последние десятилетия, до сих пор не потеряли научной ценности. Многие его выводы, конечно, уже никак не согласуются с современным пониманием истории золотоордынской столицы. Полностью опровергается его мнение о том, что Селитренное городище представляет собой остатки «Старого Сарая», появившегося еще до эпохи Узбек хана. Частично скорректированы характеристики, данные им разным городским районам. Однако то, что город является крупнейшим

культурным и производственным центром Золотой Орды, ни у кого в настоящее время не вызывает сомнений. Предложенная им характеристика производственного района золотоордынской столицы (район III, «черепяное поле») нашла свое подтверждение в исследованиях, проведенных нами. Основная, пожалуй, ценность работы Ф.В. Баллода состоит в том, что он первым обратил внимание на необходимость правильного и объективного освещения золотоордынской культуры и изучения ее памятников.

– Столетие (со значительными перерывами в 1930–1950-х гг.) археологического изучения Селитренного городища делает его одним из наиболее изученных памятников эпохи Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань: Издание Комбината Издательства и Печати в Казани, 1923. 102 с.

Баллод Ф.В. Культура Золотой Орды // Новый Восток. 1924. Кн. 6. С. 336–349.

Пигарев Е.М. Джучидские монеты с территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области (топография находок 2015 г) // Нумизматика Золотой Орды. № 6 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во: Ин-т истории АН РТ, 2016. С. 46–55.

Пигарев Е.М. Селитренное городище: история исследований // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева, А.Г. Ситдинов. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. 244 с.

Пигарёв Е.М. Новые данные к топографии Селитренного городища // Археология Евразийских степей. 2021а. № 3. С. 269–272.

Пигарёв Е.М. Археологические исследования Селитренного городища в 2019-2020 гг. (хронология и топография средневекового города) // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 35–49.

Рудаков В.Г. Селитренное городище: хронология и топография. Дисс... канд. ист. наук. М., 2007. 484 с. Архив МГУ: 61: 07-7/454.

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник, Учебно-научный археолого-этнологический центр Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

REFERENCES

Ballod, F. V. 1923. *Stariy i Noviy Saray, stolitsy Zolotoy Ordy (Old and New Sarai, Capitals of the Golden Horde)*. Kazan: "Kombinat Izdatel'stva i Pechati v Kazani" Publ. (in Russian).

Ballod, F. V. 1924. In *Novyi Vostok (New East)* 6. 336–349 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2016. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 6. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 46–55 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. *Selitrennoe gorodishche: istoriya issledovaniy (Selitrennoe settlement: the history of research)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya (*Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region*) 11. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Pigarev, E. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 269–272 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 38 (4), 35–49 (in Russian).

Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiya i topografiya (Selitrennoe Settlement: Chronology and Topography)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow. Archive of Lomonosov Moscow State University. 61: 07-7/454 (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

Восточная Европа

УДК 902/904(5)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.37.43>**ПРЕДМЕТЫ ВОСТОЧНОГО ИМПОРТА
ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА: АССОРТИМЕНТ НАХОДОК,
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

© 2022 г. Н.Н. Грибов

Статья посвящена выяснению состава средневековых восточных импортов из г. Нижнего Новгорода и памятников его ближайшей сельской округи. Целью исследования является установление местного ассортимента инвентаря, привезённого из Золотой Орды и стран Востока. Показано распределение соответствующих находок по территории города, отмечен их хронологический контекст. Предложено объяснение приуроченности периода наиболее активного поступления восточного инвентаря в земли Северо-Восточной Руси к середине – второй половине XIV в. В качестве главных предпосылок этого явления предложено рассматривать кризис международной торговли в Иране, странах Причерноморья, Средней Азии, проявившийся уже в 40-е гг. XIV в., и появление к этому времени значительного числа потенциальных потребителей иноземных товаров в русских княжествах.

Ключевые слова: археология, предметы восточного импорта, Нижний Новгород, сельские поселения, Золотая Орда, город Болгар, восточная керамика

**ITEMS OF ORIENTAL IMPORT FROM NIZHNY NOVGOROD:
ASSORTMENT, ARCHAEOLOGICAL CONTEXT, INTERPRETATION****N. N. Gribov**

The paper determines the composition of imported medieval Oriental items from Nizhny Novgorod and the nearest rural settlements. The purpose of the study is to identify the local range of items brought from the Golden Horde and the countries of the East. The distribution of the relevant finds across the territory of the city is provided, and their chronological context is determined. An explanation is proposed for the correspondence of the period of the most active inflow of oriental items to the lands of Northeastern Russia to the middle – second half of the 14th century. It is proposed to consider the main prerequisites for this phenomenon as being the crisis of international trade in Iran, the countries of the Black Sea region, Central Asia, which manifested itself as early as in the 1340s, and the appearance by this time of a significant number of potential consumers of foreign goods in Russian principalities.

Keywords: archaeology, items of Oriental import, Nizhny Novgorod, rural settlement, the Golden Horde, city of Bolgar, Oriental ceramics.

Предметы восточного импорта из русских памятников XIII–XIV вв. представляют несомненный интерес для освещения ряда проблемных тем отечественной истории. Среди городов, соответствующие находки из которых уже обобщены и стали предметом научного осмысления, пока нельзя назвать Нижний Новгород – «восточные ворота» Руси. Изучение нижегородских «импортов» начато В.Ю. Ковалём, привлёкшим к рассмотрению восточную керамику из раскопок 90-х – начала 2000-х гг. (Коваль, 2010а).

Настоящая статья представляет собой краткое обобщение «восточных» находок, собранных за всё время археологических исследований Нижнего Новгорода и его подгородных селищ¹. Она нацелена на выяс-

нение местного ассортимента предметов, изготовленных в Золотой Орде и странах Востока. К работе привлечены материалы архива Института археологии РАН, коллекции музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, сведения из научной литературы.

В настоящее время имеется возможность обобщения материалов из нижегородских раскопок общей площадью около 15900 кв.м. Из них 9900 кв.м вскрыто на городском посаде, около 6000 кв.м – в историческом центре, очерченном стенами Нижегородского кремля. В ближайшей к городу сельской округе раскопки проводились на девяти памятниках.

Наибольшее количество восточных находок обнаружено на поселении Бешенцево-3 и селище Ближнее Константиново-1, охарактеризованных в качестве владельческих сёл. На первом памятнике вскрыт периферийный участок (611 кв.м), на втором изучена центральная часть (1651 кв.м).

Выделенные предметы восточного импорта по функциональному принципу разделены на семь основных категорий.

Украшения и аксессуары представлены изделиями из кашина, стекла, поделочных камней, цветных металлов.

Изделия из кашина поливные – это разнообразные по форме бусы (8 экз.: НН № 11, 26, 29, 37²; 3 экз.: НО (Бш-3, Кз-3, Н-3)³), веерообразная подвеска (НН № 11), три пуговицы (НН № 11, 37).

Изделия из стекла представлены бусами, перстнями, вставкой. Наиболее многочисленны свойственные золотоордынским древностям изделия из непрозрачного бирюзового стекла – бусы биконические (11 экз.: НН № 1, 7, 11, 12, 35; 2 экз.: БК-1⁴; 3 экз.: Бш-3), эллипсоидные (4 экз.: НН № 11, 35), шарообразные ребристые (НН № 7); плосковыпуклые перстни (21 экз.: НН № 1, 7, 9, 11, 19, 35–37; 1 экз.: БК-1; 2 экз.: Бш-3); уплощенная шестиугольная вставка (НН № 37). К продукции мастерских Золотой Орды можно отнести перстни (4 экз.: БК-1; 2 экз.: Бш-3) и витую бусину (НН № 24) из чёрного глушеного стекла, единичные пастовые бусы редких разновидностей: зонную чёрную глазчатую с реснитчатыми печёночно-красными глазками и белыми полосками (БК-1); шарообразную чёрную пятнистую (БК-1); уплощенную круглую черную, украшенную красными и бирюзовыми нитями (НН № 11); мозаичную красную с осколками бирюзового жёлтого и белого стекла, вдавленными в стеклянную массу (НН № 7); мозаичную египетскую, изготовленную в технике миллефиори (Бш-3).

Изделия из поделочных камней представлены перстнем из гагата (БК-1), накладкой из нефритоподобного кварцита с изображением ланей (НН № 37), бусами: хрустальными – шарообразными (1 экз.: НН № 41; 2 экз.: Бш-3; 1 экз.: П-1⁵; 1 экз.: Н-3), 12-гранными (1 экз.: НН № 41; 1 экз.: БК-1), эллипсоидными (К-2⁶), удлинённой бипирамидальной (НН № 40); сердоликовой бипирамидальной удлинённой (НН № 4), халцедоновой эллипсоидной (НН № 11).

Украшения из цветных металлов, которые можно уверенно связать с восточным

импортом, немногочисленны. К ним относятся: *серебряный перстень* с вставкой из двух линз горного хрусталя, скреплённых красным лаком (НН № 7); бронзовый *пластинчатый браслет* с «кафимскими узлами» (НН № 9); бронзовая *фигурная пряжка* с четырьмя прорезями (Д-10⁷), известная по раскопкам г. Азака (Гусач, 2004, с. 93, рис.1, 1); бронзовая позолоченная пальметтообразная *нашивная бляха* (НН № 11); ременные бронзовые со следами посеребрения *штифтовые бляхи* с изображением дракона – ромбические (1 экз.: НН № 11; 1 экз.: БК-1) и пальметтообразная (БК-1) (Полякова, 1996, с. 213, 214; типы В-VIe и В-Хб-1).

Зеркала из бронзы – фрагментированы (2 экз.: НН № 35, 39; 2 экз.: БК-1).

Посуда изготовлена из керамики, камня, чугуна и бронзы.

Керамические сосуды разделяются на художественные парадные изделия, тарную керамику и неполивную красноглиняную, преимущественно лощёную, посуду высокого горнового обжига различного назначения.

Художественная керамика представлена поливными изделиями из кашина (577 экз.: НН № 1–5, 7–11, 13–18, 21, 23, 25–38; 72 экз.: НО (БК-1, Бш-3, Бш-2, БК-4, О-1⁸)), полумайоликой (33 экз.: НН № 1–3, 6, 11, 35–38; 4 экз.: БК-1; 1 экз.: Н-3), китайским фарфором-селадоном (12 экз.: НН № 7, 10, 11, 30, 31, 35) и сосудами, изготовленными путём тиснения в формах-кальпах (13 экз. и одна целая форма: НН № 7, 11, 27, 35, 36; 7 экз.: БК-1). Среди селищ по количеству находок из кашина выделяются два памятника – Ближнее Константиново-1 (50 экз.) и Бешенцево-3 (16 экз.). Преобладают полуфаянсы с прозрачной бесцветной или бирюзовой поливами и подглазурной росписью. Известны осколки полуфаянсовых изделий с наружной ультрамариновой и внутренней бирюзовой поливой, расписанного кобальтом тимуридского кашина (4 экз.: НН № 11, 16, 18, 29), ильханского люстра (7 экз.: НН № 10, 11, 35; 5 экз.: БК-1), ладжвардина (3 экз.: НН № 11, 35). Находки фаянсов – с бледно-зелёной (псевдоселадон) и бирюзовой поливами – редки. Тиснёная керамика, кроме фрагментов, представлена одной целой флягой (НН № 35).

Тарная керамика представлена преимущественно фрагментами амфор византийского круга, преимущественно группы Трапезунд (34 экз.: НН № 1, 11, 24, 26, 35–38; 14 экз.: БК-1). Единственная целая амфора относится к трилийской группе (НН № 20). Встречены

фрагменты сфероконусов, служивших для перевозки технических жидкостей (6 экз.: НН № 11, 35, 37).

Неполившая посуда высокого обжига – наиболее массовая в городах Золотой Орды – почти всегда украшена орнаментальным лощением. Она систематически встречается в комплексах Нижнего Новгорода середины XIV – начала XV вв., где её усреднённая доля – 2,3%. В отдельных сооружениях её встречаемость достигает 8–23% (НН № 35, ямы 17, 47, 51). Доля краснолощённой посуды в керамике селища Ближнее Константиново-1 – 1,2%. В сельской округе её присутствие зафиксировано в керамических сборах с 58 селищ (из 162 памятников с материалами XIII – начала XV вв.). Формы краснолощённых сосудов – преимущественно корчаги и кувшины. Большинство корчаг имели короткую цилиндрическую горловину с декоративным валиком. Единичной находкой является венчик тувака (НН № 35).

Стеклопосуда (45 фр.: НН № 11, 31, 37; 2 экз.: БК-1; 1 экз.: Бш-3). Большинство находок – осколки кубков и бутылей из прозрачного слегка желтоватого сиро-египетского стекла, расписанного цветными эмалями и золотом. Обнаружен один венчик от египетской лампы.

Котлы из чугуна и камня. Атрибуция средневековых *чугунных котлов* затруднена из-за широкого распространения в XIX – начале XX вв. *чугунных красильных котлов* и *кухонных горшков-«чугунков»*. Учёту подлежали находки либо из средневековых комплексов, либо имеющие очевидные морфологические признаки средневековых изделий (4 экз.: НН № 11, 37, 44; 3 экз.: БК-1; 2 экз.: Бш-3; 1 экз.: Бш-2; 1 экз.: К-3). *Каменные котлы* из талькового камня представлены обломками минимум двух изделий (4 экз.: НН № 11, 35).

Бронзовая посуда представлена небольшими фрагментами тонкостенных чаш (2 экз.: БК-1, Бр-7⁹), одна из которых декорирована гравировкой (БК-1).

Бытовой инвентарь кроме посуды включает в себя сделанное на кругу краснолощённое *керамическое пряслице* высокого обжига с выпуклыми боковыми сторонами (НН № 37), *бронзовые зооморфные замки* – как целые (2 экз.: НН № 24, 35), так и фрагментированные (1 экз.: БК-1; 1 экз.: Бш-3; 1 экз.: Бш-2), а также *ключи* от них (1 экз.: НН № 9; 1 экз.: БК-1; 2 экз.: Бш-3). Встречена *дужка от железного зооморфного замка* (БК-1).

Предметы вооружения восточного происхождения представлены черенковым трёхлопастным кунжутolistным наконечником стрелы (К-2) и роговым кольцом для стрельбы из лука (Коваль, 2010б, с. 80).

Строительные материалы – единичны. Это фрагмент *поливной каминой плитки* с глухой ультрамариновой поливой (НН № 35), и, как правило, фрагментированные *красноглиняные трубы* от дымоходов (6 экз.: НН № 20, 35).

Сырьё. Кроме цветного металла, в котором нуждались нижегородские ювелиры и медники, ряда других археологически не фиксируемых сырьевых товаров в Нижний Новгород поставлялась какая-то часть сырья для местных косторезов. На это указывают находки рогов сайгака со спилами (2 экз.: НН № 37) и поделка из бивня слона или мамонта (БК-1)¹⁰.

Торговый инвентарь и монеты. К привозному инвентарю, связанному с торговыми операциями, относится *бронзовая створка от гири из Ирана* с композицией «птицы у древа жизни» (НН № 6), монеты Золотой Орды – серебряные данги (19 экз.: НН № 7, 11, 25, 36, 38, 43; 6 экз.: НО (БК-1, Кд-2¹¹; Бш-2; Бш-3)) и медные пулы (8 экз.: НН № 15, 35, 36, 38). Случайные находки, не связанные с проведением археологических исследований: данг хана Токты и клад из 183-х джучидских монет (Петров, 1997, с. 5, 6). Из 24 доступных для исследования серебряных монет XIV в., 22 имеют следы подрезки, что ограничивает наиболее вероятное время их археологизации промежутком начала 70-х гг. XIV – первым десятилетием XV в.

Самой распространённой категорией восточного инвентаря в Нижнем Новгороде и на памятниках его округи является неполившая краснолощённая посуда. Её востребованность в быту средневековых нижегородцев, вероятно, обуславливалась дефицитом характерных для неё форм (корчаг и кувшинов), местное производство которых сложно назвать традиционным и сколько-нибудь массовым. Второй по распространённости является парадная художественная керамика. Её находки известны не только в детинце, но и во всех районах нижегородского посада (рис. 1), а также на пяти сельских памятниках. В нижегородском кремле выделяется приуроченный к правому мысу Почаинского оврага участок с её максимальной встречаемостью: на раскопанных здесь площадках (НН № 11, 970 кв.м; НН № 35, 436 кв.м) одна находка приходится на 2,8–4,3 кв.м вскрытой площади. Разме-

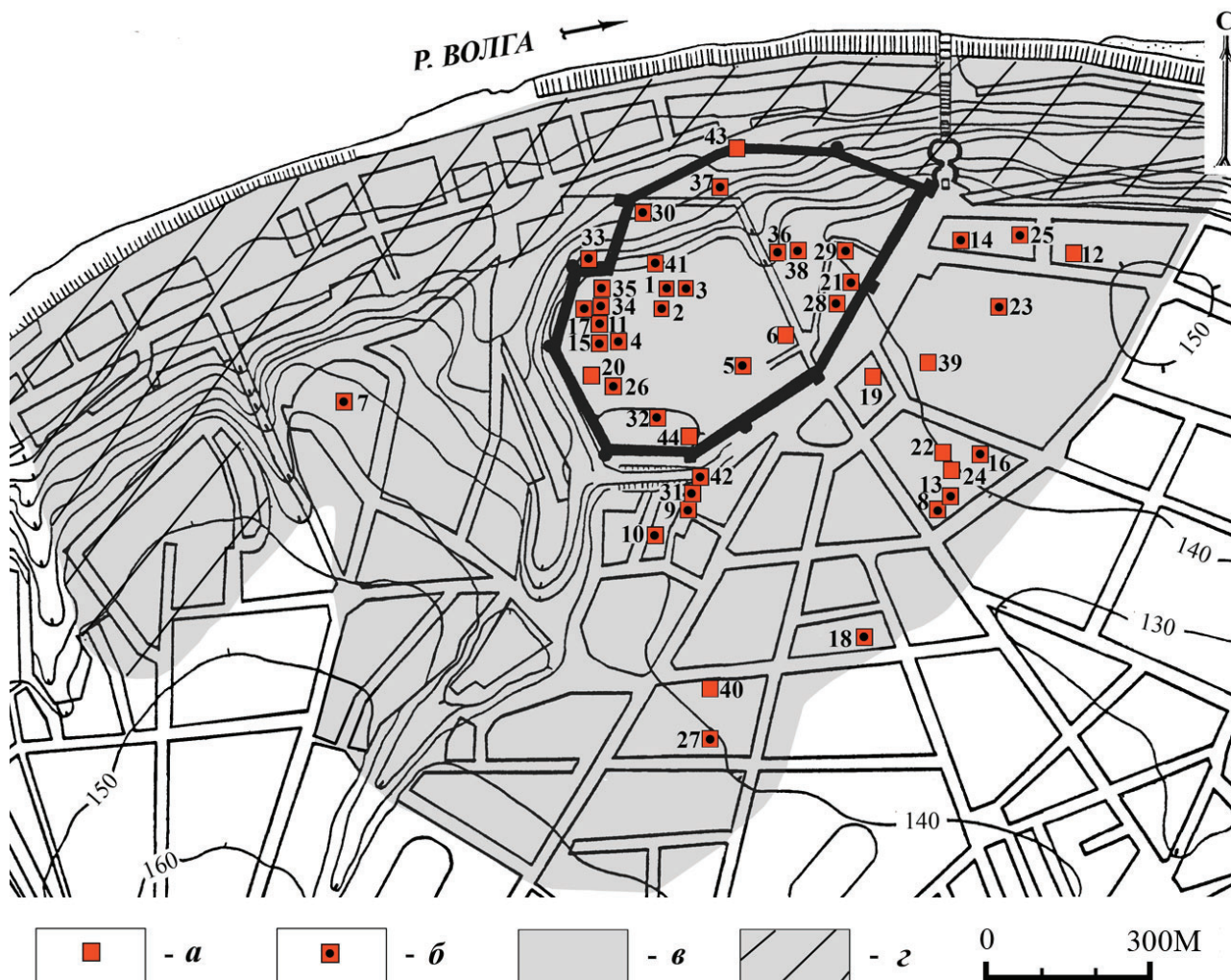

Рис. 1. Карта объектов археологических исследований в Нижнем Новгороде с находками средневековых предметов восточного импорта: *a* – места обнаружения восточного инвентаря без находок парадной художественной керамики; *b* – места обнаружения восточного инвентаря, в том числе – с находками фрагментов парадной художественной керамики; *v* – территория средневекового города XIII – начала XV вв.; *z* – плохо изученные районы средневекового города (без раскопок).

1 – раскоп, Воронин Н.Н., 1960 г.; 2 – раскоп, Черников В.Ф., 1964 г.; 3 – раскоп, Черников В.Ф., 1973 г.; 4 – раскопки, Черников В.Ф., 1977, 1979 гг.; 5, 6 – раскопки 1 (5) и 2 (6), Гусева Т.В., 1989 г.; 7 – раскопки, Гусева Т.В. (1991 г.), Грибов Н.Н. (1999 г.); 8 – шурф, Аникин И.С., 2003; 9 – пл. Театральная, раскоп 1, Ерёмин И.О., 1997 г.; 10 – раскопки, Гусева Т.В., Рогачёв А.Ю., 1998, 1999 гг.; 11 – раскоп, Лапшин В.А., 2001, 2002; 12 – раскоп, Носкова Л.М., 2000 г.; 13 – раскоп, Ерёмин И.О., 2002 г.; 14 – наблюдения, Зарубин Ю.В., 2003 г.; 15 – раскоп, Гусева Т.В., 2002 г.; 16 – раскоп, Шакулова Л.Д., 2003 г.; 17 – шурф, Зарубин Ю.В., 2003 г.; 18 – раскоп, Аникин И.С., 2005 г.; 19 – раскопки, Ануфриева И.В., 2005 г.; 20 – раскоп, Ерёмин И.О., 2006 г.; 21 – раскоп, Губайдуллин А.М., 2007 г.; 22 – раскоп, Лебедева Е.Э., 2007 г.; 23 – раскопки, Лебедева Е.Э., 2007 г.; 24 – раскоп, Данилов П.С., 2008 г.; 25 – раскопки, Лебедева Е.Э., 2008, 2009 гг.; 26 – раскоп, Пигарев Е.М., 2008 г.; 27 – раскоп, Четвертаков Е.В., 2008 г.; 28 – раскоп, Шакиров З.Г., 2008 г.; 29 – шурф, Четвертаков Е.В., 2009 г.; 30 – шурф, Бакулин Е.И., 2012 г.; 31 – раскоп, Сергина Т.В., 2013 г.; 32 – шурф, Бакулин Е.И., 2014 г.; 33 – шурф, Кравцов П.Н., 2013 г.; 34 – наблюдения, Гусева Т.В., 1997 г.; 35 – раскоп, Марьёнкина Т.А., 2019 г.; 36 – раскоп, Марьёнкина Т.А., 2019 г.; 37 – раскопки, Грибов Н.Н., Письмаркина А.И., 2018, 2019 гг.; 38 – раскоп, Грибов Н.Н., 2021 г.; 39 – раскоп, Очеретина С.В., 2015 г.; 40 – раскоп, Долгополов С.В., 2016 г.; 41 – наблюдения, Грибов Н.Н., 2021 г.; 42 – наблюдения, Гусева Т.В., 1992 г.; 43 – шурф, Королёв А.И., 2011 г.; 44 – шурф, Грибов Н.Н., 2021 г.

Fig. 1. Map of archaeological study sites in Nizhny Novgorod with imported medieval Oriental finds: *a* – places of discovery of oriental inventory with no discovered ceremonial art ceramics; *b* – places of discovery of oriental inventory, including discovered fragments of ceremonial art ceramics; *v* – territory of the medieval city of the 13th - early 15th cc.; *z* – understudied areas of the medieval city (without excavations).

1 – excavation, Voronin N.N., 1960; 2 – excavation, Chernikov V.F., 1964; 3 – excavation, Chernikov V.F., 1973; 4 – excavations, Chernikov V.F., 1977, 1979; 5, 6 – excavations 1 (5) and 2 (6), Guseva T.V., 1989; 7 – excavations, Gu-

seva T.V. (1991), Gribov N.N. (1999); 8 – pit, Anikin I.S., 2003; 9 – Teatralnaya sq., excavation 1, Eremin I.O., 1997; 10 – excavations, Guseva T.V., Rogachev A.Yu., 1998, 1999; 11 – excavation, Lapshin V.A., 2001, 2002; 12 – excavation, Noskova L.M., 2000; 13 – excavation, Eremin I.O., 2002; 14 – observations, Zarubin Yu.V., 2003; 15 – excavation, Guseva T.V., 2002; 16 – excavation, Shakulova L.D., 2003; 17 – pit, Yu.V. Zarubin, 2003; 18 – excavation, Anikin I.S., 2005; 19 – excavations, Anufrieva I.V., 2005; 20 – excavation, Eremin I.O., 2006; 21 – excavation, Gubaidullin A.M., 2007; 22 – excavation, Lebedeva E.E., 2007; 23 – excavations, Lebedeva E.E., 2007; 24 – excavation, Danilov P.S., 2008; 25 – excavations, Lebedeva E.E., 2008, 2009; 26 – excavation, Pigarev E.M., 2008; 27 – excavation, Chetvertakov E.V., 2008; 28 – excavation, Shakirov Z.G., 2008; 29 – pit, Chetvertakov E.V., 2009; 30 – pit, E.I. Bakulin, 2012; 31 – excavation, Sergina T.V., 2013; 32 – pit, E.I. Bakulin, 2014; 33 – pit, Kravtsov P.N., 2013; 34 – observations, Guseva T.V., 1997; 35 – excavation, Maryonkina T.A., 2019; 36 – excavation, Maryonkina T.A., 2019; 37 – excavations, Gribov N.N., Pismarkina A.I., 2018, 2019; 38 – excavation, Gribov N.N., 2021; 39 – excavation, Ocheretina S.V., 2015; 40 – excavation, Dolgopолоv S.V., 2016; 41 – observations, Gribov N.N., 2021; 42 – observations, Guseva T.V., 1992; 43 – pit, Korolev A.I., 2011; 44 – pit, Gribov N.N., 2021.

ры этого участка (140×70 м, площадь 0,9 га) существенно превосходят размеры крупных городских усадеб. Усреднённая по суммарной площади всех нижегородских раскопов встречаемость фрагментов художественной восточной керамики – один фрагмент на 28 кв.м, на селище Ближнее Константиново-1 – на 33 кв.м. Ассортимент парадной посуды характерен для рынков поволжских городов Золотой Орды. Главным городом – поставщиком восточных товаров в Нижний Новгород, вероятно, был г. Болгар, один из крупнейших восточноевропейских центров международной торговли – ближайший к Нижнему Новгороду.

Ареал монетного обращения области Болгара в последней трети XIV в., скорее всего, охватывал и поволжские земли суздальского княжества. На это указывают многочисленные находки в Городце-на-Волге, Курмыше, Нижнем Новгороде и его округе золотоордынских дангов первой половины – середины XIV в. со следами обреза (84% из 136 монет из Нижнего Новгорода, Курмыш и Городца-на-Волге) и отсутствие среди них монет хана Токтамыша (Петров, 1997, с. 21). Именно эти признаки определяют состав монетного серебра округа Болгара в указанный выше временной промежуток (Фёдоров-Давыдов, 1981, с. 20–22).

О тесных торговых связях с Болгаром свидетельствует широкое распространение в нижегородских землях краснолощённой керамики, среди которой часто встречаются фрагменты корчаг, украшенные валиками – характерным декором болгарских гончаров. Массовость находок, большие размеры краснолощённых корчаг указывают, скорее, на торговый характер их основного пути поступления в регион. С мастерскими Болгара связывают производство биконических бус и перстней из глушеного стекла цвета бирюзы, зооморфные бронзовые замки с циркульным орнаментом (Полубояри-

нова, 1988, с. 167; 2006, с. 154; Полякова, 1996, с. 251).

До середины XIV в. предметы восточного импорта в комплексах Нижнего Новгорода – единичны. Основной массив местных «восточных» находок, как и в Великом Новгороде, Москве, Твери, Переяславле Рязанском, связан с промежутком середины – второй половины XIV в. (Коваль, 2010а, с. 194, 195; Грибов, 2006, с. 70). Синхронность пиковых значений распространения восточных вещей в разных областях Руси даёт повод задуматься над историческими предпосылками этого явления – общими для разных регионов, отодвигая на второй план локальные события, способствовавшие проникновению восточных вещей на русские земли – такие как походы ушкуйников, приезд послов, поездки князей в Орду. В качестве главных предпосылок приуроченности ввоза на Русь основного объёма восточных вещей к финалу эпохи экономического могущества Золотой Орды и «великой замятне» можно предполагать проявившийся уже в 40-е гг. XIV в. спад «дальней» торговли и появление к этому времени значительного числа потенциальных потребителей иноземных товаров в русских княжествах.

Политический, экономический и демографический кризис середины XIV в. коснулся не только Золотой Орды, но и земель важнейших её торговых агентов – Причерноморья, Средней Азии, Ирана (Карпов, 2001, с. 309–326). В этой связи можно предполагать переформатирование поволжского рынка в это время, его перенацеленность на узко-региональные торговые площадки, а с учётом сепаратистских тенденций – его сегментацию. Спустя четыре года после политического обособления Болгара (1361 г.) летопись сообщает о присутствии в Нижнем Новгороде восточных купцов – бессермян (болгар) (Тихомиров, 1972, с. 88), татар и армян, пребывавших в городе на окском устье вместе с жёнами

и детьми (ПСРЛ. С. 104). Часть из редких привозных вещей, несвойственных русскому быту (тувак, котлы, фляги, зеркала), могли оставить семьи этих торговцев, некоторые из которых по своему происхождению являлись степняками (татары) (Руденко, 2002, с. 156).

К середине XIV в. в разорённых княжествах Северо-Восточной Руси уже сформировался достаточно широкий круг обеспеченных людей – не только бояр-«вечников»,

но и «княжьих слуг». Часть из них к этому времени получили земельные вотчины. Существенный рост потенциальных покупателей восточных вещей в Нижнем Новгороде, очевидно, произошёл в 1350 г., когда сюда был переведён двор суздальского князя. С этого времени можно предполагать особую роль Нижнего Новгорода в посреднической торговле восточными товарами, поступавшими на Русь.

Примечания:

¹ Материал из масштабных исследований в зоне строительства Дома Правительства, начатых в 2006 г. и пока не завершённых научным отчётом, в настоящем обзоре представлен только единичными опубликованными находками.

² НН № 36 – Нижний Новгород, номер места находки по рис.

³ НО (Бш-3, Кз-3, Н-3) – памятники Нижегородской округи: поселение Бешенцево-3 (Бш-3), селища Кузнечиха-3 (Кз-3), Новопокровское-3.

⁴ БК-1 – селище Ближнее Константиново-1.

⁵ П-1 – поселение Подвязье-1.

⁶ К-2 – селище Копнино-2.

⁷ Д-10 – поселение Доскино-10.

⁸ Бш-2 – селище Бешенцево-2, БК-4 – селище Ближнее Константиново-4, О-1 – поселение Ольгино-1.

⁹ Бр-7 – селище Бурцево-7.

¹⁰ Видовое определение выполнено к.б.н. Е.Е. Антипиной.

¹¹ Кд-2 – селище Кудрёшки-2.

ЛИТЕРАТУРА

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (па материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических материалов. Вып. 10 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2006. С. 62–91.

Гусач И.Р. Спасательные археологические раскопки в г. Азове по ул. Суворова, 23 в 2002 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2004. С. 90–95.

Карпов С.П. Средневековый Понт. Lewinston – Queenston – Lamperter: The Edwin Mellen Press, 2001. 475 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010а. 269 с.

Коваль В.Ю. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН; Наука, 2010б. С. 76–85.

Петров П.Н. Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // Древности Нижегородского Поволжья. Сборник статей. Выпуск 2. Нумизматический сборник. Том I / Отв. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород: Конвек, 1997. С. 9–24.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Полубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–158.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.

Руденко К.А. «Татарская земля»: археологические памятники XIV – начала XV вв. в Среднем Поволжье // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 154–165.

Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1972. 424 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси. М.: МГУ, 1981. 224 с.

Информация об авторе:

Грибов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nnhora@yandex.ru

REFERENCES

Gribov, N. N. 2006. In Molev, E. A. (ed.). *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkhologii (Nizhny Novgorod Studies on Local History and Archaeology)* 10. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii Gumanitarnyi Tsentri Publ., 62–91 (in Russian).

Gusach, I. R. 2004. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2002)* 19. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 90–95 (in Russian).

Karpov, S. P. 2001. *Srednevekovyy Pont (Medieval Pontos)*. Lewinston – Queenston – Lampeter: The Edwin Mellen Press (in Russian).

Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Koval', V. Yu. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Nove arkhologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 76–85 (in Russian).

Petrov, P. N. 1997. In Petrov, P. N. (ed.). *Drevnosti Nizhegorodskogo Povolzh'ya (Antiquities of the Nizhny Novgorod Volga Region) 2. Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* I. Nizhnii Novgorod: "Konvek". 9–24 (in Russian).

Simeonovskaya letopis' (Simeonov Chronicle). 2007. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 18. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 152–158 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. In Egorov, V. L., Zelenev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: State Historical Museum Publ., 154–165 (in Russian).

Tikhomirov, M. N. 1972. *Rossiyskoe gosudarstvo XV–XVII vekov (The Russian State of the 15th–17th Centuries)*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1981. *Monety Moskovskoi Rusi (Coins of Muscovy)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Author:

Gribov Nikolai N. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Dm. Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; nnhora@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТАРОГО ПОСАДА ГОРОДА КАСИМОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2009-2018 ГГ.)

© 2022 г. Ф.А. Ахметгалин, А.И. Хазиев, Н.Н. Грибов

Статья посвящена выяснению периодизации посудной керамики Старого Посада города Касимова. В результате исследований было выделено 3 керамических группы. Первая группа датируется второй половиной XII – началом XIII вв., орнамент, как правило, – линейный. Вторая группа сложилась в промежутке второй половины XIII – начала XV вв., сосуды украшены разреженным линейно-волнистым или линейным орнаментом, и первая вторая группа сделаны из беложгущейся глины. Третья группа датируется второй половиной XV – серединой XVI вв. В ней выделяются три традиции: *первая* представлена белоглиняными горшками с линейным орнаментом, *вторая* представлена фрагментами белоангобированных кумганов из красножгущейся глины, она соотносится с продукцией московских мастерских, *третья* традиция – керамика хорошего обжига насыщенного коричневатого-красного цвета, украшенная лощением, связана с продукцией гончаров Средней Волги. Четвёртая группа датируется второй половиной XVI–XVII вв., это белоглиняная посуда коломенского типа и образцы посуды чернолощёной и морёной. Намеченное хронологическое распределение керамической посуды указывает на возможную связь данного исторического поселения с Городком Мещерским XIII–XIV вв. и Городком Касимовым середины XV – первой половины XVI вв.

Ключевые слова: археология, средневековье, керамическая посуда, город Касимов, Касимовское ханство, Старый Посад, периодизация.

CERAMICS OF THE OLD POSAD OF THE CITY OF KASIMOV (BASED ON RESEARCH MATERIALS OF 2009–2018)

F.A. Akhmetgalin, A. I. Khaziev, N. N. Gribov

The paper is concerned with the clarification of the periodization of pottery ware from the Old Posad of the city of Kasimov. As a result of the research, 3 ceramic groups have been identified. The first group dates the second half of the 12th – early 13th centuries, and generally has a linear ornament. The second group was formed in the interval between the second half of the 13th – early 15th centuries, the vessels are decorated with sparse linear-wavy or linear ornament, and the first and second groups are made of white-burning clay. The third group dates from the second half of the 15th to the middle of the 16th centuries. It features three traditions, the *first* of which is represented by white clay pots with a linear ornament, the *second* is represented by fragments of white-glazed kumgans made of red-burning clay, correlating with the products of Moscow workshops, and the *third* tradition is good-fired ceramics of rich brownish-red color decorated with polishing, associated with the products of the Middle Volga potters. The fourth group dates from the second half of the 16th to the 17th centuries and consists of white clay ware of the Kolomna type and specimen of black-glazed and stained ware. The identified chronological distribution of ceramic ware indicates a possible connection of this historical settlement with the Town of Meshchersky of the 13th–14th centuries and the Town of Kasimov in the mid-15th – first half of the 16th centuries.

Keywords: archaeology, Middle Ages, ceramic ware, city of Kasimov, Kasimov Khanate, Old Posad, periodization

В ходе археологических исследований 1999–2021 гг. в г. Касимов Рязанской области удалось локализовать ряд районов, связанных с разновременным освоением городской территории. Наиболее интересным для изучения исторического развития структуры городской планировки оказался Старый Посад. Само название этого района, а также отсутствие в центральной части современного Касимова находок, которые можно было бы связать с начальным этапом городской истории, заставили обратить на него особое

внимание (Ахметгалин, Ситдигов, 2020, с. 137).

Аутентичные письменные источники об основании и начальном этапе развития г. Касимова неизвестны. Реконструируя первую главу истории города (до середины XV в.), исследователи вынуждены обращаться к косвенным данным из единичных актов конца XIV – начала XV вв. и Родословных книг, содержащих много легендарных, неverified сведений по другим источникам, сведений. В этой связи особую актуальность

приобретают археологические материалы, позволяющие провести «ревизию» историографических построений.

В историографии сложилось представление о трёх этапах ранней истории Касимова. Первый этап – домонгольский; отдельными исследователями основание города приписывается Юрию Долгорукому (1152 г.). Второй этап ознаменовался переносом города на новое место – сразу после взятия его монгольскими войсками в XIII в. Третий этап начался после передачи Городка Мещерского хану Касиму, когда город ещё раз был перемещён – туда, где находится современный административный центр, а перед этим располагался деревянный кремль (между Успенским и Никольским оврагами (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 41). В этом районе, на Татарской горе, был поставлен Ханский двор, а в 1460-х годах ханом Касимом построена каменная ханская мечеть (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 60). Однако археологические исследования 1999–2021 гг. показали, что в районе ханской мечети формирование культурного слоя началось не ранее XVI в., а на других участках современного города – не ранее начала XVII в. (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 134–135). Поэтому взгляды исследователей обратились к Старому Посаду.

Ранее в этом районе было известно Старое Татарское кладбище с надгробиями XVI–XVII вв. По легендарным сведениям, сохранившимся в трудах В.В. Вельяминова-Зернова, Х. Фаизханова, касимовского архитектора и краеведа И.С. Гагина, здесь же располагались мавзолеи, «каменные палатки» татарских «царей» (Гагин, 1902, с. 277–278; Вельяминов-Зернов, 1863, с. 187, 191). На плане г. Касимова XIX в. из экспозиции краеведческого музея, в этом районе локализуется Старая Татарская слобода. В черте Старопосадского татарского кладбища на прилагающейся к карте гравюре видны остатки несохранившихся ныне мавзолеев и некоторых других сооружений (Ахметгалин, Ситдииков, 2020, с. 138).

В настоящее время Старый посад представляет собой один из городских районов с усадебной деревянной застройкой. Он находится на левом берегу р. Оки при устье р. Бабенки, отделяясь её долиной (с северной стороны) от остальной части города. Старый Посад занимает возвышенный, изрезанный оврагами, участок речного побережья с двумя приовражными мысами. На одном мысу – меньшем по размерам, высоком и обрывистом – расположена Георгиевская церковь. К югу от неё, на втором мысу – длинном и

пологом, в глубокой ложбине проложен спуск к р. Оке. С южной стороны глубоким оврагом район Старого Посада отделен от деревни Уланова Гора. Площадь современного поселения – около 36 га.

Проведённые на Старом Посаде исследования носили пока только разведочный рекогносцировочный характер. В 2009 г. изучена зачистка обнажения в верхней части берегового обрыва в районе Георгиевской церкви (Ахметгалин, Хамзин, Беляев, Ситдииков, 2016, с. 186). В 2014 г. в огороде местных краеведов Игнатъевых (ул. Старопосадская, д. 1) заложен первый шурф (2×2 м). Предварительная оценка собранного керамического материала позволила датировать начало формирования культурных отложений и одно сооружение второй половиной XV – первой половиной XVI в. (Ахметгалин, 2014, с. 25–29). В 2016 г. на Старом Посаде было заложено два шурфа на ул. Малоокской – шурф № 2 (2×2 м) на огороде д. 20 и шурф № 3 (2×4 м) у д. 10А. В первом вскрытии культурные отложения зафиксированы в виде одного слоя темно-серой гумусированной супеси XIII–XXI вв., обнаружено два сооружения. Во втором – обнаружены три сооружения, две столбовые ямы и подклет наземного дома. В культурных отложениях выделено два слоя: верхний слой – темно-серая гумусированная супесь с включением пещины, нижний – серая супесь с включением подзола. Верхний слой по керамическому материалу датирован XIV–XVIII вв., нижний – XIII–XIV вв., подклет наземного деревянного дома – второй половиной XIV в. (Ахметгалин, 2016, с. 28–38). В 2018 г. были заложены ещё три шурфа. Шурф № 4 разбит в 50 м к северу от дома № 18 по ул. Малоокской, шурф № 5 – в огороде дома № 2 по улице Окская, шурф № 6 – на периферии огородного участка дома № 10 по ул. Старопосадской. В первом шурфе под слоем темно-серой супеси обнаружено углублённое сооружение, датированное по находкам и 38 фрагментам керамики серединой XV – первой половиной XVI вв. Во втором шурфе зафиксирован слой темно-серой супеси. По малочисленным находкам (8 фрагментов керамики) его сложение отнесено к XVII–XXI вв. В шурфе № 6 вскрыт слой темно-серой супеси, три столбовых ямы, датированные по 50 фрагментам керамической посуды второй половиной XV – первой половиной XVI в. (Ахметгалин, 2018, с. 20–30).

Целью настоящей статьи является хронологическая оценка всего собранного на Старом

Посаде керамического материала для выяснения возможной связи данного исторического поселения с легендарным Городком Мещерским XIII–XIV вв. и «Царевичевым» Городком – Касимовым середины XV – первой половины XVI вв.

Собранная на Старом Посаде в 1999–2018 гг. керамическая коллекция невелика по объёму (1005 фрагментов) и состоит преимущественно из небольших морфологически малопредставительных фрагментов¹. Поэтому сделанные на основании её изучения хронологические определения не могут быть ограничены узкими рамками, а выводы исторического порядка следует рассматривать лишь как предварительные, требующие подтверждения результатами более масштабных исследований.

Наиболее архаичная группа керамики Старого Посада представлена несколькими маловыразительными обломками стенок лепных плохо обожжённых сосудов с примесью шамота и выгоревшей органики или крошки известняка. Вся остальная керамика – гончарная. Основная масса местной «круговой» посуды может быть разделена на четыре хронологические группы.

Первую группу образуют фрагменты древнерусской керамики домонгольского облика (рис. 1: 1–5). Они выделяются по характерным формам венчиков и орнаменту. Венчики типичны для горшков «общерусского типа» – краевой участок горловин почти под прямым углом отогнут наружу и завершается внутренним утолщением с округлым (рис. 1: 3–5) либо подтреугольным (рис. 1: 2) сечением. Горшки с такими венчиками доминировали во второй половине XII – начале XIII вв. во многих районах Руси (Стрикалов, 1996, с. 151, 153, тип 5А). Орнамент, как правило, линейный. Образующие его параллельные линии прочерчены часто (с зазором до 1–1,5 мм) и покрывали большую часть тулова сосуда – от верха плечика до придонной части (рис. 1: 1, 5).

Вторая группа представлена совокупностью фрагментов русских средневековых горшков эпохи Золотой Орды. Собранный на памятнике комплекс этого времени по разновидностям венчиков, скорее всего, мог сложиться в промежутке второй половины XIII – начала XV вв. Среди морфологически выраженных фрагментов преобладают образцы сосудов с короткими цилиндрическими горловинами, увенчанными краевыми утолщениями, сформованными загибом края черновой ленты на внутреннюю поверхность

стенки и последующим отгибом образованного утолщения наружу под прямым углом (рис. 1: 6–10). Горшки с такими венчиками, по материалам Переяславля Рязанского, Москвы, характерны для второй половины XIII–XIV вв. (Стрикалов, 1996, с. 153, тип 6). В Нижнем Новгороде они, как правило, встречаются в сооружениях середины XIV – начала XV вв. (Грибов, 2006, с. 90, рис.8, группа 11). Ещё один встреченный на Старом Посаде характерный тип горшков – самый массовый в комплексах г. Нижнего Новгорода XIII – начала XV вв. – объединяет сосуды со слегка отогнутыми наружу венчиками с овалообразным внутренним краевым утолщением (рис. 1: 14, 16) (Грибов, 2006, с. 89–91. Группа 22). Другие встреченные формы наиболее характерны для комплексов второй половины XIII – середины XIV вв. (Грибов, 2006, с. 91, рис. 9, группа 15). Это горшки с короткими цилиндрическими горловинами и краевыми окончаниями, оформленными в виде неширокой наружной «манжеты с валиком» или «kozyрька» (рис. 1: 11, 12, 15). Отдельные сосуды второй группы были украшены разреженным линейно-волнистым (рис. 1: 13) или линейным (рис. 1: 14) орнаментом – характерным для посуды Северо-Восточной Руси указанного выше временного промежутка.

Технологические особенности большинства образцов русской средневековой посуды первой и второй групп традиционны для гончарства Поочья: в качестве отощающей примеси в тесте использован средне- или крупнозернистый (с размером зерна до 1 мм) песок, основным сырьём служила беложгущаяся глина. Представленные в коллекции фрагменты средневековых сосудов из красножгущегося сырья или с примесью дресвы – малочисленны.

Третья группа керамической посуды Старого Посада характерна для памятников и комплексов начала Московской Руси. Хронологические пределы её бытования могут быть ограничены второй половиной XV – серединой XVI вв. По стилистическим и технологическим особенностям керамика этого времени разделяется на три гончарные традиции.

Первую традицию представляют обломки серийных белоглиняных широкогорлых горшков с широким туловом и средневыпуклыми плечиками, увенчанными короткой цилиндрической горловиной с разреженными (преимущественно) полосками линейного орнамента – иногда заходящими на тулово (рис. 2: 1–6). Завершения венчиков выполнены путём

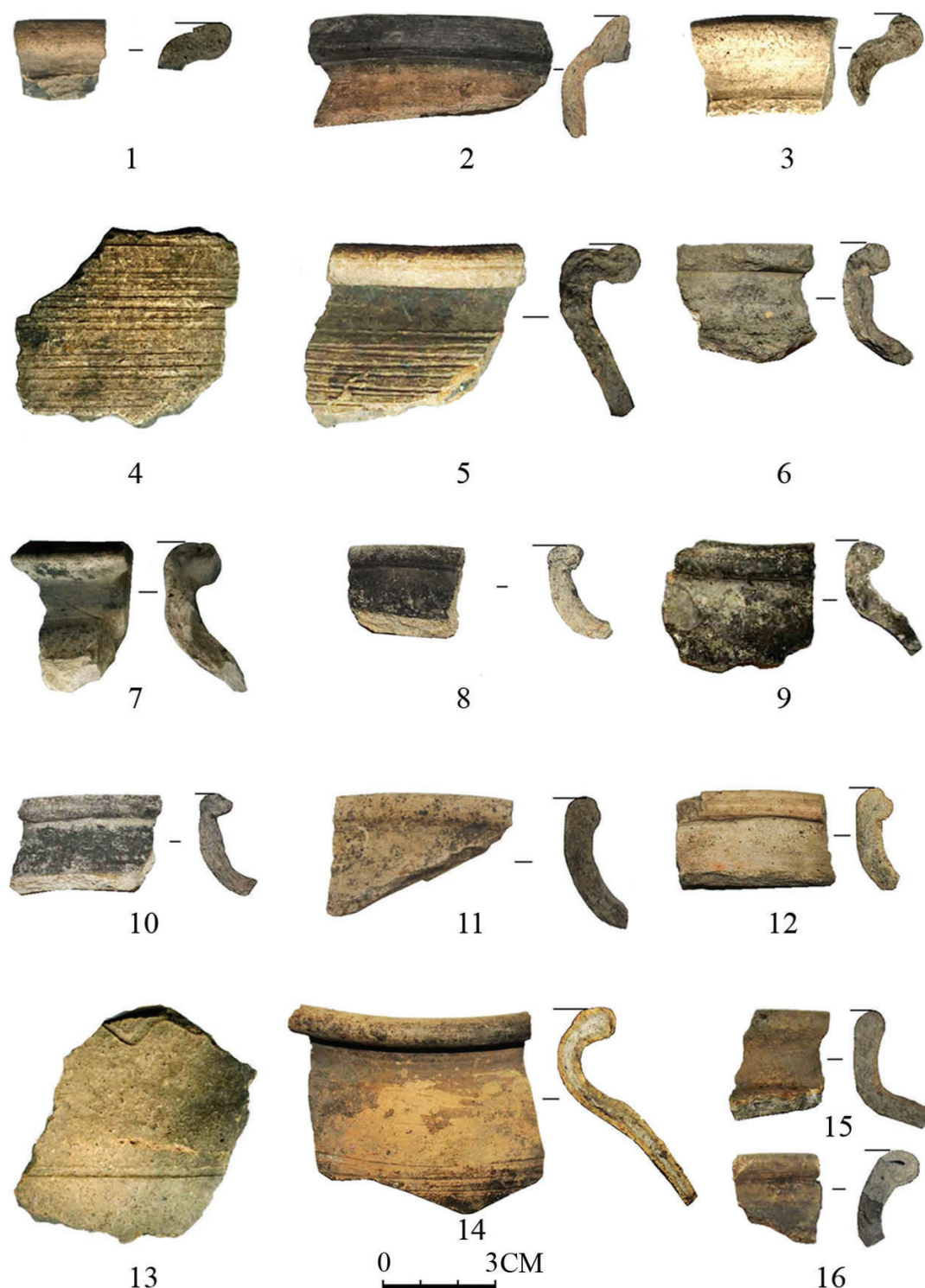

Рис. 1. Старый Посад г. Касимова. Русская керамика второй половины XII – начала XIII вв. (1–7) и середины XIII – начала XV вв. (8–16). Шурф № 3 2016 г.: 2, 6, 8–12, 14–16. Шурф № 3 2014 г.: 1, 3–5, 7, 13.
Fig. 1. Old Posad of the city of Kasimov. Russian ceramics of the second half of the 12th – early 13th centuries (1–7) and the middle of the 13th – early 15th centuries (8–16).

лёгкого нажима или подрезки края черновой ленты и не имеют сколько-нибудь значимых утолщений. Тесто сосудов, как правило, хорошо отмучено, не содержит искусственных примесей; у ряда образцов отмечено присутствие редкого песка и похожих на шамот комков плохо растёртой сухой глины. В облике этих сосудов просматривается стандарт

массовой ремесленной продукции, лежащий в основе выделения «керамики коломенского типа» (Коваль, 2005, с. 252).

Вторую традицию определяют редкие фрагменты белоангобированных сосудов из красножгущейся глины. К ним относятся пять образцов, вероятно, недекорированных изделий, облицованных снаружи белоглиняным

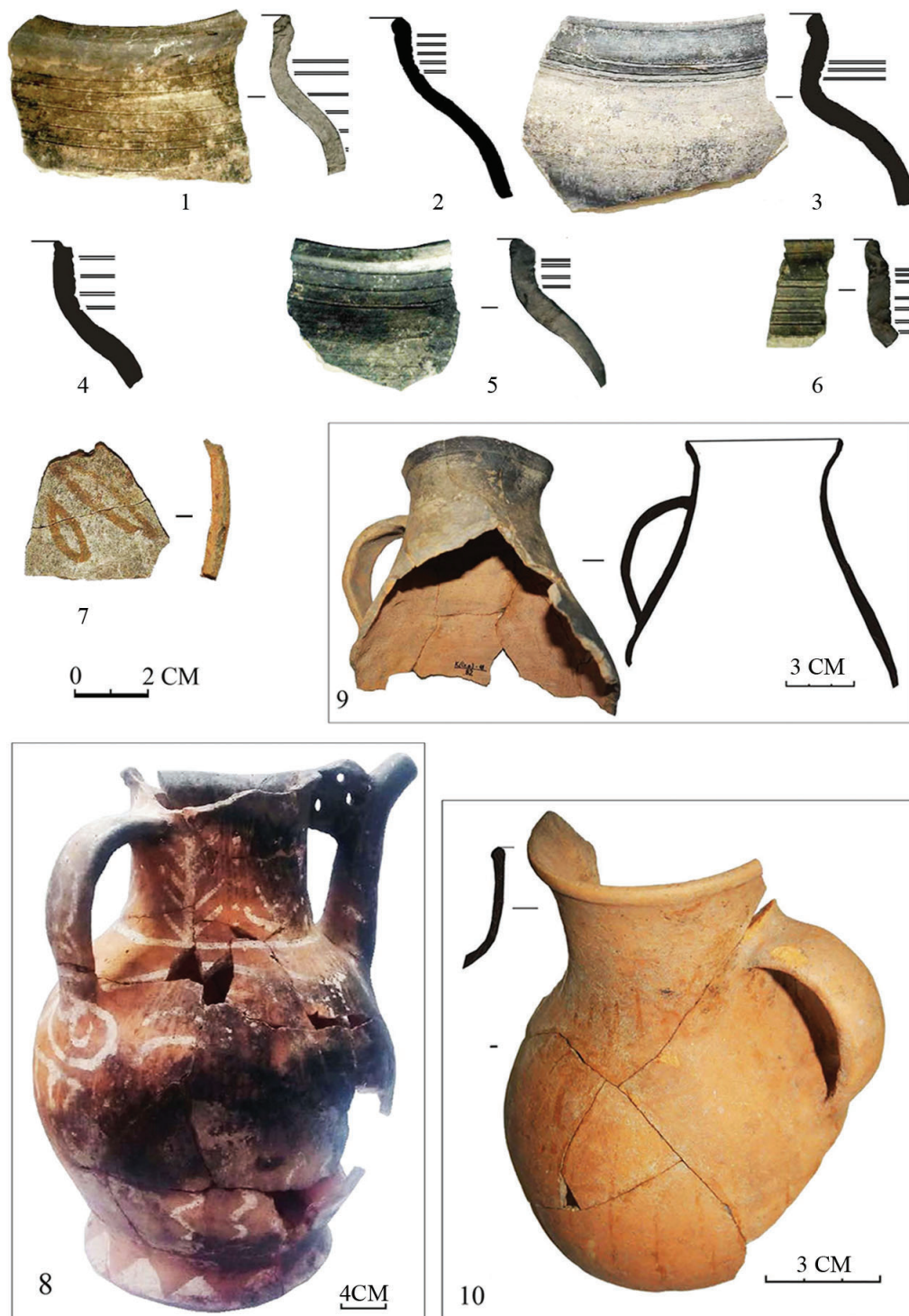

Рис. 2. Старый Посад г. Касимова. Керамика второй половины XV – середины XVI вв.: белоглиняная «коломенская» с тонким тестом (1–6); красноглиняная ангобированная (7, 8); красноглиняная лощённая (9, 10). Шурф № 3 2014 г.: 1, 3, 4, 6. Шурф № 4 2018 г.: 5, 10. Шурф № 6 2018 г.: 7–9. Зачистка № 1 2009 г.: 2.

Fig. 2. Old Posad of the city of Kasimov. Ceramics of the second half of the 15th – mid-16th centuries: white clay 'Kolomna' with thin dough (1–6); red clay glazed (7, 8); red clay polished (9, 10). Rabotage No 1, 2009: 2

покрытием. Единичные находки происходят от сосудов, покрытых белым ангобом с красной кистевой росписью (рис. 2: 7). Наиболее интересной находкой является реконструированный красноглиняный сосуд, украшенный кистевой росписью белым ангобом (рис. 2: 8). Это столовый кумган, по особенностям

профилировки близкий кумганам, известным по фрагментам из раскопок Москвы, Алексина, Сергиева Посада, Нижнего Новгорода (Розенфельдт, 1968, с. 23, 24; табл. 7, 1–13; Новосёлова, 2014; Грибов, 2018, с. 177, 178). Сосуд оснащён ложным коническим поддоном, цилиндрической, плавно расширяющейся-

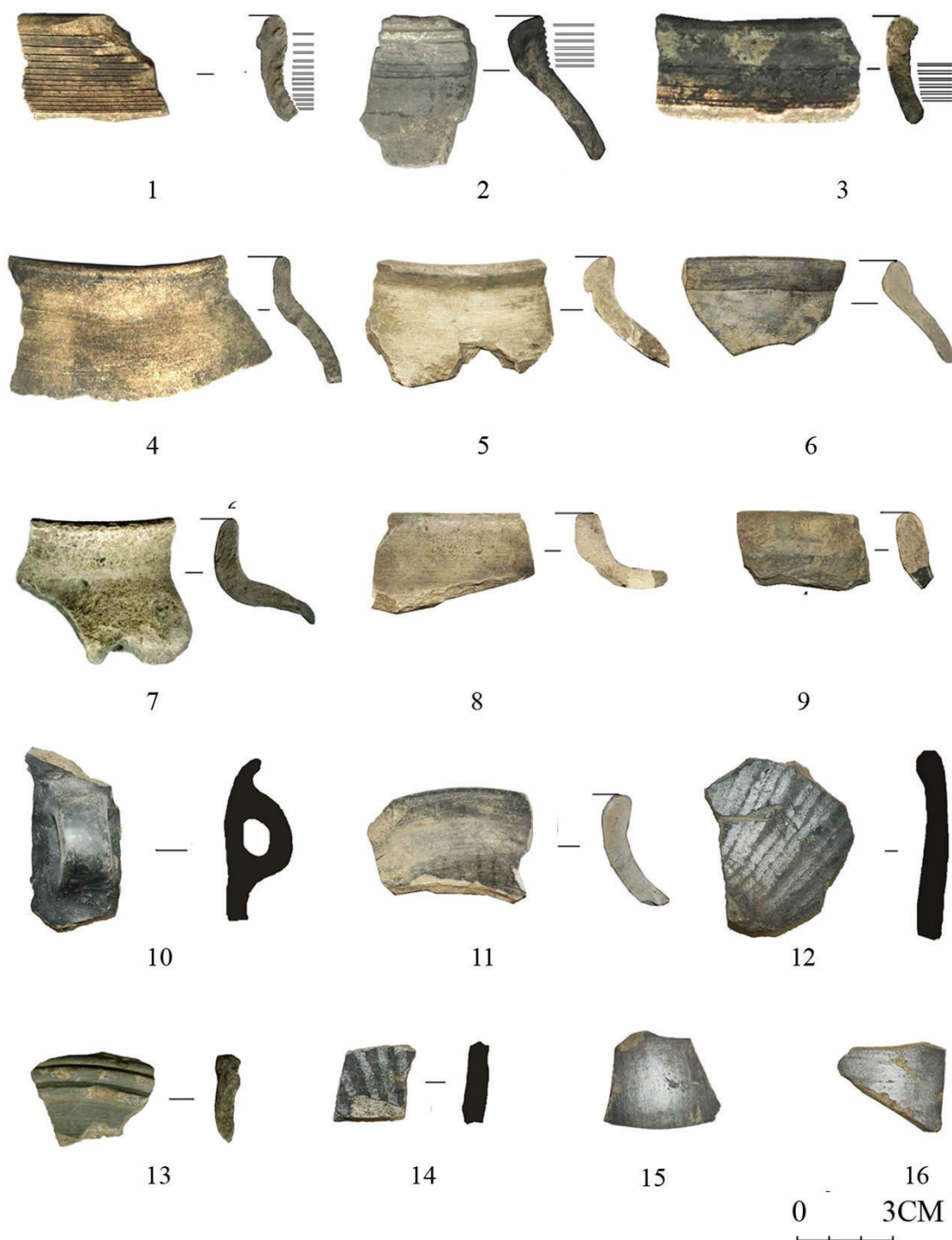

Рис. 3. Старый Посад г. Касимова. Керамика второй половины XVI – XVII вв.: белоглиняная с запесоченным тестом (1–9); морёная (13), чёрнолощёная с орнаментальным (10, 12–14) и сплошным (15, 16) лощением.

Шурф № 3 2014 г.: 1–4, 13. Шурф № 2 2016 г.: 5, 6, 8, 9, 11, 16. Шурф № 6 2018 г.: 7–8, 10, 12, 14, 15.

Fig. 3. Old Posad of the city of Kasimov. Ceramics of the second half of the 16th – 17th centuries: white clay with sandy dough (1–9), stained (13), black-glazed with ornamental (10, 12–14) and solid (15, 16) polishing.

ся вблизи самого края горловиной и трубчатым изогнутым носиком-сливом, прикреплённым пластиной, декорированной сквозными отверстиями; верхнее окончание уплощенной петлеобразной ручки прикреплено ниже краевого среза горловины. Обломки кумганов такой формы – отличные по изогнутому сливу

и другим деталям от известных восточных ритуальных сосудов, предназначенных для омовений – часто находят при раскопках г. Москвы и соотносят с малосерийной продукцией московских гончарных мастерских (Коваль, 2015, с. 420, 421). Существенным отличием от них кумгана из Старого Посада

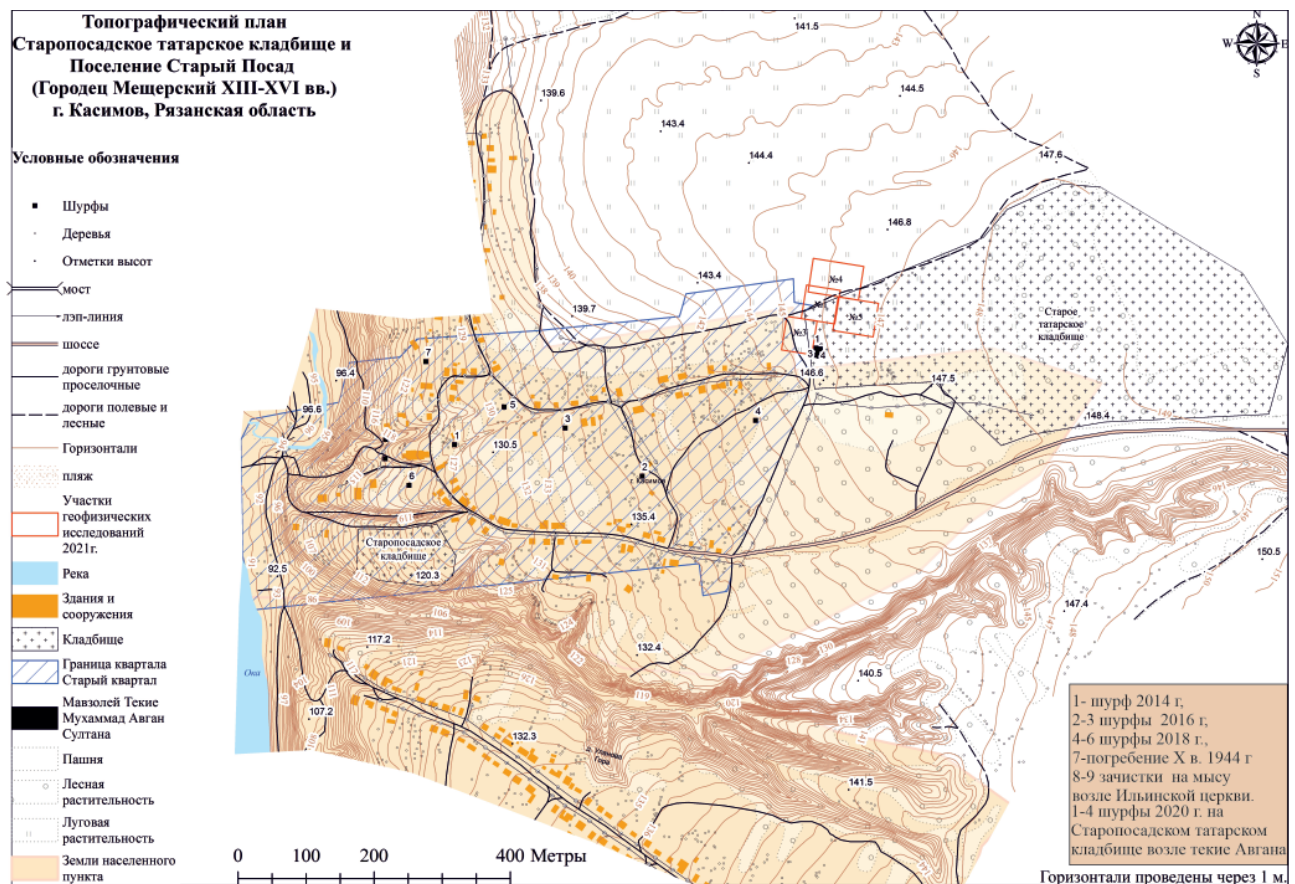

Рис. 4. Топографический план поселения Старый Посад и Старотатарского кладбища. Археологическая изученность.

Fig. 4. Topographic plan of the Old Posad settlement and Starotatarskoye cemetery. Archaeological study degree

является способ декорирования: его роспись выполнена белой глиной непосредственно по терракотовой поверхности сосуда, предварительно не облицованной ангобом. Отдельная находка донца в виде ложного поддона от ещё одного красноглиняного сосуда со следами росписи ангобом может указывать на существование местного производства кумганов с таким способом декорировки (Ахметгалин, Хамзин, Беляев, Ситдигов, 2016, с. 192, рис. 9, 1).

В Москве белоангобированная посуда наиболее типична для комплексов первой половины – середины XVI в. В предместье Нижнего Новгорода фрагменты расписных ангобированных кумганов встречены в комплексах с монетами Ивана III (Грибов, 2018, с. 178).

Третья традиция объединяет осколки посуды хорошего обжига из ожелезнённой глины насыщенного коричневатого-красного цвета. Очень часто она украшена лощением. Преобладают фрагменты кувшинов. Один из них имел цилиндрическую горловину со сливом, шарообразное тулово и петельчатую уплощенную в сечении ручку, прикреплён-

ную верхним окончанием ниже края горловины (рис. 2: 10). Основание горловины и тулово кувшина украшены тонкими разреженными полосками вертикального лощения. Один из частично реконструированных сосудов – кувшин-кружка, профилированная по образцу усечено-конических металлических кумганов (рис. 2: 9) (Коваль, 2014, с. 415).

Количество красноощёной керамики в коллекции Старого Посада сравнительно невелико (59 фрагментов). Именно среди посуды этой традиции – генетически восходящей к гончарству ремесленных мастерских Волжской Болгарии – наверное, следует, прежде всего, искать продукцию гончаров, которых могли перевезти сюда, в Царевичев Городок – Касимов, со Средней Волги.

Четвёртая группа керамики, выделенная в сборах со Старого Посада, хронологически более всего соответствует промежутку второй половины XVI–XVII вв. Прежде всего, это белоглиняная посуда из запесоченного теста, стилистически «развивающаяся» традицию горшков коломенского типа (рис. 3: 1–3) (группа МБК-3, см.: Коваль, 2001, с. 108) или близкая к ним по совокуп-

ности деталей профилировки – короткому, вертикально поставленному венчику и шарообразной форме тулова (рис. 3: 4–9). Линейный орнамент, состоящий из 7–14 линий, как правило, собран в узкую зону, покрывающую только венчик изделия. Краевое окончание венчиков очень часто имеет заметное утолщение подтреугольной или овальной формы. В Москве подобные сосуды появляются в XVII в. (Коваль, 2001, с. 108). У предполагаемых реплик коломенских горшков отсутствует орнамент, окончания венчиков иногда не отличаются утолщением, а слегка приострены или скруглены (рис. 3: 4, 7). Горшки такой профилировки известны преимущественно по комплексам конца XVI–XVII вв. (Кардаш, 2009, с. 234, рис. 3.39, 26).

К четвёртой группе относятся и немногочисленные (57 фрагментов) образцы посуды с преднамеренным восстановительным обжигом – чернолощёной и морёной. Как правило,

это фрагменты кувшинов с орнаментальным лощением (рис. 3: 10, 11). Поверхность наиболее ранних сосудов (XVI в.) покрыта сплошным лощением (рис. 3: 15, 16).

Намеченная периодизация керамики Старого Посада свидетельствует о перспективности предположения о связи данного поселения с ранней историей г. Касимова. Средневековое освоение его территории началось ещё в предмонгольское время и было продолжено в эпоху Золотой Орды. Комплекс посудной керамики второй половины XV – середины XVI вв. фиксирует этап хозяйственного освоения данного городского района вскоре после передачи Городца Мещерского в удел хану Касиму и возникновением Касимовского ханства. Малочисленность чернолощёной посуды позволяет предположить, что активность освоения территории Старого Посада снижается со второй половины XVI–XVIII вв.

Примечание:

¹ Около 85% всего керамического материала происходит из шурфов № 3 2014 г. (522 фрагмента) и № 3 2016 г. (334 фрагмента).

ЛИТЕРАТУРА

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Пильненского района Нижегородской области, Кадомского, Сасовского, Касимовского районов, г. Касимова Рязанская область за 2014 г. Казань, 2015 / Научный фонд МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об Археологических полевых исследованиях в г. Касимове, Касимовском районе Рязанской области, в Пильнинском районе Нижегородской области в 2018 году / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об Археологических полевых работах на территории г. Касимова, Касимовского, Кадомского районов Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области за 2016 год / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.

Ахметгалин Ф.А., Ситдинов А.Г. Историческая топография ханской столицы г. Касимова // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С.130–145.

Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Ситдинов А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 183–201.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 558 с.

Гагин И.С. О Касимовских царях татарских и памянниках с их времени существующих // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1901 г. Т. XVI. Вып. 3. Рязань, 1902. С. 266–279.

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (па материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических материалов. Вып. 10 / Отв. ред. Е.А. Молев.. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2006. С. 62–91.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург–Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.

Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле Московского кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 414–441.

Коваль В.Ю. Московская чернолощёная посуда // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2019. С. 383–400.

Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.

Новосёлова Т.Н. Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 419–425.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.

Стрикалов И.Ю. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна / Отв. ред. И.В. Белоцерковская, В.П. Челябинов. Рязань: ГИМ, 1996. С. 146–159.

Информация об авторах:

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

Хазиев Айназ Ильхамович младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ainaz.khaziev@mail.ru

Грибов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nnhora@yandex.ru

REFERENCES

Akhmetgalin, F. A. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti, Kadomskogo, Sasovskogo, Kasimovskogo raionov, g. Kasimova Riazanskaia oblast' za 2014 g. (Report on Archaeological Investigations on the Territory of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast, and Kadom, Sasovo and Kasimov Districts and the Town of Kasimov, Ryazan Oblast, for 2014)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2018. *Otchet ob Arkheologicheskikh polevykh rabotakh na territorii G. Kasimova, Kasimovskogo, Kadomskogo raionov Riazanskoi oblasti, Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti za 2016 god (Report on Archaeological Investigations on the Territory Town of Kasimov, Kadom, Kasimov Districts and the Ryazan Oblast, of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast for 2016)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2018. *Otchet ob Arkheologicheskikh polevykh rabotakh na territorii G. Kasimova, Kasimovskogo, Kadomskogo raionov Riazanskoi oblasti, Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti za 2016 god (Report on Archaeological Investigations on the Territory Town of Kasimov, Kadom, Kasimov Districts and the Ryazan Oblast, of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast for 2016)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 32 (2), 130–145 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Khamzin, R. N., Belyaev, A. V., Sitdikov, A. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 18 (4), 183–201 (in Russian).

Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Gagin, I. S. 1902 In *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii za 1901 g. (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission of 1901)* XVI (3). 266–279 (in Russian).

Gribov, N. N. 2006. In Molev, E. A. (ed.). *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniui i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local History and Archaeology)* 10. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii Gumanitarnyi Tsentri Publ., 62–91 (in Russian).

Gribov, N. N. 2018. *Nizhnii Novgorod v XV veke: poiski utrachennogo goroda (Nizhny Novgorod in the 15th Century: Search for the Lost Town)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (Proceedings of Rescue Archaeological Studies) 24. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Kardash, O. V. 2009. *Nadymskiy gorodok v kontse XVI – pervoy treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura (Nadymsky Town at the End of the 16th– First Third of the 18th Centuries. History and Material Culture)*. Ekaterinburg–Nefteyugansk: “Magellan” Publ. (in Russian).

Koval, V. Yu. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 414–441 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 383–400 (in Russian).

Koval', V. Yu. 2001. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 98–109 (in Russian).

Novoselova, T. N. 2014. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 419–425 (in Russian).

Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th – 18th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Strikalov, I. Yu. 1996. In Belotserkovskaya, I. V., Chelyapov, V. P. (eds.). *Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo basseyna (Archaeological Sites of the Oka Basin)* Ryazan: State Historical Museum, 146–159 (in Russian).

About the Authors:

Akhmetgalin Farid A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Khaziev Ainaz I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ainaz.khaziev@mail.ru

Gribov Nikolai N. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Dm. Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; nnhora@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.54.61>

НАХОДКА МОНГОЛЬСКОГО ДОСПЕХА В ОКРУГЕ ЕЛЬЦА

© 2022 г. Н.А. Тропин, С.В. Ермаков

На поселении Рябинки 2, датируемом концом XI – началом XIV вв., вблизи г. Елец (Верхнедонское Правобережье) обнаружены под дерном компактно залегающие ламинарные доспешные пластины, наременный наконечник с золотой аппликацией, кольца байданы. Подобные доспешные пластины, прямоугольные, удлиненные, один край которых закруглен в виде арочного оформления, противоположный – прямой, были на вооружении в монгольской армии. Наремный наконечник является типичным для каменского этапа аскизской культуры. Если находка монгольского доспеха является пока единственной в Верхнем Подонье, то наременные пластины аскизской культуры и другая, связанная с ней воинская гарнитура, известны уже на 9 памятниках этого региона и за его пределами на Юго-Востоке Руси пока не известны. Появление на памятнике этих находок могло произойти в середине – третьей четверти XIII века вместе с монголами, результатом деятельности которых было возрождение торговых связей в Донском бассейне.

Ключевые слова: археология, доспех, монголы, наременная накладка, байдана, импортная керамика, сельская округа Ельца, Юго-восток Руси, аскизская культура.

THE DISCOVERY OF MONGOLIAN ARMOR IN THE YELETS DISTRICT

N. A. Tropin, S. Ermakov

On the settlement of Ryabinki 2, dating from the late 11th – early 14th centuries, near the town of Yelets (Verkhnedonskoye field Right bank) under the turf compactly lying armor plates, an on-belt tip with a gold application, and baidana rings have been found. Similar armor plates, rectangular, elongated, with the top edge rounded in the form of an arched design, and the opposite edge straight, were in service in the Mongol army. The on-belt tip is typical of the Kamensk stage of the Askiz culture. If the discovery of Mongolian armor is still the only one in the Upper level in the Don region, the stone plates of the Askiz culture and other military equipment associated with it are already known on 9 monuments of this region and have not yet been found outside of it in the South-East of Russia. The appearance of these finds on the monument could have occurred in the middle or third quarter of the 13th century together with the Mongols, whose activity resulted in the revival of trade relations in the Don basin.

Keywords: archaeology, armor, Mongols, time plate, baidana, imported ceramics, rural district of Yelets, South-East of Russia, Askiz culture.

В 2018 г. во время раскопок Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина на поселении Рябинки 2 на р. Воргол вблизи г. Елец Липецкой области (Верхнедонское Правобережье), в 20 метрах северо-восточнее раскопа, при случайных обстоятельствах были обнаружены семь доспешных пластин, кольца байданы и наременный наконечник с золотой аппликацией (рис. 1). Находки лежали вместе, компактно под дерном, однако неаккуратное изъятие из слоя не позволило проследить их *in situ*. Подобные находки являются необычайно большой редкостью для территории Восточной Европы (рис. 2–3).

Состав находок:

1/93 (инд. номер по описи). Пластина доспешная, размеры – 24×78×1 мм. Сохранилась на полную высоту и ширину. Один ее край закруглен, в виде арочного оформления, противоположный – прямой. Насчитывается

11 круглых отверстий диаметром 1–1,5 мм. Со стороны арочного оформления расположены три отверстия по оси пластины. Ниже, на 1/3 от арочного края, расположены по два отверстия с левой и правой стороны пластины, попарно и симметрично. У противоположного, прямого края пластины находятся два отверстия в углах и одно между ними. Чуть выше их, примерно на 1/4, находится еще одно отверстие. Учитывая полную сохранность пластины, за исключением незначительных изъянов по краям, она полностью отражает характер крепления.

2/94. Пластина доспешная, размеры – 20×45×1 мм. Сохранность частичная, в ширину полная, обломана по длине с одной стороны примерно пополам. Сохранившийся край закруглен в виде арочного оформления, противоположный отломан. Насчитывается 7 сохранившихся отверстий. Расположение

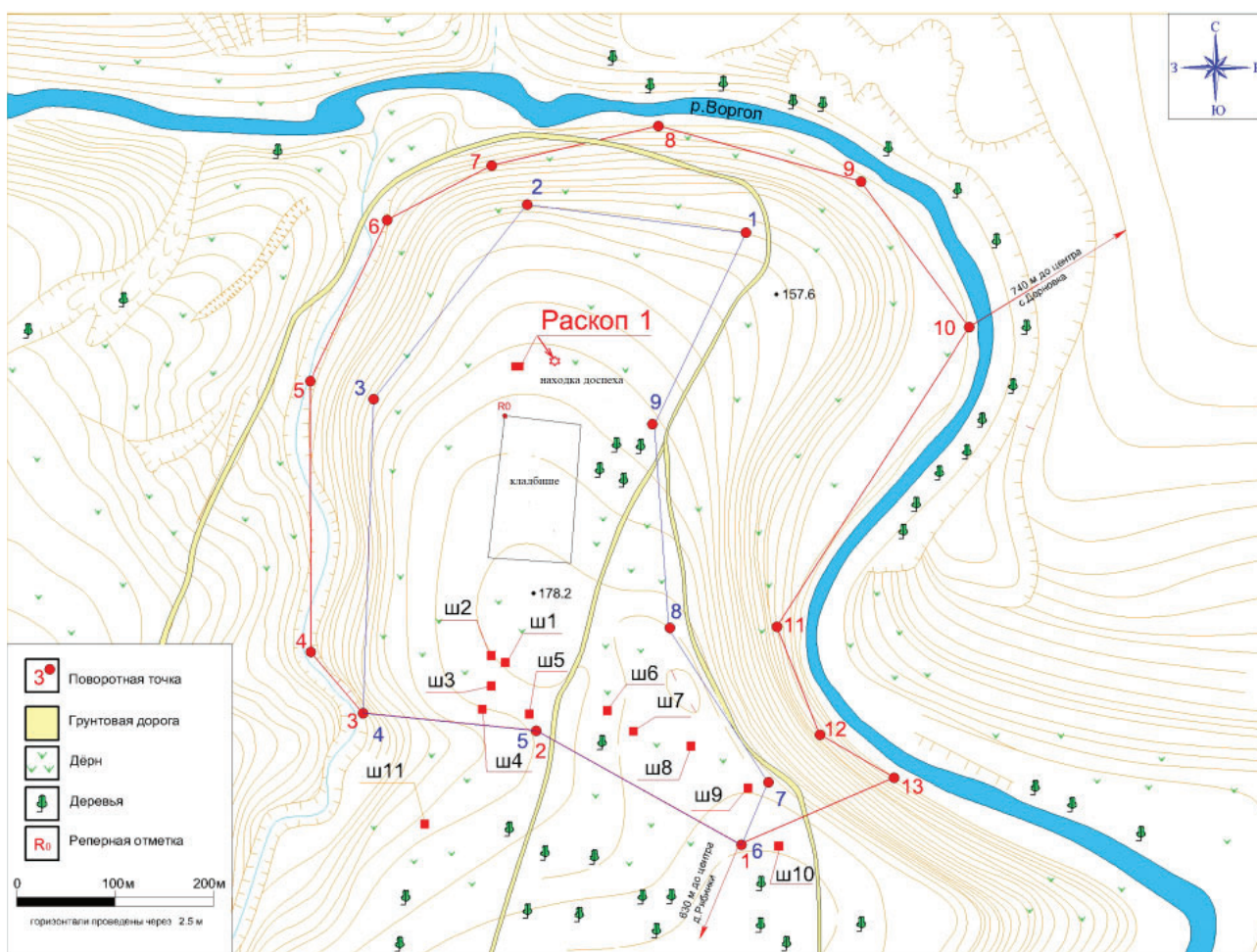

Рис. 1. План поселения Рябинки 2 с расположением раскопа и местонахождением доспешных пластин.
Fig. 1. The plan of the settlement of Ryabinki 2 with the location of the excavation and the location of the armor plates.

отверстий – три продольных и по два отверстия с левой и правой стороны пластины, попарно и симметрично, аналогичны пластине 1/93.

3/95. Пластина доспешная, размеры – 22×37×1 мм. Сохранность частичная, в ширину полная. Сохранившийся край закруглен в виде арочного оформления, противоположный отломан по уровню отверстий. Насчитывается 7 отверстий. Расположение отверстий аналогично пластинам 1/93, 2/94.

4/96. Пластина доспешная, размеры – 21×33×1 мм. Сохранность частичная, в ширину полная. Сохранившийся край прямой, противоположный отломан. Насчитывается 5 отверстий. Два отверстия фиксируются по углам и одно между ними. Еще одно отверстие расположено по центру, чуть выше. Эти отверстия полностью соответствуют пластине 1/93. Пятое отверстие расположено в середине пластины, вблизи обломанного края. Оно не фиксировалось на пластине 1/93.

5/97. Пластина доспешная, размеры – 22×29×1 мм. Сохранность частичная, в шири-

ну полная, обломана с обеих сторон по длине. Насчитывается 4 отверстия. Их расположение весьма близко к участку пластины с арочным оформлением и, несмотря на фрагментарность, идентично пластине 1/93.

6/98. Пластина доспешная, размеры – 23×33×1 мм. Сохранность частичная, в ширину полная. Сохранившийся край прямой, противоположный отломан. Насчитывается 4 отверстия. Расположение отверстий со стороны плоского края аналогично пластине 1/93.

7/99. Пластина доспешная, размеры – 14×36×1 мм. Сохранность частичная, в ширину полная. Сохранившийся край закруглен в виде слабовыраженного арочного оформления, противоположный отломан по уровню отверстий. Фиксируются 6 отверстий. Вероятнее всего, их было 8 – по четыре с каждого края пластины, попарно. Вероятно, что отломана 1/3 пластины. Пластина отличается от предыдущих не только размерами, но и расположением отверстий.

8/100. 4 кольца байданы. Диаметр кольца 13 мм. Все кольца плоские, толщиной 1 мм,

Рис. 2. Фото. Доспешные пластины (1-7), кольца байданы (8), наременная пластина (9)
 Fig. 2. Photo. Armor plates (1-7), rings baidana (8), time plate (9)

вес кольца 0,4 гр. Принцип крепления: кольцо с заклепкой закрепляло три сохранившихся сплошных кольца.

9 /101. Пластина наременная с бортиком по краям, суживающаяся незначительно к центральной части. Сохранность частичная. Размеры – 26×42×1 мм. Ее сохранившийся наиболее широкий край оформлен в виде «ласточкина хвоста». Поверхность пластины инкрустирована золотой фольгой. Сохранность декора низкая, однако просматриваются полосы, ромбы. По противоположным краям «хвоста» фиксируются шпильки.

Найденные семь доспешных пластин по размерам и по месту расположения отверстий относятся к двум видам. Пять фрагментированных пластин идентичны шестой пластине 1/93 полной сохранности. Одна пластина – 7/99 – относится к другому виду.

Возможно предложить наиболее оптимальный и практичный вариант крепления пластин, хотя он не единственный. Способы крепления ламеллярных пластин разнообразны, но сводятся к одному: их собирали на

кожаные шнуры (рис. 4). Пластины накладывались друг на друга, совмещая боковые отверстия. В них продевался шнурок из кожи и набирался ряд из нужного числа пластин. Таких подвижных рядов необходимо минимум шесть для защиты корпуса.

После того как все ряды были собраны, верхний край пластин обшивался кожаной полосой с обеих сторон, для того чтобы предотвратить перетирание шнуров крепления. Затем ряды пластин связывались между собой отдельными кожаными шнурами для подвижного соединения. Связка пластин на один общий шнур была бы непрактична, т.к. в случае возникающей необходимости ремонта доспеха или замены его отдельного сегмента это требовало очень много времени. На наш взгляд, удобным является шнур длиной 30 см, сложенный пополам. Он вставлялся в два верхних отверстия по центру, расположенных по вертикали пластины. После этого шнур продевался через центральное отверстие пластины другого ряда, оставляя небольшое удлинение для подвижности рядов. Концы шнура завязывались

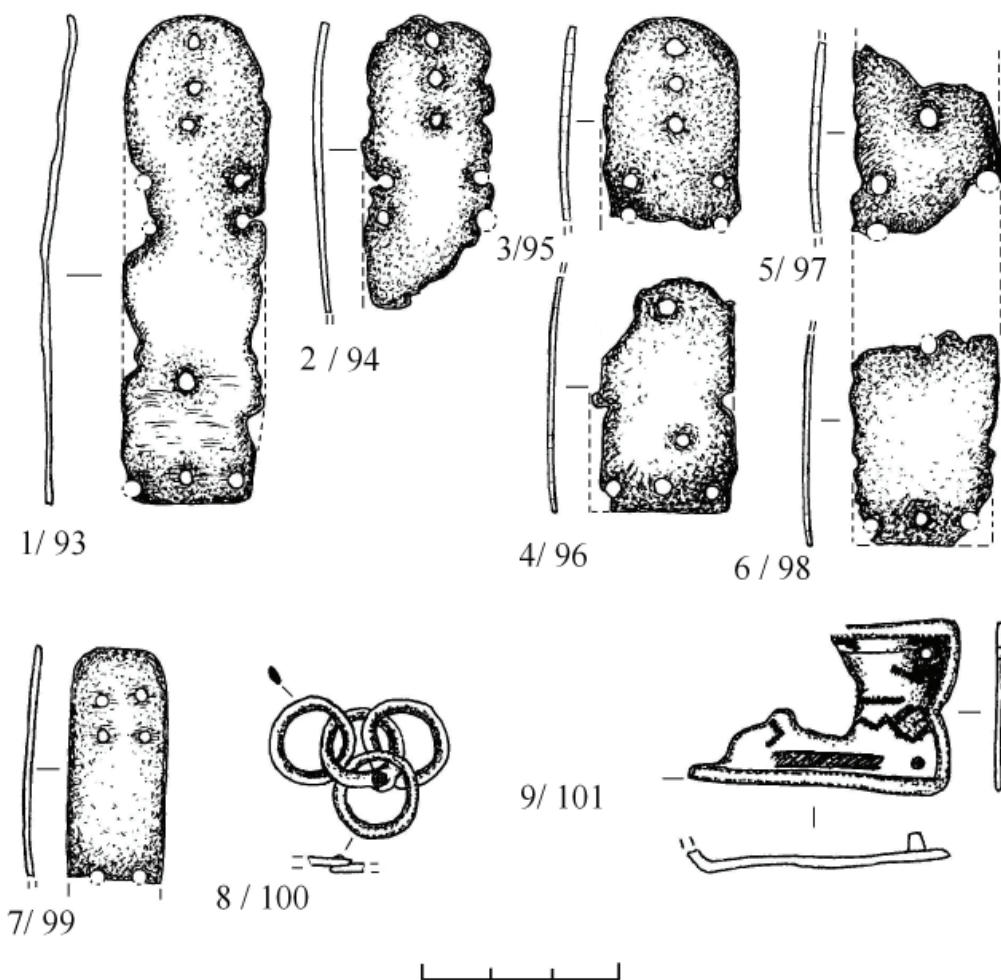

Рис. 3. Доспешные пластины (1-7), кольца байданы (8), наременная пластина (9)
Fig. 3. Armor plates (1-7), rings baidana (8), time plate (9)

зывались с обратной стороны пластин, фиксируясь узлом. В итоге, с внутренней стороны доспеха таких узлов было предостаточно. Оставшееся верхнее отверстие в пластине могло служить для дополнительного скрепления ламеллярных рядов в качестве усиления конструкции.

Датировка находок.

Контекст обнаружения находок позволяет их соотнести со временем бытования поселения Рябинки 2. Памятник занимает площадку высокого коренного правого берега р. Воргол (левый берег р. Быстрая Сосна, правый приток р. Дон), на участке, где русло реки петляет в каньонообразной долине (Тропин, 2019). Высота поселенческой площадки относительно уровня реки – 27–50 м. Размеры памятника 297×553 м (16,59 га), они установлены с учетом рельефа и результатов проведенных 11 шурфов (рис. 1). На центральном, наиболее возвышенном участке поселения расположено действующее сельское кладбище. Памятник обнаружен в 1973 г. разведкой В.И. Матвеевой (ИА АН СССР), зафиксировавшей кроме древ-

нерусской гончарной, еще и лепную керамику раннего железного века. В 1991 г. он повторно обследовался разведкой А.С. Саврасова в составе экспедиции Воронежского госуниверситета под рук. А.Д. Пряхина. В 2018 г. на нем впервые были проведены раскопки площадью 96 кв.м. Раскоп №1 расположен в центральной части поселения в месте концентрации кладоискательских «закопушек», вблизи северной ограды кладбища.

Итоги раскопок показали, что данное пространство являлось обжитым в течение длительного времени. На восточном участке раскопа исследованы остатки наземного жилища XII – середины XIII вв. с двумя строительными этапами. На западном участке раскопа зафиксировано наземное жилище второй половины XIII – начала XIV вв., уходившее за его борта.

Раскопки обнаружили выразительную серию находок, позволяющих датировать культурный слой и его объекты. К периоду XII – середина XIII вв. относятся браслеты из стекла (3 ед.) и медного сплава (1 ед.), решетки

Рис. 4. Реконструкция фрагмента доспеха
Fig. 4. Reconstruction of a fragment of armor

чатый перстень из медного сплава (1 ед.). Другие предметы быта имеют более широкий диапазон бытования: замки (2 ед.), рыболовный крючок (1 ед.), ножи (10 ед.) и др.

На западном участке раскопа, в основном в 1 пласте слоя, зафиксированы фрагменты импортной керамической посуды. Это фрагменты (стенка и ручка) амфоры XIII в. группы клейма SSS (консультация И.В. Волкова). Ко второй половине XIII – начала XIV вв. относятся фрагменты (122 фр.) маломерной амфоры типа Трапезунд (консультация В.Ю. Ковалю). И.В. Волков, относя их к трапезундской группе, датирует серединой – второй половиной XIII вв. Здесь же на западном участке встречены фрагменты (4 фр.) поливного кувшина крымского производства конца XIII

– начала XIV вв. (консультация А.Н. Масловского).

Проведенный анализ круговой керамики местного производства (2566 фр.) позволил выделить их три культурно-хронологические группы: 1) Керамика из красножгущихся глин, без визуально фиксируемых примесей (явное преобладание по отсутствию примесей), с оформлением рабочего края в виде манжета. Датируется по аналогиям концом XI – первой половиной XII вв.; 2) Керамика из красножгущихся глин, без визуально фиксируемых примесей с оформлением рабочего края «под желобок» (рабочий край завернут вовнутрь). Датируется началом XII – серединой XIII вв. (браслеты из стекла и медного сплава, решетчатый перстень); 3) Керамика из беложгущихся

ся глины без визуально фиксируемых примесей, с оформлением рабочего края напылом во внутрь сосуда или отогнутым наружу краем в виде козырька. Датируется второй половиной XIII – началом XIV вв. (импортная керамика).

Основным орнаментом для керамики трех хронологических групп был линейный декор (2/3 от количества фр.) с преобладанием в 2-4 линии. Незначительная доля волнистого декора и смешанных орнаментальных композиций (1/3 от количества фр.) указывает на факт, что время бытования керамики на поселении не выходило далеко в XIV в. Это наблюдение хорошо согласовывается с результатом раскопок поселения Березовка 5 в районе Куликова поля, которое датируется второй половиной XIII – началом XIV вв., и на котором волнистый орнамент составлял лишь 35 % (Гоняный, Гриценко, 2000, с. 153).

В итоге, поселение Рябинки 2 следует датировать концом XI – началом XIV вв. Проведенный столь обширный экскурс в датировку памятника важен для выяснения времени появления не типичных для Юго-Востока Руси доспешных пластин.

Как отмечалось, среди доспешных пластин обнаружена наременная накладная инкрустация позолоты. Подобные накладки соотносятся с аскизской культурой и датируются ее каменным этапом (Кызласов, 1983, с. 55, 59, 60, 66, 67. Табл. IX: 55, 56, 73). Не вдаваясь подробно в проблематику подобной наременной гарнитуры для Восточной Европы, важно сказать, что накладки с инкрустацией серебром или позолотой являются редкими для территории Верхнего Подонья (Тропин, 2016, рис. 1; 2018, с. 285–286). А за его пределами, на территории Юго-Востока Руси они неизвестны. Ранее мы пришли к выводу об их появлении в Верхнем Подонье в середине – третьей четверти XIII в. в связи с возобновлением монголами транзитных торговых путей после завоевания русских земель (Тропин, 2016; 2018, с. 288; Воротынцев, 2016, с. 59–61). Считаем, что археологический контекст поселения Рябинки 2, наряду с фактом распространения импортной посуды, не противоречит возможности датировать наременную накладку 9/101 этим же временем. Учитывая ее совместное нахождение с доспешными пластинами, их датировку на памятнике также следует соотносить с серединой – третьей четвертью XIII века.

Аналогии.

Основной очаг распространения подобных доспешных пластин находится среди средне-

вековых древностей Южной Сибири (Худяков, 1980) и был на вооружении монгольской армии (Горелик М.В., 2002, с. 21, 68). Ю.С. Худяков относит их к типу 2 чешуйчатых пластин прямоугольной, вытянутой формы с округленным нижним краем (Худяков, 1980, с. 119–123). Близкие по форме и пропорциям пластины со слегка закругленным краем известны на чжурчженских памятниках XIII вв. (Артемьева, 2013, с. 126, рис. 7).

Прямоугольные вытянутые пластины с закругленным нижним краем известны в центральных районах Казахстана. Показательной является находка фрагмента доспеха из кургана №1 могильника Карасуыр. Фрагмент доспеха представлен семью очень похожими по форме и краям пластинами, но с другим характером крепления. К сожалению, представленные авторами рисунки и фотографии являются мелкомасштабными. Краниологическая экспертиза мужского погребения из кургана №1 отнесла его к центрально-азиатской монголоидной расе. Датировка погребенного воина установлена радиоуглеродным анализом, показавшим две калибровочные даты 1270–1300 гг. н. э. (1-сигма) или 1250–1320 гг. н. э. (2-сигма), указывающие на вторую половину XIII – начало XIV вв. (Усманова, Дремов, Панюшкина, 2020, с. 187, 189–192; Рис. 6: 5, 11).

Одна из пластин с закругленным краем встречена в слоях XI–XII вв. Куктоша в Средней Азии (Аминов, 2017, ил. 162, 11). На нее обратил внимание польский исследователь Адам Кубик, указав на ее среднеазиатское происхождение (Kubik, 2020, р. 91). Благодаря воспроизведенной им фотографии пластины крупным планом видно, что по форме и пропорциям она идентична пластине с поселения Рябинки 2. Различия состоят в расположении отверстий.

Интересными для нас могут быть находки доспешных пластин из Великого Преслава (Болгария). При раскопках Дворцового монастыря найдены близкие по пропорциям пластины (26×75 мм), один край которых закруглен, другой плоский. Интересно, что на двух из них характер расположения отверстий идентичен пластине с поселения Рябинки 2, за исключением того, что три отверстия по оси пластины расположены не со стороны арочного оформления, как наши пластины, а с плоской стороны (Йотов, 2004, табл. XXX, 5-6, XXXI, 1-2).

Из ближайших от нас памятников интересные пластины встречены на Золота-

ревском городище, погибшем в монгольском нашествии в первой половине XIII в. (Белорыбкин, 2001, рис. 80, 6-8, 15). Однако расположение отверстий на пластинах иное. На этом же памятнике встречены пластины и другого вида, с четырьмя попарно расположенными отверстиями по противоположным краям (Белорыбкин, 2001, рис. 80, 3; рис. 81, 15). Отметим, что на городище также встречены в большом количестве предметы аскиз-

ской культуры: воинская гарнитура, снаряжение коня и др.

Подытоживая, считаем, что рассмотренные доспешные пластины и аскизская наременная пластина с золотой аппликацией появились на поселении Рябинки 2 в середине – третьей четверти XIII века вместе с монголами, находившимися непродолжительное время, результатом деятельности которых было возрождение торговых связей в Донском бассейне.

ЛИТЕРАТУРА

Аминов Ф.Ш. Отчет об исследованиях домонгольских слоев в Куктоше в 2016 году // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции / под ред. П.Б. Лурье. Вып. XXI. СПб.: ГЭ, 2017. С. 31–38.

Артемяева Н.Г. Чжурчженский панцирь типа корсет-кираса из Краснояровского городища // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 125–130.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 191 с.

Воротынцев Л.В. Верхний Дон на торговых путях Золотой Орды // История: факты и символы. 2016. № 2 (7). С. 59–73.

Гоняный М.И., Гриценко В.П. Поселение 2-ой пол. XIII – нач. XIV вв. Березовка 5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: тр. науч.- практ. конф. / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 144–165.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Йотов В. Вѣоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна: Зограф; Велико Търново: Абагар, сор. 2004. 218 с. (in Bulgaria).

Тропин Н.А. О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII века // Stratum plus. 2016. № 5. С. 133–142.

Тропин Н.А. О социальной атрибутике наременных накладок с открытых торгово-ремесленных поселений конца XI – начала XV в. в Верхнем Подонье // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 277–292 <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.253.277-292>.

Тропин Н.А. Керамика XI – начала XIV вв. средневекового поселения Рябинки 2 в Елецкой округе // Filo Ariadne. 2019. № 1. С. 9–26. URL: filoariadne.esrae.ru/15-263 (дата обращения: 28.03.2020).

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П. Этнокультурный код воинских формирований улуса Джучи (по археологическим свидетельствам могильника Карасуыр, Улытау, Центральный Казахстан) // Джучи: личность, эпоха, память. Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Алматы, 2020. С. 184–217.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Kubik Adam Lech. Medieval lamellar armour plate from the Penjikent. A contribution to the study of Mongol armour. In *Historia i Świat*. 2020. Nr. 9. P. 83–92. <https://doi.org/10.34739/his.2020.09.05> (in Poland).

Информация об авторах:

Тропин Николай Александрович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (г. Елец, Россия); tropin2003@list.ru

Ермаков Станислав Валериевич, исследователь-реконструктор (г. Елец, Россия); ermakov_stas@mail.ru

REFERENCES

Aminow, F. Sh. 2017. In Lurie, P. B. (ed.) *Materialy Pendzhikent-skoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Penjikent archaeological expedition)* (XXI). Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 31–38 (in Russian).

Artemieva, N. G. 2013. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences)* (1), 125–130 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture (in Russian).

Vorotyntsev, L. V. 2016. In *Istoriya: fakty i simvolyy (History: facts and symbols)* 2 (7), 59–73 (in Russian).

Gonyanyy, M. I., Gritsenko, V. P. 2000. In Naumov, A. N. (ed.) *Kulikovo pole: voprosy istoriko-kul'turnogo naslediya* (*Kulikovo field: issues of historical and cultural heritage*). Tula: "Tula polygraphist" Publ., 144–165 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* (*Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament*). Moscow: "Vostochniy gorizont" Publ. (in Russian).

Yotov, V. 2004. *V"or"zhenieto i snaryazhenieto ot b"lgarskoto srednovekovie (VII–XI vek)* (*Weapons and Equipment from the Bulgarian Middle Ages (7th – 11th c.)*). Varna: "Zograf"; Veliko T"rnovo: "Abagar" (in Bulgarian).

Tropin, N. A. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 133–142 (in Russian).

Tropin, N. A. 2018. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) (253), 277–292 (in Russian).

Tropin, N. A. 2019. In *Filo Ariadne* (*Ariadne 's Thread*) (1), 9–26 (in Russian).

Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P. 2020. In Kushkumbaev, A. K. (ed.) *Dzhuchi: lichnost', epoha, pamyat'. Sbornik nauchnyh statej* (*Jochi: personality, epoch, memory. Collection of scientific articles*). Almaty, 184–217 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov* (*Armament of the Yenisei Kyrgyz*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubik, Adam Lech. 2020. In *Historia i Świat* 9, 83–92. <https://doi.org/10.34739/his.2020.09.05> (in Poland).

About the Authors:

Tropin Nikolai A. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Bunin Elets State University. Kommunarov, Str., 28, Elets, 399770, Russian Federation; tropin2003@list.ru

Ermakov Stanislav V. researcher-reconstructor (Elets, Russian Federation); ermakov_stas@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.

Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ТАГАНСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ НА Р. БИТЮГ

© 2022 г. М.В. Цыбин

В статье представлены результаты исследования Таганского комплекса памятников золотоордынского времени на р. Битюг в Павловском районе Воронежской области. Комплекс включает грунтовой могильник, связанное с ним поселение, а также поселение у села Антиповка. Исследования проводились в 1995, 1998–2002 гг. экспедицией Воронежского государственного университета. Керамический комплекс включает посуду, изготовленную в центрах Золотой Орды, и русскую керамику. В хозяйственной деятельности населения присутствует земледелие, скотоводство, металлургическое производство. Морфология черепов из Таганского могильника находит аналогии среди субстратных европеоидных популяций Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, грунтовой могильник, Золотая Орда, Среднее Подонье, река Битюг.

TAGANSKY COMPLEX OF MONUMENTS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD ON THE BITYUG RIVER

M.V. Tsybin

The paper presents the results of a study of the Tagansky complex of monuments of the Golden Horde period on the Bityug River in the Pavlovsky District of Voronezh Oblast. The complex includes a subsoil burial ground, a settlement associated with it, as well as a settlement near Antipovka village. The study was carried out in 1995, 1998–2002 by an expedition of Voronezh State University. The ceramic complex includes pottery manufactured in the Golden Horde centers and Russian ceramics. The economic activity of the population includes agriculture, cattle breeding and metallurgical production. The morphology of skulls from the Tagansky burial ground finds analogies among the substrate Europeoid populations of Eastern Europe.

Keywords: archaeology, subsoil burial ground, Golden Horde, Middle Don Region, Bityug River.

В изучении северной периферии Золотой Орды в Подонье важное место занимает район Побитюжья в Воронежской области. На берегах р. Битюг и ее притоков известны памятники различных групп населения (Цыбин, 2018). Наиболее известны два золотоордынских мавзолея у пос. Красный на р. Мечеть (левый приток р. Битюг) (Цыбин, Савицкий, 2019). В 25 км к юго-западу от них расположен Таганский грунтовой могильник длительного накопления (от эпохи бронзы до средневековья) (Матвеев, Цыбин, 2004).

Могильник размещался на наиболее возвышенных участках древнего берегового вала у одной из заболоченных стариц (рис. 1: А). На площади могильника обнаружены погребения XIV в. и объекты одновременного поселения. К северо-западу от могильника у современного русла р. Битюг изучалось многослойное Таганское поселение, на котором встречены материалы золотоордынского времени. В 2,5 км к ССЗ у с. Антиповка находится средневековое поселение XIV в. (рис. 1: Б). В данной статье под Таганским комплексом памятников золотоордынского времени понимаются перечисленные выше археологические объекты.

Как уже отмечалось выше, на площади Таганского грунтового могильника выявлены погребения и объекты поселения XIV в. Последние изучены в площади раскопа 2. Здесь обнаружены остатки отопительного устройства (участок обожженной глины размерами 0,5×0,3 м, толщиной около 5 см), видимо, находившегося в площади наземной постройки, а также четыре хозяйственные ямы округлой и овальной формы. Ямы достаточно большие по размерам, округлые имеют диаметр 1,53 и 1,64 м, овальные размерами 2,14×1,38 и 1,3×1,16 м. Глубины ям в материковом основании до 0,7 м. Их заполнение и характер находок свидетельствует о существовании стационарного поселения. Из ямы 2 происходит нижняя часть каменного жернова – постав, диаметром 0,38–0,41 м, толщиной до 8,5 см. Обломок верхней части жернова (бегунка) найден в яме 3. В ямах обнаружены пряслица и заготовки пряслиц из стенок золотоордынских сосудов, пряслице из стенки русского сосуда, абразивы и заготовки абразивов из стенок золотоордынских сосудов, каменные абразивы. Керамический комплекс из ям представлен фрагментами золотоор-

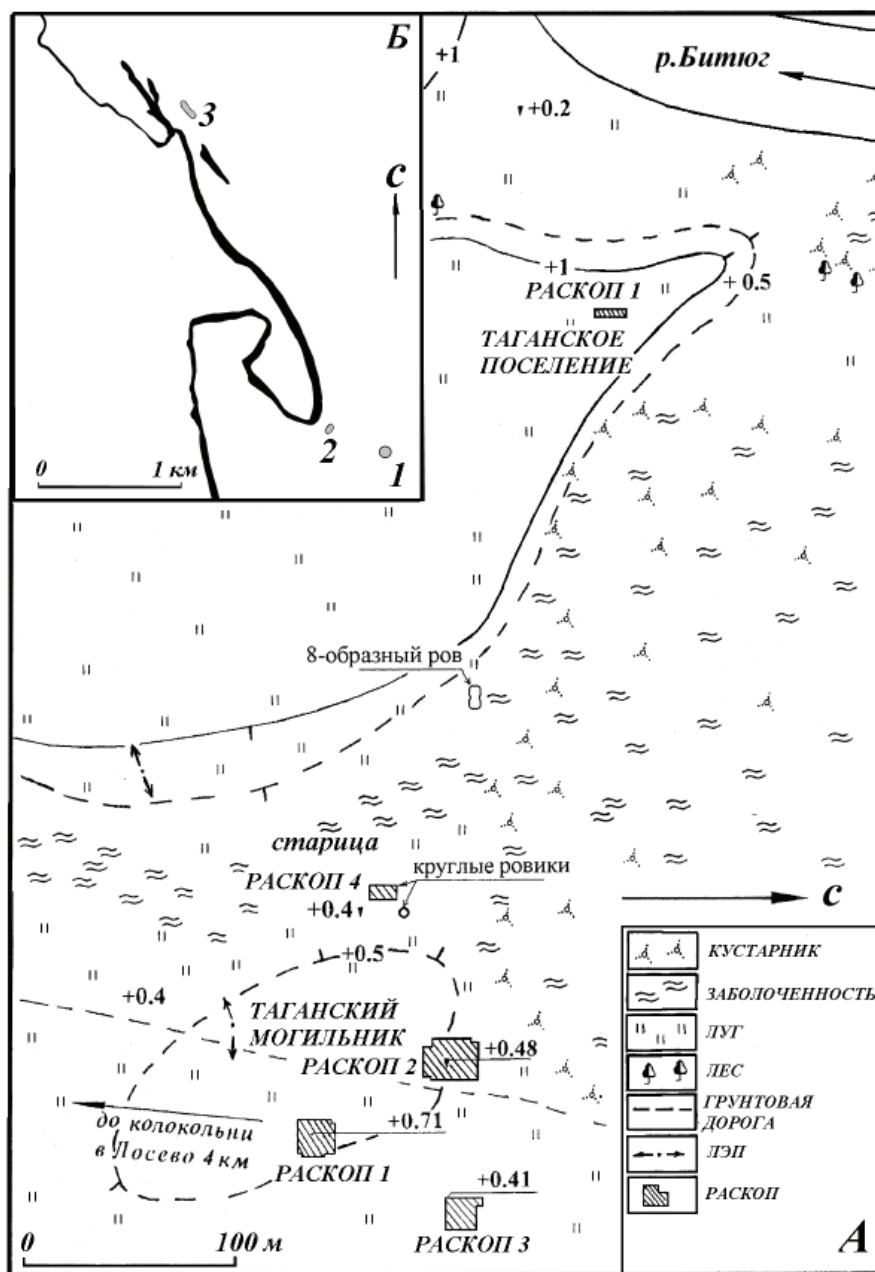

Рис. 1. Таганский комплекс памятников. А – план Таганского грунтового могильника и поселения; Б – схема расположения памятников Таганского комплекса: 1 – Таганский грунтовой могильник, 2 – Таганское поселение, 3 – поселение у с. Антиповка.

Fig. 1. Tagansky complex of monuments. А – plan of Tagansky subsoil burial ground and settlement; Б – layout of the monuments of the Tagansky complex: 1 – Tagansky subsoil burial ground, 2 – Tagansky settlement, 3 – settlement near Antipovka village.

дынских кувшинов желтовато-коричневого цвета, примесь – песок, обжиг качественный (рис. 2: 1, 2, 3). Встречаются фрагменты русских горшков серого и светло-коричневого цвета (рис. 2: 4, 5). Количественно преобладают фрагменты золотоордынской керамики. В яме 1 найдены верхние части двух кувшинов, донные части, возможно, от этих же кувшинов, 14 фрагментов стенок и лишь один фрагмент русского горшка. В яме 3 обнаружены фрагменты трех–четырех золотоордынских сосудов и фрагменты трех русских горшков.

По заключению И.В. Волкова, в серии золотоордынской керамики есть сосуды, изготовленные спирально-жгутовым налепом, а также вытянутые из куса формовочной массы. На некоторых фрагментах – красный ангоб (жидкая глина, нанесенная на поверхность сосуда до обжига). Датировка золотоордынской керамики определяется в рамках XIV в. (не ранее 30-х годов).

В заполнении упомянутых выше ям раскопа 2 найдены кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади. Из ямы 3 происходят два

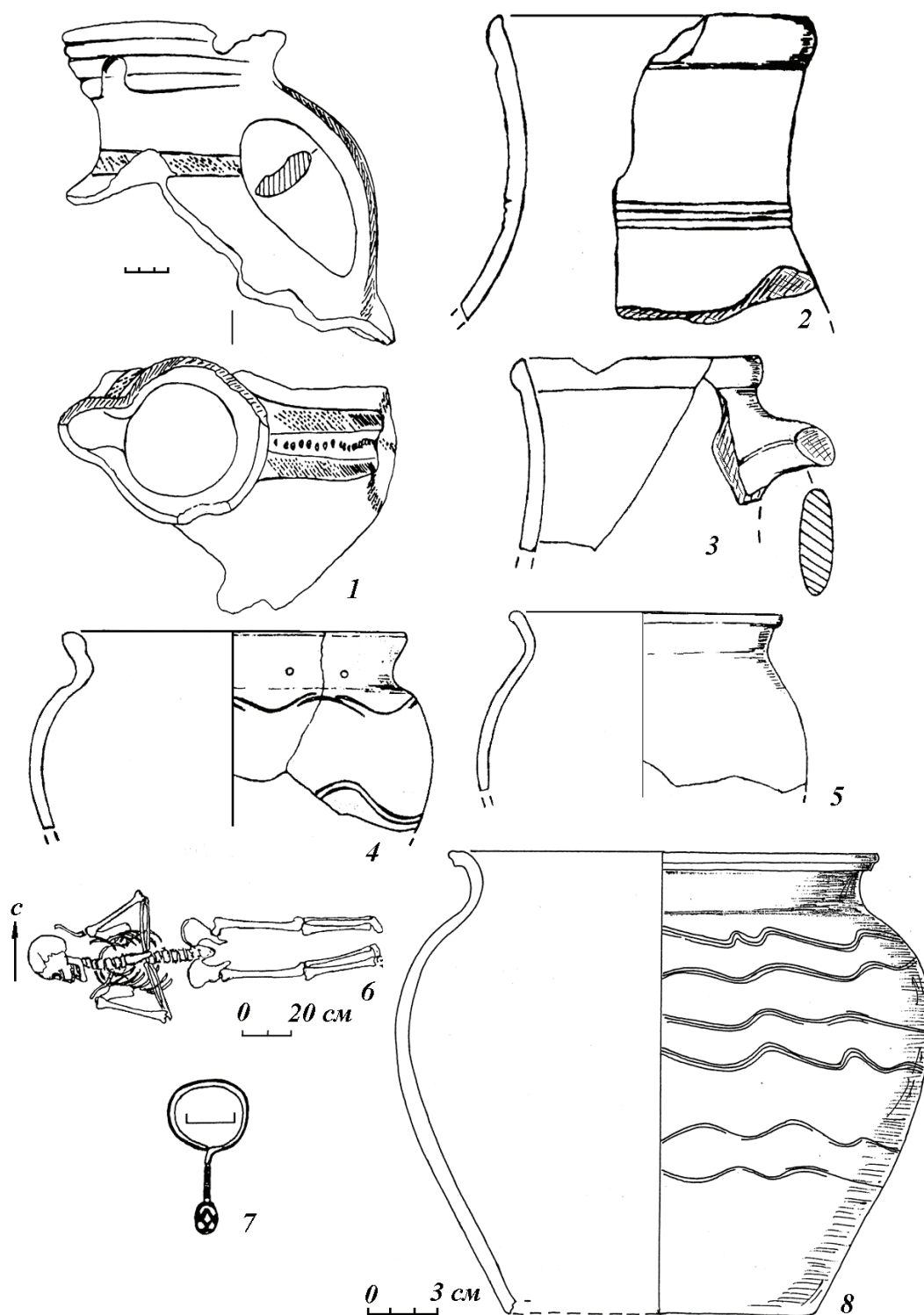

Рис. 2. Материалы Таганского грунтового могильника. 1, 2 – яма 1, раскоп 2; 3–5 – яма 3, раскоп 2; 6, 7 – погребение 8, раскоп 3; 8 – раскоп 4.

Fig. 2. Materials of Tagansky subsoil burial ground. 1, 2 – pit 1, excavation 2; 3–5 – pit 3, excavation 2; 6, 7 – burial 8, excavation 3; 8 – excavation 4.

куска шлака от металлургического производства с заметными включениями железа.

Жителями этого поселка оставлены грунтовые погребения, выявленные в раскопах 1 и 3 (рис. 2: 6). Расстояние от раскопа 2, на котором изучались охарактеризованные выше остатки поселения, до раскопов 1 и 3 около 50

м. Всего к золотоордынскому периоду с большой долей вероятности могут быть отнесены 14 погребений (три на раскопе 1 и 11 на раскопе 3). Погребения совершены в почвенном слое, контуры могильных ям не определялись. Для погребений характерно положение вытянуто на спине, головой на запад, руки – вдоль

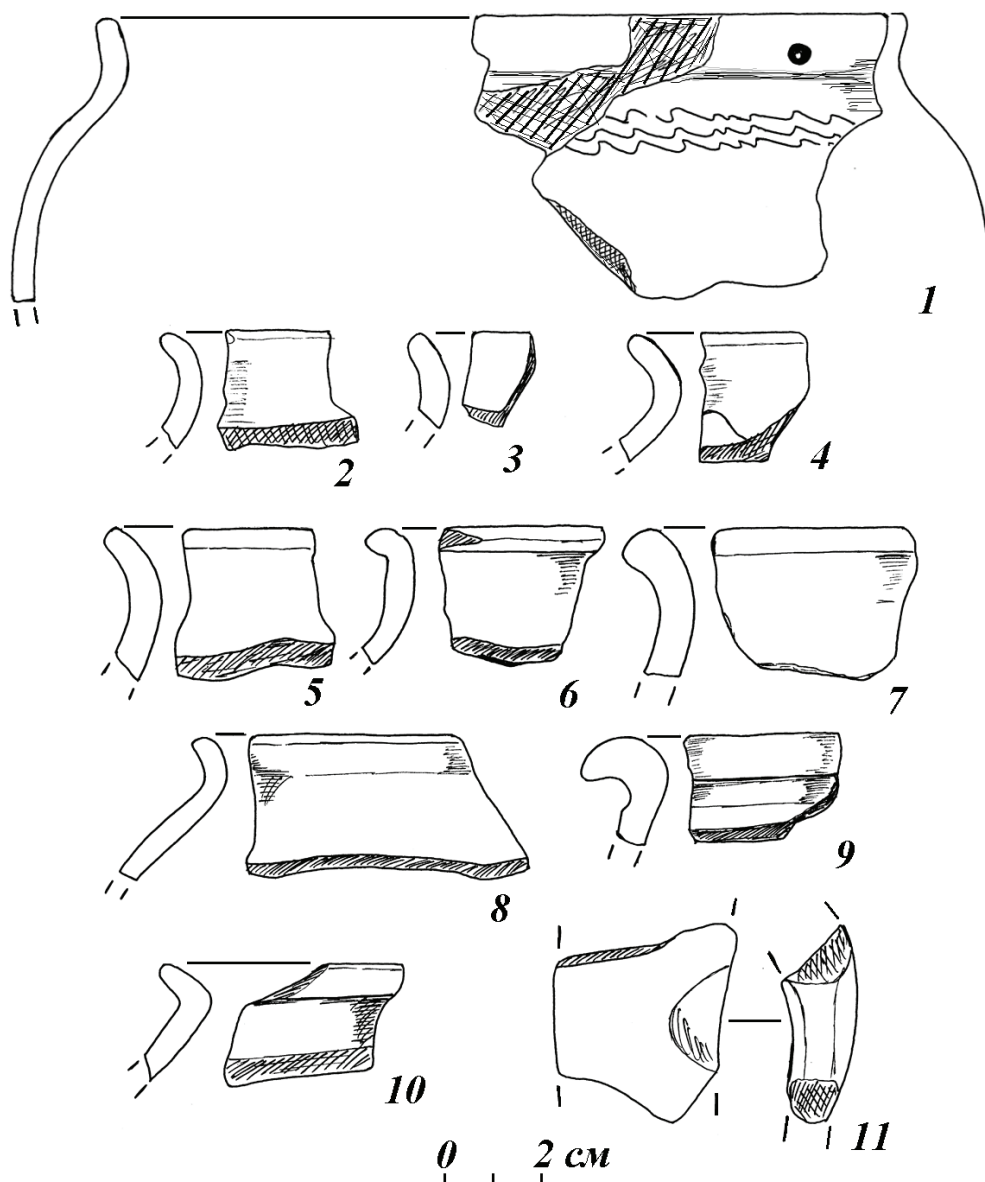

Рис. 3. Керамика поселения у с. Антиповка. 1–4– раскоп 1; 5–11– подъемный материал.
Fig. 3. Ceramics of the settlement near Antipovka village. 1–4– excavation 1; 5–11– excavated material.

туловища или на груди. При погребенных найдено всего несколько предметов, в частности фрагменты щиткового перстня, височного кольца с петелькой и подвеска в виде знака вопроса (рис. 2: 7).

Примерно в 100 м к юго-западу от раскопа 2 на поверхности фиксировались два круглых ровика. Один из них, расположенный ближе к раскопу 2, имел диаметр 9 м. Второй ровик, диаметром около 8 м был исследован раскопом 4. На уровне материкового основания по внешнему обводу диаметр ровика составлял около 7,5 м, ширина ровика на уровне материкового основания 0,5–0,7 м, глубина в материковом основании – 0,25–0,4 м. В восточной части площадки, ограниченной ровиком, в почвенном слое найдены кости животных со следами воздействия огня, мелкие каль-

цинированные кости и фрагменты русского белоглиняного сосуда, орнаментированного волнистыми линиями (рис. 2: 8). Однозначная интерпретация данного объекта затруднительна.

В 400 м к северо-западу от раскопа 1 на могильнике находится Таганское поселение. Оно занимает возвышенный участок прирусловой части поймы р. Битюг (рис. 1: А). Поселение находится на оконечности мысообразного выступа, высота которого над уровнем реки составляет около 1,5 м. Поселение и могильник разделяет старица р. Битюг. Проведенные в 2001 г. раскопки (изученная площадь составила 64 кв. м) показали, что поселение содержит материалы эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. В слое найдены немногочисленные фрагменты от

золотоордынский (20 экз.) и русской (11 экз.) керамики XIV в. К этому периоду относятся и находки кусков шлака от металлургического производства. Скорее всего, поселение в площади Таганского могильника и Таганское поселение представляют собой взаимосвязанные структуры.

При интерпретации рассмотренных материалов нами проводилось сравнение с Новохарьковским могильником и поселением (Новохарьковский могильник, 2002), расположенными на правом берегу Среднего Дона. Расстояние между этими объектами около 65 км. Антропологические материалы Новохарьковского могильника имеют наибольшее сходство с материалами Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры, связываемого с аланами (р. Короча, Шебекинский район Белгородской области) (заключение Т.И. Алексеевой, М.В. Козловской). Для обозначения памятников типа Новохарьковского и Таганского могильников мною использовался термин «памятники золотоордынского круга». Но при сходстве погребального обряда, керамического комплекса, связанных с грунтовыми могильниками поселений, между ними есть и различия.

А.А. Казарницким проанализированы мужской череп из погребения 7 раскопа 3 и два женских черепа из погребений 2 и 8 этого же раскопа. Они были сопоставлены с новохарьковской серией. По заключению А.А. Казарницкого, подтвердилось северокавказское происхождение европеоидного населения, оставившего Новохарьковский могильник. Морфология мужского и двух женских черепов из Таганского могильника находит

аналогии среди субстратных европеоидных популяций Восточной Европы (Казарницкий, 2013. с. 86).

В сравнении с Новохарьковским Таганский могильник отличается практически полным отсутствием погребального инвентаря. Возможно, есть различия и в хозяйственной деятельности населения, оставившего Новохарьковский и Таганский могильники. Изучение поселения, связанного с Новохарьковским могильником, даст материалы к такому сопоставлению. Однако уже сейчас можно предполагать, что «памятники золотоордынского круга» оставлены разными этническими группами.

Примерно в 2,5 км к ССЗ от Таганского могильника находится средневековое поселение XIV в. у с. Антиповка. Оно занимает участок боровой террасы левого берега р. Битюг (рис. 1: Б). Подъемный материал находился на участке размерами 250×80 м. Он включал преимущественно фрагменты русских горшков (рис. 3: 5–10), а также немногочисленные фрагменты золотоордынских неполивных красноглиняных сосудов (рис. 3: 11). В разведочном раскопе площадью 16 кв. м найдено около 60 фрагментов русских горшков (рис. 3: 1–4) и лишь один фрагмент стенки золотоордынского сосуда. По керамическому материалу поселение относится к XIV в. и оставлено, скорее всего, русским населением.

Разноплановые памятники Побитюжья, в том числе и Таганский комплекс, обладают значительным информационным потенциалом для изучения структуры периферии Золотой Орды в Подонье.

ЛИТЕРАТУРА

Казарницкий А.А. Краниологические материалы золотоордынского времени из Воронежской области // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). Сб. статей (26–30 авг. 2013 г., Ростов-на-Дону, Россия) / Отв. ред. Д.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 82–87.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовой могильник. Воронеж: Воронежский ГУ, 2004. 78 с. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. 200 с.

Цыбин М.В. Археологические памятники золотоордынского периода в Побитюжье // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 197–200.

Цыбин М.В., Савицкий Н.М. Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 509–520.

Информация об авторе:

Цыбин Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия); mvcibin@yandex.ru

REFERENCES

Kazarnitskiy, A. A. 2013. In Matishov, D. G. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Naselenie Yuga Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney» (Donskie antropologicheskie chteniya) (International Scientific Conference «The Population of Southern Russia Across the Ages» (The Don Readings in Physical Anthropology))*. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 82–87 (in Russian).

Matveev, Yu. P., Tsybin, M. B. 2004. *Taganskii gruntovyi mogil'nik (Tagansky Subsoil Burial Ground)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

In Pryakhin, A. D. (ed.). 2002. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy (Novokharkovsky burial ground of the Golden Horde era)*. Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).

Tsybin, M. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 197–200 (in Russian)

Tsybin, M. V., Savitsky, N. M. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan – Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 509–520 (in Russian).

About the Author:

Tsybin Mikhail V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Archaeology and Ancient History Department, Voronezh State University. University Square, 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; mvcibin@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.68.72>

ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЗОВЬЯХ Р. ВОРОНЕЖ

© 2022 г. А.Г. Яблоков

В статье дана характеристика археологических памятников золотоордынского времени в низовьях реки Воронеж. Они представлены русскими селищами и кладом золотоордынских монет. В результате раскопок поселения Ромашки 1 в Рамонском районе Воронежской области получены новые данные о материальной культуре и хозяйственной деятельности русского населения. Рассмотренные памятники представляют собой своего рода археологический комментарий к упоминаниям реки Воронеж и ее устья в средневековых письменных источниках. Эти объекты свидетельствуют о том, что русское население продолжало освоение низовий реки Воронеж и в период Золотой Орды. Важным представляется вывод о том, что русские поселения продолжали существовать в рассматриваемом районе и после бурных событий Куликовской битвы до начала XV в.

Ключевые слова: археология, русские поселения, Золотая Орда, река Воронеж.

MONUMENTS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE LOWER REACHES OF THE VORONEZH RIVER

A.G. Yablokov

The paper describes the archaeological monuments of the Golden Horde period located in the lower reaches of the Voronezh River. They are represented by Russian ancient villages and a hoard of Golden Horde coins. As a result of the excavations of Romashki 1 settlement in the Ramonsky District of Voronezh Oblast, new details of the material culture and economic activity of the Russian population have been obtained. The studied monuments represent an archaeological commentary on the mentions of the Voronezh River and its mouth in medieval written sources. These objects indicate that the Russian population continued to develop the lower reaches of the Voronezh River during the Golden Horde period. An important conclusion is made, according to which Russian settlements continued to exist in the studied area even after the turbulent events of the Battle of Kulikovo until the beginning of the 15th century.

Keywords: archaeology, Russian settlements, Golden Horde, Voronezh River.

На периферии Золотой Орды в Подонье заметным географическим ориентиром являлась река Воронеж. Устье реки Воронеж неоднократно упоминалось в средневековых письменных источниках: «Сказание о Мамаевом побоище», «Пименово хождение в Царьград». Река Воронеж упомянута в «Повести о разорении Рязани Батыем». Рассмотрим археологические памятники золотоордынского времени в нижнем течении р. Воронеж. Они представлены семью русскими селищами и одним монетным кладом (рис. 1).

Большая часть известных на данный момент памятников рассматриваемого периода концентрируется в районе современного г. Воронежа и Воронежского водохранилища. Это связано с масштабными разведочными работами конца 60-х – первой половины 70-х гг., проводившимися во время сооружения водохранилища. Исследования здесь велись Новостроечной экспедицией ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова и Б.Г. Тихонова и Воронежского университета под руко-

водством А.Д. Пряхина и А.Т. Синюка. Выше территории водохранилища, в пределах Воронежской области, памятники золотоордынского периода до недавнего времени не были известны. Лишь в 2012 г. благодаря переданному в археологический музей ВГУ кладу кузнечных изделий и инструментов в Рамонском районе Воронежской области было выявлено новое поселение этого периода.

Поселение Ромашки 1 (пункт 1) расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Воронеж высотой около 7 м, на северной окраине дачного поселка Ромашка в 300 м к востоку от берега современного русла р. Воронеж между двух небольших естественных балок. Западная половина памятника покрыта хвойным лесом с отдельными лиственными деревьями и густым подлеском, восточная часть – располагается в зоне хвойного леса. Через площадь поселения проходит просека, пересекающая его на две части. Ранее просека могла использоваться как грунтовая дорога. Размеры поселения 270×70м.

Рис. 1. Памятники золотоордынского времени в низовьях р. Воронеж: 1 – поселение Ромашки 1, 2 – клад у д. Отрожка, 3 – поселение Университетское 3, 4 – Шиловское поселение, 5 – поселение Шиловское 2, 6 – поселение Тавровское, 7 – поселение Левобережное у плотины, 8 – поселение Правобережное у плотины.

Fig. 1. Monuments of the Golden Horde period in the lower reaches of the Voronezh River:

1 – Romashki 1 settlement, 2 – hoard near Otrozhka village, 3 – Universitetskoye settlement 3, 4 – Shilovskoye settlement, 5 – Shilovskoye 2 settlement, 6 – Tavrovskoye settlement, 7 – Levoberezhnoye settlement near the dam, 8 – Pravoberezhnoye settlement near the dam.

На площади селища фиксируются не менее двенадцати западин округлой формы, размерами от 3 до 6 м и глубиной от 25 до 65 см.

Работы на поселении проводились в 2012–2014 гг. в центральной части памятника и в 2020–2021 гг. – в южной части (руководители В.И. Такмаков, А.Г. Яблоков). Общая вскрытая площадь составила 340 кв. м. Раскопы закладывались с учетом располагавшихся западин. В результате исследованы остатки двух наземных срубных домов. В их площади изучены углубленные в материковое основание подполы (подклеты), фиксировавшиеся уже на уровне современной дневной поверхности в виде западин.

Керамический комплекс представлен фрагментами русских горшков. Посуда, изготовленная в золотоордынских центрах, на селище пока не встречена. Среди находок, происходящих с территории памятника, выделяется уникальный клад инструментов и изделий кузнеца, состоящий из сорока девяти предметов (19 инструментов и 30 изделий) (Такмаков, Ковалевский, Яблоков, 2014). В состав клада входили: две небольших наковальни, одна из которых шперак; два молота и один молоток; железная гвоздильня (волочильня?); небольшой, квадратный в сечении боек; еще один инструмент идентифицирован как ригель; два экземпляра двуручных и один – одноручных клещей; пять напильников;

железная лопатка; еще два железных предмета относимые к инструментарию, возможно, являются соплами; шесть цилиндрических замков и их фрагментов (относятся к типам Б и В по Б.А. Колчину, с уточнениями А.А. Кудрявцева); четыре скобы с раскованными концами, скрепленные кованым гвоздем; две засовные скобы; три фрагмента ножей; одна овальная и одна прямоугольная пряжки; два фрагмента железной трубочки, свернутой из тонкого железа с рукоятью-штырем; восемь кованых гвоздей; три обломка небольших железных изделий.

Значительный интерес представляют находки частично сохранившегося янтарного креста (рис. 2: 1) и бронзового креста с обрубленными краями и ушком (рис. 2: 2). На территории поселения собрано пятнадцать фрагментов чугунных котлов, в том числе массивных венчиков и фрагментов с ручкой.

Среди других вещей, происходящих с территории памятника, можно выделить целый ряд украшений: сильно деформированный бронзовый бубенчик, бронзовый браслет с закрученными концами и сложным орнаментом (рис. 2: 3), еще один фрагмент бронзового браслета, украшенного насечками (рис. 2: 4), фрагмент решетчатого перстня, четыре перстня из серебра и медного сплава (рис. 2: 5-8), две бусины (стеклянная и из горного хрусталя). Из каменных изделий стоит отметить несколько фрагментов оселков и шиферное пряслице.

Коллекция железных изделий насчитывает несколько десятков различных предметов, среди которых (помимо содержащихся в кладе) более десяти кованых ножей и их фрагментов, дужка и ключ от цилиндрических замков, часть косы, наральник, пряжка, один целый и один обломанный топор, тесло, зубец остроги, кресало. Значительный интерес

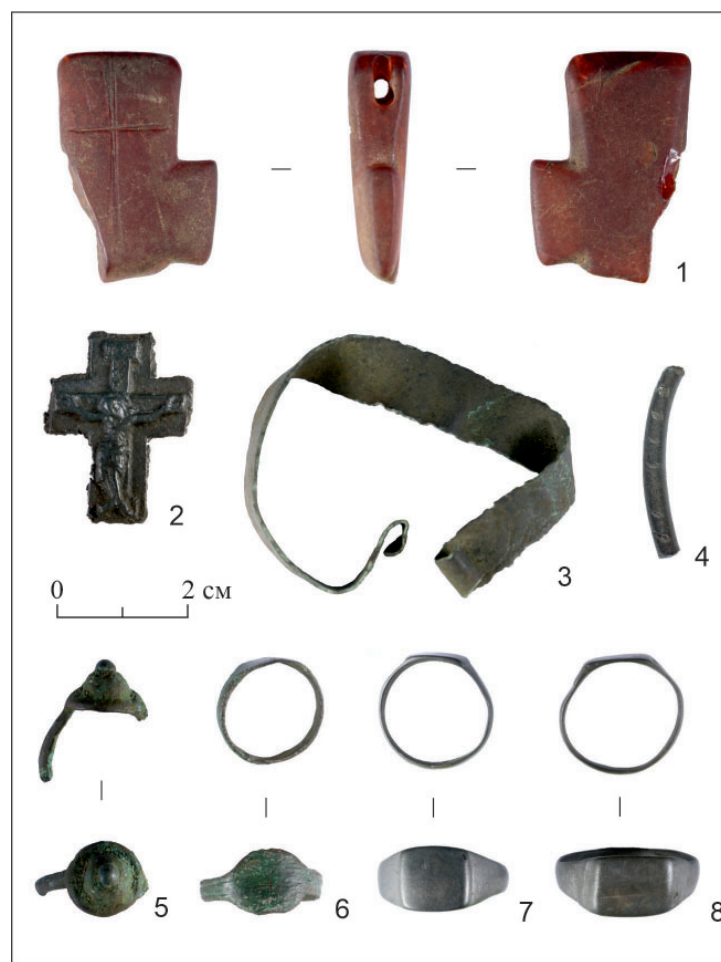

Рис. 2. Кресты и украшения с поселения Ромашки 1.
Fig. 2. Crosses and jewelry from Romashki 1 settlement.

представляет находка железных конских пут, состоящих из «якоря» с двумя звеньями цепи, железной петли, с двумя звеньями и навесного замка.

Уникальной является находка инструмента для таврения скота. Сам знак (тавро) представляет собой тамгу. Аналогичный инструмент, но с тамгой дома Бату, хранится в Азовском музее-заповеднике.

Обращает на себя внимание значительное количество свидетельств металлургического производства (шлаки, крицы), встречающиеся на всей территории поселения.

Для определения хронологии селища показательна серия монет: 1) данг, Джанибек, Сарай ал-Джадида, [74]5 г.х. (1344/45 р.х.), на л.с. надчеканка «Законный»; 2) данг, Джанибек, Сарай ал-Джадида, 75[2] г.х. (1351/52 р.х.), на л.с. надчеканка «Законный»; 3) данг, Джанибек, Гюлистан, год не виден, 752 или 753 г.х. (1351–53 р.х.); 4) данг, Джанибек, Сарай ал-Джадида, 745 г.х. (1344/45 р.х.) на о.с. надчеканка «Законный»; 5) данг, Куппа, Белед Гюлистан, 761 г.х. (1360 р.х.), на о.с. надчеканка «Законный»; 6) данг, Джанибек,

Сарай ал-Джадида, 746 г.х. (1345/46 р.х.), на о.с. надчеканка «Законный»; 7) данг, Бердибек, Азак, 759 г.х. (1358 р.х.); 8) данг, Хан Шадибек, 1399–1407 гг., Кафа ал-Джадида, 807 г.х. (1404/05 р.х.); 9) данг, Хан Джанибек, 1342–1356 гг., чекан Сарай ал-Джадида, год не виден, тип второй половины 1340-х гг. (определения Е.Ю. Гончарова); данг – монета не определена. Таким образом, поселение существовало в середине XIV–начале XV вв. Оно могло быть связано с функционированием водного торгового пути по р. Воронеж.

Клад у д. Отрожка (современная территория г. Воронежа) (пункт 2) впервые опубликован в 1904 г. А.И. Милютиным. В состав клада входят 28 монет, большая часть из которых отчеканена при Тохтамыше – младшая монета датируется 796 г.х. (1393–1394 р.х.) (Федоров-Давыдов, 1960. с. 112).

Поселение Университетское 3 (пункт 3) занимало невысокую дюну левого берега р. Воронеж в черте современного г. Воронеж.

Исследования памятника велись отрядом Новостроечной экспедиции АН СССР совместно с Воронежским университетом под

руководством А.Т. Синюка в 1968–1970 гг. Исследованная площадь на поселении составила 1576 кв. м. Поселение многослойное, найдена серия фрагментов русской керамики золотоордынского времени, исследовано несколько хозяйственных ям (Цыбин, 1987).

Шиловское поселение (пункт 4) располагалось на южной окраине г. Воронежа, занимало оконечность невысокого удлиненного мыса с пологими склонами надпойменной террасы левого берега р. Воронеж. Памятник изучался в 1967–1971, 1973 гг. Новостроечной экспедицией ИА АН СССР и Воронежского университета под руководством А.Д. Пряхина. Общая исследованная площадь составила 4584 кв.м. Поселение многослойное. Выделены материалы XII – начала XV вв. К золотоордынскому периоду отнесены семь наземных жилищ, шесть из которых зафиксированы по скоплениям обожженной глины в культурном слое.

Керамический комплекс золотоордынского времени включал наряду с фрагментами русских горшков серию фрагментов от десяти кувшинов, изготовленных в золотоордынских центрах. На одной из ручек прочерчен знак в виде буквы «Ф». Отметим находку фрагментов чугунных котлов и нескольких монет: 1) данг, Тохтамыш, г. Орду ал-Муаззам, год срезан (последняя четверть XIV в.); 2) данг, Тохтамыш, г. Сарай ал-Джедид, 1388/89 гг.; 3) данг с тамгой, Шадибек, г. Кафа, 1404/05 гг. (определения произведены в нумизматическом отделе Государственного Эрмитажа) (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987).

Таким образом, Шиловское поселение существовало во второй половине XIV–начале XV вв. и было синхронно поселению Ромашки 1.

Поселение Шиловское 2 (пункт 5) располагалось в 300 м ниже по течению реки от поселения Шиловское, занимая соседний с ним мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Воронеж.

В 1971 г. отрядом Новостроечной экспедиции АН СССР совместно с Воронежским университетом под руководством А.Д. Пряхина проведены археологические раскопки поселения. Общая вскрытая площадь составила 100 кв. м. В результате работ получена небольшая керамическая серия, датируемая золотоордынским периодом, и несколько железных изделий. В раскопе исследована хозяйственная яма этого времени.

Поселение Тавровское (пункт 6) располагалось на дюне левого берега р. Воронеж между селами Семилукские Выселки и Таврово в Новоусманском районе Воронежской области. Размеры поселения определены в соответствии с размерами дюны – примерно 300×100 м. Высота дюны над уровнем поймы составляла 2 м. Памятник исследовался отрядом Новостроечной экспедицией ИА АН СССР и Воронежского университета в 1970–71 гг. под руководством Б.Г. Тихонова. Исследованная площадь составила 2692 кв. м. В коллекции многослойного поселения выделена серия русской керамики золотоордынского времени.

Поселение Левобережное у плотины (пункт 7) находилось на левом берегу р. Воронеж рядом с плотиной Воронежского водохранилища, занимало оконечность первой надпойменной террасы. Памятник исследовался в 1968 г. Новостроечной экспедицией ИА АН СССР и Воронежского университета под руководством А.Д. Пряхина, изученная площадь составила 205 кв. м. Помимо материалов доно-волжской абашевской культуры здесь найдена небольшая серия русской керамики XIII–XIV вв. и железных изделий, исследована серия хозяйственных ям этого времени (Цыбин, 1987).

Поселение Правобережное у плотины (пункт 8) находилось почти напротив поселения Левобережное у плотины на правом берегу р. Воронеж. Памятник обнаружен в 1968 г. отрядом Новостроечной экспедиции ИА АН СССР и Воронежского университета под руководством А.Д. Пряхина. Участок поселения прилегает к высокому коренному правому берегу реки. Во время осмотра поселения на памятнике обнаружены материалы эпохи бронзы, а также небольшое количество фрагментов гончарных сосудов золотоордынского времени.

Рассмотренные памятники представляют собой своего рода археологический комментарий к упоминаниям реки Воронеж и ее устья в средневековых письменных источниках. Эти объекты свидетельствуют о том, что русское население продолжало хозяйственное освоение низовий реки Воронеж и в период Золотой Орды. Важным представляется вывод о том, что русские поселения продолжали существовать в рассматриваемом районе и после бурных событий Куликовской битвы до начала XV в.

ЛИТЕРАТУРА

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж / Археологические памятники эпохи железа восточно-европейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский университет, 1987. С. 5–36.

Такмаков В.И., Ковалевский В.Н., Яблоков А.Г. Клад кузнечных изделий со средневекового поселения Ромашки Рамонского района Воронежской области // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк: ЛГУ, 2014. С. 614–622.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточно-европейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский университет, 1987. С. 36–51.

Информация об авторе:

Яблоков Антон Глебович, преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, ведущий инженер археологического музея ВГУ (г. Воронеж, Россия); yablokov6606@yandex.ru

REFERENCES

Pryakhin, A. D., Vinnikov, A. Z., Tsybin, M. V. 1987. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi zheleza vostochno-evropeyskoy lesostepi (Archaeological monuments of the Iron Age of the Eastern European forest-steppe)*. Voronezh: Voronezhskiy State University Publ., 5–36 (in Russian).

Tokmakov, V. I., Kovalevsky, V. N., Yablokov, A. G. 2014. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collection)*. 6. Lipetsk: LGU, 614–622 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

Tsybin, M. V. 1987. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi zheleza vostochno-evropeyskoy lesostepi (Archaeological monuments of the Iron Age of the Eastern European forest-steppe)*. Voronezh: Voronezhskiy State University Publ., 36–51 (in Russian).

About the Author:

Yablokov Anton G. Voronezh State University. University Square, 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; yablokov6606@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.73.79>

РУССКО-ОРДЫНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ НА ОКСКО-ДОНСКОЙ РАВНИНЕ

© 2022 г. С.И. Андреев

В статье представлен обзор некоторых результатов исследований письменных и археологических источников об одном участке пограничной территории между Рязанским княжеством и Золотой Ордой в XIII–XV вв. На основании источников делается вывод о существовании в южной части Окско-Донской равнины территории, некоей буферной зоны, получившей название «Червлёный Яр», что это довольно обширная (от Хопра до Дона) территория с этнически разнородным населением (православные русские, татары, половцы, возможно, мордва), живущие порядками свободных феодально-независимых общин с элементами самоуправления в относительной зависимости от Золотой Орды. Его хозяйственной основой было обоюдовыгодное сотрудничество полукочевников-скотоводов, кочевавших по степным междуречьям, и обитавшего в приречных лесных полосах населения, хозяйство которого восполняло недостаточно развитые у скотоводов-кочевников отрасли, в частности заготовку сена и некоторые виды ремёсел. К настоящему времени здесь открыто уже более семидесяти памятников археологии разных видов.

Ключевые слова: археология, история XIII–XV вв, Окско-Донская равнина, Червлёный Яр, Рязанское княжество, Древняя Русь, Золотая Орда, буферная зона, русско-ордынское пограничье.

RUSSIAN-GOLDEN HORDE BORDERLAND ON THE OKA-DON PLAIN

S.I. Andreev

The paper presents an overview of the results of studies of written and archaeological sources related to a section of the border territory between the Ryazan Principality and the Golden Horde in the 13th–15th centuries. Based on the sources, it is concluded that there is a particular buffer zone territory in the southern part of the Oka-Don Plain, which was named “Chervlyony Yar”. It was identified as a rather vast (from the Khopyor to the Don) territory with an ethnically diverse population (Orthodox Russians, Tatars, Cumans, possibly Mordovians) living according to the customs of free feudal independent communities with elements of self-government in relative dependence on the Golden Horde. Its economic foundation was the mutually beneficial cooperation of semi-nomadic cattle farmers who roamed the steppe interfluves, and the population living in the riverine forest belts, whose economy made up for the underdeveloped sectors of the nomadic cattle farmers, in particular, haymaking and certain types of crafts. Over seventy archaeological sites of various types have presently been discovered in the area.

Keywords: archaeology, history of the 13th–15th centuries, Oka-Don Plain, Chervlyony Yar, Ryazan Principality, Ancient Russia, Golden Horde, buffer zone, Russian-Golden Horde borderlands.

Окско-Донская низменная равнина в Европейской части России занимает территорию Рязанской, Тамбовской, Липецкой областей, а также часть Воронежской и Саратовской областей. По ней протекают такие реки, как Ока, Дон, Воронеж, Битюг, Хопёр, Цна, Мокша. На юге равнина постепенно суживается и выклинивается к устью Хопра и Медведицы.

В нашем исследовании рассматривается район, расположенный в южной половине равнины. Именно здесь проходила южная и юго-восточная административная граница Рязанского княжества (Андреев, 2013) и граница между Рязанским княжеством и улусом Мохши (Андреев, 2018, с. 209–235). Эта территория довольно давно привлекала внимание историков и археологов. В исследуемом

районе Среднего Подонья не позже чем с конца XIII в. и до последней трети XV в. существовала группа населения, образовавшая объединение под общим названием Червлёный Яр. Относительно много сведений об этом районе содержат письменные источники.

Одним из первых исследователей, кто поднял проблему Червлёного Яра, был Д.И. Иловайский (Иловайский, 1997, с. 75–76). Неоднозначные оценки сведениям и их достоверности в своих работах приводят А. Н. Насонов (Насонов, 1951, с. 212–215), В.Л. Егоров (Егоров, 1996, с. 75), М.В. Цыбин (Цыбин, 1987, с. 36–51; Цыбин, 1997, с. 337–343). Особое внимание этому вопросу в своих работах уделили А.А. Шенников (Шенников, 1987) и А.А. Хреков (Хреков, 2003; 2004).

Первые достоверные известия о Червлёном Яре связаны с собором епископов, проводившимся в Костроме в 1330 году, а также с грамотами митрополитов Феогноста и Алексия, направленными жителям Червлёного Яра в 1340-х и 1350-х гг. Все они объединены одной темой – спором между Рязанской и Сарайской епархиями о юрисдикции над какой-то территорией, ограниченной с одной стороны рекой Великой Вороной. Епархии могли спорить о территории, имевшей православное население, с которого церковь получала определенные доходы. В данном случае это было немалое население – судя по тому, что понадобилось доводить дело до митрополита вся Русь и даже до собора (Акты..., 1964, с. 341–342).

Если по грамоте Феогноста местоположение Червлёного Яра определялось неясно, где-то в районе Великой Вороны, то из грамоты Алексия видно, что Червлёный Яр – обширный район, ограниченный с востока Вороной и нижним течением Хопра от устья Вороны до Дона.

Поскольку в грамоте Алексия упомянуты одновременно и Хопёр, и Великая Ворона, то, по крайней мере в данное время, в 1350-х гг., Хопёр назывался Хопром, а Великой Вороной могла называться только нынешняя Ворона (Шенников, 1987, с. 10).

В грамотах митрополитов Феогноста и Алексия упоминаются баскаки, без упоминания князей, возможно, это свидетельствует о прямом подчинении Червлёного Яра непосредственно хану. Митрополит Феогност упомянул в своей грамоте только Великую Ворону, а митрополит Алексей – и её, и Хопер. Обе грамоты – это не только послание верующим, но и юридические документы, определяющие спорную границу между епархиями, поэтому случайные пропуски слов в них маловероятны. Создается впечатление, что в 1330–1340-х гг. спорным был участок границы между обеими епархиями только по Вороне. Видимо, где-то там находились и «города» – в обычном представлении того времени обязательно наличие укреплений, хотя бы небольших.

Судя по грамоте митрополита Алексия, к 1350-м гг. спорной стала также более юго-восточная часть границы Червлёного Яра, по нижнему течению Хопра. Это могло быть вызвано либо расширением червлёноярской территории вниз по Хопру до самого Дона, либо появлением православно-христианского населения по ту сторону Хопра. Но в том

и другом случае упоминание о «караулах» на этом участке границы можно трактовать в том смысле, что за истекшие 10 лет оборонительная система Червлёного Яра была переориентирована с востока на юго-восток и теперь направлена не против каких-то неизвестных восточных соседей, а прямо против центра Золотой Орды (Шенников, 1987, с. 17–18). После 1356 г. в Орде начался период смут. Из-за безвластия в Орде участились набеги грабительских татарских отрядов на окраины Руси. Видимо, для отражения или предупреждения этих набегов и была переориентирована система обороны Червлёного Яра.

Используя данные грамот, возможно получить и некоторое представление о социальном устройстве Червлёного Яра. С одной стороны, мы видим отсутствие упоминаний о каких-либо местных князьях, ханах и отсутствие признаков подчинения Рязанскому княжеству. С другой стороны, видим присутствие и растущую роль общинного самоуправления («все христиане», к которым обращаются как к юридическому лицу). Неясно, кто такие «сотники» – золотоордынские администраторы или местные общинные выборные начальники. В связи со всем вышесказанным, А.А. Шенников выдвигает гипотезу о том, что Червлёный Яр – это «обладавшее некоторой автономией в рамках Золотоордынского государства объединение нескольких татарских и русских территориальных общин без феодалов, с военно-демократическим управлением вроде будущих донских, запорожских и подобных им казаков» (Шенников, 1987, с. 20).

Северная граница Червлёного Яра проходила примерно там же, где проходила юго-восточная граница Рязанского княжества. В 60–70 км к югу от г. Тамбова, между истоками рек Савалы и Цны, где на волго-донском водоразделе находилась в XVII–XVIII вв. Верхоценская волость с центром в селе Верхоценье. В документе 1623 г. говорится о селе Черлёный Яр, расположенном в этой волости (Копии..., 1893, с. 104–105). А.А. Шенников, применяя данные топонимики, в которых используются названия Червлёный, Черлёный и Чермной Яр, следующим образом описывает границы Червлёного Яра – названия, закономерно расположены по границам хоперско-донского междуречья: три с запада, на Дону между устьями Воронежа и Битюга, и не менее двух, а может быть, и больше (учитывая неясные сообщения о Червлёных Ярах на Вороне) – с востока, на линии Хопёр-Ворона-исток Сава-

лы. В глубине хопёрско-донского междуречья названий этого типа не обнаружено. Одна из возможных причин такого закономерного размещения сходных географических названий по контуру определенной территории могла состоять в том, что это были окраинные пункты территории, носившей общее название Червлёный Яр (Шенников, 1987, с. 33).

Хопёрско-Донское междуречье до вырубки лесов и распашки степей представляло собой пример степного на юге и лесостепного на севере ландшафтов с чередованием приречных лесных полос и степных междуречий.

Полукочевники-скотоводы могли здесь кочевать только по меридиональным степным полосам, имея летние пастбища на севере и северо-востоке, близ лесного массива в верховьях Битюга и Савалы, а зимние – в южных концах полос близ Дона, где должны были находиться сенокосы, поля и зимние постоянные селения. Действительно, именно в южном конце центральной и самой крупной полосы, недалеко от Дона найдены остатки золотоордынского мавзолея близ с. Мечетка.

Столь же чётко все пункты под названием Червлёный Яр, связанные со славянским населением, локализуются не просто по краям междуречья, но именно в лесных полосах.

Выскажем предположение, что не позже конца XIII в. на основе хозяйственных отношений древнерусского населения лесных полос междуречья и татар (половцев), кочевавших на остепнённых участках, здесь сложился военный и политический союз с образованием единого полуавтономного (видимо, в рамках Золотоордынского государства) объединения татарских и русских общин. Становится понятно и политическое положение червленоярского русско-татарского общинного объединения в Золотоордынском государстве. Если червленоярские (битюгские) татары не могли обойтись без русских, живших в лесных полосах, то сарайские ханы в свою очередь не могли обойтись без этих татар, служивших в их войсках. Поэтому ханы вынуждены были мириться с существованием вблизи центра своего государства полуавтономной группы. Видимо, ханы были заинтересованы в присутствии червленоярцев примерно так же, как впоследствии московские цари терпели присутствие донских казаков со всеми их особенностями. Таким образом, на Хопёрско-Донском междуречье в золотоордынскую эпоху существовало сложившееся, по-видимому, ещё раньше, при половцах, объединение татарских

(бывших половецких), восточнославянских и, вероятно, также мордовских территориальных общин, получившее общее название Червлёный Яр. Его хозяйственной основой было обоюдое выгодное сотрудничество полукочевников-скотоводов, кочевавших по степным междуречьям, и обитавшего в приречных лесных полосах населения, хозяйство которого восполняло недостаточно развитые у скотоводов-кочевников отрасли, в частности заготовку сена и, видимо, некоторые виды ремесленного производства. На этой хозяйственной основе выросло своеобразное общество без феодалов с военно-демократическим общинным управлением, подобное будущим казачьим обществам (Шенников, 1987, с. 128).

Уже в конце XIX в. был поставлен вопрос об археологическом изучении Червлёного Яра. В письме Воронежского губернатора в Археологическую комиссию от 28 февраля 1890 г. сообщается, что «...член-секретарь Воронежского губернского статистического комитета Л. Вейнберг предлагает нынешнею весною предпринять исследование берегов Дона в пределах Воронежской губернии с целью выяснения местонахождения Червлёного Яра, на что кроме официального разрешения просит у Императорской археологической комиссии рублей пятьдесят» (Архив ИИМК, 1890, л. 1). Открытый лист Л. Вейнбергу был выдан на право производства раскопок «на берегах Дона в пределах Воронежской губернии, с целью выяснить местонахождение Червлёного Яра» (Архив ИИМК, 1890, л. 4). В отчёте Л. Вейнберга, присланном в Археологическую комиссию, изложены результаты обследования левого берега реки Воронеж в районе её устья. Приведены и рисунки найденной керамики (Архив ИИМК, 1890, л. 23, 24, 34). В письме в Археологическую комиссию от 13 февраля 1891 г. Л. Вейнберг обращает внимание комиссии на необходимость исследования восточной части Воронежской губернии: течения рек Хопёр, Ворона, Битюг, Икорец (Архив ИИМК, 1890, л. 12, 12а). Однако к реализации этого плана исследователи обратились лишь спустя несколько десятилетий.

К настоящему времени в Доно-Хопёрском междуречье выявлено более шестидесяти древнерусских поселений золотоордынского периода (рис. 1). Целый ряд памятников второй половины XIII–XIV вв. на территории Тамбовской области выявлены в результате археологических разведок и раскопок (Андреев, 2005, с. 62–79.). В Прихопёрье изучались

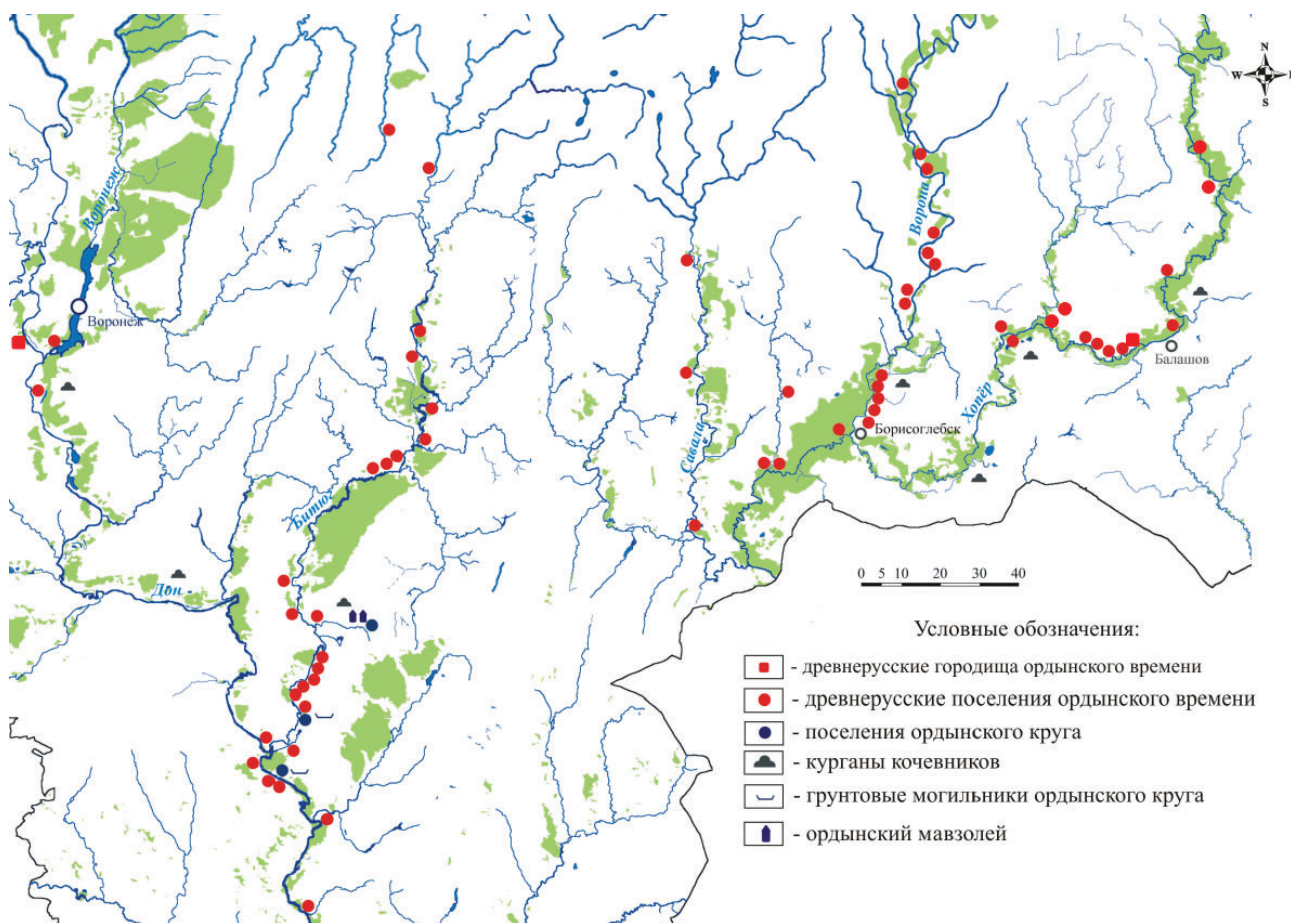

Рис. 1. Памятники археологии ордынского времени южной части Окско-Донской равнины – Червлёного Яра.
Fig. 1. Monuments of archaeology of the Golden Horde period in the southern part of the Oka-Don Plain - Chervlyony Yar.

городище Никольевка (Хреков, 2004, с. 157) и его округа, поселение Алмазово II (Изотова, 1999, с. 175–188) на реке Хопёр, поселение Шапкино II (Хреков, 2004, с. 158–160), на р. Вороне. Древнерусские материалы найдены так же и в результате раскопок многослойного поселения Борисоглебское – 4 на реке Вороне (Мулкиджанян, 1998, с. 171) и некоторые другие. О значительной доле православного населения свидетельствуют не только грамоты митрополитов, но и отдельные находки XIII–XIV вв. культового характера.

Погребения кочевников золотоордынского времени в Прихоперье исследованы во Власовском могильнике (Грибановский район Воронежской области) (Березуцкий, 1989, с. 152–165), могильнике у с. Третьяки (Борисоглебский район Воронежской области) (Винников и др., 1993), у с. Ключи (Балашовский район Саратовской области) (Хреков, 1988, с. 197).

Информативные материалы были получены в бассейне реки Битюг. В конце 40-х гг. у поселка Красный В.П. Левашевой были обследованы остатки двух золотоордынских кирпичных построек. Одна из них частично

раскопана и интерпретирована как мавзолей-мечеть. Изучен также горн для обжига кирпича (Левашева, 1960, с. 175–185). Примерно в 6 км к северу от этих золотоордынских построек у с. Новый Буравль в начале XX века было раскопано богатое подкурганное кочевническое захоронение (Цыбин, 1986, с. 257–265).

На реке Битюг древнерусские материалы были получены в результате раскопок многослойных поселений Дрониха и Мосоловское (Винников и др., 1995, с. 130–138).

В последние годы новые данные по рассматриваемому вопросу дали раскопки Таганского грунтового могильника длительного накопления у с. Лосево Павловского района Воронежской области. Помимо погребений эпохи бронзы и раннего средневековья в площади трех раскопов, закладывавшихся на возвышенностях дюнообразного древнего берегового вала, получены материалы XIV в. Были выявлены четыре хозяйственные ямы и остатки наземной постройки с очагом. В ямах найдены кости домашних животных, золотоордынская и древнерусская керамика, нижняя часть каменного жернова, фрагмент его верхней части, абразивы, заготовки для

пряслиц из стенок золотоордынских сосудов. На раскопах 1 и 3 зафиксированы погребения жителей поселка. В данном случае речь идет о пока мало известном в Среднем Подонье типе памятников XIV в. Судя по преобладанию золотоордынской керамики, этот комплекс можно отнести к кругу золотоордынских. Но характер поселения и этническая принадлежность его жителей требует уточнения (Матвеев и др., 1999. с. 72–79). А так же Олень-Колодезьского могильника (Ефимов, 2000, с. 167–181), Новохарьковского могильника (Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. 2002) и др.

Таким образом, в южной части Окско-Донской равнины в настоящее время выделены четыре категории памятников второй половины XIII – XV вв.: древнерусские поселения и городища, золотоордынское поселе-

ние и грунтовые могильники, золотоордынские мавзолеи, подкурганые кочевнические погребения. Всего в общей сложности в настоящее время известно более семидесяти памятников. Это позволяет говорить о сложной этнокультурной ситуации, как в этом районе, так и на территории Червлёного Яра в целом (Цыбин, 2001, с. 17–23). Сопоставляя письменные и археологические источники, можно заключить, что Червлёный Яр – это довольно обширная (от Хопра до Дона) территория с этнически разнородным населением (православные русские, татары, половцы, возможно, мордва), живущие порядками свободных феодально-независимых общин с элементами самоуправления в относительной зависимости от Золотой Орды. Это подтверждается как письменными источниками, так и результатами археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Акты Социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI в. Т. 3. Издательство АН СССР. М. 1964. 687 с.

Андреев С.И. Юго-восточная граница Рязанского княжества в XII–XIV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках / Ред. А.Н. Наумов, А.М. Воронцов. Тула: Инфра, 2005. С. 62–79.

Андреев С.И. Никольское городище. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2013. 216 с.

Андреев С.И. Поселения Екатериновка 3 (К вопросу о юго-восточном Рязанском пограничье) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 209–235.

Архив ИИМК. 1890. Ф1. № 23. л.1, 4. 12,12 а, 23, 24, 34.

Березуцкий В.Д. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1988. С. 152–165.

Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки // Археология Доно-Волжского бассейна / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Изд-во Воронежского пединститута, 1993. С. 30–47 с.

Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В. Средневековые материалы с поселения «Дрониха» // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Артефакт, 1995. С. 130–138.

Егоров В.Л. Владения Золотой Орды в районе бассейна Среднего Дона. // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. 140 с.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника “Олень-Колодезь” // РА. 2000. № 1. С. 167–182.

Изотова М.А. Древнерусское поселение Алмазово II // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: СПИ, 1999. С. 175–188.

Иловайский Д.И. Рязанское княжество («История Рязанского княжества»). М.: Алгоритм, 1997. 512 с.

Копии с Шацкой писцовой книги // Известия Тамбовской Учёной Архивной Комиссии. Вып. 37. Тамбов, 1893. 147 с.

Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Археологический сборник / Тр. ГИМ. Вып. 37. М.: Советская Россия, 1960. С. 175–185.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовый могильник (предварительная информация) // Проблемы археологии бассейна Дона / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГПУ, 1999. С. 72–79.

Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское – 4 в Прихоперье // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. / Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. С. 169–179.

Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства: Ист.-геог. Исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 262 с.

Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. 200 с.

Хреков А.А. Исследования в лесостепном Прихопёрье // Археологические открытия 1986 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. 544 с.

Хреков А.А. Археологические памятники средневековых кочевников на территории лесостепного Прихопёрья (Червлёного Яра) // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий. Саратов, 2003. С. 53–58.

Хреков А.А. Древности Прихопёрья. Балашов: Изд-во Николаев, 2004. 200 с.

Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников X–XVI вв. в Среднем Подонье // СА. 1986. № 3. С. 257–266.

Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточно-европейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский университет, 1987. С. 36–51.

Цыбин М.В. Юго-восток русских земель во второй половине XIII–XIV вв. (к изучению этнокультурных процессов) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1997. С. 337–343.

Цыбин М.В. Археологическое изучение Червлёного Яра // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События. Памятники. Традиции. Труды юбилейной научной конференции / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Тульский полиграфист, 2001. 286 с.

Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 142 с.

Информация об авторе:

Андреев Сергей Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, Россия); iortambov@mail.ru

REFERENVES

1964. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus of Late 14th – Early 16th cc.)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

Andreev, S. I. 2005. In Naumov, A. N., Vorontsov, A. M. (eds.). *Kulikovo pole i Yugo-Vostochnaya Rus' v XII-XIV vekakh (Kulikovo Field and South-Eastern Russia in the 12th-14th Centuries)*. Tula: "Infra" Publ. (in Russian).

Andreev, S. I. 2013. *Nicol'skoe gorodishche (Nikolskoye Settlement)*. Tambov: "Izdatel'skiy dom TGU im. Derzhavina" Publ. (in Russian).

Andreev, S. I. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 209–235 (in Russian).

1890. *Arkhiv IIMK (Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)*. F1. № 23. l.1, 4. 12, 12 a, 23, 24, 34 (in Russian).

Berezutskiy, V. D. 1988. In Siniuk, A. T. (ed.). *Issledovanie pamyatnikov arkheologii Vostochnoy Evropy (The investigation of archaeological sites of the Eastern Europe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 152–165 (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Efimov, K. Yu., Tsybin, M. V. 1993. In Siniuk, A. T. (ed.). *Arkheologiya Dono-Volzhskogo basseina (Archaeology of the Don and Volga Basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 30–47 (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Sinyuk, A. T., Tsybin, M. V. 1995. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Samara: "Artefakt" Publ., 130–138 (in Russian).

Egorov, V. L. 1996. In *Lipetsk: nachalo istorii (Lipetsk: the Beginning of History)*. Lipetsk (in Russian).

Efimov, K. Yu. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)*. (1), 167–182 (in Russian).

Izotova, M. A. 1999. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1997 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1997)* 3. Saratov: Saratov Pedagogical Institute Publ., 175–188 (in Russian).

Plovayskiy, D. I. 1997. *Ryazanskoe knyazhestvo («Istoriya Ryazanskogo knyazhestva») (Ryazan principality («History of the Ryazan principality»))*. Moscow: "Algoritm" Publ. (in Russian).

1893. In *Izvestiia Tambovskoy uchenoi arkhivnoi komissii (Reports of the Tambov Scientific Archival Commission)* 37, Tambov (in Russian).

Levashova, V. P. 1960. In Levashova, V. P. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 37. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 175–185 (in Russian).

Matveev, Yu. P., Tsybin, M. V. 1999. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Problemy arkheologii basseyna Dona (Problems of Archaeology of the Don Basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ, 72–79 (in Russian).

Mulkidzhanyan, Ya. P. 1998. In *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tysyacheletiya n.e. Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi (Archaeological Sites of the Upper Don Region in the First Half of the 1st Millennium AD / Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe)* 12. Voronezh: Voronezhskiy State University Publ., 169–179 (in Russian).

Nasonov, A. N. 1951. *Russkaya zemlya i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva (Russian Land and the Formation of the Territory of the Old Russian State)* Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

In Pryakhin, A. D. (ed.). 2002. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy (Novokharkovsky burial ground of the Golden Horde era)*. Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).

Khrekov, A. A. 1988. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1986 goda (Archaeological discoveries 1986)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khrekov, A. A. 2003 In *Zolotoordynskomu gorodu Ukeku sem' s polovinoy stoletiy (The Golden Horde Town of Ukek is Seven and a Half Centuries Old)*. Saratov, 53–58 (in Russian).

Khrekov, A. A. 2004. *Drevnosti Prikhoper'ya (Antiquities of the Koper Region)*. Balashov: "Nikolaev" Publ. (in Russian).

Tsybin, M. V. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 257–266 (in Russian).

Tsybin, M. V. 1987. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi zheleza vostochnoevropeyskoy lesostepi (Archaeological monuments of the Iron Age of the Eastern European forest-steppe)*. Voronezh: Voronezhskiy State University Publ., 36–51 (in Russian).

Tsybin, M. V. 1997. In Sedov, V. V. (ed.). *Etnogenez i etnokul'turnye kontakty slavyan (Ethnogenesis and ethnocultural contacts of the SLAVS)*. Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii (Works of the 6th International congress of slavic archaeology) 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 337–343 (in Russian).

Tsybin, M. V. 2001. In Naumov, A. N. (ed.). *Dmitriy Donskoy i epokha vrozozhdeniya Rusi. Sobytiya. Pamyatniki. Traditsii (Dmitry Donskoy and the Renaissance of Russia. Events. Monuments. Traditions)*. Tula: "Tul'skiy poligrafist" Publ. (in Russian).

Shennikov, A. A. 1987. *Chervlenyi Iar. Issledovanie po istorii i geografii Srednego Podon'ia v XIV–XVI vv. (Chervleny Yar. Study on the History and Geography of the Middle Don Region of the 14th –16th cc.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Andreev Sergei I. Candidate of Historical Sciences, Tambov State University. Internatsionalnaia, str., 33, Tambov, 392036, Russian Federation; ioptambov@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904 930.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.80.83>

ТЕРРИТОРИЯ ДИВНОГОРЬЯ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2022 г. В.С. Битюков

В статье представлена информация, освещающая принадлежность территории Дивногорья к Червлёному Яру в эпоху Золотой Орды. Исследуются археологические и письменные следы этой эпохи на данной территории, в которых отражены отношения московского князя Дмитрия Донского с митрополитом Пименом. Рассматриваются причины раздоров князя и митрополита, которые привели последнего к посещению Византийской империи. Описывается путешествие митрополита в Царьград, и приводится описание территории Дивногорья. Поднимается проблема Червлённого Яра, его принадлежность к Рязанскому княжеству и Золотой Орде.

Ключевые слова: Червлёный Яр, Дивногорье, Золотая Орда, Пимен, Дон, Тихая Сосна, Никоновская летопись, Дмитрий Донской, Царьград, Рязанское княжество.

THE TERRITORY OF DIVNOGORIYE IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

V. S. Bityukov

The paper features information highlighting the attribution of the territory of Divnogorie in the Golden Horde period. The archaeological and written traces of this period in this territory are investigated, which reflect the relations of the Moscow Prince Dmitry Donskoy with Metropolitan Pimen. The reasons for the discord between the Prince and the Metropolitan, which led the latter's visit to the Byzantine Empire, are considered. A summary of the Metropolitan's journey to Tsargrad and a description of the territory of Divnogorie are provided. The issue of Chervlennyi Yar and its attribution to the Ryazan Principality and the Golden Horde is raised.

Keywords: Chervlennyi Yar, Divnogorye, Golden Horde, Pimen, Don, Tikhaya Sosna, Nikon Chronicle, Dmitry Donskoy, Tsargrad, Ryazan Principality.

На территории природного архитектурно-археологического «музея-заповедника Дивногорье» были обнаружены материалы, относящиеся к разным эпохам: палеолит, мезолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, раннее средневековье, позднерусское время. Однако имеется ряд неосвещённых вопросов, изучением которых стоит ещё заняться. Одной из таких тем является территория Дивногорья в эпоху Золотой Орды. Есть ли какие-то письменные сведения по этой теме? Обнаружены ли на территории археологические находки этой эпохи? Вот ряд вопросов, которые стоит поднять в данной работе. Данная тема является актуальной, так как она непосредственно касается проблемы Червлённого Яра – территории, которая распространялась от Хопра до Дона, куда и входила территория Дивногорья.

Проблема ордынского присутствия на территории Дивногорья была поднята В.В. Стёпкиным в статье: «К вопросу о существовании Дивногорского пещерного монастыря в золотоордынское время: религиозная ситуация в подонье в XIII–XIV вв.», где автор считает, что Дивногорье входило в территорию Червлённого Яра – одного из административных улусов Орды, а монастырь уже

мог существовать в эпоху Золотой Орды (Стёпкин, 2019, с. 20–21).

Проблему Червлённого Яра поднимают А.А. Решетова, О.С. Тополова. Они считают, что данная территория была густо заселена и являлась объектом миссионерской деятельности (Решетова, Тополова, с. 13–14). Исследователи касаются и территории Дивногорья, описывают маршрут через Тихую Сосну, по которому продвигались татары, а также они упоминают Дивы: «Эти столбы – меловые столбцы-останцы, вертикально поднимающиеся над откосами правобережья Тихой Сосны и Дона, – известны как Дивногорье. Издавна, имея белый цвет и причудливые очертания, назывались они «столпами», «дивами», отчего данная местность и получила название «Дивногорье» (Решетова, Тополова, с. 13–14).

Часть исследователей ссылается на летописное сказание, в котором можно обнаружить ряд ценных сведений. Речь идёт о митрополите Пимене, который проплывал по данной территории с Игнатием Смолянином, описавшим меловые Дивы. Именно этот сюжет повествует о Дивногорье в ордынскую эпоху. Стоит на этом остановиться подробнее. Источником является Никоновская летопись.

Стоит отметить, что именно в этом источнике подробнее всего описано путешествие Пимена. В других летописях указывается лишь краткое предложение о том, что он отправился в путешествие. Вот как об этом сообщает летопись по Воскресенскому списку: «... Пиминъ митрополитъ выѣхася Москвы и поиде в Царьгородъ...» (Летопись Воскресенская, 1859, с. 52). Такую же информацию несёт Ермолинская летопись: «...в вторникъ поиде Пиминъ в Царьгородъ» (Ермолинская летопись, 1910, с. 131). Не отличается сведениями и Вологодко-Пермская летопись: «Пиминъ митрополитъ поиде во Царьградъ» (Вологодко-Пермская летопись, 1959, с. 152). Наличие подробной информации в Никоновской летописи объясняется тем, что её составитель хотел отразить идеи защиты имущественных интересов церкви, союза светской и духовной власти. Летопись состоит из большой компиляции, в которой использованы различные местные летописцы, повести, сказания, жития святых, записи народного эпоса, архивные документы. Основными источниками летописи являются Симеоновская, Иоасафовская, Новгородская Хронографическая.

Что же привело митрополита Пимена на данную территорию? Основная причина заключается в противоречии между Дмитрием Донским и митрополитом. Князь не хотел признавать его кандидатуру: «Князь великий же Дмитрей Иванович понегодаваше на митрополита...» (Никоновская летопись, 1897, с. 95). Причиной негодования князя является то, что митрополит получил престол «путем обмана и подкупа» (Решетова, Тополова, с. 2). Поэтому Пимен решил отправиться в Византию, чтобы подтвердить законные основания для митрополичьего престола: «...Пиминъ митрополитъ втреть ипоиде в Царьградъ к патриарху...» (Никоновская летопись, 1897, с. 95).

В итоге митрополит отправляется в путешествие, проходит Коломну, после этого спускается по Оке, а в Переяславе встречается с князем Олегом Ивановичем Рязанским (Никоновская летопись, 1897, с. 95). Примечательно, что князь для Пимена устраивает очень хороший приём: «...многую честію и с любовію...» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). Всё это может говорить о том, что рязанский князь по-прежнему относился враждебно к Московскому княжеству. В итоге Олег Иванович Рязанской отправляет свою дружину проводить Пимена до Дона: «...з довольною дружиною повёлъ насъ проводитьи до рекъ до Дону...» (Никоновская летопись,

1897, с. 95). Этот фрагмент имеет большую ценность, так как, опираясь на него, можно предположить, что Червлёный Яр мог входить в Рязанское княжество. Стоит отметить, что затем указывается причина, по которой князь решил отправить дружину для охраны путников: проблема заключалась в том, что данная территория была опасна для невооружённых людей, на ней мог произойти разбой: «...свѣликимъ опасеніемъ розбоя діля» (Никоновская летопись, 1897, с. 95). Таким образом, можно предположить, что, во-первых, данная территория находилась под влиянием Рязанского княжества, во-вторых, здесь могли находиться разбойники, что показывает слабую заселённость территории, прилегающей к Червлёному Яру.

После этого Пимен поплыл по Дону: «...и поплыхомъ рѣкою Дономъ на низ...» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). Что же увидел митрополит? Перед ним предстала пустыня, ни одного града, села: «...бѣше пустыня бозѣло всюду, нѣбовидѣтитамо ничтоже: ни града, ни села...» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). Опираясь на данные сведения, стоит предположить, что территория, проходящая по Дону, не была заселена, а значит, Червлёный Яр был лишь буферной зоной, через которую проходили разбойники, путешественники, представители ордынской и рязанской администрации. Примечательно, что путешественники не увидели даже одного человека, кругом лишь дикая природа: «...нигдѣ бо вѣдети челоуѣка, точѣю пустыни веліа и звѣрей множество...» (Никоновская летопись, 1897, с. 96).

После этого митрополит проплыл ещё три реки: Мечу и Быструю Сосну, Острою Луку и вышел к устью реки Воронеж: «...до усть Вороножа рѣки» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). В этой земле путники встречают людей рязанского князя, что снова подтверждает мысль о том, что Червлёный Яр, в частности Дивногорье, могло являться частью Рязанского княжества (Никоновская летопись, 1897, с. 96).

Следующим пунктом стала река Тихая Сосна, рядом с которой путешественники и увидели меловые останцы: «Оттуду же приплыхомъ къ Тихой Соснѣ и видѣхом столпы камены бѣлы, дивно же и красно стоят рядомъ, яко стози малы, бѣлы же и свѣтл изѣло рѣкой над Сосною» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). Данное сообщение является первым упоминанием территории Дивногорья в источниках. Фиксируется Тихая Сосна, которая прилегает к территории, а также меловые

Дивы, часть которых сохранилась до нашего времени и стала одним из объектов музейного показа. Примечателен тот факт, что после Тихой Сосны Пимен попадает на реку, которая называется Червлёный Яр: «Таже минухо́мъ и Червлёный Яр рѣку...» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). Логично предположить, что этимология названия территории пошла именно от этой реки. После этого путешественники начинают встречать ордынцев: «...первіе Татаръ много зѣло...» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). В дальнейшем уже начинаются, по мнению путешественников, ордынские земли: «...яко внидохомъ въ землю Татарскую...» (Никоновская летопись, 1897, с. 96). Данный фрагмент приводит нас к мысли о том, что странники воспринимали земли по Дону частью рязанского княжества или пограничной буферной зоной.

Что касается археологических находок на территории, прилегающей к Дивногорью, то на левобережье Дона, поселение Нижнее Банное 1, был обнаружен фрагмент, «изготовленный из красной глины, орнаментированный полосами», который «является золотоордынским импортом» (Владимиров, 2018). Данная находка датируется XIII–XV вв., что позволяет её отнести к времени, смежному летописным упоминаниям.

Таким образом, сделав небольшой обзор летописных и археологических источников, стоит прийти к выводу о том, что территория Дивногорья входила в буферную зону между Рязанским княжеством и Золотой Ордой. Эта зона именовалась Червлёным Яром, сама территория не была заселена, однако через неё проходили татары, разбойники, торговцы и путники.

ЛИТЕРАТУРА

Владимиров С.И. Отчёт о проведении археологической разведки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Достопримечательное место «Природно-культурный комплекс Дивногорье» в 2018 году / Архив ИА РАН (копия отчёта хранится музея-заповедника «Дивногорье»).

Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. Т. 26. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 8. Воскресенская летопись. СПб: Типография Эдуарда Праца, 1856. 355 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 12. Никоновская летопись. СПб.: «Типография И. Н. Скороходина», 1901. 269 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись СПб: Типография М. А. Александрова, 1910. 239 с.

Решетова А.А. Тополова О.С. О рязанских реалиях в «Хожении Игнатия Смольнянина» // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2012. № 35. С. 76–93.

Степкин В.В. К вопросу о существовании Дивногорского пещерного монастыря в золотоордынское время: религиозная ситуация в подонье в XIII–XIV вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 17–23.

Информация об авторах:

Битюков Валентин Сергеевич, научный сотрудник, музей-заповедник «Дивногорье», студент очного отделения строительного факультета, направление – археологические изыскания в строительстве на базе магистратуры, Воронежский государственный технический университет (г. Воронеж, Россия); vbitzzz7@gmail.com

REFERENCES

Vladimirov, S. I. 2018. *Otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki na territorii ob'ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Dostoprimechatel'noe mesto «Prirodno-kul'turnyy kompleks Divnogor'ye» v 2018 godu (Report on Archaeological Exploration in the Territory of the Cultural Heritage Site of Federal Significance “Landmark “Divnogorie Natural and Cultural Complex” in 2018)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vologodsko-Permskaya letopis' (Vologda-Permian Chronicle). 1959. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 26. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

Voskresenskaya letopis' (Voskresensk Chronicle) 1856. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 8. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ. (in Russian).

Nikonovskaya letopis' (Nikon Chronicle). 1901. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 12. Saint Petersburg: "I. N. Skorokhodin" Publ. (in Russian).

Ermolinskaya letopis' (Ermolinsk Chronicle). 1910. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 23. Saint Petersburg: "M. A. Aleksandrov" Publ. (in Russian).

Reshetova, A. A. Topolova, O. S. 2012. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina (The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin)* 35, 76–93 (in Russian).

Stepkin, V. V. 2018. In *Vestnik Omskogo universiteta (Bulletin of the Omsk University)* (2), 17–23 (in Russian).

About the Author:

Bityukov Valentin S. Natural, architectural and archaeological museum-reserve "Divnogorie". Kol'tsovskaya, str., 56a, Voronezh, 394030, Russian Federation; Voronezh State Technical University. 20-letie Oktiabria str., 84, Voronezh, 394006, Russian Federation; vbitzzz7@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.84.88>

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ¹

© 2022 г. К.С. Ковалева

Статья посвящена анализу результатов исследования химического состава 170 проб цветного металла Золотой Орды, происходящих из городов и сельских памятников нижеволжского региона, а также Азака. Для определения химического состава были применены методы РФА и электронной микроскопии (SEM/EDS). Наиболее значительными группами металла по всем памятникам оказались двух- и трехкомпонентные бронзы с низкой и высокой концентрацией олова, а также латуни и многокомпонентные сплавы, что несколько сближает золотоордынскую металлообработку с традициями Юго-Восточной и Северо-Восточной Руси. В материалах Селитренного городища более половины проб приходится на различные латуни, в то время как для ряда других памятников (Азак, Болгар, сельские памятники округа Увека) их доля не превышает 10%, что может свидетельствовать о неравномерности использования различных сплавов в разных регионах Золотой Орды. Отличительной особенностью золотоордынского металла является также крайне ограниченное применение легкоплавких сплавов.

Ключевые слова: Золотая Орда, цветная металлообработка, химический состав, РФА, электронная микроскопия (SEM/EDS).

CHEMICAL COMPOSITION OF NON-FERROUS METAL FROM GOLDEN HORDE CITIES: PRELIMINARY DATA²

K.S. Kovaleva

This paper discussed the results of a study of the chemical composition of 170 non-ferrous metal samples originating from Golden Horde cities and rural sites of the Lower Volga region and Azak. XRF and SEM/EDS methods were used as methods of determining the elemental composition. The most significant groups of metal for all sites were two- and three-component bronzes with low and high concentrations of tin, as well as brass and multicomponent alloys, which somewhat brings the Golden Horde metalworking closer to the traditions of South-Eastern and North-Eastern Rus. In the materials from Selitrennoye settlement, more than half of the samples are various types of brass, while at other monuments (Azak, Bolgar, rural monuments of the Uvek district) their share doesn't exceed 10%, which may indicate the uneven use of various alloys in different regions of the Golden Horde. Another distinctive feature of the Golden Horde metal is the extremely limited use of fusible alloys.

Keywords: Golden Horde, non-ferrous metalworking, chemical composition, XRF analysis, scanning electron microscopy (SEM/EDS).

Данное исследование продолжает работу по формированию базы данных химического состава цветного металла Золотой Орды (Хлебникова, 1996; Зайцева, 2010; Недашковский, 2002; 2010; 2018). Всего изучено 170 проб изделий (таб. 1) из цветных металлов, происходящих из таких крупных городищ, как Селитренное, Царевское, Водянское, Увекское, Азак, а также ряда небольших селищ округа Увекского городища и раннезолото-

ордынских некрополей Бахтияровка I и III. Большая часть данных опубликована (Ковалева, 2019; 2020; 2021). Стоит отметить неравномерность выборок по городам. Так, например, объем изученной коллекции Царевского городища составляет всего 7 экз., в то время как по Селитренному городищу она насчитывает 62 экз. Изделия, попавшие в выборки по Водянскому (частично), Селитренному, Царевскому городищам и могильнику Бахтияровке,

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

² The study was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic “Pre-Mongol Frescoes in Novgorod: Archaeological Context and Scientific Research (The frescoes of St. George’s Cathedral, Yuriev Monastery from the 2013-2020 excavations)”, agreement No. 075-15-2021-576.

Таблица 1. Распределение золотоордынского цветного металла по типам сплавов
 Table 1. Distribution of the Golden Horde non-ferrous metal by alloy types

Сплав	Селитренное	Царевское	КМ Бахтияровка I, III	Воляньское	Увекское городище	Селища округи Увекского городища	Азак	Всего
Медь			1	3	1		16	21
Латунь	12	1	1	1	1		1	17
двухкомпонентная (Cu+Zn)								
оловянная (Cu+Zn+Sn, Zn>Sn)	11	2	3				4	12
свинцовая (Cu+Zn+Pb)	2	1			2		1	6
многокомпонентная (Cu+Zn+Sn+Pb, Zn>Sn)	7		1		6	1		15
Бронза	4	1		4			12	22
оловянная (Cu+Sn)								
свинцовая (Cu+Pb)	1	0					6	7
свинцово-мышьяковистая (Cu+Pb+As)	1							1
оловянно-свинцовая (Cu+Sn+Sn)	5	1	1	1	3	5	9	25
Легкоплавкие сплавы	12		3	2		3	3	23
Сплавы с серебром								
серебро (Ag)	0	1						1
серебро (Ag)								
многокомпонентный на основе меди, с повышенным содержанием серебра (Cu+Sn+Pb+Zn+Ag, Ag>20%) с медью и золотом (Au+Ag+Cu, Au>Ag>Cu)	3		1					4
латунь с добавлением серебра (Cu+Zn+Ag)	1							1
с медью (CuAg)			1					1
Всего	62	7	12	11	16	10	52	170

были очищены от коррозионных наслоений, в остальных случаях исследовался патинированный металл, что может давать определенные погрешности в отношении содержания свинца¹. Состав коллекций также серьезно варьируется – если коллекция из Селитренного, Царевского, Водянского и могильника Бахтияровка представлена готовыми изделиями (прежде всего украшениями), то материал из Увека и Азака в основном состоит из отходов производства и неопределимых обломков металла. Все эти факторы достаточно сильно влияют на результаты сравнительного анализа и учтены при обработке полученных данных.

Для определения химического состава изделий были применены два метода анализа – для выборки из Увека и селищ его округи был использован метод сканирующей электронной микроскопии (SEM/EDS)², остальная коллекция исследована методом неразрушающего безэталонового рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) на базе ИА РАН³ и отдела археологических памятников ГИМ. Ранжирование сплавов происходила на основе методики, где порогом искусственного легирования является концентрация металла выше 1% (Ениосова и др., 2008, с. 128).

Для золотоордынской металлообработки статистически значимой оказалась группа бронз (двух- и трехкомпонентной), они составляют более 32,4% от общего числа изученных изделий в выборке и порядка 40-60% для отдельных памятников. Двухкомпонентные бронзы представлены оловянными (12,9%) и свинцовыми (4,1%), а трехкомпонентные оловянно-свинцовыми (14,7%) и свинцово-мышьяковистыми (0,6%). Абсолютное большинство свинцовых и оловянно-свинцовых бронз, происходящих из Азака, имеют достаточно стандартную концентрацию свинца – 1-3%. Чаще всего такой невысокий процент свинца в сплаве говорит не об искусственной лигатуре, а о естественной примеси в плохо очищенной меди. Во всей остальной выборке доля свинца в среднем составляет 5-6%, max – 19%. Концентрация олова во всей выборке варьирует в широких пределах (до 49% в отдельных зеркалах), распределяясь примерно поровну на группы с низким (до 7-8%) и высоким (16-49%) содержанием олова, меньшую группу составляют предметы со средними (8-15%) концентрациями.

На памятниках золотоордынского Болгара около трети всех изученных изделий также приходится на долю бронз, по большей части оловянно-свинцовых (Зайцева, 2010,

с. 126-127). Доминирование в Золотой Орде оловянных и оловянно-свинцовых бронз сближает ее с древнерусскими традициями цветной металлообработки. В XI веке в границах Северо-Восточной Руси сложилась так называемая «вятическая» зона металлообработки с преобладанием данных типов бронз, а в XI-XV в. высокий процент бронз зафиксирован во всех выборках Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси (Ениосова и др., 2008, с. 136-137). Однако золотоордынский металл отличается более высоким содержанием как свинца, так и олова.

Другой большой группой являются двух- и трехкомпонентные латуни (Cu+Zn, Cu+Zn+Sn, Cu+Zn+Pb), они составляют около 25,3% от общего числа всего изученного металла. Выделяются две большие группы сплавов – с содержанием цинка до 7% и повышенным (10-28%) его содержанием. Максимальное количество латунных изделий зафиксировано на Селитренном городище, где их доля составляет более 51%. С некоторой долей осторожности (вследствие небольшого объема выборки) можно говорить о достаточно большом проценте латуней в выборках Царевского и Увекского городища, а также могильника Бахтияровка.

Для Азака, Водянского городища и сельских памятников доля латуней не превышает 10%. Небольшой процент латуней (8,8%) представлен и в металле Болгарского улуса, где прослеживается тенденция их сокращения по сравнению с домонгольским периодом (Зайцева, 2010, с. 127). Латунь играла значительную роль для северных и северо-западных областей древнерусского государства, достигая там до 70% от всего общего объема, причем металл сохранял высокое содержание (выше 10%) цинка в сплаве, что свидетельствует о стабильных поставках латуней из Западной и Северной Европы (Ениосова, 2008, с. 133-134). Высказывалось предположение, что латунь ввозилась на территорию Золотой Орды через Русь из Западной Европы (Недашковский, 2018, с. 250). Однако значительное место двухкомпонентные и свинцовые латуни со средним и высоким содержанием цинка занимали и в металлообработке стран Халифата (Ениосова, 2008, с. 135), территории которого также могла к XIV веку стать источником поступления этого металла в Золотую Орду.

Еще одной значительной по объему группой являются многокомпонентные сплавы, они насчитывают порядка 24% от общего

числа изученных изделий. Содержание основных компонентов в них варьируется крайне широко: количество меди в них колеблется от 42 до 91%, олова от 1 до 42%, свинца от 1 до 41%, а цинка от 1 до 20%. Такой металл мог быть получен, прежде всего, в результате переплавки лома и занимает значительное место (до половины во всей выборке) и в металлообработке многих регионов Европы и Востока (Ениосова, 2008, с. 147).

«Чистая» медь представлена небольшим числом, 12% от общей выборки, и по большей части такие находки происходят из Азака. Можно предположить, что проанализированные неопределимые кусочки кованого металла являются, прежде всего, фрагментами медных сосудов (Недашковский, 2018, с. 247).

В исследованную коллекцию попало некоторое количество изделий: из золото-серебряных сплавов с небольшим (до 2,4%) содержанием меди, из многокомпонентного сплава на основе меди с повышенным (до 30%) содержанием серебра, из сплава меди, цинка и серебра с золочением поверхности, из медно-серебряного сплава и чистого серебра. В одном случае серебро зафиксировано в паечном шве составного изделия (ложка, чаша которой изготовлена из латуни, а ручка из меди) - вероятно, оно входило в состав припоя. Изделия, в состав которых входят драгоценные металлы, являются, прежде всего, украшениями – бляшками, серьгами и браслетом. Доля сере-

бра в них колеблется от 8,1% до 99%, золота от 1,3 до 88,6%, меди от 1,7 до 82,2%.

Отличительной особенностью золотоордынского металла является крайне ограниченное применение легкоплавких сплавов, которые были широко распространены на территории соседнего древнерусского государства. Исходя из существующих на данный момент данных, из такого рода металлов и сплавов изготавливался очень узкий круг изделий. В представленной выборке присутствуют три грузика, изготовленные из «чистого» свинца. В коллекции, изученной Л.Ф. Недашковским, присутствуют также грузики, изготовленные не только из свинца, но и из оловянно-свинцовых и свинцово-оловянных сплавов. Помимо этого, из свинца изготавливались альчики (Недашковский, 2002, с. 342–335; 2010, с. 151). Единственным предметом из категории украшений, изготовленным из оловянно-свинцового сплава, является перстень с Багаевского селища (Недашковский, 2018, с. 245).

Таким образом, на данный момент можно говорить о доминирующей роли оловянных и оловянно-свинцовых бронз в золотоордынской металлообработке, что сближает ее с традициями, которые были характерны для Северо-Восточной Руси. Также необходимо отметить неравномерность использования различных сплавов в разных регионах Золотой Орды, однако это положение должно быть подкреплено будущими исследованиями.

Примечания:

¹ Очистка была затруднена из-за условий хранения.

² Анализ выполнен м.н.с. Е.А. Сапрыкиным (Объединённый институт ядерных исследований, г. Дубна).

³ Исследование выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (г. Москва).

ЛИТЕРАТУРА

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–188.

Зайцева И.Е. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 116–138.

Ковалева К.С. Результаты исследования химического состава металла и техники изготовления изделий из цветных металлов из раскопок курганных групп Бахтияровка и Царевского городища // Новые материалы и методы археологического исследования. От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V международной конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С. 242–244. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.242-244

Ковалева К.С. Материалы к изучению изделий из цветных и драгоценных металлов Селитренного городища: химический состав // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 4. С. 328–347. DOI : <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.22>.

Ковалева К.С. Химический состав металла средневековых зеркал из раскопок памятников золотоордынского времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.2>

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2002. С. 335–347.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских селищ округа Укека // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 147–151.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // Stratum Plus. 2018. № 6. С. 243–254.

Хлебникова Т.А. Анализы Болгарского цветного металла // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 258–279.

Информация об авторе:

Ковалева Ксения Сергеевна, научный сотрудник лаборатории архитектурной археологии и междисциплинарного изучения архитектурных памятников, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); лаборант лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия); ksemmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru

REFERENCES

Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. 2008. In Ryndina, N. V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennyye metally i ikh splayv na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 107–188 (in Russian).

Zaytseva, I. E. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novyye arkhеologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 116–138 (in Russian).

Kovaleva, K. S. 2019. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novyye materialy i metody arkhеologicheskogo issledovaniya (New Materials and Methods of Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 242–244 (in Russian).

Kovaleva, K. S. 2020. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 25 (4), 328–347 (in Russian).

Kovaleva, K. S. 2021. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 26 (5), 17–29 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2002. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolskii arkhеologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 335–347 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2010. In Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S., Tomilov, N. A. (eds.). *Integratsiia arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk, 147–151 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 243–254 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan Publ., 258–279 (in Russian).

About the Author:

Kovaleva Kseniya S. Institute of Archaeology, RAS, Dm. Ulyanova St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation; Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; ksemmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902.64

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.89.97>

СТЕКЛЯННЫЕ ПОДВЕСКИ В ВИДЕ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ С ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА (XIII–XIV ВВ.)

© 2022 г. Н.П. Курышова

В статье представлены результаты изучения стеклянных подвесок стилизованных в виде утки (водоплавающей птицы), происходящих из погребальных памятников XIII–XIV вв. Волго-Донского региона и с территории городов Золотой Орды. Было рассмотрено 25 экземпляров. Основой систематизации подвесок стали такие признаки, как технология изготовления, форма, орнаментация, цвет и размер. Типологизация позволила выделить две группы подвесок. Большинство образцов (20 экземпляров) являются продукцией собственных мастерских Золотой Орды. Немногочисленные экземпляры, предположительно, представлены импортом. Комплексное исследование подвесок-птичек позволило рассмотреть некоторые вопросы местного стеклоделательного производства, обозначить проблему использования подвесок в костюме и уточнить их возможности для датирования погребений.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, стеклянные подвески, типология, стеклоделие, культ водоплавающей птицы.

GLASS PENDANTS IN THE FORM OF A WATERFOWL FROM THE TERRITORY OF THE VOLGA-DON REGION (13TH-14TH CC.)

N. P. Kuryshova

The paper features the results of a study of glass pendants in the form of a waterfowl (duck). They were discovered in the burials of the 13th-14th centuries in the Volga-Don region, and in the territory of the Golden Horde cities as a result of archaeological excavations. A total of 25 specimens have been studied. The basis for the systematization of pendants were such features as the manufacturing technology, shape, ornamentation, color and size. The classification has allowed to subdivide the finds into two groups. The majority of the specimens (20 items) are products of the Golden Horde's own workshops. Only a few items are presumably related to import. A complex analysis of bird-shaped pendants has made it possible to consider some issues of local glassmaking, identify the problems of using pendants in a costume and clarify the possibilities for dating burials on the basis of glass pendants.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, glass pendants, typology, glassmaking, waterfowl cult

Стеклянные подвески – одна из распространенных категорий украшений XIII–XIV вв. При всесторонней изученности они могут оказаться ценным и чрезвычайно разнообразным источником для решения ряда проблем в археологии. Являясь элементом костюма, стеклянные украшения дают информацию по этнической истории и показывают социальнокультурное развитие, проясняют вопросы, связанные с изучением культов, идеологических представлений и обычаев населения. Благодаря современным методам исследования становится возможным определить место изготовления и происхождение изделий и оценить уровень развития ремесла и технологий в регионе. Как импорты, они являются показателем направления культурных и торговых связей населения. Важна роль стеклянных украшений и в качестве хрономаркеров. Как было отмечено исследователями, подвески и бусы «сами по себе не могут служить датировке, так как большинство типов бытует в срав-

нительно широком хронологическом диапазоне, однако они могут помочь при определении временных рамок, когда мы не располагаем другими, более точными хронологическими определениями» (Довгалюк, 2007, с. 217).

В данном исследовании рассматриваются стеклянные подвески, стилизованные в виде водоплавающей птицы. Редкость находок, разбросанность их по музеям разных городов представляют определенную сложность для изучения, а исследование стеклянных предметов требует личного знакомства археолога с коллекциями. Зачастую исследователи, работающие только с отчетами, а не с самими предметами, относят их к кашинным изделиям, или к разновидностям «египетского фаянса», но сейчас совершенно точно можно сказать, что все они сделаны из стекла. Многолетняя работа с музейными коллекциями и параллельное изучение публикаций результатов археологических экспедиций позволили собрать, изучить и свести в единую таблицу

интересный материал. В большинстве своем это птички, выполненные из бирюзового глухого (т.е. непрозрачного) стекла, иногда с дополнительной орнаментацией желтым цветом. Но встречаются и исключения, так в Азове найдена была утка из прекрасного ярко-синего прозрачного кобальтового стекла (Белинский, Масловский, 2007, с. 326). В Болгарском историко-архитектурном музее находится экземпляр черного цвета, дополнительно орнаментированный накладными нитями из белого стекла (рис. 1: 13), одиночные экземпляры подвесок-птичек аналогичных цветов хранятся в Саратовском областном музее краеведения (Матюхина, 2005, с. 134). Визуальное изучение не снимает необходимости использования естественно-научных методов: анализа технологии изготовления, типологизации материала и определения состава стекла. Источниковая база данного исследования невелика – представлена 25 экземплярами, но вся совокупность подвесок, среди которых есть и целые птички, и осколки и технологический брак от их производства, позволяет всесторонне изучить данную категорию находок. В основном они происходят с территории городищ золотоордынского времени – 22 экземпляра, и в редких случаях встречаются в кочевнических погребениях XIII–XIV вв. (табл. 1).

Изучение подвесок выполнено с использованием классификации, разработанной М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1988, с. 152). В основу классификации положен технологический подход, то есть способ изготовления предмета (Валиулина, 2005, с. 86).

Все рассматриваемые подвески относятся к одной технологической группе, т.к. все они выполнены способом навивки. Технические особенности изготовления и расположение канала в подвесках определяют подгруппы. Подгруппы делятся на типы по способу орнаментации. Внутри типа подвески разделяются по размеру. Фиксируются два размера – длина (от начала клюва до кончика хвоста) и высота. Третья цифра обозначает диаметр канала подвески. Размеры даны в миллиметрах.

Группа I. Изготовленные путем навивки на твердый стержень размягченной стеклянной массы.

Подгруппа А – Канал для крепления проходит вертикально, сквозь голову и тело птицы.

Подвеска выполняется в технике навивки. Стеклянная нить навивается на спицу в виде маленьких двоянных бусин – тем самым

формируя голову и тело утки. Клюв вытягивается при отрыве стеклянной нити, работать приходится быстро, из-за этого клювы часто бывают неаккуратными. Хвост формируется при помощи специального инструмента – плоских щипцов.

Tun 1. Монохромные. Цвет бирюзовый, стекло непрозрачное.

Размеры; 15, 10, 3 мм.; 10, 7, 2 мм.; 8, 7, 2 мм, количество – 16 экз. (рис. 1: 1–2; 4–9; 20–26).

Tun 2. Орнаментированные.

На основу из бирюзового стекла дополнительно наносят желтое стекло, таким образом, оформляя клюв, хвост и глазки.

Размеры подвесок, аналогичны первому типу: 15, 10, 3 мм.; 10, 7, 2 мм.; 8, 7, 2 мм; количество – 4 экз. (рис. 1: 3, 10, 11).

Подгруппа Б – Канал отверстия проходит горизонтально поперек тела птички. На спицу навивается большее (по сравнению с первым типом) количество стекла, формируя основу подвески. Нитью стекла происходит вытягивание шеи и головы, а формирование клюва и хвоста сложной формы выполняется с помощью инструментов. Технологически работа более сложная и тонкая, что отражается на форме, и на визуальном восприятии подвески: эти утки более аккуратные и в некоторых случаях даже изящные.

Tun 1. Монохромные.

Цвет: бирюзовый – 1 экз., синий – 2 экз. Размеры: 20, 15, 7 мм (рис. 1: 16–19).

Tun 2. Орнаментированные.

Цвет основы: черный. Дополнительная орнаментация по контуру накладными линиями из стекла белого цвета. Размеры: 30, 20, 5; 20, 15, 6 мм. Количество – 2 экз. (рис. 1: 12–14).

Анализируя типологию и данные таблицы, мы видим, что небольшая подгруппа – Б в количестве 5 штук представлена яркими и интересными экземплярами: одна птичка выполнена из бирюзового стекла высокого качества, две – из синего прозрачного, еще две из черного стекла, и украшены белыми полосами. Все они были найдены на городищах золотоордынского времени (табл. 1) (Валиулина, Недашковский, 2005; Гончаров, 2002; Белинский, Масловский, 2007). Отличаются цветовым разнообразием, высоким качеством стекла и крупными размерами: 20–30 мм.

Наиболее многочисленная подгруппа – А, включает в себя Тип 1 – 16 мелких птичек из бирюзового стекла, и Тип 2 – 4 экз., которые от первого типа отличает лишь хвост, клюв и глазки из непрозрачного желтого стекла,

Рис. 1. Стекланные подвески в виде водоплавающей птицы с территории Волго-Донского региона (XIII–XIV вв.)

Fig. 1. Glass pendants in the form of a waterfowl from the territory of the Volga-Don region (13th–14th cc.).

нанесенного на основу бирюзового цвета. Оба типа между собой объединяет технология изготовления, вертикальное расположение канала, маленькие размеры и единая стилистика. Подвески-птички этой подгруппы встречены на Селитренном, Водянском, Царевском городищах, на Укеке и в Болгаре. На Цареве и Укеке это единичные находки. На Водянском городище немногим больше – 2

экз. (Бусятская, 1976, с. 71), и один фрагмент. Наибольшее количество подвесок подгруппы А – 6 экз. локализовано на Селитренном городище. К этой же подгруппе относятся и производственный брак, и осколки, четко идентифицируемые как части птичек (хвост, голова с клювом) – 4 экз. (рис. 1: 23, 24). Первые подвески в виде птички на Селитренном городище были найдены в 1967 г. при проведе-

Таблица 1. Распределения подвесок в виде водолавающей птицы на территории Волго-Донского региона XIII–XIV вв.
Table 1. Distribution of pendants in the form of a waterfowl across the territory of the Volga-Don region in the 13th-14th cc

Тип	Цвет основы	Дополнительная орнаментация	Место находки	Количество	Номер рисунка	Сопутствующий контекст
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Км. Царев. к.61.п.1 (Мыськов, 1989)	1 шт.	рис. 1: 4	Погребение жен. Найдена районе левого плеча.
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Км. Озерки. к.6, п.3 (Лукашов, 1988)	1 шт.	рис. 1: 5	Погребение женщины 20-25 лет, найдена в районе груди.
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Селитренное	2 шт.	рис. 1: 6, 9	Раскопки стеклоделательной мастерской в 1967г.
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Селитренное	3 шт.	рис. 1: 20-22	Раскопки стеклоделательной мастерской 2018 г., яма №13
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Селитренное	1 шт.	ряис. 1: 24	Производственный брак, обломок хвоста. Раскопки стеклоделательной мастерской в 2018г., яма №13.
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Селитренное	3шт.	рис. 1: 23	Производственный брак, обломки хвостиков. Раскопки стеклоделательной мастерской в 2018 г., яма №15. В яме найдены монеты, датирующие данный объект – 1336-37гг.
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Водянское	2 шт.	рис. 1: 2, 26	
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Царевское	1 шт.	рис. 1: 7	Подъемка. Сборы 2017 г.
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Увек	1 шт.	рис. 1: 27	
Подгр-А, Т.1	бирюзовый		Болгар	1 шт.	рис. 1: 1	Найдена при раскопках стеклоделательной мастерской.
Итого по типу				16 шт.		
Подгр-А, Т.2	бирюзовый	Клюв и хвост оформлены глухим желтым стеклом.	К.гр. «301 км» к 17. п.1 (Шнайдштейн, 1984)	1 шт.	рис. 1: 11	Погребенный зрелого возраста.
Подгр-А, Т.2	бирюзовый	Клюв, хвост и глазки оформлены глухим желтым стеклом.	Селитренное	1шт.	рис. 1: 10, 30	Раскоп II, 1970 г.
Подгр-А, Т.2	бирюзовый	Клюв, и глазки оформлены глухим желтым стеклом.	Водянское	1 шт.	рис. 1: 8	Фрагмент. Подъемка, сборы 2010 г.
Подгр-А, Т.2	бирюзовый	Клюв, хвост и глазки оформлены глухим желтым стеклом.	Увек	1 шт.	рис. 1: 28	
Итого по типу				4 шт.		

Таблица 1. Распределения подвесок в виде водоплавающей птицы на территории Волго-Донского региона XIII–XIV вв.
Table 1. Distribution of pendants in the form of a waterfowl across the territory of the Volga-Don region in the 13th–14th cc

Подтр-Б, Т.1	синий прозрачный		Азов	1 шт.	рис. 1: 16, 17	Раскопки 1992 г., яма № 5 по ул. Р.Люксембург. Там же были найдены многочисленные и разнообразие фрагменты керамики, металл. предметы (замки), осколки стеклянного стакана и доннышко стеклянного сосуда.
Подтр-Б, Т.1	бирюзовый		Азов	1 шт.	рис. 1: 18, 19	
Подтр-Б, Т.2	синий прозрачный		Увек	1 шт.	рис. 1: 12	
Итого по типу				3 шт.		
Подтр-Б, Т.2	черный	Линии из белого стекла	Увек	1 шт.	рис. 1: 28	
Подтр-Б, Т.2	черный	Белые накладные линии	Болгар	1 шт.	рис. 1: 13, 14	
Итого по типу				2 шт.		

нии раскопок стеклоделательной мастерской, открытой Л.Л. Галкиным (Галкин, 1984). Впоследствии, в полевом сезоне 2018 г., при продолжении работ по изучению данной мастерской поволжской археологической экспедицией Марийского государственного университета, в ямах №13 и №15, были зафиксированы еще 3 целых подвески-уточка и 4 бракованных фрагмента, что свидетельствует о местном производстве данных подвесок. В яме № 15 вместе с отходами стеклоделательного производства и бракованными хвостами стеклянных уток была обнаружена стопка медных монет, все они относятся к периоду правления хана Узбека: 737 г.х. (1336–1337 г.), чекан Сарая (Пигарев, Яранцева, 2019, с. 80). С учетом, что функционировал данный стеклоделательный комплекс ограниченное время, Ю.Л. Щапова называет нормативные сроки эксплуатации печей: 5–6 лет (Щапова, 1984, с. 223), мы получаем достаточно узкую дату для данного вида подвесок. Химический анализ подвесок-птичек не выполнялся. Но еще в 1984 году были проведены качественный и количественный спектральные анализы продукции мастерской, в том числе из голубого стекла, из которого изготовлены птички (Щапова, 1984; Бусятская, 1976, таб.1). Анализируя их результаты, исследователи отмечают значительное сходство химических составов стеклянных изделий из Средней Азии и мастерской на Селитренном городище, но при более низком содержании магния в золотоордынских образцах. Вероятно, среднеазиатские мастера стеклоделы использовали свои рецепты на Нижней Волге с учетом местных особенностей (Бусятская, 1976, с. 59).

На Болгарском городище уточка Подгруппы – А, Тип 1 встречена на участке, который характеризуют как торгово-ремесленный район древнего Болгара (Кокорина, 2005). Для нас наиболее интересен тот факт, что на этом участке зафиксированы следы стеклоделательного ремесла. На основании многочисленных находок: обилие готовой продукции, скопление брака и стеклянного шлака, наличие инструментов и печей – М.Д. Полубояринова делает вывод о работе стеклоделательной мастерской на данном участке в 20–40 гг. XIV века (Полубояринова, 2006, с. 152). Известно, что археологические работы на соседних участках продолжили изучение данного комплекса и принесли в качестве находок еще несколько подвесок-птичек и брак, полученный в процессе изготовления. Но поскольку результаты раскопок еще не опубликованы,

а точное количество подвесок нам неизвестно, то в данном исследовании они не учтены. Датировка Болгарского комплекса является синхронной по времени функционирования с мастерской на Селитренном городище. С точки зрения С. И. Валиулиной, химический состав продукции этой мастерской позволяет заключить, что мастерская работала на полуфабрикатах, поставляемых из нижеволжских центров стеклоделия Золотой Орды или из Средней Азии (Валиулина, 2015, с. 248). Данный факт подчеркивает родственность подвесок этого типа, не только в схожести технологии изготовления, но и в близости рецептуры стекла.

С поиском аналогий ситуация достаточно сложная, если для крупных уточек (подгруппа Б), можно встретить в музеях хоть редкие и несколько более сложные в исполнении аналоги, то для мелких бирюзовых (подгруппа А) прямые аналогии неизвестны. Вероятно, есть некоторые параллели с птичками из «египетского фаянса», которые были найдены при раскопках античных памятников Северного Причерноморья (Алексеева, 1975; Алексеева, 1982), но связи эти очень условны. Специфика материала: стекло, а не фаянс, иные технологические приемы, распространение этих подвесок в конкретном регионе, и местное производство в Поволжье, о чем свидетельствуют находки уточек при раскопках стеклоделательных мастерских на Селитренном городище (Пигарев, Яранцева, 2019, с. 80) и в Болгаре (Полубояринова, 2006, с. 155, рис. 3, 28), – все эти факторы позволяют предположить, что данный специфический вид продукции был освоен местными мастерами для удовлетворения спроса населения Поволжья. Но на данном этапе вопрос этот пока остается открытым и требует дальнейшего изучения и детальной проработки. Одно можно сказать точно: аналогичные подвески-уточка встречаются и в погребальных памятниках золотоордынского времени. На данный момент зафиксированы три подвески происходящие из позднекочевнических погребений: к.м. Озерки (на границе рес. Калмыкия с Волгоградской обл.), к.м. Царев (Ленинский район Волгоградская обл.), К.гр «301 км» (Ахтубинский район Волгоградской обл.) (таб. 1). Данные объекты территориально удалены друг от друга, но все входят в круг золотоордынских памятников Волго-Донского региона. Погребения преимущественно женские (в одном случае пол не определен). В двух погребениях сопровождающий инвентарь

скромный: подвеска-уточка и серьга в виде знака вопроса. Погребение богатое инвентарем (ножницы, зеркало, бокка, амулетница и многочисленные украшения и проч.) только одно – к.м. Царев, к.61,п.1, птичка была найдена среди многочисленных украшений. (Мыськов, 2015, с. 170).

Важно отметить что во всех трех погребениях уточки были только из подгруппы А, и эта особенность дает нам возможность датировать данные погребения. Учитывая местное происхождение подвесок и время бытования мастерских, в которых они вероятнее всего и были произведены, можно говорить о том, что эти погребения были совершены не ранее 20–40 гг. XIV века.

По технологическим и морфологическим признакам подвески можно разделить на две группы. Несмотря на то, что все птички выполнены навивкой, основной отличительный признак – расположение канала подвесок: вертикальный или горизонтальный, диктует два различных технических решения для изготовления подвесок. Эта же особенность обуславливает разные способы подвешивания и крепления данного украшения, а соответственно, и место, которое занимают подвески-уточка в costume. Более крупные и нарядные подвески (подгруппа Б) могли существовать самостоятельно – отдельной единицей; яркость, крупный размер и аккуратное исполнение делает их самодостаточными украшениями, но также они могли бы быть и в составе ожерелья, поперечное расположение канала позволяет им встать центральной подвеской в окружении других бусин.

Наиболее многочисленные по количеству, но существенно меньшие в размерах уточки из подгруппы А имеют вертикальный канал и, соответственно, закреплены – могут быть только с дополнительным вертикальным креплением (проволочка, цепочка, нить). Эта их особенность, а также маленькие размеры предполагают использование их в качестве мелких подвесов в серьги, височные кольца либо к головному убору, подвесов к ожерелью. В XIII–XIV вв. изображениями водоплавающих птиц или отдельными их частями украшали изделия для женщин фертильного возраста. Использование образов утки в украшениях должно было обеспечить его хозяйке многочисленное потомство и благосостояние. Это косвенно подтверждается и локализацией данных подвесок, так как найдены они были в женских погребениях и встречаются как в

богатом погребении, так и в погребениях со скромным набором инвентаря.

Подводя итоги, стоит отметить, что морфологические и технологические особенности позволяют разделить подвески-уточни на две неравномерные группы. Основная масса находок (подгруппа А) – 20 экз. – является продукцией стеклоделательных мастерских Поволжья. Немногочисленные и более сложные в техническом исполнении, варианты подгруппы Б (5 экз.), которые встречены на далеких друг от друга памятниках Золотой Орды, наиболее вероятно являются привоз-

ными. Несомненно, что обе группы подвесок относятся к женским украшениям и, встречаясь в погребальных памятниках, не только демонстрируют важность оберегов в костюме кочевников, но и позволяют уточнить датировку погребения. Различное расположение канала подвесок дает возможность для реконструкции способов крепления и вариантов ношения данных украшений.

В дальнейшем работа будет продолжена в направлении поиска аналогий и изучения вариативности использования подвесок в костюме.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. П-12. М.: Наука, 1975. 115 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. П-12. М.: Наука, 1982. 105 с.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.* Три закрытых комплекса из раскопок золотоордынского Азака // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. / Ред. Ю.К. Гугуев. М.–Иерусалим: Мосты и культуры, 2007. С. 325–344.
- Бусятская Н.Н.* Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. 1976. С. 38–72.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 280 с.
- Валиулина С.И.* Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, сост. Е.К. Столярова. М.: Нестор-История, 2015. С. 236–261.
- Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф.* Стекланные изделия Уека и его округи // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград. 2005. С. 275–280.
- Галкин Л.Л.* Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 217–225.
- Гончаров М.Ю.* Археологические исследования в г. Азове в 2016–2017 гг. // ИАИАНД. Вып. 31. Азов, 2022 (в печати).
- Довгалюк Н.П.* Бусы Раевского некрополя // Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: ИА РАН. 2007. С. 177–226.
- Кокорина Н.А.* Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 74–81.
- Лукашев А.В.* Отчет о работе археологической экспедиции ВОЛГУ в зоне строительства канала Волга-Чограй в Октябрьском районе КАССР в 1988 г. // Научный архив КИГИ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 57.
- Матюхина Ю.А.* Стекланные бусы Уека: из фондов Саратовского областного музея краеведения // Археологические записки. Вып. 4. / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005 С. 129–136.
- Мыськов Е.П.* Отчет о раскопках могильника Царев, проведенных Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского педагогического института в 1989г. Волгоград. / Архив ВОКМ, № 62.
- Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Пигарев Е.М., Яранцева Н.С.* Исследование стеклоделательной мастерской Селитренного городища (итоги работ 2018 года) // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XI. / Ред. А.А. Курапов, Е.И. Герасимиди, А.Н. Алиева. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич. 2019. С. 79–83.
- Полубояринова М.Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.
- Полубояринова М.Д.* Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–158.
- Шнайдитейн Е.В.* Отчет об археологических раскопках курганной группы «301 км.» в Ахтубинском районе Волгоградской области в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1 № 10341.

Щанова Ю.Л. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 222–225.

Информация об авторе:

Курышова Наталья Павловна, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); snejka15@yandex.ru

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Belinskii, I. V., Maslovskii, A. N. 2007. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don)*. Moscow; Jerusalem: "Mosty kul'tury" Publ., 325–344 (in Russian).

Busyatskaya, N. N. 1976. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 38–72 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (Glass of Volga Bulgaria)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Valiulina, S. I. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka (East European Glass from Antiquity to the Early 20th Century)*. Moscow: "Nestor-Istoriia" Publ., 236–261 (in Russian).

Valiulina, S. I., Nedashkovskii, L. F. 2005. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7. Volgograd: Volgograd State University, 275–180 (in Russian).

Galkin, L. L. 1984. In *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 217–225 (in Russian).

Goncharov, M. Yu. (in press). In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 31. Azov (in Russian).

Dovgalyuk, N. P. 2007. In Malyshev, A. A. (ed.). *Yugo-Vostochnaia periferiia Bospora v ellinisticheskoe vremya: po materialam Raevskogo nekropolia (South-Eastern periphery of Bosporus in the Hellenistic time: materials from the Raevsky necropolis)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 177–226 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 74–81 (in Russian).

Lukashev, A. V. 1988. *Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii VOLGU v zone stroitel'stva kanala Volga-Chogray v Oktyabr'skom rayone KASSR v 1988 g. (Report on the work of the Volga archaeological expedition in the Volga-Chograi canal construction zone in the Oktyabrsky district of KASSR in 1988)*. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Science. Fund 14, inv. 2, dossier 57 (in Russian).

Matyukhina, Yu. A. 2005. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 4. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 129–136 (in Russian).

Mys'kov, E. P. *Otchet o raskopkakh mogil'nika Tsarev, provedennykh Volgo-Akhtubinskim otryadom arkheologicheskoy ekspeditsii Volgogradskogo pedagogicheskogo instituta v 1989 g. (Report on the excavations of the Tsarev burial ground conducted by the Volga-Akhtuba detachment of the archaeological expedition of the Volgograd Pedagogical Institute in 1989)*. Volgograd. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Dossier 62 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Pigarev, E. M., Yarantseva, N. S. 2019. In Kurapov, A. A., Gerasimidi, E. I., Alieva, A. N. (eds.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniya (Astrakhan Local History Readings)* XI. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 79–83 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)*. (4), 152–158 (in Russian).

Shnajshtein, E. V. 1984. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurgannoy gruppy «301 km.» v Akhtubinskom rayone Volgogradskoy oblasti v 1984 g. (Report on the archaeological excavations of the burial mound group "301 km." in the Akhtubinsky district of the Volgograd region in 1984)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 10341 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1984. In *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 222–225 (in Russian).

About the Author:

Kuryshova Natalya P. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; snejka15@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ¹

© 2022 г. С.Г. Бочаров, А.Н. Масловский

В статье предпринимается попытка найти закономерности в процессе образования, развития и исчезновения городов золотоордынского государства. Появление за короткий по историческим меркам период в пустынной до этого восточноевропейской степи большого числа крупных и средних по размерам городов и столь же молниеносное их исчезновение является, вероятно, самым ярким феноменом в истории Золотой Орды. В значительной мере он был зависим от эволюции и благополучия ещё слабо изученных оседлых сельских поселений. Выделяются семь периодов в истории градостроительства Золотой Орды, для каждого из них обозначены характерные особенности и закономерности. В целом процесс образования, развития и исчезновения золотоордынских городов занял хронологический диапазон в неполных два века от 40-х гг. XIII в. до 20-х гг. XV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, золотоордынский город, периодизация городской жизни в золотоордынском государстве, закономерности в эволюции городов Золотой Орды, археология, историческая география.

PERIODIZATION OF URBAN DEVELOPMENT IN THE GOLDEN HORDE STATE²

S.G. Bocharov, A.N. Maslovskiy

The paper attempts to find regularities in the process of formation, development and disappearance of the towns of the Golden Horde State. The emergence of a large number of big and medium-sized towns in the Eastern European steppe in a short period by historical standards and their equally rapid disappearance is probably the most striking phenomenon in the history of the Golden Horde. This process largely depended on the evolution and well-being of the still understudied sedentary rural settlements. Seven periods in the history of urban development of the Golden Horde are defined, each having its characteristic features and regularities. On the whole, the process of foundation, development and disappearance of Golden Horde cities covered a chronological range of under two centuries from the 1240s to the 1420s.

Keywords: Golden Horde, towns of Golden Horde, periodization of the urban life in the Golden Horde State, regularities in the evolution of the towns of the Golden Horde, archaeology, historical geography.

Образование, развитие и исчезновение городов в Золотой Орде – один из знаковых исторических феноменов в истории Восточной Европы. Масштабы, в которых происходили градостроительные процессы в золотоордынском государстве, беспрецедентны (Егоров, 1985, с. 75–78; Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 194–212; 1973, с. 76–89; 1994, с. 7–19). Интересна ситуация и тем, что большинство городских центров связаны только с кратким периодом существования золотоордынского государства и не имеют более раннего или более позднего времени существования. В статье предлагается схема периодизации городской жизни в Золотой Орде, которая открывает новые возможности в их археологическом изучении.

В первую очередь это относится к работам по созданию стратиграфических шкал (Бочаров, Обухов, 2022) для каждого из основных городов этого государства.

Первый этап (1240–1250-е гг.) начался сразу после завоевания восточноевропейской степи монголами. Сюда массово переселялось население из захваченных регионов с оседлым населением. О том, что процесс создания сельских поселений протекал очень динамично, мы можем судить на основании обрывочных указаний письменных источников. Уже Плано Карпини сообщает о наличии оседлых поселений на собственно золотоордынской территории (Карпини, 1957, с. 67–68). Ещё

¹ Работа над статьёй была выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5).

² The work on the paper was supported by the Priority-2030 program of the Sevastopol State University (Strategic Project No. 5).

более очевидны два сообщения Рубрука, проехавшего через Приазовье и Подонье весной 1253 г. Во-первых, Рубрук говорит том, что в устье Дона закупается огромное количество рыбы (Рубрук, 1957, с. 88). Это предполагает наличие здесь многочисленного населения, занимающегося рыбным промыслом. Причем говорится об этом как о сложившейся практике, то есть заселение произошло уже за несколько лет до этого. Возможно, какое-то население сохранилось здесь с домонгольского времени. Но археологические данные указывают на взрывообразный рост числа поселений в середине XIII в. в Низовьях Дона и Приазовье (Волков, 2003, с. 111–118; Масловский, 2018, с. 261). Далее Рубрук говорит о трех поселках, жители которых были обязаны обеспечивать переправу через реку (Рубрук, 1957, с. 109–110, 118). Вряд ли кто-то может утверждать, что это исключение и они были единственными поселками, возникшими в это время. Факт масштабной колонизации подтверждается находкой сельского поселения середины XIII в. на р. Северский Донец на окраине г. Белая Калитва в самом центре степи (Прокофьев, 2016, с. 263–264). Куда более быстрыми темпами шло восстановление в регионах с уже развитой сетью сельских поселений (Волжская Булгария, Закубанье, Крым). С выявлением поселений этого этапа существует сложность. Если в Приазовье существует пусть и небольшая вероятность находок монет, то в центре степей шансов на это мало. В нашем распоряжении есть амфоры группы клейма SSS, которые поступали в Приазовье всего несколько десятилетий и могут служить хроноиндикатором для этого раннего периода (Волков, 2001, с. 138–141). Их много в Приазовье и Закубанье. Они отмечены на поселениях у Белой Калитвы, в материалах Укека и Болгара. Однако сегодня остается вопрос, поступали ли они в сельские поселения Поволжья, Верхнего Подонья, Подонцовья, Центрального и Восточного Предкавказья?

Второй этап (1260–1290-е гг.) был собственно периодом создания золотоордынских городов (рис. 1). Они возникли только после появления системы поселений, которую они завершили. Разумеется, здесь была важна воля государственной власти. И создание городов было одним из проявлений суверенитета нового государства. Расцвет градостроительства произошёл при Менгу-Тимуре (1266–1282 гг.). Именно в период его правления начинают работать монетные дворы. Но

нужно понимать, что распространение монетного обращения среди широких масс сельского населения не могло произойти быстро. Кроме, быть может, территорий Волжской Булгарии, Крымского полуострова и предположительно Поднепровья. Поэтому рассчитывать только на монетные находки для выявления слоёв XIII в. не стоит, хотя, конечно, это было бы удобно. Как и в любой сфере исторической науки, нужно сопоставление независимых источников. Таким источником для Золотой Орды может стать только керамика (Бочаров, 2016, с. 129–130). Её исследование в этом направлении практически ещё не велось, кроме выявления редких дорогих импортов. Поэтому выделение материалов именно этого периода на сельских поселениях пока представляется задачей почти невыполнимой. Судя по нотариальным актам, в числе товаров Таны более важным были местная рыба и кожа, а вовсе не транзитные товары (Карпов, 2021, с. 247), что опять-таки указывает на развитую уже сеть сельских поселений.

Третий этап (1290–1340-е гг.) – период непрерывного роста городов, когда численность их населения и территория возросли многократно. Именно на этом этапе транзитная торговля стала играть важную роль в жизни городов, а города Золотой Орды стали играть важную роль в международной торговле (Карпов, 2021, с. 250–251). Например, в Северное Причерноморье начинается масштабный ввоз металлов и вывоз кож (Еманов, 1995, с. 35–46, 30–31; Карпов, 2021, с. 250–251). Но и здесь следует понимать, что это в первую очередь определялось ростом мира городских округ. Это и период расцвета сельских поселений. Растёт их число. Именно в это время здесь налаживается регулярное денежное обращение, в том числе разменной монеты. Именно этот расцвет и поставки провианта в Низовья Волги из районов, расположенных выше по реке, а вовсе не караванная торговля или мудрость властителей обеспечили появление в полупустынных степях мегаполиса - Селитренного городища. К этому времени следует относить и процесс оседания на землю части кочевников. Чаше он, вероятно, шёл путём включения в состав уже существующих поселений.

Четвертый этап (1340–1350-е гг.) – стагнация. Конечно, на этот период приходится расцвет Царевского, Маджарского и Староорхейского городищ, но все-таки рост городов останавливается. Несомненно, свою роль в этом сыграла пандемия чумы, но нет серьёз-

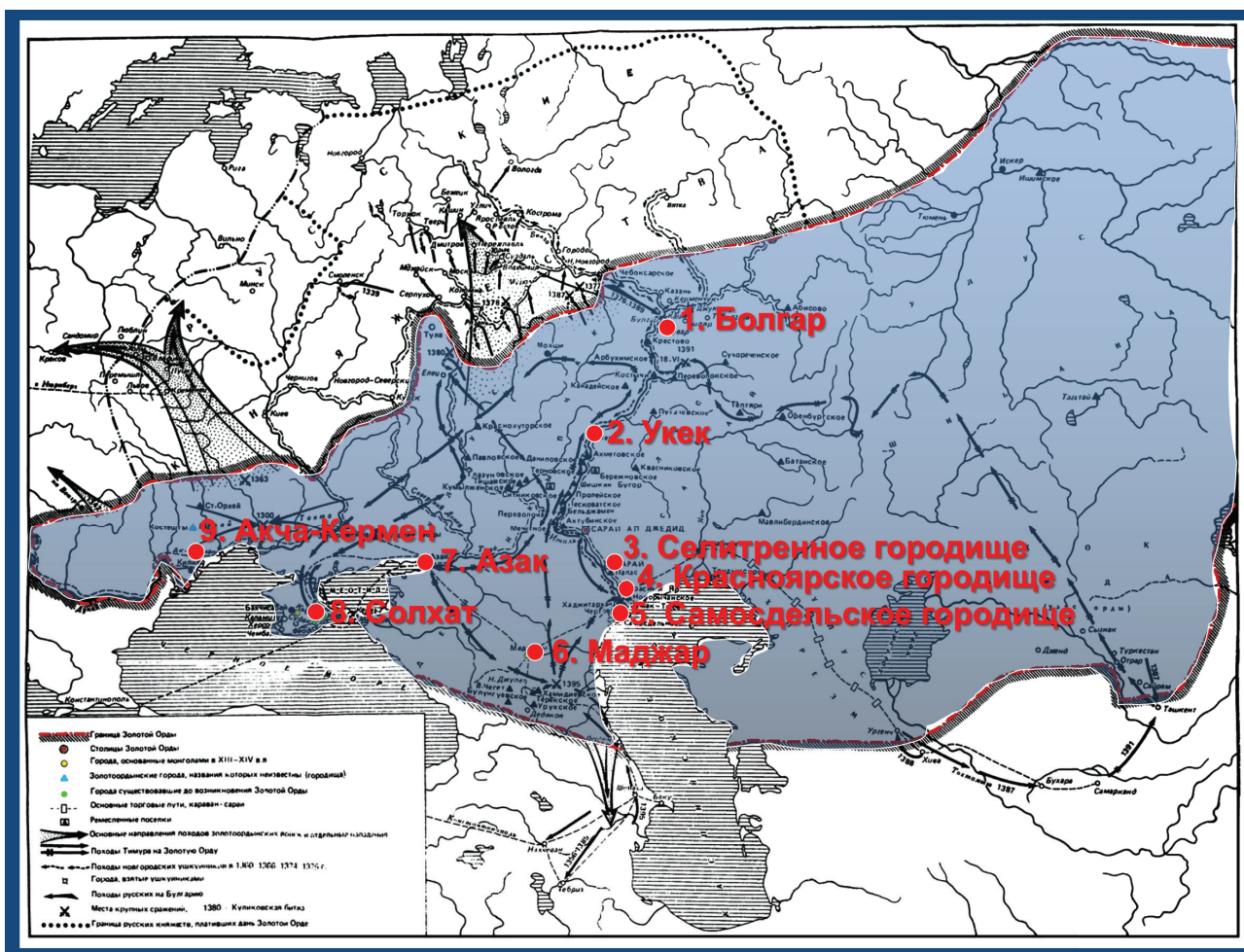

Рис. 1. Карта Золотой Орды (по: Егоров, 1985, карта 2). Основные города - региональные центры Золотой Орды, возникшие в 1260-1290-е гг. 1 – Болгар. 2 – Укек. 3 – Селитренное городище. 4 – Красноярское городище.

5 – Самосдельское городище. 6 – Маджар. 7 – Азак. 8 – Солхат. 9 – Акча-Кермен.

Fig. 1. Map of Golden Horde State (after: Egorov, 1985, map 2). Main towns - regional centers of the Golden Horde, which emerged in the 1260s-1290s. 1 – Bolgar. 2 – Ukek. 3 – Selitrennoye settlement. 4 – Krasnoyarskoye settlement.

5 – Samosdelskoye settlement. 6 – Madzhar. 7 – Azak. 8 – Solkhat. 9 – Akcha-Kermen.

ных оснований считать, что в Золотой Орде она протекала как-то уникально. Не меньшее значение имел кризис мировой торговли, известный как кризис Таны (Карпов, 2015). В его начале и затяжном характере видится результат определенной государственной политики. На это указывает и определенная переориентация торговых связей, фиксируемая по данным археологии (Масловский, 2015, с. 215). Но подробности такой политики хана Джанибека нам неизвестны.

Пятый этап (1360–1370-е гг.) – «Великая зямтя». Весь расцвет оседлой жизни и городов в степи базировался на хрупком балансе между различными этно- и социокультурными группами населения, который мог поддерживаться только при сильной государственной власти. С её упадком он неизбежно и непоправимо был нарушен. Не нужно было даже массовой резни, хотя и такие события, безусловно, происходили. В степи просто

стало небезопасно. И мир золотоордынской деревни стал рушиться, а вслед за ним и мир городов стал угасать. Царевское городище к концу зямтни превратилось в небольшое поселение и не нужно было уничтожать всё его население и не нужно делать допущений о какой-то особой только для Золотой Орды характерной форме чумы. Достаточно было того, чтобы поставки продовольствия из регионов вверх по течению стали нерегулярными. Ситуацию, конечно, усугубили климатические изменения, негативно отразившиеся на кочевом скотоводстве, но они не носили катастрофического характера. К тому же у кочевников был выход – переход, пусть даже частичный, к оседлости. Но этот вариант не мог быть осуществлен в силу краугольных социально-политических основ золотоордынской государственности.

Шестой этап (1380–1390-е гг.) нельзя назвать в полной мере периодом последне-

го подъёма. Хотя хан Тохтамыш делал все возможное для возрождения мира золотоордынских городов. Смута не закончилась, а только затихла. Сельская округа золотоордынских городов, судя по монетным находкам, продолжала существовать пусть и в сильно уменьшенном виде, как и сами города. При отсутствии войн они могли сохраниться и со временем даже достигнуть нового, пусть и меньшего по масштабам расцвета. Но власти Золотой Орды не смогли обеспечить даже маленький период мирной жизни без войн.

Седьмой этап (1390–1420-е гг.) окончательная гибель оседлой жизни на основной степной территории Золотой Орды. При всех своих стараниях Тимур не мог за несколько месяцев уничтожить всё население городов и деревень. Даже после 1395 г. что-то могло сохраниться. Куда существеннее был крах политической структуры государства. Сил, способных остановить смуту, уже не было. Сельские поселения вне пределов старых земледельческих районов исчезают. Как и в случае начала процесса их зарождения, из-за кризиса денежного обращения проследить в деталях процесс их исчезновения сложно. Поселения округа Азака в массе своей поги-

бают именно в это время. То же происходит в районе Ельца (Тропин, 2004, с. 202–203). У городов Золотой Орды остается возможность существовать только в виде маленьких посёлков.

В заключение отметим, что в развитии городской жизни в Золотой Орде можно выделить семь различных хронологических периодов. Каждому из периодов присущи свои совершенно определенные особенности и закономерности. За краткий срок в неполных два века, от 40-х гг. XIII в. до 20-х гг. XV в., в неохваченном ранее урбанизацией регионе восточноевропейской степи появилось большое количество городов, некоторые из которых станут крупнейшими мегаполисами своего времени. За столь же краткий период эти городские центры молниеносно исчезнут. Изучаемый градостроительный процесс является одним из самых ярких феноменов не только в истории Золотой Орды, но и в прошлом всей Восточной Европы. Причины гибели оседлой жизни в степи в конце XIV – начале XV вв., кроются не во внешних факторах природного или внешнеполитического характера, а в внутренних изъянах политической структуры государства Улуса Джучи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д.* Стратиграфия Золотоордынского города Маджар. Первые наблюдения // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 110–118.
- Волков И.В.* О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стило, 2001. С. 130–146.
- Волков И.В.* Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 108–130.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: Город, 1995. 225 с.
- Карпов С.П.* История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетей, 2021. 378 с.
- Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. 9 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: Алетей, 2015. С. 7–42.
- Масловский А.Н.* Керамика Юго-Восточного Крыма на территории Восточной Европы в XIII–XIV вв. и влияние внешнеполитических факторов на её распространение // Крым – связующее звено и неприступный форпост на стыке империй / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2015. С. 9–24.
- Масловский А.Н.* Азак и его округа в первые десятилетия их существования. Проблемы зарождения и роста золотоордынских городов // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 260–265.
- Плано Карпини, Джиованни дель.* История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 22–83.
- Прокофьев Р.В.* Древнерусское поселение в устье р. Лихая у г. Белая Калитва Ростовской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции 15–18 ноября 2016 года / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. С. 262–267.
- Рубрук, Гильом де.* Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253 г. // Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 85–194.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: ВГУ, 2004. 264 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Азовского государственного историко-археологического и палеонтологического музея заповедника (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

REFERENCES

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 110–118 (in Russian).

Volkov, I. V. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaiia torgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 130–146 (in Russian).

Volkov, I. V. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni (Rus in the 13th century. Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108–130 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Emanov, A. G. 1995. *Sever i Iug v istorii kommertsii na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the History of Commerce by 13th–15th Centuries Materials from Caffa)*. Tyumen: "Gorod" Publ. (in Russian).

Karpov, S. P. *Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv. T. 1. Tana v XIII–XIV vv. (History of Tana (Azov) in XIII–XV centuries. Tana in XIII–XIV centuries)*. Saint-Petersburg: "Aletheia" Publ. (in Russian).

Karpov, S. P. 2015. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (9). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 7–42 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2015. In Luk'yashko, S. I. (ed.). *Krym – svyazuyushchee zveno i nepristupnyy forpost na styke imperiy (The Crimea – a link and an unassailable outpost at the junction of empires)*. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 9–24 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 260–265 (in Russian).

Plano Karpini. 1957. In *Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Gil'oma de Rubruka. (Journey to the eastern countries of Plano Karpini and Guillem de Rouisbroek)*. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 22–83 (in Russian).

Prokof'ev, R. V. 2016. In Kol'tsov, P. M. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Elista: Kalmyk State University Publ., 262–267 (in Russian).

Rubruk, G. 1957. In *Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Gil'oma de Rubruka. (Journey to the eastern countries of Plano Karpini and Guillem de Rouisbroek)*. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 85–194 (in Russian).

Tropin, N. A. 2004. *Sel'skie poseleniya XII–XV vekov yuzhnykh territoriy Ryazanskoy zemli (Rural Settlements of the 12th–15th Centuries of the Southern Territories of the Ryazan Land)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Head of the Laboratory “Digital Technologies on History and Archaeology”; Associated professor, Department of History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Maslovskiy Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Head of the Department of Archaeological excavations of Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Северный Кавказ

УДК 902/904 (470.630)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.104.109>**ЛОКАЛИЗАЦИИ ГОРОДИЩА МАДЖАРЫ И ЕГО ТОПОГРАФИЯ
ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ XVIII-XIX ВВ.**

© 2022 г. В.А. Бабенко

В статье проанализированы сведения по исторической топографии городища Маджары, содержащиеся в материалах первых исследователей этого уникального памятника. Сведения С.Г. Гмелина о расположении городища на участке между устьями рек Мокрая Буйвола и Томузловка позволяют уточнить локализацию памятника. В связи с тем, что на протяжении XIX–XX вв. городищу был нанесен большой ущерб, топографические планы Маджара, составленные А. Голохвостовым в 1742 г., И.А. Гильденштедтом и К. Гейслером во второй половине XVIII в., позволяют определить топографию левобережной части городища, где располагался городской некрополь. Они позволяют определить ориентиры на местности для локализации отдельных участков некрополя. Данные материалы также свидетельствуют о происходившем уже в XVIII в. процессе подъема уровня русла реки Кумы и затопления правобережной части городища Маджары.

Ключевые слова: городище, Маджар, историческая топография, план местности, рисунок, мавзолей, рельеф.

**LOCALIZATION OF THE SETTLEMENT OF THE HILLFORT
OF MADJARY AND ITS TOPOGRAPHY BASED ON ARCHIVAL
MATERIALS OF THE XVIII-XIX CENTURIES**

V.A. Babenko

The paper analyses information about historic topography of the hillfort of Madjary taken from the research works of the first explorers of that unique historic monument. The information of S.G. Gmelin about the location of the settlement on the site between the mouths of the Mokry Buyvola River and the Tomuzlovka River makes it possible to clarify the localization of the monument. Throughout the 19th and 20th centuries the hillfort suffered serious damage. Therefore, the topographic maps of Madjary which were completed by A. Golokhovostov in 1742, I.A. Gildenstedt and K. Gaisler in the second half of the 18th century enable to identify the topography of the left-bank part of the hillfort, where the local necropolis was situated. The topographic maps also enable to determine landmarks on the territory for the localization of some sections of the necropolis. These materials also show that processes of rising of the Kuma riverbed level as well as the flooding of the right-bank part of the settlement of Madjary took place as early as in the 18th century.

Keywords: hillfort, Madjar, historic topography, cartographic sources, visual sources, mausoleums, relief.

Город Маджар локализуется на месте городища Маджары в Будённовском муниципальном округе Ставропольского края. Городище Маджары расположено на коренном левом берегу долины р. Кумы (здесь ее ширина достигает 3,5 км) и в ее пойме по обоим берегам ее современного искусственного русла, к югу и к юго-западу от устья ее левого притока р. Мокрой Буйволы. Здесь слабо расчлененные речными долинами, балками и оврагами восточные склоны Ставропольской возвышенности плавно сливаются с пологим левым берегом долины Кумы, имеющей асимметричное строение. Ближе к устью р. Мокрой Буйволы долина Кумы несколько сужается. С востока она ограничена отрогами Прикум-

ской возвышенности, переходящими в невысокое плато, расчлененное глубокими балками и оврагами. В районе устья р. Мокрой Буйволы Кума огибает Прикумскую возвышенность и поворачивает на восток, к Каспийскому морю.

Данные С.Г. Гмелина о расположении Среднего Маджара (городище Маджары) на пространстве от устья р. Томузловки до устья р. Мокрой Буйволы (Шестаков, 1884, с. 8) на первый взгляд, противоречат современным представлениям о границах памятника и расположении устья р. Томузловки юго-западнее, в районе с. Архангельское, но находят подтверждение в архивных материалах.

По данным И.Ф. Бларамберга, р. Томузловка в XIX в. впадала в Куму «близ дерев-

ни Малые Маджары, где образует болото» (Бларамберг, 2010, с. 276). Вероятно, он подразумевал под деревней Малые Маджары деревню Большие Маджары, основанную в 1786 г. на месте бывшей немецкой колонии и упомянутую П.С. Палласом (Паллас, 2010, с. 250). Деревня Малые Маджары возникла в устье б. Сухая Буйвола, последнего крупного левого притока р. Кумы примерно в 20 км восточнее Больших Маджар (Паллас, 2010, с. 249). Обе деревни показаны на карте «План положению мест лежащих между Больших и Малых Маджар расстоянием по реке Куме на тридцать пять верст, сочинен в крепости Святого Георгия марта 10 дня 1783 года», подтверждающей сведения П.С. Палласа (Волков, 2001, с. 200–201, рис. 1; с. 204, рис. 4). Возможно, название этой просуществовавшей недолгий срок деревни повлияло на название городища, которое первоначально называлось Большие Маджары.

Вероятно, устье р. Томузловки, которое образовывало широкий лиман наподобие лимана в устье р. Мокрой Буйволы, образовывало несколько рукавов. На космоснимках видно, что современные Плаксейский и Томузловский каналы проложены по древнему руслу р. Томузловка, а его устье располагалось на юго-восточной окраине совр. г. Будённовск. За счет устья Томузловки образовалось расширение долины Кумы на данном участке.

Кума является типичной степной рекой с ледниковым питанием и продолжительным паводком с марта по июнь. В настоящее время в среднем и в нижнем течениях ее сток зарегулирован и она теряется в песках. Но в эпоху Золотой Орды, согласно сведениям Ибн Са'ида, она впадала в Каспийское море (Коновалова, 2009, с. 32). По мнению А.А. Алексина и Л.Н. Гумилева, с конца XIII в. происходил подъем уровня Каспийского моря, а в XV–XVI вв. он стал понижаться (Алексин, Гумилев, 1997, с. 14–17). Вероятно, в этот период уменьшился сток Кумы и других рек Восточного Предкавказья. По данным академика И.П. Фалька, в конце XVIII в. Кума впадала весной в Каспийское море, а летом терялась в песчаных холмах «в ста верстах» (Полное..., 1824, с. 89). Еще в XIX в. в период весенних паводков река затапливала здесь большую часть поймы и часто изменяла свое русло. В XIX в. было зафиксировано несколько крупных наводнений в Среднем и в Нижнем Прикумье, вызванных отсутствием ее стока в Каспийское море и наличием множества плотин (Семилуцкий, 1897, с. 271–272). На

карте И.Ф. Трускотта «Карта представляющая Кубань сочинял И. Трескот» 1783 г. показан лес в пойме Кумы на участке от совр. г. Георгиевск до совр. с. Бургун-Маджары Левокумского муниципального округа.

Городище Маджары состоит из двух частей: возвышенной и пойменной. Возвышенная часть городища занимает коренной левый берег речной долины, изрезанный несколькими балками и оврагами. С востока она ограничена обрывом коренного берега долины Кумы, с юга – балкой М. Ялга, но южная граница могла доходить до древнего устья р. Томузловки. В северо-восточной части она образует возвышение на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы с абсолютными отметками порядка 120 м. Территория возвышенной части городища в юго-восточной части прорезана наиболее крупным и разветвленным безымянным оврагом. Его верховья примыкают к подворьям жителей ул. Кумской, пр. Калинина и пер. Маджарского. Нижняя часть оврага упирается в т.н. «остров», образованный изгибами кумского русла. Еще один овраг расположен в восточной части возвышения, у юго-восточного угла ограды районной больницы (бывшего Мамай-Маджарского монастыря). Еще несколько оврагов расположены к югу от безымянного оврага и примыкают к домовладениям по ул. Кумской. Рельеф левобережной части городища был нарушен в ходе застройки улиц в восточной части г. Будённовска (ранее – Святой Крест и Прикумск) на протяжении XIX–XX вв.

Пойменная часть городища первоначально занимала высокую часть надпойменной террасы левого берега реки (Минаева, 1953, с. 136). Древнее русло Кумы проходило примерно к востоку от современного Магистрального канала, гораздо ближе к правому берегу своей долины. Оно могло ограничивать городские кварталы Маджара с востока. Город мог занимать не подверженные сезонным подтоплениям участки кумской долины. По предположению Т.М. Минаевой, в пойменной части городища были сооружены плотины и дамбы для защиты от разливов Кумы (Минаева, 1953, с. 137).

В XIX в. в пойме Кумы начинаются ирригационные работы. На участке от с. Прасковья до с. Покойное в пойме Кумы были построены плотины и прорыто несколько каналов, которые нарушили культурный слой городища. Ниже Мамай-Маджарского монастыря воды Кумы были отведены от старого русла в один из ериков. Теперь Кума протекала ближе

к своему правому коренному берегу, что более соответствовало асимметричному строению ее долины (Бабенко, 2018, с. 300). На плане городища, составленном В.А. Городцовым в 1907 г., старое русло Кумы обозначено как Ерик (Городцов, 1911, с. 162, рис. 113).

Лес на границе г. Святой Крест и с. Покойное в устье р. Мокрой Буйволы был вырублен крестьянами (Семилуцкий, 1897, с. 273). Участок городища на нижней террасе левого берега долины Кумы (т.н. «Кирки») между ее старым и новым руслами был заболочен и занят непроходимыми зарослями кустарника и тростника. В микрорельефе местности сохранялись следы древней планировки. В 1907 г. В.А. Городцов производил в этой части памятника раскопки. Он зафиксировал залежание культурного слоя городища ниже летнего уровня вод Кумы и Буйволы, а также наличие в стратиграфии этой местности «сыроватых илистых наносов и грязных культурных отложений, достигающих весьма значительной (местами трех и более аршин) мощности» (Городцов, 1911, с. 163). Такая ситуация могла сложиться после запустения города, когда по мере отложения речных наносов произошли подъем уровня русла Кумы и его смещение к левому берегу своей долины, что положило начало разрушению памятника и его подтоплению.

В 1959–1960 гг. в пойме Кумы были проведены масштабные нивелировочные работы и прорыта сеть мелиоративных каналов, русло Кумы было направлено в Ерик, по прежнему руслу проложили Магистральный канал. В связи с изменениями рельефа городища Маджары в XIX–XX вв. возникают проблемы с использованием материалов первых исследователей памятника.

Планы городища, составленные в XVIII в., содержат важную информацию о возвышенной части городища и долине Кумы. В 1742 г. экспедиция в составе кондуктора Инженерного корпуса А. Голохвостова и художника М. Некрасова подготовила первый план городища и панораму маджарских мавзолеев (Зиливинская, 2015, с. 11–12). На плане Маджара показаны рельеф левобережной части городища, включая крупную балку и многочисленные мавзолеи на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы, а также объект на правом берегу Кумы, обозначенный А. Голохвостовым как «полата под литерой F» (Пальмов, 1928, с. 337). Согласно рапорту М. Некрасова, этот объект располагался «не доезжая до Маджара верст за 20, а от дороги

и с версту» (Пальмов, 1928, с. 336). Это было одно из поселений в округе Маджара, неточно нанесенное на карту А. Голохвостовым.

Мавзолеи на плане показаны пропорционально их размерам, с отражением их конструктивных особенностей, которые также были отражены на панораме М. Некрасова (Зиливинская, 2015, с. 46). Русло Кумы показано ближе к коренному левому берегу своей долины, т.е. оно протекало по торговоремесленному кварталу городища. На левом берегу Кумы ниже устья Мокрой Буйволы и на правом берегу Кумы напротив Маджара обозначены курганы (Зиливинская, 2015, с. 61, рис. 2).

Вызывает интерес и панорама маджарских мавзолеев, выполненная М. Некрасовым. Она представляет собой вид на возвышенную часть городища с юго-восточного направления, со стороны поймы Кумы. На рисунке показаны изгибы русла Кумы, обрывы ее левого берега, понижение местности с юго-запада на северо-восток и рельеф местности на левобережной части городища в виде многочисленных мелких оврагов, круто обрывающихся в кумскую долину. Мавзолеи показаны стоящими ближе к левому берегу Кумы. М. Некрасов показал сосредоточение наиболее крупных мавзолеев на возвышенной части водораздела Кумы и Мокрой Буйволы, что соответствует показанному на плане А. Голохвостова расположению крупных мавзолеев к северо-востоку от крупной балки. Так как эта балка на рисунке не показана, вероятно, что М. Некрасов изобразил вид на возвышенную часть водораздела Кумы и Мокрой Буйволы на участке к северо-востоку от данной балки.

Е.И. Нарожный высказал необоснованные сомнения в «реальности плана Голохвостова» и в том, рисовал ли М. Некрасов мавзолеи в деталях (Нарожный, 2019, с. 176). Это противоречит рапорту М. Некрасова, согласно которому после отъезда А. Голохвостова в обед 1 августа 1742 г. с большей частью команды М. Некрасов остался на Маджарах до позднего вечера, зарисовал маджарские мавзолеи и подготовил их «прошпект» (панораму) (Пальмов, 1928, с. 336–337). Вопросы может вызвать только точность плана А. Голохвостова, выполненного, по словам М. Некрасова, в спешке «примером» (Пальмов, 1928, с. 336). Несмотря на отмеченные неточности, данный план является наиболее подробным и не отличается от более поздних планов городища.

В 1773 г. Маджар посетил академик И.А. Гильденштедт. На плане Маджара, составлен-

ном в ходе данной поездки, показаны лиман в устье р. Мокрой Буйволы, участок лимана в устье р. Томузловки, рельеф высокого левого берега Кумы и заросшие лесом и кустарником долины Кумы и Мокрой Буйволы. На левом берегу Кумы ниже устья р. Томузловки показана большая балка. Русло Кумы показано ближе к коренному левому берегу своей долины, аналогично плану А. Голохвостова. Городские постройки показаны на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы в основном условными обозначениями, но они отчетливо группируются в два скопления: одно на гребне водораздела Кумы и Мокрой Буйволы, второе – ближе к правому берегу Мокрой Буйволы. В южной и в юго-восточной частях городища отдельно обозначены две мечети и два минарета. При этом один минарет и одна мечеть размещены к западу от большой балки (Зиливинская, 2015, с. 63, рис. 5).

На «Плане ситуации Больших Маджар», составленном К. Гейслером во время работ экспедиции академика П.С. Палласа в 1793 г., также показано, что Кума протекала ближе к своему коренному левому берегу и разделяла городище на две части. На плане показаны «руины» Маджара, немецкая колония на левом берегу Кумы, с. Прасковья и отроги Прикумской возвышенности на правом берегу Кумы. Здесь показаны многочисленные меандры (ерики) и заросшая лесом кумская пойма на месте торгово-ремесленного квартала городища. На левом берегу Мокрой Буйволы ближе к устью обозначены 2 курганных могильника. На водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы показаны мавзолеи. Судя по плану, составленному К. Гейслером, примерно здесь по направлению гребня водораздела располагались два параллельных ряда мавзолеев, образывавших основу планировки городского некрополя. К юго-западу от мавзолеев показана балка со множеством отрогов (Зиливинская, 2015, с. 67, рис. 14). Несмотря на то, что количество мавзолеев по сравнению с планами А. Голохвостова и И.А. Гильденштедта уменьшилось, к 1793 г. сохранялись наиболее крупные мавзолеи, хотя и сильно разрушенные, что следует из гравюр К. Гейслера. (Зиливинская, 2015, с. 65, рис. 10; с. 66, рис. 12). На одной из его гравюр они показаны

на фоне устья р. Мокрой Буйволы и кумской долины (Зиливинская, 2015, с. 65, рис. 10), что позволяет определить ракурс, с которого производилась их зарисовка. У мавзолеев в ракурсе видны южные, порталные части.

Это вид с водораздела Кумы и Мокрой Буйволы с юго-запада на северо-восток. На заднем плане виден большой курган на левом берегу р. Мокрой Буйволы (Зиливинская, 2015, с. 19). Это наиболее крупный курган в окрестностях совр. Будённовска – курган №79 курганного могильника «Буйвола-1», расположенного на левом берегу р. Мокрой Буйволы, также обозначенный на плане К. Гейслера. Еще один курган показан северо-восточнее. Вероятно, это крупный курган, входящий в большой курганный могильник «Покойное-2» и сохранившийся до настоящего времени на территории с. Покойное. Эти же курганы показал менее точно на своем плане А. Голохвостов.

Данный участок городского некрополя, зарисованный К. Гейслером, мог располагаться на месте современной районной больницы, занимающей наиболее возвышенный участок водораздела Кумы и Мокрой Буйволы. Остальные объекты, зафиксированные в 1742, 1773 и 1793 гг., располагались севернее, вплоть до правого берега р. Мокрой Буйволы.

Отмеченные выше планы городища, рисунок М. Некрасова и гравюры К. Гейслера объединяет отражение реальной ситуации: сосредоточение сохранившихся сооружений на коренном левом берегу Кумы, смещение в XVIII в. кумского русла к своему левому коренному берегу, заболоченность кумской поймы. Отражение особенностей рельефа на левом берегу (на этих планах показана большая балка) позволяет сопоставить их с современной топоосновой. Отмеченная балка расположена к юго-западу и югу от современной районной больницы и является единственной большой балкой на левом берегу Кумы поблизости от возвышения левобережной части городища.

Таким образом, рассмотренные материалы по топографии городища Маджары могут быть использованы при проведении археологических исследований, особенно на территории городского некрополя.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексин А.А., Гумилев Л.Н. Каспий, климат и кочевники Евразии // Татарская археология. 1997. № 1. С. 7–23.
- Архинов А.П. Очерки исследований древнего Маджара // Ставропольские губернские ведомости. Ставрополь, 1856. №18.

Бабенко В.А. Изменения в ландшафте городища Маджары в конце XVIII – середине XX в.: природные и антропогенные факторы // Проблемы археологии и музееведения: Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой (1955–2017) / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2018. С. 299–304.

Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Северного Кавказа. М.: Изд. Надыршин, 2010. 400 с.

Волков И.В. Два городища Маджары на старых картах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (МИИКНСК). Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 199–207.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 г. Т. III / Под ред. графини Уваровой М., 1911. С. 162–208.

Зиливинская Э.Д. Маджар // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 7–108.

Карта представляющая Кубань / сочинял И. Трескот. [Б.м.], 1783.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2009. 226 с.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 5. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1953.. С. 131–158.

Нарожный Е.И. Из истории «экспедиции» 1742 г. на Северном Кавказе (несколько слабоизученных аспектов) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 17. Армавир-Краснодар, 2019. С. 170–189.

Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 годах // Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. Вып. III / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 247–284.

Пальмов Н.Н. К астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Академии Наук СССР. Отделение гуманитарных наук. М., 1928. Вып. 1–10. С. 317–342.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению ее президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1824. 546 с.

Семилуцкий А.П. Село Покойное, Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда // Сборник материалов, относящихся к местностям и племенам Кавказа. Вып. 23. Тифлис: Издание управления Кавказского учебного округа, 1897. С. 253–356.

Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре (читано на заседании 31 июля. См. протокол. Стр. XXXII) // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань: Типография императорского ун-та, 1884. С. 1–16.

Информация об авторе:

Бабенко Виталий Александрович, ведущий научный сотрудник, ООО «Наследие», (г. Ставрополь, Россия); vit-babenko@yandex.ru

REFERENCES

- Aleksin, A. A., Gumilev, L. N. 1997. In *Tatarskaia arkheologiiia (Tatar Archaeology)* (1), 7–23 (in Russian).
- Arkipov, A. P. 1856. In *Stavropol'skie Gubernskie Vedomosti (Stavropol Provincial Bulletin)* (18). Stavropol (in Russian).
- Babenko, V. A. 2018. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy arkheologii i muzevedeniya (Problems of archaeology and museology)*. Volgograd: Volgograd State University, 299–304 (in Russian).
- Blaramberg, I. F. 2010. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisaniye Severnogo Kavkaza (Historical, Topographical, Statistical, Ethnographic and Military Description of the North Caucasus)*. Moscow: "Izd. Nadyrshin" Publ. (in Russian).
- Volkov, I. V. 2001. In Belinskiy, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. II: Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya (Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus (MIKNSK). Issue II: Archaeology, Anthropology, Palaeoclimatology)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 199–207 (in Russian).
- Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 г. Т. III / Под ред. графини Уваровой. М., 1911. С. 162–208.

Zilivinskaya, E. D. 2015. In Bgazhnokov, B. Kh. (ed.). *Madzhar i Nizhniy Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Madzar and Lower Dzhulat from the History of the Golden Horde Towns of the North Caucasus)*. Nal'chik: Publications department of KBIHR, 7–108 (in Russian).

In Treskot, I. (comp.). 1783. *Karta predstavlyayushchaya Kuban' (Map of Kuban)* (in Russian).

Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. (Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).

Minaeva, T. M. 1953. In *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraia (Materials for the Study of Stavropol Krai)* 5. Stavropol': “Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 131–158 (in Russian).

Narozhnyi, E. I. 2019. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 17. Armavir. 170–189 (in Russian).

Pallas, P. S. 2010. In Atalikov, V. M. (comp.). *Evropeyskie dnevniki XIII–XVIII vekov (European Diaries of the 13th–18th Centuries)* III. Nalchik: “M. and V. Kotlyarov” Publ. (in Russian).

Pal'mov, N. N. 1928. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie gumanitarnykh nauk (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Humanities)* 1–10, 317–342 (in Russian)

1824. *Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka (Notes of Academician Falk's Journey)*. Series: Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii (Complete Collection of Scientific Journeys through Russia) 6. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Semilutskiy, A. P. 1897. In *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k mestnostyam i plemenam Kavkaza (Сборник материалов, относящихся к местностям и племенам Кавказа)* 23. Tiflis: “Izдание upravleniya Kavkazskogo uchebnogo okruga” Publ., 253–356 (in Russian).

Shestakov, P. D. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: Imperial Academy of Sciences, 1–16 (in Russian).

About the Author:

Babenko Vitaly A. Leading Research Scientist, LLC Heritage Ordzhonikidze St., 75, Stavropol, 355008, Russian Federation; vit-babenko@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

СТРАТИГРАФИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАР. ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ¹

© 2022 г. С.Г. Бочаров, Ю.Д. Обухов

В статье впервые предложена стратиграфическая шкала для главного золотоордынского центра на Северном Кавказе города Маджар. Шкала разработана на основании материалов, полученных в течение трех полевых сезонов 2015–2017 гг., в ходе которых археологической экспедицией «Каффа» в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2021 гг.)» на городище были заложены три раскопа (XI–XIII) и два шурфа. Все культурные напластования относятся только к периоду Золотой Орды в истории города Маджар. Разработанная стратиграфическая колонка Маджарского городища включает пять основных массивов культурных напластований: I – слой XX – начала XXI вв., II – слой 1380-е – 1390-е гг., III – слой 1340-е – 1370-е гг., IV – слой 1300-е – 1330-е гг. и V – слой 1260-е – 1290-е гг.

Ключевые слова: Золотая Орда, золотоордынский город Маджар, Маджарское городище, археологическая экспедиция «Каффа», археология, стратиграфия, культурные напластования.

STRATIGRAPHY OF THE GOLDEN HOARD TOWN OF MADZHAR. FIRST OBSERVATIONS²

S. G. Bocharov, Yu. D. Obukhov

The paper presents the first stratigraphic scale for the main Golden Horde center in the North Caucasus - the town of Madzhar. The scale has been developed on the basis of materials obtained during the three field archaeological seasons of 2015–2017, during which the Caffa archaeological expedition within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the national identity of the Tatar people (2014–2021)” founded three excavation areas (XI–XIII), and two trenches in the territory of the settlement. All cultural strata belong to the Golden Horde period in the history of the town of Madzhar. The developed stratigraphic column of Madzhar settlement includes five main strata: I – 20th – early 21st centuries, II – 1380s–1390s, III – 1340s–1370s, IV – 1300s–1330s, and V – 1260s–1290s.

Keywords: Golden Horde, Golden Horde town of Madzhar, Madzhar settlement, Caffa archaeological expedition, archaeology, stratigraphy, cultural strata.

В ходе выполнения Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2021 гг.)» в 2015–2017 гг. археологическая экспедиция «Каффа» проводила исследования на Маджарском городище (рис. 1). Инициаторами изучения выступили Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Краеведческий музей села Прасковья Будённовского района Ставропольского края (Валиев, 2016¹; Бочаров 2017; 2018).

Сотрудники экспедиции и ученые, принимавшие участие в обработке полученных

материалов, старались достаточно оперативно вводить в научный оборот результаты своих работ. Маджарское городище заняло свое определенное место в исследованиях по золотоордынской археологии (Бочаров, Ситдигов, 2019а; 2019б; Яворская, 2021). Публиковались как общие сведения о работах 2015–2017 гг. (Бочаров, Обухов, Ситдигов, 2018а; 2018б), так и отдельные данные о составляющих керамического комплекса (Бочаров, Ситдигов, 2016, Бочаров, Масловский, 2016; Бочаров, Обухов, 2021; Bocharov, Maslovskiy, 2018; Bocharov, Maslovskiy, Iudin, 2021), нумизматического комплекса (Бочаров,

¹ С.Г. Бочаровым работа над статьёй была выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5). Ю.Д. Обуховым работа над статьёй была выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-39-90023 «Золотоордынский город Маджар и его возможная округа – Верхний Маджар и Нижний Маджар, входившие в систему Маджарской агломерации».

² S.G. Bocharov's work on the paper was supported by the Priority-2030 program of the Sevastopol State University (Strategic Project No. 5). Yu.D. Obukhov's work on the paper was carried out within the framework of the RFBR project No. 20-39-90023 “The Golden Horde Town of Madzhar and its Possible Surrounding Areas - Upper Madzhar and Lower Madzhar, Included in the Madzhar Agglomeration System”.

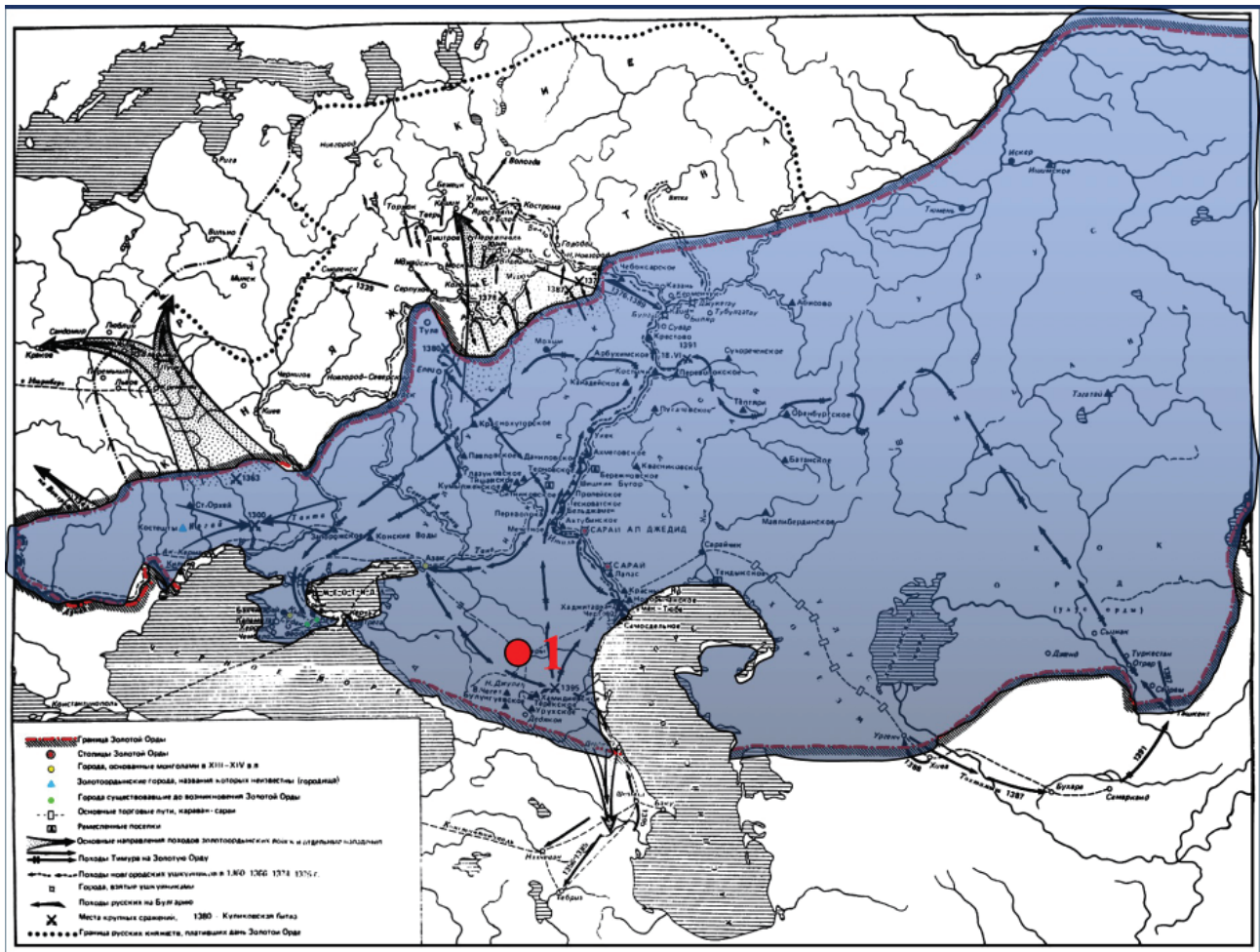

Рис. 1. Карта Золотой Орды (по: Егоров, 1985, карта 2). 1 – Маджарское городище
 Fig. 1. Map of Golden Horde State (after: Egorov, 1985, map 2). 1 – Madzhar settlement.

Обухов, 2022), отдельных знаковых предметах (Обухов, Бочаров, 2018). Особое внимание было уделено результатам комплексных междисциплинарных археозоологических (Бочаров, Яворская, 2019; 2020; Яворская, 2018; 2019; 2020; Яворская, Бочаров, 2020), археоботанических (Бабенко, 2019; Бабенко, Сергеев, 2019) и геомагнитных исследований (Бездудный, Обухов, Ситдииков, 2018; Бочаров, 2020).

Маджарское городище является остатками главного южного золотоордынского административного и экономического центра в Северокавказском регионе (рис. 1) – города Маджар. Территория городища с востока примыкает к границе жилой застройки современного города Будённовск Ставропольского края (рис. 2). Актуальное русло реки Кумы делит городище на две неравные части. На левом берегу реки, расположена возвышенная часть памятника (примерно одна четвертая его площади), практически полностью находящаяся под современной застройкой города Будённовск. Основная часть городища находится на правом берегу реки. Здесь были

проведены сплошные мелиоративные работы и сегодня это практически ровная территория с сетью сельскохозяйственных полей и развитой сетью глубоких поливных и дренажных каналов между ними (рис. 2). Древний рельеф на этой части памятника был полностью уничтожен, как и верхняя часть культурных напластований.

В 2015 г. работы велись на раскопе XI (по общей нумерации раскопов на Маджарском городище) площадью 36 кв. м. и шурфе 1 площадью 4 кв. м (Валиев, 2016). Продолжены исследования были в 2016 г. раскопом XII также площадью 36 кв. м и шурфом 2 площадью 4 кв. м (Бочаров, 2017). В 2017 г. был закончен раскоп XII и заложен раскоп XIII, размером 48 кв. м (Бочаров, 2018). Археологические исследования были сконцентрированы на правом берегу Кумы, на основной площади памятника с nivelированной и изменённой мелиоративными работами (рис. 2).

Одной из главных задач раскопок было формирование представления об общей стратиграфии Маджарского городища на основании отдельных стратиграфических колонок

Рис. 2. План Маджарского городища с нанесением раскопов и шурфов, исследованных археологической экспедицией «Каффа»

Fig. 2. Map of Madzhar settlement with marked excavations and trenches studied by the Caffa archaeological expedition.

изученных раскопов. В качестве образца для такого цельного представления может служить стратиграфия, разработанная для Болгарского городища (Хлебникова, 1987, с. 47). В данной статье предпринимается первая попытка реконструировать стратиграфическую ситуацию для города Маджар. Такая попытка интересна тем, что в отличие от Болгара в Маджаре представлены культурные слои, связанные только со временем существования золотоордынского государства. При исследованиях 2015–2017 гг. зафиксированы слои, образовавшиеся в период с 1300-х до 1390-х гг.

Предлагается в стратиграфической шкале городища разделять пять крупных блоков напластований от времени возникновения населенного пункта до современности (рис. 3). Нумерация слоев производится сверху вниз, от более поздних напластований к более ранним.

I – слой является самым поздним по хронологии, его образование относится ко второй половине XX – началу XXI вв. Слой связан с сельскохозяйственным освоением территории и представляет собой деструктивные золотоордынские культурные напластования трево-

жимые практически каждый год и перемещаемые распахкой.

II – слой 1380 – 1390-х гг. – периода правления хана Тохтамыша, последнего краткого возрождения строительной активности на Маджарском городище и окончательного исчезновения городской жизни.

III – слой 1340 – 1370-х гг. – периодов правления хана Джанибека и Великой замятни в золотоордынском государстве, второй значительный период наибольшей строительной активности и последующего разрушения основного массива городских строений.

IV – слой 1300 – 1330-х гг. – периодов правления ханов Тохты и в большей степени Узбека, первый значительный период строительной активности.

V – слой 1260 – 1290-х гг. выделен предварительно, как период возникновения населенного пункта и постепенного развития материальной составляющей городской жизни.

Предлагаемая стратиграфическая шкала связана с историей Золотой Орды. Со временем стратиграфия каждого слоя может получить более детальную трактовку. В первую очередь это касается III и IV слоев, которые при дальнейших исследованиях и получения

большого количества наблюдений над стратиграфией можно попытаться разделить еще на два субгоризонта. Использование единой стратиграфической шкалы памятника археологии позволит отдельные исследованные участки его территории объединить в общую градостроительную схему, получить более подробную хронологию развития городской территории в едином комплексе.

Кратко охарактеризуем каждый из слоев. Слой V во время археологических исследований 2015–2017 не обнаружен. Но мы заранее выделяем его в стратиграфической шкале в связи с наличием в коллекции формирующегося фонда Маджарского археологического музея, комплектуемого в результате многолетних сборов на территории городища подъемного материала, находок византийской поливной керамики (Волков, 2007; 2016) второй группы. Наличие на городище византийской поливной керамики этой группы является надёжным хроноиндикатором для культурных напластований городов и селений Золотой Орды третьей четверти XIII в. (Бочаров, Обухов, 2021, с. 215, 218), позволяет предварительно выделить в стратиграфической шкале наиболее ранний V слой, относящийся ко времени возникновения города Маджар.

Слой IV появляется благодаря первому периоду строительной активности в городе. Наиболее ранние культурные напластования, зафиксированные в трех раскопах (XI–XIII), относятся именно к этому слою. Во многом этот слой был поврежден и выбран в последующий период. Характеризуется наличием плотных темно-серых суглинков с включением кирпичной крошки (рис. 3). Толщина этого слоя на различных исследованных участках памятника составляет от 0,10 до 0,30 м.

Слой III образовался в результате второго периода самой высокой строительной активности на городище с последующим приходом объектов и комплексов в упадок. Зафиксирован в двух раскопах (XI и XII) и шурфах 1 и 2, подавляющее число исследованных сооружений и комплексов относятся также к этому слою (рис. 3). Представляет собой суглинок коричневого цвета с включениями серой супеси, песка, крошек извести и большим количеством битого кирпича и углей. Мощность этого слоя на различных исследованных участках памятника составляет от 0,10 до 0,50 м.

Слой II характеризуется последним кратким возрождением строительной активности на отдельных частях Маджарского городи-

ща после Великой замятни и окончательного исчезновения городской жизни. Слой прослежен только на раскопе XIII и шурфе 2 в центральной части города. Слой образован светло-коричневым суглинком с включением кирпичной крошки, крошек извести и углей (рис. 3: 2). Сохранился частично, отдельными участками и значительно поврежден в ходе мелиоративных работ на территории городища. Зафиксированная мощность слоя от 0,10 и до 0,30 м.

Слой I появляется в Новейшее время в результате сельскохозяйственного освоения и механической распашки основной площади Маджарского городища под посев зерновых культур. Этот слой зафиксирован повсеместно во всех раскопах и шурфах, выполненных в 2015–2017 гг. Представляет собой рыхлый грунт светло-коричневого цвета с большим количеством археологических находок различных категорий с превалированием мелких фрагментов керамики и кирпичей, образован в ходе механической деструкции II и III слоев (рис. 3). Толщина слоя на различных участках средневековой городской территории колеблется от 0,40 до 0,90 м.

Сегодня археологические находки XV в. в коллекции сборов подъемного материала на Маджарском городище не зафиксированы, что опосредованно может свидетельствовать об отсутствии здесь городской жизни в период после завершения XIV в.

В заключение отметим, что работы археологической экспедиции «Каффа» проведенные в 2015–2017 гг. достигли тех задач, которые ставились до начала работ на Маджарском городище. Единственная нереализованная цель работ, которую необходимо достичь в ближайшем будущем – определение первого, самого раннего участка городской территории, на котором город зародился и с которого начинается своё пространственное развитие во второй половине XIII в. Это можно сделать в процессе археологических разведок, которые выявят район распространения на поверхности памятника археологических материалов, датируемых этим временем. В целом на основании предложенной стратиграфической шкалы мы можем рассмотреть первую общую схему градостроительного развития золотоордынского города Маджар. Появление города относится к 60–70-м гг. XIII в., в рамках целенаправленной политики ханов по формированию административной и городской структуры нового золотоордынского государства. Основные городские структуры

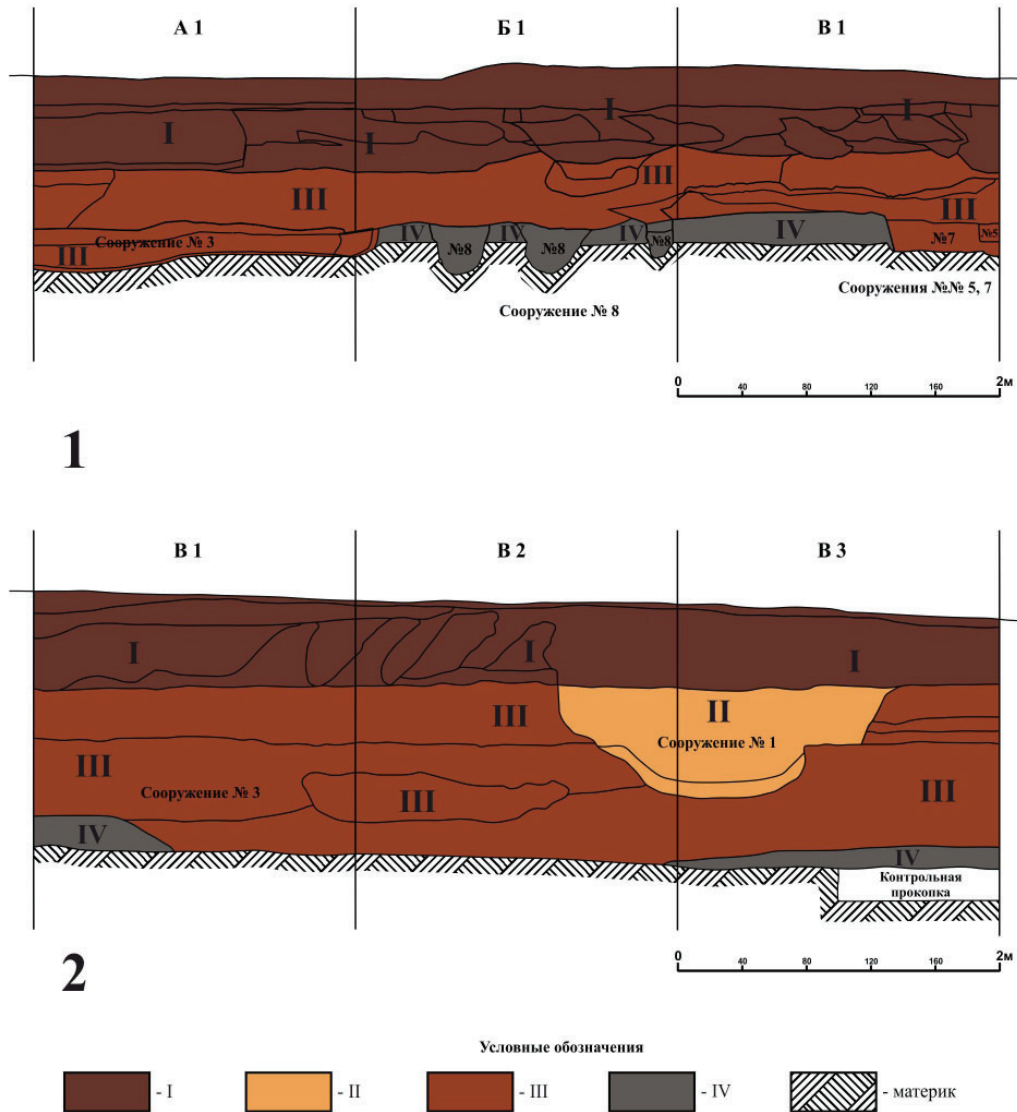

Рис. 3. Маджарское городище. Стратиграфии. 1 – Профиль северного борта раскопа XI (2015 г.). 2 – Профиль восточного борта раскопа XII (2016–2017 гг.). I - IV – Слои по стратиграфической шкале Маджарского городища

Fig. 3. Madzhar settlement. Stratigraphies. 1 – Profile of the northern side of excavation XI (2015). 2 – Profile of the eastern side of excavation XII (2016–2017). I - IV – Strata on the stratigraphic scale of Madzhar settlement.

формируются к рубежу XIII–XIV вв. (V слой стратиграфической шкалы). С начала XIV в., в материальной культуре города фиксируется первый значительный период строительной активности, приходящийся на финал правления хана Тохты, и в большей степени он связан с правлением хана Узбека (IV слой стратиграфической шкалы). Пик развития городской территории приходится на период правления хана Джанибека, именно в этот период происходит второй наибольший всплеск строительной активности. Время Великой замятни связано с упадком и разрушением основного массива городских строений (III слой стра-

тиграфической шкалы). В период правления хана Тохтамыша на отдельных городских территориях происходит возрождение строительной активности после большого запустения, случившегося в итоге Великой замятни. Затухание городской жизни на Маджарском городище приходится на рубеж XIV–XV вв. (II слой стратиграфической шкалы). В Новейшее время в результате больших мелиоративных работ на основной площади городища были уничтожены и разрушены (I слой стратиграфической шкалы) верхние уровни культурных напластований.

Примечание:

¹ Авторы статьи приносят свою благодарность держателю Открытого листа Р.Р. Валиеву за возможность опубликовать отдельные стратиграфические наблюдения из археологических исследований 2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко А.Н. Спориво-пыльцевой анализ дороги Маджарского городища // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых (Москва, 19-21 марта, 2019) / Отв. ред. В.Е. Родинкова М.: ИА РАН, 2019. С. 228–230.

Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю. Археоботанические исследования городища Маджары // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 161–170.

Бездудный В.Г., Обухов Ю.Д., Ситдигов А.Г. Комплексные геофизические исследования средневекового памятника на Северном Кавказе «Городище Маджары» 2016–2017 годов // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 10–15.

Бочаров С.Г. Отчет об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения «Городище Маджары» (раскоп XII, шурф 2) в 2016 г. В 2-х томах // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Т. I. Казань, 2017. 202 л.

Бочаров С.Г. Отчет об археологических раскопках в Ставропольском крае, Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения «Городище Маджары» (раскоп XII, раскоп XIII) в 2017 году. В 2-х томах. Казань, 2018 / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Т. I. 242 л.

Бочаров С.Г. Первые результаты междисциплинарных археологических исследований золотоордынского города Маджар (Ставропольский край) // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий. Тезисы международной конференции (Красноярск, 20–22 октября 2020 г.) / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2020. С. 28.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда). // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2016. С. 20–38.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Город Маджар в контексте связей Византии и Золотой Орды. Археологические свидетельства // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 212–222.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Находки монет чекана города Мохши на Маджарском городище и памятниках его ближней округи // Археология Евразийских степей. 2022 (в печати).

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдигов А.Г. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015-2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018а. С. 404–406.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдигов А.Г. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015–2017). Итоги и перспективы // Археология Евразийских степей. 2018б. № 5. С. 31–38.

Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд. Калмыцкого университета, 2016. С. 192–197.

Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Изучение памятников Золотой Орды в Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Материалы Международной научно-практической конференции Девятые Большаковские чтения феномен / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 134–137.

Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Научная программа Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан исследований Золотой Орды // Маргулановские чтения-2019. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения выдающегося казахского археолога К.А. Акишева / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Нур-Султан: Глобус. 2019а. С. 451–456.

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 184–199. doi: 10.24852/па2019.4.30.184.199

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. Кожевенное производство золотоордынского города Маджар (Северный Кавказ) по результатам археологических и археозоологических исследований // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 242–252.

Валиев Р.Р. Отчёт об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения «Городище Маджары» (раскоп XI, шурф 1) в 2015 году // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Казань, 2016. 68 л.

Волков И.В. Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тезисы докладов II Международной научной конференции (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.) / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль. Ялта: Копи-Центр, 2007. С. 33–42.

Волков И.В. Керамика Золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Обухов Ю.Д., Бочаров С.Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 125–133 doi:10.24852/ра2018.2.24.125.133

Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Археология Золотой Орды на современном этапе исследования // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие / Ред. Д. Кыдырали. Нур-Султан: Гылым баспасы, 2019. С. 357–366.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 68–73.

Яворская Л.В. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 553–567.

Яворская Л.В. Новые данные о роли Маджара в золотоордынской торговле шкурно-кожевенной продукцией: археозоологический аспект // Нижневолжский археологический вестник. 2020. № 19. Вып. 1. С. 202–210.

Яворская Л.В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитическое исследования Лаборатории естественнонаучных методов. Вып. V / Отв. ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2021. С. 216–226.

Яворская Л.В., Бочаров С.Г. Кожевенное производство в средневековом городе: опыт атрибуции // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Том 4. № 3. С. 190–199. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-3-190-199.

Bocharov S., Maslovskiy A. Pottery decorated with splashes of brown (manganese) color in Bizantium, Northern Black Sea Region and Eastern Europe in 13th – 14th centuries. In 12th Congress on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Abstracts. Athens: National Center of Scientifics Research, 2018. P. 24.

Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. Finds of celadon and its imitations on the territory of the European part of the Golden Horde. In XIIIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Granada, 8 to 13 November. Abstracts. Granada: Prinma, 2021. P. 26–27.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Обухов Юрий Дмитриевич, младший научный сотрудник Научного отдела, аспирант Кафедры Всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); obuhova_t@inbox.ru

REFERENCES

Babenko, A. N. 2019. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh. (New Materials and Methods of*

Archaeological Studies: from Criticism of Sources to Generalization and Interpretation of Data). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 48–51 (in Russian).

Babenko, A. N., Sergeev, A. Yu. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 161–170 (in Russian).

Bezudnyy, V. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 10–15 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Stavropol'skom krae, Budenkovskom rayone, g. Budenkovsk na pamyatnike federal'nogo znacheniya «Gorodishche Madzhary» (raskop XII, shurf 2) v 2016 godu. V 2-kh tomakh (Report on archaeological excavations in Budyonovsky District, Budyonovsk at the site of federal significance “Madzhar settlement” (excavation XII, pit 2) in 2017. In 2 volumes)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, vol. 1, p. 202 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2018. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Stavropol'skom krae, Budenkovskom rayone, g. Budenkovsk na pamyatnike federal'nogo znacheniya «Gorodishche Madzhary» (raskop XII, raskop XIII) v 2017 godu. V 2-kh tomakh (Report on archaeological excavations in Stavropol Krai, Budyonovsky District, Budyonovsk at the site of federal significance “Madzhar settlement” (excavation XII, excavation XIII) in 2017. In 2 volumes)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, vol. 1, p. 242 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2020. In Mandryka, P. V. (ed.). *Mezhdistsiplinarnye arkheologicheskie issledovaniya drevnikh kul'tur Eniseyskoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Tezisy mezhdunarodnoy konferentsii (Krasnoyarsk, 20–22 oktyabrya 2020 g.) (Interdisciplinary Archaeological Research of the Ancient Cultures of the Yenisei Siberia and Adjacent Territories. Abstracts of the International Scientific Conference (Krasnoyarsk, October 20–21 2020))*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 28.

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonovsk-2012)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. 10. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House, 20–38 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 212–222 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (in print).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages – XXX Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Karachaevs: Karachay-Cherkess State University Publ., 404–406 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 31–38 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2016. In *Kol Materialy V Mezhdunarodnoi Nizhnevolzhskoi arkheologicheskoi konferentsii (Proceedings of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference)*. Elista: Kalmyk State University. 192–197 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2018. In Lyubichankovsky, S. V. (ed.). *Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen (Tenth Bolshakov Readings. Orenburg Krai as a Historical and Cultural Phenomenon)* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publ., 134–137 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2019. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2019. (Margulan Readings-2019)*. Nur-Sultan: “Globus” Publ., 451–456 (in Russian).

Bocharov, S. G., Yavorskyaya, L. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 184–199 (in Russian).

Bocharov, S. G., Yavorskaya, L. V. 2020. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2020. Velikaia Step' v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (17–18 sentiabria 2020 goda). (Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Studies: Margulan Readings – 2020 (September 17–18, 2020))*. 1. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ. 242–252 (in Russian).

Valiev, R. R. 2016. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Stavropol'skom krae, Budenkovskom rayone, g. Budenkovsk na pamyatnike federal'nogo znacheniya «Gorodishche Madzhary» (raskop XI, shurf 1) v 2015 godu. (Report on archaeological excavations in Budyonovsky District, Budyonovsk at the site of federal significance “Madzhar settlement” (excavation XI, pit 1) in 2017)*. Kazan. Scientific Fund of the

Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, p. 68 (in Russian).

Volkov, I. V. 2007. In Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. (eds.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Yalta: “Kopi-Tsentr” Publ., 33–42 (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, “Kazanskaia nedvizhimost” Publ., 139–221 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Obukhov, Yu. D., Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)*. 2(24), 125–133 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2019. In Kydyrali, D. (ed.). *Zolotaya Orda: istoriya, gosudarstvennost', kul'turnoe nasledie (Golden Horde: History, Statehood, Cultural Heritage)*. Nur-Sultan: “Gylym” Publ., 357–366 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 32–88 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 68–73 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan – Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 553–567 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2020. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19 (1). 202–210 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E. 2021. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 216–226 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Bocharov, S.G. 2020. In *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii (Northern Archives and Expeditions)* 4(3). 190–199 DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-3-190-199 (in Russian).

Bocharov, S., Maslovskiy, A. 2018. In *12th Congress on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Abstracts*. Athens: National Center of Scientific Research, 24.

Bocharov, S., Maslovskiy, A., Iudin, N. 2021. In *XIIIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Granada, 8 to 13 November. Abstracts*. Granada: “Prinma” Publ., 26–27.

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Head of the Laboratory “Digital Technologies on History and Archaeology”; Associated professor, Department of History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Obukhov Yuri D. Junior researcher of the Scientific Department, Post-graduate student of the Department of World History, Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; obuxova_t@inbox.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.119.127>

ОБ ОДНОМ ТИПЕ НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ XIII-XIV ВВ. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

© 2022 г. Р.Х. Гаглоиты, У.Ю. Кочкаров, Р.Х. Мамаев,
В.Е. Нарожный, Е.И. Нарожный

В научный оборот водится небольшая группа крупных по размерам наконечников копий с «ушками» в нижней части пера. Географически находки растянуты от Северо-Западного Кавказа до его северо-восточных районов и Северо-Западного Прикаспия. Датированные в основном золотоордынским временем, в нескольких случаях находки связаны с поселениями Золотой Орды и горскими погребениями с территории, в Золотую Орду не входившей. Рассматриваемые находки оспаривают версию их генетической связи с более ранними образцами Прикубанья. Предлагается и иная трактовка находок, использовавшихся не только в прямом утилитарном назначении, а также и во всаднической таранной атаке. Вполне вероятно, что предназначались они и для борьбы с конницей.

Ключевые слова: археология, Северный Кавказ, Золотая Орда, древковое оружие, копьё с «ушками», «копейщики», борьба с конницей.

A TYPE OF SPEARHEADS OF THE 13TH–14TH CENTURIES FROM THE TERRITORY OF THE NORTH CAUCASUS²

R.Kh. Gagloity, U.Yu. Kochkarov, R.Kh. Mamaev,
V.E. Narozhny, E.I. Narozhny

A small group of large-size spearheads with ‘lugs’ in the lower part of the blade is introduced into scientific discourse. In terms of geography, the finds are stretched from the North-Western Caucasus to its north-eastern regions and the North-Western Caspian Sea. The finds, mainly dated to the Golden Horde period, are in several cases associated with Golden Horde settlements and mountain burials from the territory which was not part of the Golden Horde. The finds in question challenge the version of a genetic connection with the earlier samples from Prikuban. A different interpretation of the finds is also proposed, which were used not only for direct utilitarian purposes, but also in a ramming horseman attack. It is likely that they were also intended to fight cavalry.

Keywords: archaeology, the North Caucasus, the Golden Horde, shaft weapons, spears with ‘lugs’, ‘spearmen’, fighting cavalry.

Продолжая работу по выявлению, учету и изучению известных ныне находок наконечников копий и дротиков золотоордынского времени на территории Северного Кавказа (Гаглоиты и др., 2021а, с. 170–186; 2021б, с. 180–192), данная публикация посвящена таким же находкам, но составляющим отдельный тип – наконечники копий с вытянутым пером уплощенной или ромбовидной формы сечением и угловатыми выступами («ушками») в нижней части пера, у перехода втулки копья в перо (рис. 1 – 3). Наконечники копий этого типа известны давно и специально уже рассматривались разными специалистами, в своей раскопчной практике сталкивавшимися с такими предметами. Здесь мы сошлемся на работу Е.П. Алексеевой, которая в поисках

надежных критериев в вычленении собственно «адыгских древностей» на территории Карачаево-Черкессии, среди «сравнительных материалов для изучения адыгской культуры» опубликовала два наконечника копий, представив их как «железные наконечники копий с угловатыми выступами в нижней части пера». Первый из них (№1) – из фондов «Новороссийского музея» (рис. 1: 1); вероятно, согласно музейной документации, был отнесен ею к «V–VIII вв.» (Алексеева, 1971, с. 346, табл. 366, 8). Второй экземпляр (№2) такого же наконечника копья (рис. 1: 2) «из Краснодарского музея (Алексеева, 1971, с. 346, табл. 366, 9), и он также в соответствии с музейной документацией был отнесен к «X–XIV вв.».

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ 20-59-07002 МОН РЮО_а «История развития военного дела народов Кавказа в эпоху средневековья (VIII-XIV вв.): комплексное исследование предметов вооружения».

² The work was supported by the RFBR Grant 20-59-07002 MON RyuO_a “Development History of Military Art of the Peoples of the Caucasus in the Middle Ages (8th-14th Centuries): A Comprehensive Study of Armament Items”.

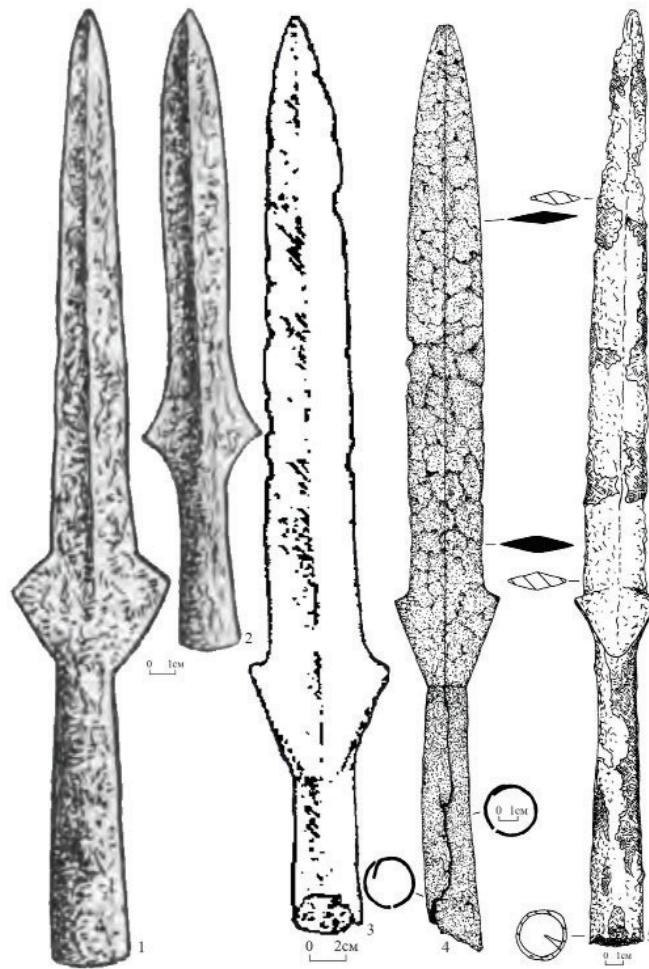

Рис. 1. Наконечники копий с «ушками» с территории Краснодарского края

1 – Из фондов ГБУК КК: «Новороссийский Исторический музей, г.Новороссийск; 2. – Фонды ГБУК КК:«Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына», г. Краснодар (1-2: по Е.П. Алексеевой); 3 – Из раскопок генозского укрепления при устье р.Годлик (по: С.Н. Ивановой); 4 – п/м из окрестностей пос. Новомихайловский (по: П.В. Сокову и О.А.Хатнюку); 5 – п/м из окрестностей г. Сочи (по: Л.Э.Голубеву).

Fig. 1. Spearheads with 'lugs' from the territory of Krasnodar Krai

1 – Materials from the funds of the GBUK KK: “Novorossiysk Historical Museum, Novorossiysk; 2 – Funds of GBUK KK: “Krasnodar State History and Archeology Culture Preserve named after E.D. Felitsyn”, Krasnodar (1-2: after E.P. Alekseeva); 3 – Image of the Excavations of the Genoese Fortification at the Mouth of the Godlik River (after: S.N. Ivanova); 4 – excavated material from the vicinity of the village. Novomikhailovsky (after: P.V. Sokov and O.A. Khatnyuk); 5 – excavated material from the vicinity of Sochi (after: L.E. Golubev).

Еще один экземпляр (№3) наконечника копья этого же типа был обнаружен в верхнем слое двуслойной (хазарское время и генозцы) крепости Годлик близ Сочи. находка (рис. 1: 3) была датирована первой половиной XIII – второй половиной XV вв. (Овчиникова, 1997, с. 33, табл. XIV, 4; Иванова, 1997, с. 56, табл. XIX, 5). Очередной экземпляр (№4) – п/м (рис. 1: 4) происходит из окрестностей пос. Новомихайловского (Соков, Хатнюк, 2003, с. 199–201, рис. 1: 2), отнесен к XIII–XV вв. (Соков, Хатнюк, 2003, с. 199; Нарожный, 2006, с. 183, 191, рис. 3: 1).

М.В. Горелик напоминает такую же находку с территории «Северного Предкавказья»,

подробнее неизвестно (Горелик, 2002, с. 66, 14). Позднее этот же исследователь, опираясь на находки вышеупомянутых наконечников копий – из «окрестностей Сочи; пос. Новомихайловского, крепости в устье р. Годлик», выделял интересующую нас группу наконечников копий в отдельный тип – «с плоским и ромбическим сечением и ланцетовидной формой, с угловатыми выступами («ушками») в нижней части, переходящими к втулке» – и рассматривал их как «восходящие к образцам, распространенным в Прикубанье в последние века I тысячелетия» (Горелик, 2008, с. 168, рис. 6, 11–13; 2017, с. 294, рис. 6, 11–13).

Л.Э. Голубев, публикуя такой же наконечник (№5) копья (рис. 1: 5) «из окрестностей г.Сочи», представляет его как наконечник «с треугольными выступами в районе перехода втулки в перо», связывая его и такие предметы с «локальной материальной культурой предков современных адыгов» (Голубев, 2008, с. 122). При этом он указал и на наконечник копья из окрестностей ст. Ачипсинской под Сочи (Воронов, 1979, с. 97, рис. 24).

А.К. Кушкumbaев и Л.А. Бобров, разделяя выше отмечавшееся предположение М.В. Горелика, заметили: «на северокавказских наконечниках отчетливо видны присутствующие им «ушки» – яркая оформительская традиция, свойственная местным мастерам (черкесское влияние)» (Кушкumbaев, Бобров, 2010, с. 138–139). Позднее В.Е. Нарожный, Е.И. Нарожный и Д.Ю. Чахкиев (Нарожный, Нарожный, Чахкиев 2017, с. 172), учитывая некоторые новые находки таких же наконечников копий с территории Чечни и Ингушетии, отнесли их к предметам вооружения Золотой Орды, генезис которых совсем не обязательно был связан только с Прикубаньем (Нарожный, Нарожный, Чахкиев, 2017, с. 172). Отмеченная полифония взглядов на наконечники копий интересующего нас типа, как и их новые находки и география распространения, заставляют нас вновь вернуться к данной проблеме, предварительно собрать доступные нам материалы и составить по возможности их полную сводку с территории Северного Кавказа.

Сводка находок:

1. (№6) «**13 Разъезд**», Республика Дагестан; п/м. Рисунок (рис. 2: 1) был предоставлен находчиком – краеведом В.А. Мялковским (г. Кизляр)¹.

2. (№7). **Грозный – город**. Сначала в экспозиции, а затем в т.н. «запасниках» учебного археолого-этнографического музея истфака ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (ауд. №61 старого корпуса) до нач. 1990-х гг. хранился наконечник копья интересующего нас типа (рис. 2: 2) – п/м, происходил с территории «пос. Катаемы» (окраина г. Грозного); точнее неизвестно.

3. (№8). **Кошкельды** – селение в Гудермесском районе Чечни. В свое время, частично в местной школе, а частично – в частной коллекции, до конца 1980-х гг. хранилась значительная коллекция железных разнотипных наконечников копий, лишь несколько экземпляров из которой было введено в научный оборот (Чахкиев, 1987, с. 67–77; Нарожный, 2003, с. 261, рис. 9: 4). Среди них был и

экземпляр интересующего нас типа (рис. 2: 3). Все находки отсюда связывают с территорией прибрежной полосы р. Сунжи, где локализируют места нескольких разновременных военных стычек золотоордынского времени, в.ч. и одно из сражений между войсками Тимура и Тохтамышша в 1395 г. (Виноградов, Нарожный, Савенко, 2003, с. 89–114).

4-5. (№0-10). **Сел.Керлы (Новый) Энгеной** в Гудермесском районе Чечни (рис. 2: 4–5). В 1989 г. во время проведения здесь охранно-спасательных археологических работ на кургане (Виноградов, Нарожный, 2003, с. 21–33), попадавшем в зону строительства жилого поселка, у одного из авторов этой работы была возможность познакомиться с коллекцией различных артефактов золотоордынского времени (Мамаев, Мамаев, Нарожный, 2012, с. 121–130), вероятно, связанной с территорией одного из недалеко расположенных поселений XIII–XIV вв. (о нем см.: Мамаев, Нарожный, 2014, с. 43–55). В этой же коллекции было 2 публикуемых наконечника копья интересующего нас типа.

6. (№11). **Самашкинское поселение** золотоордынского времени в Ачхой-Мартановском районе Чечни. Поселение было открыто во время археологических разведок «в долине р. Сунжи» (1945 г.) Т.М. Минаевой (Минаева, 1958, с. 413–432). В 1986 г. разведками (Виноградов, Савенко, Нарожный, 1988, с. 114–116; Исаев, Арсабиев, Абкуев, 2021, с. 34) на этом же объекте среди разного подъемного материала (Нарожный В., Нарожный Е., 2006, с. 141–142) был поднят фрагмент наконечника копья с «ушками» (рис. 3: 1) интересующего нас типа.

7. (№12). **Шуанский склеповый могильник «Мохде»** (ныне – Джейраховский район высокогорной части Республики Ингушетии). Был найден наконечник копья (рис. 3: 2) интересующего нас типа, он происходит из полуподземного склепа (точнее неизвестно).

8. (№13). **Келийский могильник** XIII–XIV вв., в отвале разрушенной строителями автодороги части некрополя были подняты фрагменты наконечника копья (рис. 3: 3) интересующего нас типа.

2. Об атрибуции находок:

Учтенная нами коллекция наконечников копий с «ушками» в своей основе представлена случайными находками, в 3 случаях они связаны с бытовыми объектами – с Самашкинским поселением, поселением у с. Новый Энгеной (оба эпохи Золотой Орды) и с генуэзской крепостью Годлик близ Сочи. Кроме

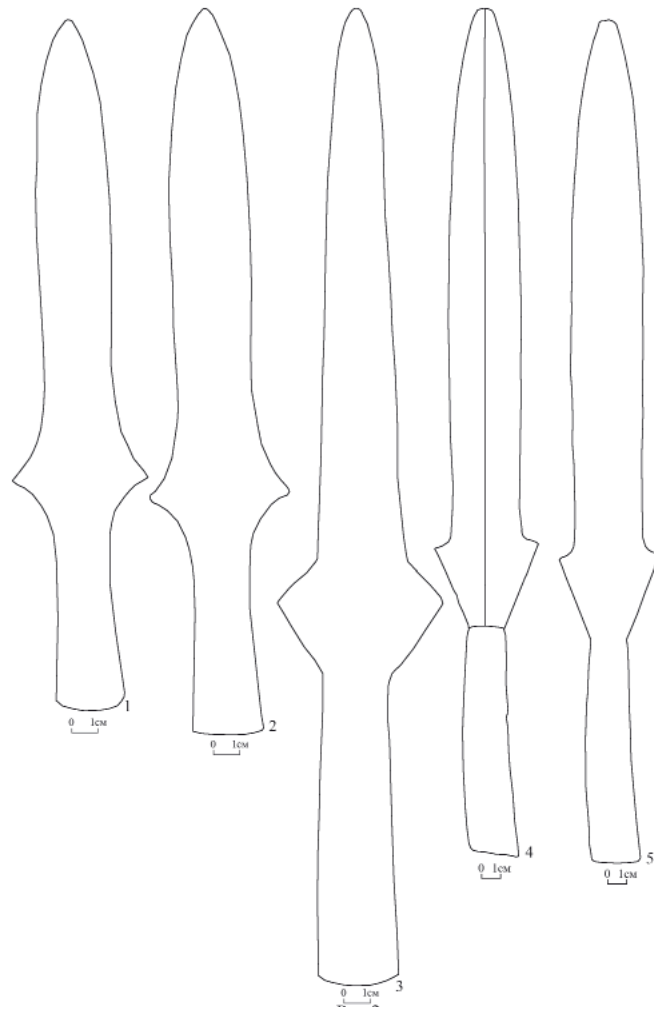

Рис. 2. Наконечники копий с «ушками» с территории Дагестана и Чечни

1 – «13 Разъезд», Республика Дагестан; 2 – город Грозный (п/м из «пос. Катаямы» на окраине города); 3 – сел. Кошкельды (Гудермесский район Чечни), п/м; 4-5 – Сел. Керлы (Новый) Энгеной в Гудермесском районе Чечни, п/м.

Fig. 2. Spearheads with 'lugs' from the territory of Dagestan and Chechnya

1 – "13 Razyezd", Republic of Dagestan; 2 – the city of Grozny (excavated material from "Katayama settlement" on the outskirts of the city); 3 – Koshkeldy village (Gudermessky District of Chechnya), excavated material; 4-5 – Kerly (Novyi) Engenoi village in Gudermessky District of Chechnya, excavated material.

того, в 2 случаях – Шуанский склеповый могильник и разрушенная часть Келийского могильника в горной Ингушетии. Указанные находки все-таки дают некоторые поводы для уточнений и новых предположений.

Преимущественная датировка всех находок золотоордынским временем и отсутствие надежно датированных экземпляров более раннего времени дают повод для некоторых сомнений в правомерности версии М.В. Горелика об из эволюционном развитии от более ранних прототипов из степного Прикубанья. Очевидная увязка таких наконечников копий с золотоордынским временем, как предполагалось ранее, сильно сближает их с типом сугубо «монгольских» (центральноазиатских) наконечников стрел, распространившихся в Восточной Европе именно в ходе монголо-

татарской экспансии (Нарожный В., Нарожный Е., 2017, с. 167–176). Они, возможно, стали прообразом (?) для наконечников копий интересующего нас типа, предназначенных для определенных целей. А.К. Кушкумбаев и Л.А. Бобров не исключают, что этот тип наконечников копий мог использоваться при т.н. «таранной атаке». Однако выявленное географическое распространение наконечников копий не всегда предполагает их изначальную предназначенность только для комплекса вооружения лишь золотоордынских всадников. Наличие таких же экземпляров наконечников копий в высокогорной Ингушетии – показатель того, что подобные образцы, явно «заимствованные» из комплекса вооружения всадников Золотой Орды (?), использовали и представители иных северокавказских этно-

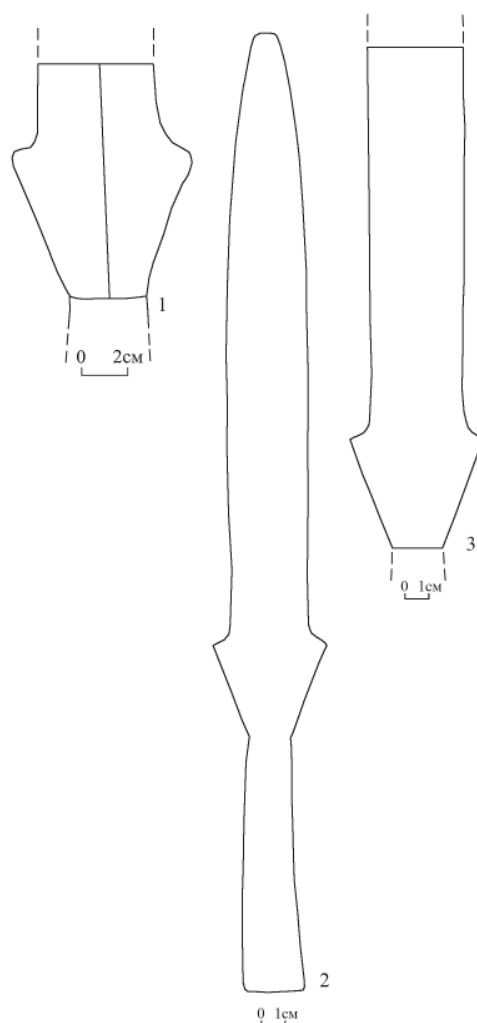

Рис. 3. Наконечники копий с «ушками» с территории Чечни и Ингушетии

1 – Самашкинское поселение XIII–XIV вв. в Ачхой-Мартановский район Чечни; 2 – Шуанский склеповый могильник «Мохде» (Джейраховский район высокогорной части Ингушетии); 3 – Из отвала разрушенной части Келийского могильника XIII–XIV вв.

Fig. 3. Spearheads with 'lugs' from the territory of Chechnya and Ingushetia

1 – Samashkinskoye settlement of the 13th–14th centuries in Achkhoy-Martanovsky District of Chechnya; 2 – Shuansky crypt burial ground "Mohde" (Dzheyrakhsky District of the highland area of Ingushetia); 3 – Materials from the pit of the destroyed portion of Keliysky burial ground of the 13th–14th centuries.

сов. В том числе и тех, так и не оказавшихся в системе политико-экономического диктата Золотой Орды и находившихся с ней в перманентной конфронтации. Опираясь на находки из Шуана и Кели, мы можем констатировать, что погребенных с такими наконечниками копий там вряд ли можно воспринимать как всадников. Естественно, что всаднический компонент в структуре таких горских подразделений явно присутствовал, однако в ландшафтной специфике местных географических условий вряд ли был заметным. Использование горцами подобного типа образцов древкового оружия тем не менее очевидно. Как указывалось выше, наличие расширяющихся и выступающих наружу «ушек» А.К. Кушкумбаев и Л.А. Бобров рассматривают как «яркую

оформительскую традицию, свойственную местным мастерам» преимущественно черкесского происхождения. Однако стоит обратить внимание на очевидный факт того, что и верхние грани этих «ушек» до места их соединения и перехода в вытянутое перо наконечника копья сильно и остро заточены. Если брать в расчет значительные размеры публикуемых нами наконечников копий (табл. 1), получается, что длина пера у наконечников копий позволяла не просто поразить насквозь противника. Заточка «ушек», вероятно, предназначалась для получения при ударе копьем максимальной ширины получавшейся раны.

Подобная специфика рассматриваемых нами наконечников копий заставляет вспом-

Таблица 1. Размеры наконечников копий (в см)
Table 1. Spearhead dimensions (cm)

№ п/п	Номер на рисунке	Н	Ш	Н	Д
1.	Рис. 1: 1	37 см	6 см	14,5 см	3 см
2.	Рис. 1: 2	25 см	4,6 см	8,3 см	3,4 см
3.	Рис. 1: 3	50,5 см	7,5 см	14 см	3,7 см
4.	Рис. 1: 4	49,4 см	5,6 см	19 см	3,8 см
5.	Рис. 1: 5	54,5 см	4,8 см	20,5 см	3,5 см
6.	Рис. 2: 1	26,5 см	5,1 см	8,8 см	3,6 см
7.	Рис. 2: 2	28 см	5,3 см	9 см	3,7 см
8.	Рис. 2: 3	37 см	6,3 см	14,7 см	3 см
9.	Рис. 2: 4	44,3 см	5,4 см	16 см	3,8 см
10.	Рис. 2: 5	44 см	5,4 см	15,8 см	3,5 см
11.	Рис. 3: 1	?	7,3 см	?	3,3 см
12.	Рис. 3: 2	40 см	4,7 см	14,4 см	3,6 см
13.	Рис. 3: 3	?	5,5 см	?	3,1 см

Примечание: Н – общая высота наконечника копья; Ш – максимальная ширина ушек по горизонтали; н – втулки до перехода в «ушки»; Д – диаметр втулки.

нить давнее предположение к.и.н. В.А. Петренко: пытаясь объяснить причины заметно крупных наконечников копий горцев Северо-Восточного Кавказа скифского времени, он предполагал, что именно такие копья, имея длинное древко, в основном могли использоваться в ближнем бою против конных подразделений противника. При этом конец древ-

ка упирался в землю, а наконечник копья выставлялся вперед под углом почти в 45°, направляясь в сторону мчащихся на воина лошадей конницы противника. Вполне вероятно, что и публикуемые нами наконечники копий XIII–XIV вв. могли использоваться не только в «таранной атаке», но и точно таким же образом.

Примечание:

¹ В.А. Мялковский (о нем см.: Вторые, 2010, с. 48–55) большую часть жизни проработал на противочумной станции г. Кизляра и в силу своих прямых служебных обязанностей регулярно перемещался по труднодоступным и необжитым районам Северо-Западного Прикаспия, где им была собрана великолепная и разновременная коллекция различных артефактов, большая часть которых постепенно была введена в научный оборот (Виноградов, Петренко, Мялковский, 1979, с. 45–58; Еремин, Мялковский, Нарожный, 1991, с. 40–45).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971. 355 с.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке // МИА Северного Кавказа. Вып. 2 / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: АГПИ, 2003. С. 89–114.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. Работы Чечено-Ингушского университета // Археологические открытия 1986 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 114–116.

Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А. К этнической истории Северо-западного Прикаспия в I тыс. до н. э. – XVIII в. н. э. (предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1979. С. 45–58.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Курган № 1 у сел. Керлы (Новый) Энгеной (Гудермесский район Чечни) // МИА Северного Кавказа. Вып. 2 / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: АГПИ, 2003. С. 21–33.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1979. 125 с.

Вторые «Васильевские чтения». Материалы региональной научно-практической конференции. Сб. тезисов / Под ред. Н.Н. Гаруновой. Махачкала, 2010. 220 с.

Гаглойты Р.Х., Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Наконечники копий Келийского каменного могильника (горная Ингушетия) // НАВ. 2021а. Т. 20. № 2. С. 170–186. DOI: <https://doi.org/10.15688/nsv.ivolsu.2021/2/8>

Гаглойты Р.Х., Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Наконечники копий и дротиков XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии некоторые итоги, задачи и перспективы изучения

// МИА Северного Кавказа. Вып. 19 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир-Карачаевск: Изд-во КЧГУ. 2021б. С. 180–192.

Голубев Л.Э. Случайные находки предметов средневекового вооружения из окрестностей Сочи // Археологический журнал. 2008. № 2. С. 121–123.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований при правительстве КБР и КБНЦ РАН / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 158–189.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 280–302.

Еремин Н.М., Мялковский В.А., Нарожный Е.И. Новые средневековые комплексы с территории левобережья Терека // Археология на новостройках Северного Кавказа / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 40–45.

Иванова С.Н. О раскопках на «цитадели» в устье р. Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследований Лооской археологической экспедиции и УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи / Отв. ред. Б.Б. Овчинникова, В.И. Симиненко. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1997. С. 54–58.

Исаев С.Х., Арсабиев Д.А., Абкуев Ю.А. Из истории изучения памятников археологии Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11–13 (79). С. 30–36.

Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Оружие таранной атаки: золотоордынские копья и пики XIII-XIV вв. // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. 2010. №1. С. 133–146.

Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. Новые археологические памятники золотоордынского времени в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный: АН ЧР, 2014. № 3 (24). С. 43–55.

Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. Археологические памятники Гудермесского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 1 (16). С. 121–130.

Минаева Т.М. Археологические разведки в долине реки Сунжи // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского педагогического института. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 1958. С. 413–432.

Нарожный Е.И. О половецких святилищах и изваяниях XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2003. С. 245–274.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребения «копейщиков» Келийского могильника в высокогорной Ингушетии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 167–176.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Самашкинское поселение XIII-XIV вв. (Ачхой-Мартановский р-н Чечни) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006. С. 141–142.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребения «копейщиков» Келийского могильника в высокогорной Ингушетии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 167–176.

Овчинникова Б.Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1997. С. 7–34.

Соков П.В., Хатнюк О.А. О двух случайных находках наконечников копий с территории Кубани // МИА Северного Кавказа. Вып. 2 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПА, 2003. С. 199–201.

Чахкиев Д.Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чеч.-Инг. кн-е изд-во, 1987а. С. 67–77.

Информация об авторах:

Гаглойты Роберт Хазбиевич, кандидат исторических наук, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им З.Н. Ванеева, (г. Цхинвал, Республика Южная Осетия); gagloev@yandex.ru

Кочкаров Умар Юсуфович, кандидат исторических наук, заведующий научно-отраслевым архивом, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); umar_k@mail.ru

Мамаев Рашид Хамидович, независимый исследователь (г. Грозный, Россия); borz85@list.ru

Нарожный Виталий Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Армавир, Россия); vitanar21@yandex.ru

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (г. Карачаевск, Россия); zai_ein@mail.ru

REFERENCES

Alekseeva, E. P. 1971. *Drevnyaya i srednevekovaya is-toriya Karachaevo-Cherkessii (Voprosi etnicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya) (Ancient and Medieval History of Karachay-Cherkessia (Issues of Ethnic and Socioeconomic Development))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vinogradov, V. B., Narozhnyi, E. I., Savenko, S. N. 2003. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus) 2*. Armavir: "Nasledie Kubani" Publ., 89–114 (in Russian).

Vinogradov, V. B., Narozhnyi, E. I., Savenko, S. N. 1988. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1986 goda (Archaeological discoveries 1986)*. Moscow: "Nauka" Publ., 114–116 (in Russian).

Vinogradov, V. B., Petrenko, V. A., Myalkovskiy, V. A. 1979. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Arkheologiya i voprosy etnicheskoy istorii Severnogo Kavkaza (Archaeology and the Issues of Ethnic History of the North Caucasus)*. Groznyy: Checheno-Ingush State University, 45–58 (in Russian).

Vinogradov, V. B., Narozhnyi, E. I. 2003. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus) 2*. Armavir: "Nasledie Kubani" Publ., 21–33 (in Russian).

Voronov, Yu. N. 1979. *Drevnosti Sochi i ego okrestnostei (Antiquities of Sochi and Its Neighbouring Area)*. Krasnodar: "Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

In Garunova, N. N. (ed.). 2010. *Vtorye «Vasil'evskie chteniya». Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Second Vasilyevsky Readings. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference)*. Makhachkala (in Russian).

Gagloyty, R. Kh., Kochkarov, U. Yu., Mamaev, R. Kh., Narozhnyi, V. E., Narozhnyi, E. I. 2021. In *Nizhne volzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin) 20 (2)*. 170–186 (in Russian).

Gagloyty, R. Kh., Kochkarov, U. Yu., Mamaev, R. Kh., Narozhnyi, V. E., Narozhnyi, E. I. 2021. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus) 19*. Armavir-Karachaevsk: Karachay-Cherkess State University Publ., 180–192 (in Russian).

Golubev, L. E. 2008. In *Arkheologicheskii zurnal (Archaeological Journal) 2*, 121–123 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament)*. Moscow: "Vostochniy gorizont" Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5*, 280–302 (in Russian).

Eremin, N. M., Myalkovskiy, V. A., Narozhnyi, E. I. 1991. In Vinogradov, V. B. *Arkheologiya na novostroykakh Severnogo Kavkaza (Archaeology at new buildings of the North Caucasus)*. Groznyy: Chechen-Ingush State University Publ., 40–45 (in Russian).

Ivanova, S. N. 1991. In Ovchinnikova, B. B. Siminenko, V. I. (eds.). *Arkheologiya, arkhitektura i etnokul'turnye protsessy Severo-Zapadnogo Kavkaza (Archaeology, Architecture and Ethnocultural Processes of the Northwestern Caucasus)*. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 54–58 (in Russian).

Isaev, S. Kh., Arsabiev, D. A., Abkuev, Yu. A. 2021. In *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire (Relevant Scientific Studies in the Modern World) 11–13 (79)*, 30–36 (in Russian).

Kushkumbaev, A. K., Bobrov, L. A. 2010. In *Voprosy arkheologii i istorii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of Archaeology and History of Western Kazakhstan) 1*, 133–146 (in Russian).

Mamaev, Kh. M., Mamaev, R. Kh., Narozhnyi, E. I. 2014. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic) 24 (3)*, 43–55 (in Russian).

Mamaev, Kh. M., Mamaev, R. Kh., Narozhnyi, E. I. 2016. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic) 16(1)*, 121–130 (in Russian).

Minaeva, T. M. 1958. In *Sbornik trudov istoriko-filologicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo pedagogicheskogo institute (Collected Works of the Historical and Philological Faculty of the Stavropol Pedagogical Institute)* 13. Stavropol': Stavropol State Pedagogical Institute, 413–432 (in Russian).

Narozhnyi, V. E., Narozhnyi, E. I. 2006. In *XXIV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza (XXIV Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Nal'chik, 141–142 (in Russian).

Narozhnyi, E. I. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk National University, 245–274 (in Russian).

Narozhnyi, E. I., Narozhnyi, V. E., Chakhkiev, D. Yu. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 167–176 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2008. In Bgazhnokov, B. Kh. (ed.). *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNC RAN (Bulletin of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research)* 15, 158–189 (in Russian).

Narozhnyi, E. I., Narozhnyi, V. E., Chakhkiev, D. Yu. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 167–176 (in Russian).

Ovchinnikova, B. B. 1997. In Ovchinnikova, B. B. Siminenko, V. I. (eds.). *Arkheologiya, arkhitektura i etnokul'turnye protsessy Severo-Zapadnogo Kavkaza (Archaeology, Architecture and Ethnocultural Processes of the Northwestern Caucasus)*. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 7–34 (in Russian).

Sokov, P. V., Khatnyuk, O. A. 2003. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 2. Armavir: Armavir State Pedagogical Academy Publ., 199–201 (in Russian).

Chakhkiev, D. Y. 1987. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Novye materialy po arkheologii i etnografii Checheno-Ingushetii (New Materials on the Archaeology and Ethnography of the Chechen-Ingush Republic)*. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 67–77 (in Russian).

About the Authors:

Gagloity Robert Kh. Candidate of Historical Sciences, South Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N. Vaneev. Alan Dzhioev Ave., 3. Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia; gagloev@yandex.ru

Kochkarov Umar Yu. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; umar_k@mail.ru

Mamaev Rashid Kh. Independent researcher (Grozny, Russian Federation); borz85@list.ru

Narozhny Vitaly E. Candidate of Historical Sciences, independent researcher (Armavir, Russian Federation); vitanar21@yandex.ru

Narozhny Evgenii I. Doctor of Historical Sciences, Professor. Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev. Lenin Str., 29, Karachaevsk, 369202, Russian Federation; zai_ein@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.128.135>

О МАЛОИЗВЕСТНОМ БЫТОВОМ КОМПЛЕКСЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ВО ВЪЕЗДНОЙ ЗОНЕ ГОРОДА КИСЛОВОДСКА (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

© 2022 г. С.Н. Савенко

Автором рассматривается актуальная тема выявления памятников золотоордынского времени в Кисловодской котловине. В этом хорошо исследованном в археологическом отношении районе центральной части Северного Кавказа они почти неизвестны, что представляется странным, потому что на расстоянии 10 км к северо-востоку есть мавзолеи и признаки поселений. Вводимые в научный оборот давно выявленные, но ранее недоступные специалистам и не атрибутированные источники: материалы из хозяйственной ямы, остатки керамической мастерской, случайные находки во въездном районе Кисловодска, другие сведения и данные – позволяют считать, что в рассматриваемом районе в XIII–XV вв. н.э. продолжало сохраняться оседлое население.

Ключевые слова: археология, Северный Кавказ, Кисловодск, Золотая Орда, проблемы изучения, бытовые памятники.

AN UNDERSTUDIED HOUSEHOLD COMPLEX GOLDEN HORDE PERIOD IN THE ENTRANCE AREA OF KISLOVODSK (NORTH CAUCASUS)

S.N. Savenko

The author addresses the current issue of identifying the monuments of the Golden Horde period in the Kislovodsk basin. In this archeologically thoroughly studied region of the central part of the North Caucasus, these are almost unheard of, which appears strange, as there are mausoleums and traces of settlements at a distance of 10 km to the northeast. The sources introduced into scientific circulation, long discovered, but previously inaccessible to specialists and not attributed – materials from the household pit, remains of a ceramic workshop, random finds in the entrance area of Kislovodsk, and other information and data – suggest that settled population continued to exist in the area under consideration in the 13th–15th centuries AD.

Keywords: archaeology, North Caucasus, Kislovodsk, the Golden Horde, study problems, household monuments.

Особый географический район Центрального Предкавказья – Кисловодская котловина и прилегающие к ней верховья р. Подкумок, относятся к числу наиболее исследованных в археологическом отношении территорий Северного Кавказа. На площади около 500 кв. км к 2014 г. было зафиксировано 934 археологических объекта (Коробов, 2017а, с. 62) различных исторических периодов начиная с эпохи энеолита (V тыс. до. н.э.) и до нового времени (XVIII – середина XIX в. н.э.) включительно. Однако с золотоордынским временем – середина XIII–XV вв., долгое время не соотносился ни один четко датированный объект этого района. В связи с этим распространилось стереотипное высказывание о том, что монголо-татарские походы 1220–1230-х гг. привели к полному уничтожению существовавших до этого десятков поселений, включая крупнейшее городище Рим-Гора в 17 км к западу от Кисловодска на границе Котловины, и уходу оседлых жителей за пределы освоенных ими

земель. Но остается не ясным, почему правители Золотой Орды и их наместники не стали использовать удобный и привлекательный во многих отношениях район, в то время как на расстоянии менее 10 км по прямой от северо-восточных границ Котловины у нынешнего поселка Белый Уголь и в округе города-курорта Эссентуки известны группы ордынских мавзолеев и есть предварительные сведения о поселениях интересующего нас времени. Существует также версия о возможной связи названия протекающего там левого притока Подкумка речки Эссентучек, да и самого города Эссентуки с именем местного правителя золотоордынской державы (Данилов, 2015, с. 53–82). Округу Эссентуков специалисты относят к засвидетельствованной в письменных источниках области Бишдаг (Бабенко, 2018, с. 16–20).

Данная ситуация порождает вопрос: действительно ли в результате военно-политических потрясений Кисловодская котло-

вина стала безлюдной? Поэтому выявление памятников ордынской эпохи было и остается актуальной и почти неразработанной темой для рассматриваемого нами района.

В последние десятилетия в данном направлении были предприняты некоторые попытки. В.А. Фоменко и Р.Р. Рудницкий на основании обнаруженных ими на Рим-Горе поздних предметов (серебряный и бронзовый бубенчики, крест-тельник из серого металла), датированных ими по аналогиям XIII–XIV вв. н.э., поставили вопрос о том, что городище было обитаемо в ордынское время (Рудницкий, Фоменко, 2005, с. 87–88, рис. 2, 1–3).

В.А. Фоменко более внимательно рассмотрел факты находок поздних погребений и бытовых объектов на территории бывшей станицы Кисловодской в нынешнем въездном районе города-курорта. Так, проанализировано было средневековое христианское погребение, выявленное кисловодским археологом-любителем В.А. Лученковым в начале 1990-х гг. на частном дворе по ул. Пешеходной в районе Крестовоздвиженской церкви. В массивном каменном ящике из известковых плит располагался вытянутый на спине скелет, ориентированный головой на запад без инвентаря. Но на каменном навале над могилой были фрагменты от пифоса и крупного горшка с распространенными в ордынское время признаками (Фоменко, 2005, с. 25–26).

Упомянул В.А. Фоменко и о выявлении на рубеже 1980–1990-х гг. тем же В.А. Лученковым следов позднесредневековых поселений «Подкумские террасы» и «Решинка – 2» на разных участках территории бывшей станицы Кисловодской в районе улиц Крымушкинской, Подкумской, Окопной, Стародубовской, Западной и других. Известную мне керамику из этих объектов я предварительно датировал XV–XVII веками и соотносил их с непосредственно предшествующей русскому и казачьему заселению района так называемой «старокабардинской культурой» (Афанасьев и др., 2004, с. 106–107). Но В.А. Фоменко выступил против такой трактовки по причине почти полного отсутствия керамики в позднесредневековых курганах Кавминвод и соседних территорий, и очередной раз склонился к мнению, что данные памятники могли принадлежать оседлому населению района XIII–XIV вв. (Фоменко, 2005, с. 26). Раньше ордынскую принадлежность некоторых образцов керамики из числа случайных находок в этом регионе устно предположил И.В. Волков в частной консультации, данной

автору этой статьи. Со временем и я стал допускать такую историко-культурную оценку, которая, однако, и сейчас требует подтверждения. В данном сообщении вводится в оборот, оказавшийся в моем распоряжении, неизвестный ранее специалистам научный материал, который позволяет обсуждать очерченную тему.

На рубеже 1980–1990-х гг. на территории бывшей станицы Кисловодской, как и во многих других районах и окрестностях города-курорта, развернулось масштабное строительство. Во въездном районе в канализационных траншеях по улицам Подкумской и Западной на значительном расстоянии друг от друга В.А. Лученков заметил остатки хозяйственных ям и участки тонкого культурного слоя с преимущественно коричнево-красной в оттенках качественной керамикой с частым встречающимся орнаментом в виде параллельных прямых и волнистых горизонтальных вдавленных линий, при наличии и сероглиняных образцов посуды. Нередко этот материал перемежался с поздними культурными остатками бывшей станицы. Одну яму на ул. Западной возле Крестовоздвиженского храма он доследовал и обнаружил в ней разбитый крупный качественно сформованный на круге и обожженный пифосообразный двуручный сосуд высотой около 55–60 и диаметром тулова – 44 см, со светло-коричнево-охристой в оттенках на участках внешней поверхностью, красно-коричневый внутри и в изломе. На уровне верхних прилепов ручек имелся горизонтальный кольцевой валик, над которым до горловины шла сетчатая зона перекрестных диагональных полос (рис. 1: 1).

Примерно в том же районе находились: фрагменты горшков, кувшинов и некоторых иных форм различных размеров, сформованных преимущественно из отмученной качественно обожженной и прокаленной керамической массы коричневого, коричнево-охристого, коричнево-красного и розового в полутонах цвета. Они также нередко имели орнамент в виде прямых и волнистых вдавленных линий либо вертикальных пролощенных полос. Были единичные образцы стенок пифосообразных и сероглиняных сосудов.

Интересна случайная находка у въездного железнодорожного моста через р. Подкумок. Это, по всей вероятности, фрагмент верхней от водолея – афтоба. Цвет хорошо заглаженной ангобированной поверхности – охристо-коричневый, в изломе двухцветный – красноватый и серый. Высота сохранившейся

Рис. 1. Предметы золотоордынского времени, обнаруженные на территории въездного района города Кисловодска. 1-2 – случайные находки; 3-6 – находки из хозяйственной ямы на ул. Подкумской, 44.

Fig. 1. Items of the Golden Horde period found in the territory of the entrance area of the city of Kislovodsk. 1-2 – accidental finds; 3-6 – finds from a household pit on Podkumskaya str., 44.

части – 12 см. Горловина, формованная путем кольцевого налепа, имела меняющийся диаметр (наименьший – 3,5 см) (рис. 1: 2).

Наполовину разрушенная хозяйственная яма у дома №44 по ул. Подкумской исследована под моим наблюдением. Она имела колоколовидную овальную в плане форму и была впущена в прослойку галечника и в желто-серый материковый суглинок. Заполнена разноцветным мешаным серо-черным в оттенках гумусированным грунтом с локальными наклонными прослойками различного состава. Глубина от поверхности составляла – 158–160 см, высота сохранившейся части – 115–120 см. Диаметр по дну – 162 см, в верхней части – 70–75 см.

В заполнении были найдены: 4 крупных фрагмента от пифосообразных сосудов (3 стенки, 1 переход ко дну), толщ. 13–15 мм, коричнево-охристого сплошного цвета (на одном – следы копоти) из отмученного сплошь прокаленного теста, с хорошо заглаженными поверхностями и внешними лощеными вертикальными полосами; фрагмент стенки крупного сосуда, толщ. 9 мм, с налепным подтреугольным в сечении валиком, аналогичной расцветки и обжига (рис. 2:

2); осколок стенки лощеного кувшина, толщ. 7–8 мм, коричнево-красного цвета с рельефными полосами от вращения внутри; фрагмент верхней части горшка с венчиком из коричневой отмученной глины, с заглаженной внешней поверхностью, покрытой матовым налетом, технологическими полосами от вращения и фиксируемым ленточным налепом венчика; фрагмент стенки сосуда толщ. 10 мм из более грубо замешанного мелкозернистого теста с белыми известковыми включениями и с неровно заглаженными поверхностями охристо-коричневого цвета сплошного прокала; дуговидная, в сечении эллипсовидная ручка, высотой 53, шириной 23 мм, (из 2 частей) от небольшого сосуда, вероятно, горшка из глины желто-коричневого цвета (рис. 1: 3); фрагмент небольшого сосуда, толщ. 7 мм, из коричнево-серой глины с хорошо заглаженной внутренней поверхностью и сплошным орнаментом из частых горизонтальных вдавленных линий на внешней стороне (рис. 2: 4); 6 фрагментов стенок сосудов из охристо-коричневой глины с темно-серыми внешними пятнами копоти или сплошным (вторичным – ?) обжигом темно-серого цвета, на одном – с орнаментом из частых горизонтальных вдавленных

Рис. 2. Находки из хозяйственной ямы на ул. Подкумской, 44 (продолжение).

Fig. 2. Finds from a household pit at Podkumskaya str., 44 (continued).

линий; донце горшка из охристо-коричневой глины с вдавленными кольцевыми линиями от кругового заглаживания внутри и пятнами копоти на обеих поверхностях; фрагмент стенки лощеного сосуда толщиной 7 мм из серой глины.

Собрался почти полностью горшок баночной формы с коротким венчиком, плоским дном и петлевидной, эллипсовидной в сечении ручкой от края венчика на верхнюю часть тулова из темно-серой к коричневым оттенком отмученной глины слоистой структуры с заглаженными поверхностями и орнаментом из пар вдавленных параллельных горизонтальных кольцевых линий по всему корпусу. Его высота – 220 мм, диаметр тулова – 180 мм (рис. 2: 1).

Кроме этого, были найдены также: осколок бронзового дисковидного зеркала с рельефным подтреугольным валиком по краю (рис. 1: 6); бараний альчик с отверстием для подвешивания (рис. 2: 4); круглое пряслице, выточенное из стенки коричнево-красного сосуда с матовым налетом на внешней поверхности, диаметром 40 мм, и просверленным отверстием 10 мм (рис. 2: 3); два крупных обожженных куска турлука светло-коричневого цвета с отпечатками прутьев; 16 костей животных и

их осколков, среди которых 2 конских резца, коровий астрагал и фрагменты ребер крупных животных. Часть костей явно расколота.

Особое внимание и самостоятельной публикации заслуживает доследованная в 1991 г. небольшая, но насыщенная разнообразным материалом керамическая мастерская, обнаруженная В.А. Лученковым на задетом землеройной техникой участке двора домовладения по ул. Долгоруковской, 20.

Из-за недостатка объема данной статьи ограничусь лишь общим представлением объекта. Комплекс мастерской состоял из подпрямоугольной в плане землянки, размерами по дну в плане 383×113 см и глубиной от поверхности 140–145 см, с неправильно овальным выступом (120×100 см) у одного из углов, особыми каменными выкладками и углублением от базы гончарного круга (?) на дне, с прилегающей к одной из продольных стенок округлой двухъярусной однокамерной печи. Нижняя топочная камера печи сегментовидной формы, диаметром у дна 140–145 см и высотой в средней части 54–55 см, соединялась через подквадратное окно размерами 38×40 см и глубиной 30–40 (вверху) см с землянкой. В угол и в выступ землянки направлялась система из нескольких одно-

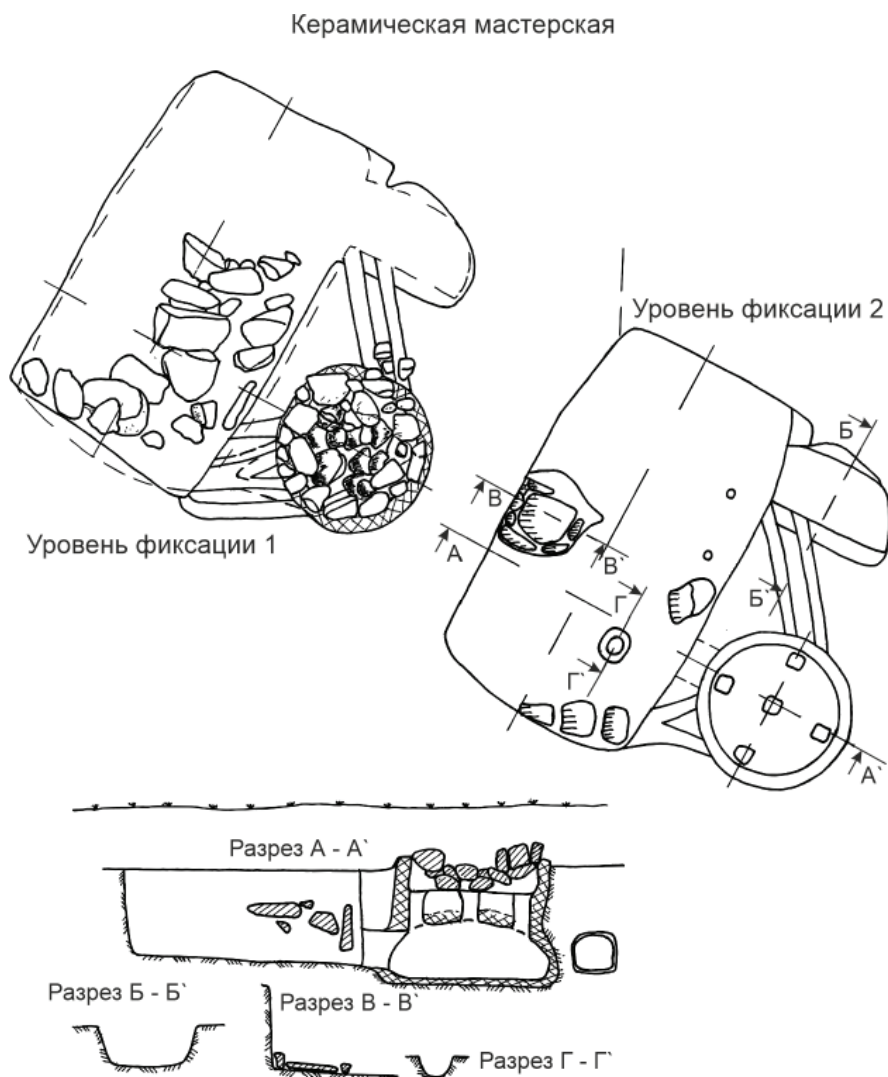

Рис .3. Планы и разрезы керамической мастерской, доследованной на участке по ул. Долгоруковской, 20.
Fig. 3. Plans and sections of a ceramic workshop additionally studied at a plot on Dolgorukovskaya str., 20.

го и двух уровней воздухопроводных каналов, примыкающих к камерам печи с двух сторон под углом около 90%. Верхняя камера печи, диаметром 120–123, была достроена сводом (провалился в середину) из речных булыжников и известковых камней, многие из которых были закопчены. Из верхней камеры в топку шло 5 подквадратных отверстий (4 – у стенок крестообразно и одно посередине), размерами в плане в среднем 13×15 см и глубиной 28–37 см. Обе камеры имели прокаленные и прокопченные стеки и дно (рис. 3).

Внутри землянки и печи отмечено большое количество фрагментов глиняных сосудов, включая необожженные образцы различных форм: крупные и небольшие горшки, пифособразные сосуды, кувшины, в основном охристо-коричневого, красно-коричневого и желто-коричневого в оттенках цветов при наличии сероглиняных экземпляров. Обращают на себя особое внимание фрагменты

гончарного котла (или котлов) качественной выделки и с глухими внутренними ручками. Состав теста, характер формовки и обжига, особенности обработки поверхностей и варианты орнамента большинства сосудов были сходными с вышеописанными, что свидетельствует о культурно-хронологической близости выявленных объектов.

В представленных материалах присутствуют характерные и типичные черты комплекса неполивной керамики традиционной и передовой машинной технологических линий золотоордынского времени с установленным специалистами признаками сохранения в местной керамике этого периода кубано-северокавказских аланских (Волков, 1992. с. 5 и др.) и салтовских традиций (Волков, Зиливинская, 2008. с. 552–553; Масловский, 2012, с. 11; Волков, 2016. с. 144–161 и др.).

Выявление керамических печей на поселениях Золотой Орды сейчас уже не такое

редкое явление. Раскопано и изучено более 150 горнов. Были они открыты не только на Нижнем Дону, в Поволжье и на других отдаленных территориях, но и в относительной близости к Кисловодской котловине: на Маджарах (Зиливинская, 2015, с. 37, 72, рис. 20) и остатках Новопавловского поселения (Березин С.Я., 2016, с. 136–138). Но полный комплекс небольшой мастерской пока не фиксировался.

Сейчас большая часть территорий въездного района Кисловодска застроена многоэтажными домами и корпусами предприятий. В 2021 г. я вновь работал в том районе и проводил шурфовки по очередным проектам строительства и реконструкции. Один из участков прилегал к тому району на улице Долгоруковской, где в 1991 г. была доследована керамическая мастерская. Один из шурфов разбивался с надеждой выявить признаки культурного слоя. Однако выяснилось, что реальные слои там скрыты на большую глубину до материкового суглинка. Засыпан современным строительным мусором и занят траншеями от коммуникаций и участок возле улицы Западной и Крестовоздвиженского храма, где также пока не удалось получить информации археологического характера. И все же я полагаю, что в современной застройке еще могут встретиться относительно нетронутые уголки культурного слоя средневековых объектов интересующего нас времени.

Целевые исследования для выявления материалов золотоордынского времени в Кисловодской котловине, так же как и на Рим-Горе и других подобных памятниках, и сегодня еще не являются бесперспективными. Объекты XIII–XV вв. могут еще быть встречены не

только во въездном районе, но и на территории промышленной зоны Кисловодска и на других участках долины реки Подкумок.

В предмонгольский период в нынешних промышленной и въездной зонах города функционировала серия поселений, культурные напластования которых, к сожалению, к настоящему времени также в значительной мере утрачены. Но известно, что в них периодически находились относительно редкие красноглиняные образцы и фрагменты поливной керамики. Кисловодский учитель станичной школы Б.А. Королев в 1952 г. находил в районе Кольцо-Горы на северо-западной окраине муниципальной территории Кисловодска землянки с мощными зольными горелыми слоями, керамические печи (не менее 5), одна из которых с 15 воздухопроводными отверстиями между камерами (Архив Н.М. Егорова. Папка 19, Лл.55–61. ПКМ. Научная библиотека).

Пока остается загадкой, с каким периодом истории Кисловодска был связан протяженный вал, перегораживающий долину Подкумка и прикрывающий окрестности источника Нарзан. Когда он впервые был описан и нанесен на план местности академиком П.С. Палласом в 1793 г. проживавшие здесь абазинцы называли его «татарским». Позднее казаки-старожилы станицы Кисловодской именовали его «турецким» (Боглачев, Савенко, 2012, с. 13, карта-вкладыш). Оба этих термина не имеют конкретного этнокультурного содержания, но указывают на отражение древности объекта в сознании местных жителей. Вполне возможно, что выявляемые нами остатки бытовых объектов были связаны с этим валом и функционировали под его защитой в первой половине II тысячелетия н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004. 240 с.

Бабенко В.А. Локализация области Бишдаг в Центральном Предкавказье по данным письменный и археологических источников // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 16–20.

Березин С.Я. Новая гончарная печь эпохи Золотой Орды из окрестностей города Новопавловска Ставропольского края // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 136–138.

Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. Изд. 2-е. Пятигорск: СНЕГ, 2012. 512 с.: ил.

Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 20 с. Таб. 1–3.

Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджар // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 139–222.

Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт в Маджаре // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: Крупновские чтения. 1971–2006 / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, Ставрополь: Наследие, 2008. С. 552–553.

Данилов А.В. Древности Пятигорья: каталог археологической коллекции Эссентукского историко-краеведческого музея. Эссентуки, 2015. 200 с.: ил.

Зиливинская Э.Д. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотородыньских городов Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 184 с.: ил.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья I тыс. н.э. Т.1. Ландшафтная археология Кисловодской котловины. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 384с.: ил.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Низовьев Дона в XI-XV вв.: типология и хронология. Автореф... дис. канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2012. 30с.

Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Новые находки эпохи средневековья из Кисловодской котловины // История и культура Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 2. Пятигорск: Пятигорский технологический университет, 2005. С. 86–90

Фоменко В.А. Памятники XIII-XV вв. Кисловодской котловины // История и культура Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 3. Пятигорск: Пятигорский технологический университет, 2005. С. 23–30.

Информация об авторе:

Савенко Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии, Пятигорский краеведческий музей (г. Пятигорск, Россия); sovov57@mail.ru

REFERENCES

Afanasyev, G. E., Savenko, S. N., Korobov, D. S. 2004. *Drevnosti kislvodskoi kotloviny (Antiquities of the Kislovodsk Basin)*. Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ. (in Russian).

Babenko, V. A. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 16–20 (in Russian).

Berezin, S. Ya. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House, 136–138 (in Russian).

Boglachev, S. V., Savenko, S. N. 2012. *Arkhitektura starogo Kislovodsk (Architecture of Old Kislovodsk)*. Pyatigorsk: "sneg" Publ. (in Russian).

Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. Thesis of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House, 139–222 (in Russian).

Volkov, I. V., Zilivinskaya, E. D. 2008. In Belinskiy, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. VIII: Krupnovskie chteniia. 1971–2006 (Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus (MIKNSK). Issue VIII: Krupnov's reading. 1971–2006)*. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoi mysli" Publ., Stavropol: "Nasledie" Publ. 552–553 (in Russian).

Danilov, A. V. 2015. *Drevnosti Pyatigor'ya: katalog arkheologicheskoy kollektzii Essentuk'skogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya (Antiquities of Pyatigorsk: catalogue of the archaeological collection of the Essentuki Museum of Local Lore)*. Essentuki (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2015. *Madzhar i Nizhniy Dzhulat. Iz istorii zolotorodnykh gorodov Severnogo Kavkaza (Madzhar and Lower Dzhulat. From the history of golden horde towns of North Caucasus)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies (in Russian).

Korobov, D. S. 2017. *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya I tys. n.e. T.1. Landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny (The Settlement System of the Alans of the Central Pre-Caucasus I thousand AD. Vol. 1. Landscape archeology of the Kislovodsk basin)*. Moscow; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2012. *Keramicheskiy kompleks Nizov'ev Dona v XI-XV vv.: tipologiya i khronologiya (Ceramic complex of the Lower Reaches of the Don in the XI-XV centuries: typology and chronology)*. Thesis of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Rudnitsky, R. R., Fomenko, V. A. 2005. In *Istoriya i kul'tura Severnogo Kavkaza (History and Culture of the North Caucasus)* 2. Pyatigorsk: Pyatigorsk Technical University, 86–90 (in Russian).

Fomenko, V. A. 2005. In *Istoriya i kul'tura Severnogo Kavkaza (History and Culture of the North Caucasus)* 3. Pyatigorsk: Pyatigorsk Technical University, 23–30. (in Russian).

About the Author:

Savenko Sergey N. Candidate of Historical Sciences, Pyatigorsk Museum of Local Lore. Br. Bernardacci, Str., 2, Pyatigorsk, 357501, Russian Federation; sovos57@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.136.146>**ГОРОДИЩЕ «НИЖНИЙ ДЖУЛАТ» В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

© 2022 г. Е.И. Нарожный

Недавняя публикация монографии о Маджаре и «Нижнем Джулате» все же не реализовала всех имевшихся возможностей. Неучтенный археологический материал и возможности иной атрибуции некоторых стратиграфических данных демонстрируют искусственное и порой ошибочное происхождение названия городища как «Нижнего Джулата». Речь может идти об остатках раннесредневековой столицы Алании – городе Магасе. Восстановленный к XIV веку, город становится крупным административно-религиозным центром не только с Соборной мечетью со склепом под ее полом и мусульманским кладбищем вокруг нее. Несколько предметов христианского культа, вероятно, указывают и на существование здесь когда-то церкви и христианской общины. В годы «Великой замятни» на месте срытых в конце 1230–1240 годов фортификационных сооружений в городе строится стена из сырцового кирпича. Существующие данные о материальной культуре города дополняются сведениями о ранее неизвестных монетных находках, фрагментах селадонного и штампованного сосудов, светильнике и аптекарской ступке из латуни и пр. После похода Тимура в 1395 году городище просуществовало до более позднего времени.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северный Кавказ, «Нижний Джулат» или Магас, «Великая замятня» на Серном Кавказе, золотоордынская нумизматика, город и «область Джулад», Соборная мечеть и склеп под ее полом, металлические кресты, эмир Тимур и его поход 1395 г.

NIZHNY JULAT SETTLEMENT IN KABARDINO-BALKARIA**E.I. Narozhny**

The recent publication of a monograph about Major and Nizhny Julat did not reflect all available possibilities. The overlooked archaeological material and the possibility of other attribution of particular stratigraphic data demonstrate the artificial and at times erroneous origin of the name of the settlement as Nizhny Julat. One can consider the remains of the early medieval capital of Alanya - the city of Magas. Restored by the 14th century, the city became a major administrative and religious center not only with the Cathedral Mosque with a crypt under its floor and a Muslim cemetery around it. Several objects of Christian worship probably also indicate the existence of a church and a Christian community. During the years of the 'Great Turmoil', a wall of mud brick was built in the city at the site of fortifications demolished at the end of 1230–1240. The existing data on the material culture of the city are supplemented with information about previously unknown coin finds, fragments of celadon and stamped vessels, a lamp, an apothecary mortar made of brass, etc. The settlement existed until a later period after Timur's campaign of 1395.

Keywords: the Golden Horde, North Caucasus, Nizhny Julat or Magas, 'Great Turmoil' in the North Caucasus, Golden Horde numismatics, city and 'region of Julad', Cathedral mosque and crypt under its floor, metal crosses, Emir Timur and his campaign of 1395.

Новые монографии о золотоордынских городах Северного Кавказа – Маджаре, «Нижнем Джулате» (Маджар, 2015) и «Верхнем Джулате»-«Деякове»-«Татартупе» (Кузнецов, 2003; 2014) – дали повод для нового обращения к истории «Нижнего Джулата» в КБР. Е.И. Крупновым (1947 г.), Г.И.Ионе (1962–1963 гг.) и И.М.Чеченовым (1966–1967гг.) (Чеченов, 1967, с. 192–227; 1968, с. 128–150) была открыта соборная мечеть (Чеченов, Зиливинская, 1999, с. 201–211) с подземным склепом под ее полом¹ (Зиливинская, Чеченов, 2004, с. 138–160) и 5 захоронениями в нем (Нарожный, 1988, с. 159–172); рядом с мечетью обнаружен мусульманский некрополь XIV в. (Чеченов, Зиливинская,

1999, с. 201–211). Книга 2015 г. незначительно обновила археологические материалы с городища (Маджар, 2015, с. 109–180), но совсем не исчерпала всех имевшихся возможностей, не учла новых публикаций, наблюдений других коллег, иных артефактов. Говоря о происхождении названия городища, авторы книги считают, что «Ю.Клапрот первым связал область Джулат письменных источников (Шама и Йезди – Е.Н.) с городищем Нижний Джулат» (Маджар, 2015, с. 110), но следует учитывать, что во многих сведениях Клапрота видят очевидные «заимствования» из текстов его предшественника И.А. Гильденштедта (Чикобава, 1982, с. 229) и, видимо, не только у него. Клапрот был знаком и

Рис. 1. Подъемный материал с городища «Нижний Джулат» – Магас»

1-2 - поливные сосудики»; 3 – латунная аптекарская ступка; 4-5 – железные пластинчатые кресты «кавказско-византийского» или «византийского типа»; 6 – латунный светильник. (1-2,4,6 – из фондов Национального краеведческого музея КБР; 3-5 – из «коллекции И.М. Мизиева»). 4 – «сборы Г.И.Ионе», по: Ложкин, Малахов, 1996; 6- сборы М.И. Ермоленко.

Fig. 1. Excavated material from “Nizhny Dzhuulat – Magas” settlement

1-2 – small glazed vessels; 3 – brass pharmaceutical mortar; 4-5 – iron plated crosses of the “Caucasian-Byzantine” or “Byzantine” type; 6 – brass lamp. (1-2,4,6 - from the funds of the National Museum of Kabardino-Balkarian Republic; 3-5 – materials from the “I.M. Miziev’s collection”). 4 – “material collected by G.I. Ione”, after: Lozhkin, Malakhov, 1996; 6 – material collected by M.I. Ermolenko.

с Х.М. Френом, называя его «другом моим»; Х.М.Френ определял ему коллекцию монет из Маджара (Нарожный, Нарожная, 2012, с. 94–103). Несмотря на более раннюю датировку идентификации Клапротом исторического «Джулата» с интересующим нас городищем на Тереке, именно Х.М. Френ опубликовал свой список монетных дворов Золотой Орды, основываясь на собственном прочтении монетных легенд. Среди них был и монетный двор «Джюллад»², локализованный

нумизматом «в Малой Кабарде, на правом берегу р.Терека, от коего остались еще незначительные развалины»³ (Френ, 1832, с. 43). В 1834 г. «версию Клапрота» о Джулате разделил и офицер Генштаба Отдельного Кавказского корпуса И. Бларамберг (Бларамберг, 1992, с. 130–132), предложив разделять известные на то время сведения между двумя близко расположенными на Тереке безымянными городищами XIII–XIV вв.: первое городище (Северная Осетия⁴) стало «Верх-

ним Джулатом»; второе, находившееся чуть ниже него по течению Терека стало «Нижним Джулатом» (Бларамберг, 1992, с. 130–132). Эта, по оценке Х.М. Мамаева, «научнообразная путаница» с обоими Джулатами не преодолевается до сих пор⁵. С округой «Нижнего Джулата» сопоставляют и более позднее упоминание И. Шильтбергером «Джулата» (Бабенко, 2020, с. 301–303), хотя у Шильтбергера речь идет не просто о «Джулате», а о «гористой стране Джулад» с епископством кармелитов в ней. Упоминание «гористой страны» никак не соответствует ландшафтным особенностям округи т.н. «Нижнего Джулата», а эту «страну» иные исследователи (В.А. Кузнецов, В.Б. Виноградов, С.А. Голованова и др.), напомним, давно локализируют на «Верхнем Джулате»⁶.

Не использованы авторами 2015 г. и стратиграфическая специфика разреза вала вокруг цитадели «Нижнего Джулата». Вал «домонольского» времени был вначале полностью срыт. На его же месте появляется плотно утрамбованная «подушка» из 4 слоев с построенной на ней стеной из сырцового кирпича. Наличие в верхнем IV-м слое «подушки» золотоордынской керамики, в.ч. и осколка стенки с зеленой поливой (Маджар, 2015, с. 115), вряд ли «второй пол. XIII в.» (Маджар, 2015, с. 116), скорее всего, слой XIV в., а вся реконструируемая последовательность появления выявленных стратиграфических особенностей может быть иной. Преднамеренное уничтожение фортификации городища, вероятно, связано с завершением завоевательной кампании монголов конца 1230 – нач. 1240-х гг., что также прослеживается на других завоеванных Чингисидами территориях; отсутствие следов фортификации стало характерным и для «новых», отстроенных после завоеваний, городов (Фёдоров-Давыдов, 1981, с. 232). Следы преднамеренного уничтожения фортификации на «Нижнем Джулате» привлекают внимание к хорошо известным описаниям средневековыми авторами 1,5-месячной осады монголами столицы северокавказской Алании – г. Магаса, взятого лишь после использования стенобитных и осадных орудий. В комплексе с другими аргументами, несмотря на существование множества разных мнений о возможной локализации Магаса в регионе (их обзор см.: Нарожный, 2016, с. 1–24; 2021б, с. 144–147; 2021в, с. 39–50 и др.), появляются веские основания для отождествления остатков т.н. «Нижнего Джулата» именно с «потерянным» историческим Мага-

сом (Нарожный, 2021а, с. 141–152; 2021в, с. 39–50).

Постепенно восстановленный «Магас» (т.н. «Нижний Ддулат») в XIV в. превращается в крупнейший город Золотой Орды на Северном Кавказе со всеми раскопанными на нем памятникам домостроительства и культовой архитектуры. Динамику торгово-экономической повседневности в нем и ее этапы иллюстрируют монетные находки (Лебедев, Ситник, 2012, с. 192–202; Ситник, Лебедев, 2013, с. 381–388), напрасно проигнорированные в книге 2015 г. Среди них есть экземпляры периода «Великой замятни», позволяющие видеть здесь, как и в Маджаре, некую обособленную территорию кого-то из местных золотоордынских владельцев. Учитывая известную аналогию с Большой Тоябы в Чувашии (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 82–95), в прямую связь с центробежными процессами в северокавказских владениях Золотой Орды следует ставить и появление вокруг бывшей цитадели, на месте ранее уничтоженных укреплений, устроенной здесь 4-слойной «подушки» упоминавшейся выше стеной из сырцового кирпича (Мамаев, Нарожный, 1990, с. 9–11).

В книге 2015 г. введены в научный оборот несколько ранее не публиковавшихся находок из раскопок И.М. Чеченова (Маджар, 2015), но не были учтены другие артефакты с этого же городища, в т.ч. хранящиеся в Национальном краеведческом музее КБР (г. Нальчик). Это коллекция фрагментов поливной посуды (Нарожный, 2004, с. 274, рис. 2; 2017, с. 524, рис. 7), в т.ч. и 2 миниатюрных сосудика (рис. 1: 1–2). Там же хранятся 2 светильника из латуни; первый (рис. 1: 6) – из сборов на т.н. «Нижнем Джулате» («Магасе») (Нарожный, 2004, с. 271, рис. 4: 1), также не учтенный в монографии 2015 г. Второй светильник – п/м с другого золотоордынского городища «Лыгыт» в КБР. Подобный и пышно декорированный «светильник бронзовый XIV в.» (ГЭ) – из Сарая Берке» (Греков, Якубовский, 1950, рис. 28). Этот тип светильников на Северном Кавказе доживает до нач. XX в. (Нарожный, 2004, с. 271, рис. 4: 2–5). В том же в музее хранится железный пластинчатый крест (рис. 1: 4), был опубликован еще в 1996 г. (Ложкин, Малахов, 1996, с. 207, рис. 7, 2), не учтен в 2015 г. Второй, почти идентичный крест (рис. 1: 5) – п/м с этого же городища, учтен И.М. Мизиевым⁷. Сводка таких крестов⁸ (Ложкин, Малахов, 1996, с. 202–209) ныне значительно расширилась (Нарожный, 2010б, с. 85–87; Василенко, Пьянков, 2013,

с. 265–274; Савенко, 2017, с. 104–117), в т.ч. и за пределами региона (Сельников, 2010, с. 427–434). Обычно они использовались в литургических действиях, такие находки демонстрируют вероятность существования на городище одной или нескольких пока не раскопанных церквей, обслуживавших духовные запросы горожан-христиан. Не противоречит предположению и учтенная И.М. Мизиевым створка бронзового энколпиона⁹, «аналогичного находке из ст. Махосhevской»¹⁰, которая вместе с энколпионом из г. Карачаевска М.Д. Полубояринова относит к предметам мелкой христианской пластики русского происхождения.

В «коллекции И.М. Мизиева» было несколько фрагментов от сосуда из селадона¹¹ и обломок стенки штампованного светло-глиняного сосуда со слабо рельефным изображением сидящего на задних лапах зверька с длинными ушами (заяц-?)¹². Среди других артефактов этой же «коллекции» было фото латунной ступки (рис. 1: 3), аналогичной как ступке из Маджара¹³ (Минаева, 1968, с. 285, рис. 1: 1),

так и ступкам из музея в Армавире)¹⁴ и беспортной находке с черноморского побережья (Голубев, Нарожный, 2018, с. 61–63). Все ступки аптекарские, не сильно отличающиеся друг от друга, вероятно, занесены сюда итальянцами. Со временем они распространяются не только в факториях на берегах Черного и Азовского морей, но и среди горожан Золотой Орды. Поздние их дериваты из дагестанских Кубачей «доживают» вплоть до XX в. (Нарожный, 2004, с. 209, рис. 2: 3–4).

Оставляя на перспективу публикацию других находок с интересующего нас городища, отметим: данный бытовой памятник Золотой Орды на Северном Кавказе, неправомерно получивший название «Нижнего Джулата», вероятнее всего – исторический Магас. Ныне он сильно разрушается не только под воздействием естественных процессов, но и вследствие активной деятельности черных копателей, поэтому на повестку дня выносятся задача его сохранения и потребность в организации *безотлагательных охранно-спасательных его археологических исследований*.

Примечания:

¹ Это сооружение не совсем верно называют «склепом-мавзолеем» (Васильев, 2003, с. 110–111; Зиливинская, Чеченов, 2004, с. 138–160; Маджар, 2015, с. 111, и др.). Однако «склепы» – это подземные сооружения, а «мавзолеи» – сооружения наземные (Яблонский, 1975, с. 75–84). При указанном совмещении двух совершенно разнотипных погребальных сооружений («склеп-мавзолей»), в качестве «мавзолея» должна восприниматься мечеть? На неправомерность подобного совмещения – «мавзолей-мечеть» (Левашева, 1960, с. 181), также обращалось внимание (Зиливинская, 2014, с. 257).

² Дата на монете – «292 г.х.» – неверна, вместо «692 или 696» г.х., «т.е. 1293 или 1296/7 гг.» (Френ, 1832, с. 5, №25). Г.А.Фёдоров-Давыдов в свой список монетных дворов Золотой Орды «Джулат» не включил (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 188). Э.В. Ртвеладзе, Ц.М. Гваберидзе и В.А. Кузнецов ошибочно уточнение Х.М.Френа о двоякой дате «монеты Джюллада» восприняли как сведения о двух монетах.

³ Ныне есть утверждение о том, что Х.М.Френ якобы лично на Северном Кавказе собирал затем опубликованные им монеты «северокавказских выпусков». Однако нумизмат на Северном Кавказе никогда не был, на что уже обращалось внимание (Нарожная, 2001, с. 188–189), Это же он подтверждал и сам в полном названии своей монографии пояснив: все используемые им монеты «из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К.Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему университет». Хорошая осведомленность Френа о месте предложенной локализации «Джюллада» в Малой Кабарде и пр., Х.М.Френ сведения эти, скорее всего, и мог получить именно от Ю. Клапрота.

⁴ Позднее городище было соотнесено с фольклорным Татартупом (Семенов, 1947) и летописным «Дедаковым» (Пчелина, 1963, с. 152–161; Онъибене, 2017, с. 63–76).

⁵ Ю. Клапрот, И. Бларамберг, а за ним и современные авторы (А.В. Пачкалов, Э.Д. Зиливинская и И.М. Чеченов и др.) исходят из того, что т.н. «Нижний Джулат» – место сражения Тохтамыша и Тимур в 1395 г., описанного Шами и Йезди. Но у них речь идет не о «Верхнем ...», не «Нижнем Джулате», а об «области Джулат», причем не на Верхнем, а где-то на Нижнем Тереке. Название этой «области» Л.И. Лавров производит от арабского слова «зуллат» – «навес», «беседка», «сарай» (Лавров, 1980, с. 212). Войска Тимура, вероятно, действительно участвовали в разорении т.н. «Нижнего Джулата» на Верхнем Тереке. Но в «область Джулат» они попали только после того, как «во второй раз спустились вниз» по Тереку (Нарожный, 2010а, с. 42–43) и не в 1396 г. (Бабенко, 2020, с. 301–303), и тем более не в 1397 г. (Бларамберг, 1992, с. 130–132; Юринов, 2020, с. 191), а в 1395 г., на что уже указывалось (Нарожный, 2020, с. 105–110).

⁶ Постепенно стали появляться и мнения исследователей-нумизматов, ныне считающих, что атрибуция Х.М. Френом «дирхема Джюллада» стало «редчайшей ошибкой знаменитого нумизмата. Определение этого дирхема давно исправлено (Янина, 1954, с. 431, №9). На самом деле это дирхем г. Биляр 692 г.х. (с зеркально вырезанной цифрой сотен в дате) в Булгарском улусе Золотой Орды. В Эрмитажной коллекции имеется 7 таких дирхемов,

в Национальном музее Татарстана–4 экз. (Сингатуллина, 2003, с. 121, №119)» (Лебедев, Ситник, 2012, с. 192). Сомнения по поводу реальности северокавказской чеканки указанной монеты высказывали и другие авторы (Нарожный, Нарожная, 2002, с. 39–45; 2004, с. 322–329; Хатуев, 2011, с. 94). Нередко взаимоисключающие оценки на этот счет демонстрирует А.В. Пачкалов (Пачкалов, 2004, с. 142–144; 2005; 2020). Все это демонстрирует искусственный характер «присвоения» двум городищам Северного Кавказа названий «Верхнего ...» и «Нижнего Джулатов».

⁷ В 1988 г. вместе с к.и.н. И.М. Мизиевым (г.Нальчик) мы получили приглашение в качестве авторов раздела планировавшейся тогда «Истории сельского населения и крестьянства Северного Кавказа с древнейших времен по XV в.» (Мизиев, Нарожный, 1988, с. 17–19). К соответствующей части была подготовлена иллюстрация с индивидуальными находками с территории т.н. «Нижнего Джулата» и его округа. Однако указанное издание так и не состоялось. Позднее И.М. Мизиев планировал эту иллюстрацию включить в одну из своих книг, но так при его жизни план этот не был осуществлен. Полагаю, что в данной ситуации публикация части из тех предметов будет небесполезной и станет поводом почтить память И.М. Мизиева.

⁸ В кавказоведческой литературе их называют культовыми предметами т.н. «византийско-кавказского типа», или византийского типа (Тесленко, Мустн, 2016, с. 204–219). С.Н. Савенко справедливо подчеркивает: «ранее они увязывались только с культовыми объектами (церквями, святилищами, «поминальниками»), являлись случайными или отдельными находками в культурных слоях средневековых городищ» и атрибутировались различно, хотя сегодня известны и случаи обнаружения таких крестов в захоронениях, возможно, священнослужителей (Савенко, 2017, с. 107).

⁹ К сожалению, любительское фото предмета уже в 1988 г. не позволяло воспроизвести его копию.

¹⁰ Недавно опубликована еще одна створка энколпиона, рассматриваемая, возможно, как оборотная створка от упомянутого энколпиона из Махошевской (Иванов, Носкова, 2005, с. 182–185).

¹¹ На Северном Кавказе находки изделий из селадона, возможно, не только «китайского, но и корейского производства» известны в Дербенте (Гаджиев, Лим Джихён. 2012, с. 55–59). Селадон из Китая есть в Маджаре, в Азаке и в других городах Золотой Орды (Бочаров, 2021, с. 212–217).

¹² Еще один фрагмент такого же сосуда нам известен среди неопубликованного п/м А.П. Рунича с территории Маджара.

¹³ Т.М. Минаева приводила аналогии сосудику из «Киевской губернии», А.М.Тальгренено ошибочно отнесшего их к «бронзовому веку», затем утверждавшему «об еще семи таких же сосудах из Киевской и Екатеринославской губерний», но уже «эгейской культуры». По мнению К.Такенберга, указавшего на такие же предметы из Болгарии и Сицилии, которые он, со ссылкой на «мнение проф. Орси из Сиракуз», атрибутировал как «аптекарьские ступки XIV–XVI вв.». Разделяя эту версию Т.М. Минаева, всю коллекцию ступок, включая и находку из Маджара, отнесла к «западноевропейским по происхождению» (Минаева, 1968, с. 284–285).

¹⁴ Ступка беспаспортная (АКМ, инв. №86010). По всей вероятности, попала в Армавирский музей после окончания Великой Отечественной войны, когда в этот, восстанавливаемый после войны музей были переданы различные предметы из причерноморских (?) музеев (Нарожный, 2004, с. 264).

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко В.А. Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395-1396 гг. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию «Крупновских чтений» и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (г. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Изд-во: Мавраевъ, 2020. С. 301–303.

Бларамберг И. Кавказская рукопись. Введ. и коммент. И.М. Нахаровой; пер. с франц. яз. И.М. Нахаровой и А.И. Петрова. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1992. 240 с.

Бочаров С.Г. Китайская керамика XIV в. в материальном комплексе второй столицы Золотой Орды (Царевское городище) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Материалы XI международной научной конференции / Отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан: Изд-во: ИИМК РАН (С-Петербург), 2021. С. 212–217.

Василиненко Д.Э., Пьянков А.В. Середньовічні залізни пластинчасті хрести з фондів музеїв Північно-Західного Кавказу і Північно-Східного Причорномор'я // Софійські читання: матеріали VI міжнар. наук.- практ. конф. «Християнські святині - скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання». (26-27 травня 2011 р.) / Отв. ред. Л.Г. Ганзенко. Київ: АДЕФ-Україна, 2013. С. 265–274.

Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского госуниверситета. Астрахань. Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2003. С. 110–119.

Гаджиев М.С., Лим Джихён. Находки селадона в Дербенте и проблема его производства и путей поступления на Кавказ и в Восточную Европу // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 45. С. 55–59.

Голубев Л.Э., Нарожный Е.И. Новая находка бронзовой ступки // Древности Кубани. Вып. 23 / Ред. В.В. Верещагин. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2018. С. 61–63.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.

Сльников М.В. Речі християнського культу з пам'яток степового Подніпров'я часів Золотої Орди // Софійські читання: матеріали V міжнар. наук.-практ. конф. «Духовний потенціал та історичний контекст християнського мистецтва»: присвячено 75-річчю Нац. заповідника «Софія Київська» / Отв. ред. М. Г. Жулинський. Київ: Нац. заповідник «Софія Київська». Горобець, 2010. С. 427–434.

Зиливинская Э.Д. Мавзолеи западных районов Золотой Орды // Крымское историческое обозрение КИО. 2014. № 1. С. 256–281.

Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа / Ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Корневский. М.: ИА РАН, 2004. С. 138–160.

Иванов Д.А., Носкова Л.М. Древнерусский энколпион из Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. Вып. 4 / Отв. ред. Л.М. Носкова. М.: Государственный музей Востока (ГМИНВ), 2005. С. 182–185.

Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ: Кавказская здравница, 2003. 191 с.

Кузнецов В.А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН. 2014. 160 с.

Лавров Л.И. Топонимические заметки // Кавказский этнографический сборник. Т. VII / Отв. ред. В.К. Гарданов. М.: Наука, 1980. С. 209–216.

Лебедев В.П., Ситник В.Г. Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // МИА Северного Кавказа. Вып. 13 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир-Краснодар. 2012. С. 192–210.

Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Археологический сборник / Тр. ГИМ. Вып. 37. М.: Советская Россия, 1960. С. 175–185.

Ложкин М.Н., Малахов С.Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея // Историко-археологический альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир: ИА РАН-АУМ, 1996. С. 202–209.

Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 184.

Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. Из истории русско-северокавказских военных контактов в XIII–XIV вв. // Итоги и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом: Тезисы докладов / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ. 1990. С. 9–11.

Мизиев И.М., Нарожный Е.И. Сельское население Северного Кавказа в XIII–XV вв. // История сельского населения и крестьянства Северного Кавказа с древнейших времен по XV в.: Проспект / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ. 1988. С. 17–19.

Минаева Т.М. Новые находки на городище Маджар // СА. 1968. № 1. С. 284–285.

Нарожная Ф.Б. К вопросу о происхождении золотоордынских монет с северокавказскими штемпелями из публикации Х.М. Френа // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 1 / Отв. ред. В.А. Шаповалов. М.-Ставрополь: СГУ, 2001. С. 188–189.

Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам мусульманских захоронений Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа / Под ред. Т.Б. Тургиева. Орджоникидзе: СОГУ. 1988. С. 159–172.

Нарожный Е.И. Новые случайные находки эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа // МИА Северного. Вып. 4 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПИ, 2004а. С. 263–272.

Нарожный Е.И. О находках поливной керамики на Верхнем и Нижнем Джулатах (Северная Осетия и Кабардино-Балкария) // МИА Северного Кавказа. Вып. 3 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПИ, 2004. С. 264–274.

Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XIV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс.... докт.ист.наук. Владикавказ: СОГУ, 2010а. 58 с.

Нарожный Е.И. Новые находки металлических крестов из высокогорной Ингушетии // Археологический журнал. № III-IV. 2010б. С. 85–87.

Нарожный Е.И. Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а возможно и никогда окончательно не решенной» // Электронный научный журнал «Apriori». Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 1–24. /WWW.APRIORI-JOURNAL.RU.

Нарожный Е.И. О находках поливной керамики XIII–XIV вв. на территории Северного Кавказа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдилов. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 513–538.

Нарожный Е.И. Тамерлан и Северный Кавказ (Несколько аспектов проблемы и ее решений) // СГВ. Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 27 / Отв. ред. Н.П. Курусканова. Краснодар: ЦНТИ, 2020. С. 105–110.

Нарожный Е.И. О «новом предложении» локализации столицы средневековой Алании – «потерянного» города Магаса (Версия Latham-Sprinkle, University of Ghent в Бельгии // Социально-гуманитарный вестник СГВ. Вып. 28 / Отв. ред. Н.П. Курусканова. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2021б. С. 144–147.

Нарожный Е.И. Где же находился город Магас? // Магас: древний и современный. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во: Южный издательский дом, 2021в. С. 39–50.

Нарожный Е.И. События 1230–1240-х годов на Северном Кавказе и о «потерянном» Магасе // Золотоордынское наследие. Вып. 4. / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2021а. С. 141–153.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Из истории начального этапа нумизматических исследований Маджара (некоторые дискуссионные аспекты) // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Яз; Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 94–103.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации некоторых «городов» XIII–XIV вв. на Северном Кавказе // История и естествознание. Вып. 1. Армавир: АГПИ, 2002. С. 39–45.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О монетных дворах Северного Кавказа XIII–XIV вв. // МИА Северного Кавказа. Вып. 4 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПА, 2004. С. 322–329.

Оньибене П. Древние города аланов // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 63–76.

Пачкалов А.В. Нумизматика Джулата // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2004. С. 142–144.

Пачкалов А.В. «Мифические» и недостоверные монетные дворы Джучидов // Нумизматический сборник. Т. XXVII / Тр. ГИМ. Вып. 151 / Отв. ред. В.В. Зайцев. М.: ГИМ, 2005. С. 134–143.

Пачкалов А.В. Материалы по истории денежного обращения Золотой Орды. М.: КНОРУС, 2020. 226 с.

Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии / МИА. № 114 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 152–161.

Савенко С.Н. Погребение XIII–XIV вв. с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 10 / Отв. ред. Т.А. Невская. Ставрополь: Печатный двор. 2017. С. 104–117.

Семенов Л.П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947. 4 с.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Ситник В., Лебедев В. Неизданные и редкие пулы Золотой Орды с городища Нижний Джулат (Северный Кавказ) // Tyragetia, Arheologie. Istorie. Antică. Seria noua. Vol. VII [XXII]. Nr. 2. Chişinău: Muzeul National de Istorie a Moldovei, 2013. С. 381–388.

Тесленко И.Б., Мустин А.Е. Железные кресты средневековых памятников: «византийско-кавказские» или византийские? // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого / Отв. ред.: А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН; 2016. С. 204–219.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 г. // Вопросы археологии и истории Чувашии. Вып. 19 / Ред. М.Я. Сироткин, В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960а. С. 82–95.

Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 229–236.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с.

Хатуев Р.Т. Алания мусульманская. Очерк конфессиональной истории Центрального Кавказа VII–XV вв. Черкесск: Аланский Эрмитаж, 2011. 206 с.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. 152 с.

Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967. С. 192–227.

Чеченов И.М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник КБНИИ. Вып. I. Нальчик, 1968. С. 128–150.

Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: ИА РАН, 1999. С. 201–211.

Чикобава Арн. О текстовых записях И. Гюльденштедта от 1771–73 годов по ряду бесписьменных языков Кавказа // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. IX. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 224–284.

Юринов Б.Н. Этнографическое изучение объектов историко-культурного наследия на примере памятников археологии Кабардино-Балкарской Республики // Russian Colonial Studies. 2020. Т. 5. № 1. С. 81–205. DOI: 10.24411/2686-9217-2020-10009.

Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник Московского университета. Серия 9: История. М.: МГУ, 1975. № 2. С. 75–84.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 424–484.

Информация об авторе:

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева. Заслуженный работник культуры Кубани, член Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории (г. Карачаевск, Россия); zai_ein@mail.ru

REFERENCES

Babenko, V. A. 2020. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia. XXXI "Krupnovskie chteniia" (Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Issues of Study and Preservation. (XXXI Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus).* Mahachkala, 301–303 (in Russian).

Blaramberg, I. 1992. *Kavkazskaya rukopis' (Caucasian manuscript).* Stavropol: "Stavropol. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G. 2021. In Polyakov, A. V., Kashuba, M. T., Tsibiktarov, A. D. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy XI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China: Transactions of the 11th International Conference).* Abakan: Institute for the History of Material Culture RAS, 212–217 (in Russian).

Vasilinenko, D. E., P'yankov, A. V. 2013. In Ganzenko, L. G. (ed.). *Sofiys'ki chitannya: materialy VI mizhnar. nauk.-prakt. konf. «Khristiyans'ki svyatini – skrizhali Vichnosti, Mudrosti y Krasi: novi grani piznannya». (26-27 travnya 2011 r.) (Sofia readings: materials of the VI International. scientific-practical conf. "Christian shrines - tablets of Eternity, Wisdom and Beauty: new facets of knowledge." (May 26-27, 2011)).* Kiïv: "ADEF-Ukraïna", 265–274 (in Ukrainian).

Vasil'ev, D. V. 2003. In *Uchenye zapiski Astrakhanskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Astrakhan State University).* Astrakhan: Astrakhan State University, 110–119 (in Russian).

Gadzhiev, M. S., Lim, Dzhikhen. 2012. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Herald of the Daghestan Scientific Center)* 45, 55–59 (in Russian).

Golubev, L. E., Narozhnyi, E. I. 2018. In Vereshchagin, V. V. (ed.). *Drevnosti Kubani (Antiquities of the Kuban)* 23. Rostov-na-Donu: "Southern Federal University" Publ., 61–63 (in Russian).

Grekov, B. D., Yakubovskiy, A. Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie (The Golden Horde and its Fall).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

El'nikov, M. V. 2010. In Zhulins'kiy, M. G. (ed.). *Sofiys'ki chitannya: materialy V mizhnar. nauk.-prakt. konf. «Du-khovnyi potentsial ta istorichnyi kontekst khristiyans'kogo mi-stetstva»: prisvyacheno 75-richchyu Nats. zapovidnika «Sofiya Kiïvs'ka» (Sofia Readings: Proceedings of the 5th International. Scientific and Practical Conference "Spiritual Potential and Historical Context of Christian art": Dedicated to the 75th Anniversary of the National Sophia of Kyiv Reserve).* Kiïv: "Nats. zapovidnik "Sofiya Kiïvs'ka" Publ., 427–434 (in Ukrainian).

- Zilivinskaya, E. D. 2014. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* 1. 256–281 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D., Chechenov, I. M. 2004. In Munchaev, R. M., Korenevskiy, S. N. (eds.). *Problemy drevney istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza (Issues of the Ancient History and Culture of the North Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 138–160 (in Russian).
- Ivanov, D. A., Noskova, L. M. Noskova, L. M. 2005. In Noskova, L. M. (ed.). *Material'naya kul'tura Vostoka (Material culture of East)* 4. Moscow: The State Museum of Oriental Art, 182–185 (in Russian).
- Kuznetsov, V. A. 2003. *El'khotovskie vorota v X–XV vekakh (Elkhoto gates in 10th – 15th centuries)*. Vladikavkaz: "Kavkazskaya zdavnitsa" Publ. (in Russian).
- Kuznetsov, V. A. 2014. *Verkhniy Dzhulat. K istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Upper Dzhulat. From the history of the cities of the Golden Horde in the North Caucasus)*. Nal'chik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Lavrov, L. I. 1980. In Gardanov, V. K. (ed.). *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik (Caucasian Ethnographic Collection)* VII. Moscow: "Nauka" Publ., 209–216 (in Russian).
- Lebedev, V. P., Sitnik, V. G. 2012. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 13. Armavir-Krasnodar. 192–210 (in Russian).
- Levashova, V. P. 1960. In Levashova, V. P. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 37. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 175–185 (in Russian).
- Lozhkin, M. N., Malakhov, S. N. 1996. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 2. Armavir; Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 202–209 (in Russian).
- In Bgazhnokov, B. Kh. (ed.). 2015. *Madzhar i Nizhniy Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Madzhar and Lower Dzhulat from the History of the Golden Horde Towns of the North Caucasus)*. Nal'chik: Publications department of KBIHR (in Russian).
- Mamaev, Kh. M., Narozhnyi, E. I. 1990. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Itogi i traditsii russko-severokavkazskogo boevogo sodruzhestva v dorevolyutsionnom proshlom: Tezisy dokladov (Results and Traditions of the Russian North Caucasus Military Commonwealth in the Pre-Revolutionary Past: Report Abstracts)*. Groznyy: Chechen-Ingush State University Publ., 9–11 (in Russian).
- Miziev, I. M., Narozhnyi, E. I. 1988. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Istoriya sel'skogo naseleniya i krest'yanstva Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen po XV v.: Prospekt (History of the Rural Population and Peasantry of the North Caucasus from Ancient Times to the 15th Century: Prospect)*. Groznyy: Chechen-Ingush State University Publ., 17–19 (in Russian).
- Minaeva, T. M. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 284–285 (in Russian).
- Narozhnaya, F. B. 2001. In Shapovalov, V. A. (ed.). *Severnnyy Kavkaz: geopolitika, istoriya, kul'tura. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (North Caucasus: Geopolitics, History, Culture. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference)* 1. Moscow: -Stavropol': Stavropol State University Publ., 188–189 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 1988. In Turgiev, T. B. (ed.). *Pogrebal'nyy obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza (Funeral Rite of the Ancient and Medieval Population of the North Caucasus)*. Ordzhonikidze: North Ossetian State University Publ., 159–172 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2004. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 4. Armavir: 263–272 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2004. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 3. Armavir. 264–274 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2010. *Severnnyy Kavkaz v XIII–XIV vekakh: problemy politicheskoy istorii i etnokul'turnogo vzaimovozdeystviya (North Caucasus in the 13th-14th centuries: Issues of Political History and Ethnocultural Interaction)*. Doct. Diss. Thesis. Vladikavkaz: North Ossetian State University Publ. (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2010. In *Arkheologicheskii zurnal (Archaeological Journal)* III-IV, 85–87 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2016. In *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Apriori". Seriya: Gumanitarnye nauki (Electronic scientific journal "Apriori". Series: Humanities)* 4. 1–24 (in Russian). /WWW.APRIORI-JOURNAL.RU.
- Narozhnyi, E. I. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Circum Pontic area in 10th–18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 531–538 (in Russian).

- Narozhnyi, E. I. 2020. In Kuruskanova, N. P. (ed.). *Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik (Social and Humanitarian Bulletin)* 28. Krasnodar: "CNTI" Publ., 105–110 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2021. In Kuruskanova, N. P. (ed.). *Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik (Social and Humanitarian Bulletin)* 28. Barnaul: "Kolmogorov I.A." Publ. 144–147 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2021. In *Magas: drevniy i sovremennyy (Magas: Ancient and Modern)*. Rostov-na-Donu: "Yuzhnyy izdatel'skiy dom" Publ., 39–50 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I. 2021. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Heritage of the Golden Horde)* 4. Kazan: "Fan" Publ., 141–153 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I., Narozhnaya, F. B. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 2. Kazan: "Yaz" Publ.; Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 94–103 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I., Narozhnaya, F. B. 2002. In *Istoriya i estestvoznaniye (History and Natural Science)* 1. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute Publ. 39–45 (in Russian).
- Narozhnyi, E. I., Narozhnaya, F. B. 2004. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkhologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 4. Armavir. 322–329 (in Russian).
- On'ibene, P. 2017. In *Izvestiya SOIGSI (Izvestia SOIGSI)* 25 (64), 63–76 (in Russian).
- Pachkalov, A. V. 2004. In Yablonskiy, L. T. (ed.). *XXIII «Krupnovskie chteniya» po arkhologii Severnogo Kavkaza» (23th Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 142–144 (in Russian).
- Pachkalov, A. V. 2005. In Zaitsev, V. V. (ed.). *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 27. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 151. Moscow: State Historical Museum Publ., 134–143 (in Russian).
- Pachkalov, A. V. 2020. *Materialy po istorii denezhnogo obrashcheniya Zolotoy Ordy (Materials on the History of the Monetary Circulation of the Golden Horde)*. Moscow: "KNORUS" Publ.
- Pchelina, E. G. 1963. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 114. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 152–161 (in Russian).
- Savenko, S. N. 2017. In Nevskaya, T. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the History of the North Caucasian Peoples Culture)* 10. Stavropol': "Pechatnyy dvor" Publ., 104–117 (in Russian).
- Semenov, L. P. 1947. *Tatartupskiy minaret (Tatartu minaret)*. Dzaudzhikau (in Russian).
- Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Sitnik, V., Lebedev, V. 2013. In *Tyragetia, Arheologie. Istorie. Antică. Seriă nouă*. Vol. VII [XXII]. Nr. 2. Chişinău: Muzeul National de Istorie a Moldovei, 381–388 (in Russian).
- Teslenko, I. B., Mustin, A. E. 2016. In Gey, A. N., Sorokina, I. A. (eds.). *Arkhologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya (Archeological Science: Practice, Theory, History)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 204–219 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Sirotkin, M. Ya, Dimitriev, V. D. (eds.). *Voprosy arkhologii i istorii Chuvashii (Issues of Archeology and History of Chuvashia)* 19. Cheboksary: "Chuvashgosizdat" Publ., 82–95 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 229–236 (in Russian).
- Fraehn, Ch. M. J. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami inykh mukhammedanskikh dinastii (The Coins of the Khans of Ulus Jochi or Golden Horde, and the Coins of other Muslim Dynasties)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Khatuev, R. T. 2011. *Alaniya musul'manskaya. Ocherk konfessional'noy istorii Tsentral'nogo Kavkaza VII–XV vv. (Albania is Muslim. An essay on the confessional history of the Central Caucasus of the VII–XV centuries.)* Cherkessk: "Alanskiy Ermitazh" Publ. (in Russian).
- Chechenov, I. M. 1962. *Drevnosti Kabardino-Balkarii (Antiquities of Kabardino-Balkaria)*. Nal'chik: "El'brus" Publ. (in Russian).

Chechenov, I. M. 1967. In *Uchenye zapiski KBNII (Scientific Bulletin of the Institute for Humanitarian Studies)* XXV. Nal'chik, 192–227 (in Russian).

Chechenov, I. M. 1968 In *Vestnik KBNII (Bulletin of Kabardino-Balkarian Scientific and Research Institute)* 1. Nal'chik, 128–150 (in Russian).

Chechenov, I. M., Zilivinskaya, E. D. 1999. In Markovin, V. I. (ed.). *Drevnosti Severnogo Kavkaza (Antiquities of the North Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 201–211 (in Russian).

Chikobava, Arn. 1982. In *Ezhegodnik iberiysko-kavkazskogo yazykoznaniiya (Yearbook of Iberian-Caucasian Linguistics)* 9. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 224–284 (in Russian).

Yurinov, B. N. 2020. In *Russian Colonial Studies* 5 (1), 81–205 (in Russian).

Yablonskiy, L. T. 1975. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Istoriya (Bulletin of Moscow University Series 8. History)*. Moscow: Moscow State University Publ., 75–84 (in Russian).

Yanina, S. A. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 424–484 (in Russian).

About the Author:

Narozhny Evgenii I. Doctor of Historical Sciences, Professor. Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev. Lenin Str., 29, Karachaevsk, 369202, Russian Federation; zai_ein@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

Северное Причерноморье и Крым

УДК 902.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.147.154>**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА АЗАКА НАЧАЛА XIV ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МАСТЕРСКОЙ ПО ПЕР. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ 53, В Г. АЗОВЕ В 2015 ГОДУ)**

© 2022 г. Н.И. Юдин, С.А. Кравченко

В статье представлены результаты исследования гончарной мастерской, обнаруженной при раскопках в г. Азове по переулку Социалистическому 53 в 2015 г. Мастерская располагалась в центральном районе средневекового Азака и представляла собой гончарный комплекс, состоящий из горна двухъярусной конструкции и предгорновой ямы, соединённых между собой топочным каналом. Почти весь керамический материал из заполнения обжигательной камеры принадлежал сосудам местного производства, являвшихся продукцией данной мастерской. Она представлена одноручными лощеными кувшинами малого и среднего размера с характерными следами брака (перекал, трещины, деформации). Данная мастерская имела узкую специализацию и небольшие объёмы производства. Судя по стратиграфии и нумизматическим данным, она окончила функционировать в начале второго десятилетия XIV века.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, гончарная мастерская, гончарный горн, предгорновая яма, керамика, керамический брак, кувшин.

ON CHARACTERISTICS OF AZAK'S POTTERY CRAFT OF THE BEGINNING OF THE 14TH CENTURY AD (BASED ON MATERIALS FROM EXCAVATIONS IN AZOV ON SOTSIALISTICHESKY LANE, 53, IN 2015)

N.I. Iudin, S.A. Kravchenko

The paper presents the results of a pottery workshop studies. The workshop was discovered during excavations in the city of Azov on Sotsialisticheskyy lane, 53 in 2015. It was located in the central area of medieval Azak and was a pottery production complex, consisting of a two-tier kiln and a kiln pit interconnected with a furnace channel. Almost all ceramic material from the filling of the firing chamber were locally produced vessels - products of this workshop. It is represented by one-handle glazed jugs of small and medium size with typical traces of defects (overfiring, cracks, deformations). This workshop had a narrow specialization and small production volume. Judging by stratigraphy and numismatic data, it ceased to function in the beginning of the first decade of the 14th century.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, pottery workshop, kiln, kiln pit, ceramics, defective ceramics, jug.

В начале 2015 года археологи Азовского музея-заповедника под руководством Юдина Н.И. производили работы на раскопе II по пер. Социалистический, 53. Общая исследованная площадь раскопа II составила 192 кв. м. Территория, на которой были проведены раскопки (рядом с пересечением переулка Социалистический и улицы Ленина), в эпоху Средневековья располагалась в центре золотоордынского Азака. Главной находкой сезона на данном участке стал гончарный горн. Это третья мастерская по производству керамики, исследованная в пределах центральной части средневекового города, и входившая в отдельный гончарный район наряду с найденными комплексами на участках по ул. Измай-

лова, 38/82 в 2000 году (Гудименко и др., 2001, с. 197–222), и пер. Социалистический, 61А в 2006 году (Масловский, 2008, с. 146; Кравченко, 2016, с. 284).

Краткая характеристика и описание конструкции горна по ул. Социалистической 53 были опубликованы ранее автором раскопок Юдиным Н.И. (Юдин, 2018, с. 184; Юдин, 2019, с. 221–224). В настоящей работе гончарная мастерская рассматривается вместе с детальным анализом керамического материала.

Стратиграфия участка в месте обнаружения горна показывает, что последний был перекрыт слоем мостовой одной из городских улиц. Анализ монетного материала показал,

1

2

3

4

Рис. 1. Гончарный горн и предгорновая яма из раскопок 2015 года по пер. Социалистический 53: 1 – общий вид комплекса, 2 – перегородка между камерами горна, 3 – разрез топочной и обжигательной камер, 4 – фрагменты обрушившегося топочного канала.

Fig. 1. Pottery kiln and kiln pit excavated in 2015 on Sotsialisticheskyy lane, 53: 1 – general view of the complex, 2 – partition between kiln's sections, 3 – sectional view of fueling and firing chambers, 4 – fragments of a destroyed fueling channel.

что единственная монета из предгорновой ямы, служащая основанием для датировки всего комплекса – анонимный пул, чеканенный во время правления хана Токты. Монеты, собранные на мостовой, представлены

пулами ханов Узбека, Джанибека, Абдаллаха, Тохтамыша. Самая старшая из них – анонимный пул времени Узбека, выпущенный в Сарае в 737 г.х. (1336/37 г. н.э.). Самая младшая – анонимный пул времени Тохтамыша,

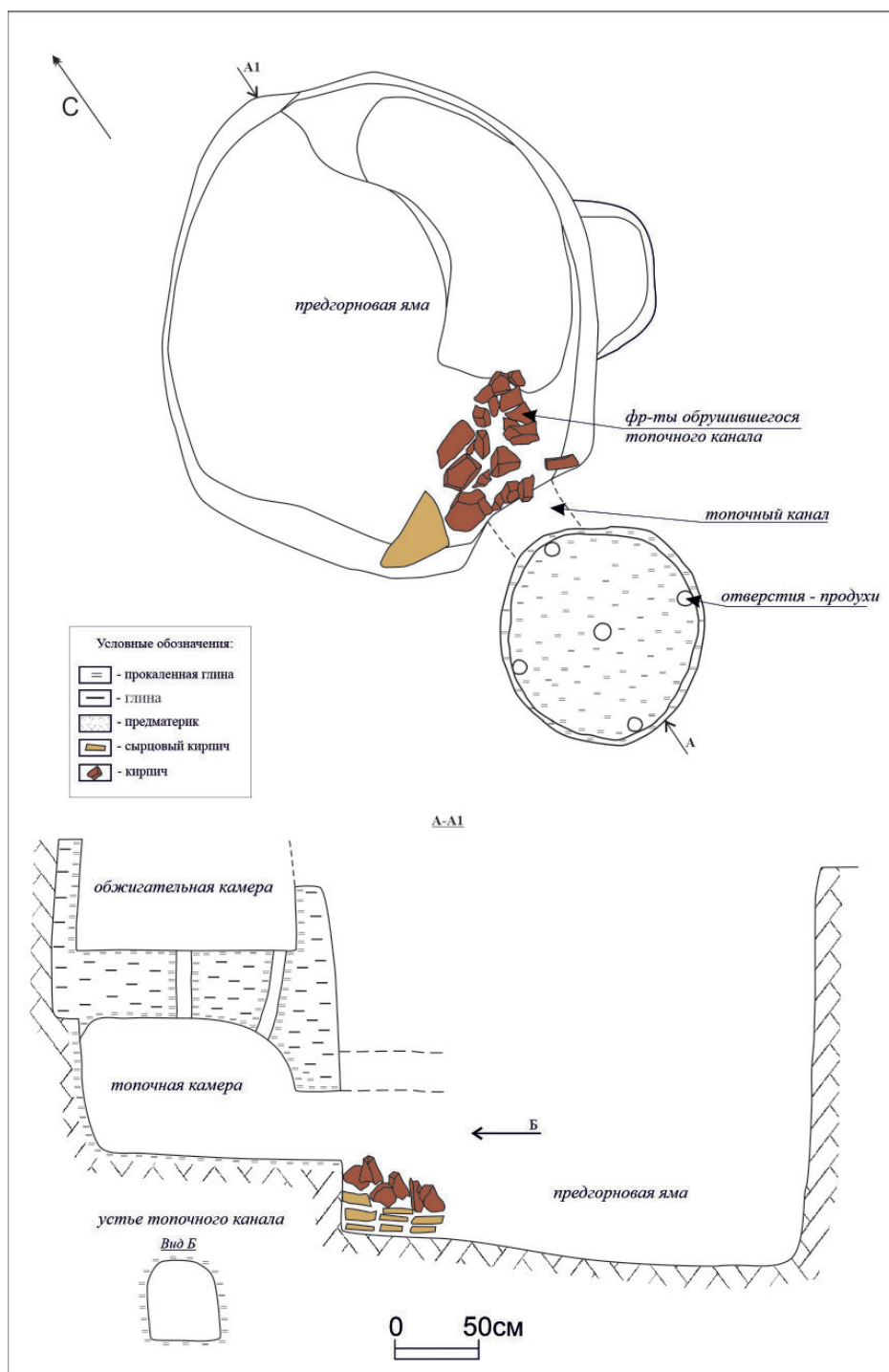

Рис. 2. Гончарный горн из раскопок 2015 года по пер. Социалистический 53.

Fig. 2. Pottery kiln, excavated in 2015 on Sotsialistichesky lane, 53.

чеканенный в Азаке в 796 г.х. (1393/94 г.). Получается, что мастерская прекратила свою работу в начале второго десятилетия XIV века и некоторое время была заброшена.

Данный комплекс имел продолговатую форму, вытянутую по оси север-юг (рис. 2). Исследованное сооружение представляло собой двухкамерный горн, с перегородкой между топочной и обжигательной камерами, с предгорновой ямой, которые были впущены в

материковый суглинок на глубину 3,0 м. (рис. 1: 1; рис. 2).

Гончарный горн. Топочная камера округлая в плане, с ровным дном (рис. 1: 3). Высота камеры – 0,9 м, диаметр дна – 1,2 м. Стенки вертикальные, прокалены на 0,05–0,1 м. (рис. 2). Устье топки, называемой также устройством для размещения и сжигания топлива (Бобринский, 1991, с. 115), размерами приблизительно 0,4×0,6 м. (рис. 2: Вид Б). Топочный

канал (?) практически не сохранился (рис. 1: 4), тем не менее, остатки его конструкции позволяют реконструировать сечение, имевшее форму арки (?). Обжигательная камера, также округлая в плане, сохранилась не полностью (рис. 1: 2; рис. 2). Удалось проследить ее стенки на высоту 0,65 м от пода. Они были прокалены неравномерно, с максимально мощным (до 0,07–0,12 м.) слоем прокала, зафиксированном на уровне середины высоты обжигательной камеры (рис. 1: 3). Топочная и обжигательная камеры разделены перегородкой с пятью округлыми цилиндрическими отверстиями-продухами, диаметром 0,08–0,1 м. (рис. 1: 2; рис. 2). Четыре из них расположены симметрично и помещены у стенок обжигательной камеры. Пятое отверстие находится по центру перегородки, имеющей толщину 0,4 м, и прокаленной со стороны топочной камеры на 0,1 м, со стороны обжигательной – на 0,05–0,07 м.

Всего в заполнении обжигательной камеры было обнаружено 457 фрагментов керамики, и около десятка других находок (железо, камень, обломки глиняной конструкции горна). Сосуды залегали плотным слоем, мощностью около 0,2 м., в нижней части обжигательной камеры.

6% от общего количества керамических находок принадлежало импортам, случайно попавшим в заполнение. Среди них: 4 фрагмента поливных сосудов (производства Юго-Восточного Крыма, провинции Византии, неизвестного центра и Азака), 1 стенка трапезундской амфоры, единичные фрагменты неполивных сосудов нижеволжского производства и ЮВ Крыма, Маджара (3 ед.), а также сосудов, произведенных в округе Азака (8 ед.), довольно трудно отличимых от местной керамики лишь по характерным редким примесям в формовочной массе.

94% керамических находок принадлежало сосудам местного производства – продукции, которая непосредственно изготавливалась в данной мастерской. Большинство фрагментов относилось к развалам сосудов из единовременной закладки, составлявших основу её ассортимента: лощеным одноручным кувшинам среднего и малого размеров.

Кувшины изготовлены на этапе РФК 3–4, с внутренней стороны часто прослеживаются плохо заглаженные стыковочные швы при переходе от горла к плечу (рис. 3: 1 а, б). Стенки тулова имеют в изломе косое течение формовочной массы. Донца изготовлены отдельно, со следами зольной подсыпки, при

стыковке с туловом имеют грубо заглаженные складки. На некоторых экземплярах замечены отпечатки оси гончарного круга (рис. 3: 4) и ткани. На нескольких сосудах изнутри зафиксированы двурядные следы мерного инструмента, встречающиеся на горле (рис. 3: 1 а, б), тулове (рис. 3: 3) и в придонной части. На отдельных фрагментах встречены ярко выраженные углубления от пальцев.

Обжиг сосудов из гончарного горна имеет отличия от классического трехслойного обжига с четкими границами, характерного для керамики первой группы. Из-за перекала, большинство стенок в изломе имеют сквозной обжиг, цвет которого может варьироваться от ярко-оранжевого до фиолетового и порой до серо-коричневого оттенка. Часто заметно плавное перетекание или резкий переход от трехслойного к сквозному, особенно в местах трещин, образовавшихся при обжиге. У сосудов с классическим трёхслойным черепком цвет поверхности тоже носит признаки перекала, и имеет разные оттенки от красноватого, до затемнённого серо-коричневого.

Среди сосудов из заполнения обжигательной камеры были зафиксированы фрагменты со следами керамического брака: это температурные деформации (рис. 3: 5), трещины (рис. 3: 6), описанный выше неравномерный цвет черепка и характерная шероховатость поверхности. Также на нескольких сосудах отмечены разрывы теста на горле с внутренней стороны (рис. 3: 2).

Не смотря на обилие специфических признаков, присущих бракованной керамике, формовочная масса сохранила классические особенности: рыхлые частицы бурого железняка, и, часто выступающие на поверхности, бугорки глиняного концентрата.

Помимо кувшинов, составивших основу заполнения горна, обнаружены единичные фрагменты случайно попавших или не являвшихся продукцией мастерской сосудов местного производства: фрагмент небольшой амфоры, ручка корчаги и два фрагмента сосудов 2 группы, один из которых – поливной.

Предгорновая яма (Яма 1) имела округлую в плане форму, располагалась к северу от горна (рис. 1: 1; рис. 2). Ее максимальная глубина составила 2,02 м. Заполнение ямы представляло собой гумусированный суглинок с фрагментами костей, керамики и обожженного кирпича, с прослойками материковой глины, обвалившейся со стенок. Еще ниже, на уровне топочного канала, зафиксированы прослойки золы и углей мощностью

Рис. 3. Керамическая продукция из заполнения обжигательной камеры гончарного горна: 1 – внутренняя сторона кувшина с незаглаженным стыковочным швом (а), со следами мерного инструмента на горле (б); 2 – внутренняя сторона кувшина с разрывами теста на горле; 3 – внутренняя сторона кувшина со следами мерного инструмента на тулове; 4 – дно сосуда с отпечатком оси гончарного круга; 5 – стенка кувшина с температурной деформацией; 6 – стенка сосуда с трещиной; 7 – верхняя часть кувшина среднего размера со сливом (1 тип); 8 – верхняя часть кувшина среднего размера без слива (2 тип); 9 – верхняя часть малого кувшина со сливом (1 тип); 10 – верхняя часть малого кувшина без слива (тип 2).

Fig. 3. Ceramic products from the filling of the firing chamber of the kiln: 1 – inside view of a jug with unsmoothed joint (a), with traces of a measuring tool on the neck (b); 2 – inside view of a jug with cracks of molding mass on the neck; 3 – inside view of a jug with traces of a measuring tool on the body; 4 – bottom of a vessel with an imprint of the potter's wheel axis; 5 – wall of a jug with temperature deformation; 6 – wall of a jug with a crack; 7 – top of a medium-sized jug with a spout (type 1); 8 – top of a medium-sized jug without a spout (type 2); 9 – top of a small jug with a spout (type 1); 10 – top of a small jug without a spout (type 2).

0,02–0,06 м. Это были остатки от сгоревшего топлива, использовавшегося для разжигания пламени и последующего поддержания температуры для обжига.

Всего в яме было обнаружено 1212 фрагментов керамики и более 80 единиц других находок (железо, кость, мел, камень, обломки кирпичей, тандыров, глиняные фрагменты горновой конструкции).

Керамический материал из Ямы 1 распределялся почти поровну: 51,4% сосудов местного производства, 48,5% – импорты. Такое соотношение говорит о том, что после окончания функционирования мастерской, предгорновую яму использовали как мусорную. Среди неполивных импортов наибольшее количество фрагментов принадлежало керамике Маджара (26,7% от общего числа импортов), трапезундским амфорам (25,8%), керамике округа Азака (18,7%), Нижней Волги (7,5%), неполивной керамике ЮВ Крыма, штампованным сероглиняным сосудам Хорезма (1%), единичным фрагментам красноглиняных сосудов ЮЗ Крыма, Северного Кавказа, пифоидных сосудов Крита и других центров производства. Импортная поливная керамика довольно разнообразна. Наибольший процент составила полива Юго-Восточного Крыма (9,5%), а также кашинная керамика Нижней Волги (4,2%). В составе находок присутствуют фрагменты красноглиняных поливных сосудов Византии (1%), и единичные стенки неизвестных производственных центров.

Для нас наибольшее значение имеет анализ местного керамического материала из данного комплекса. Сосуды второй группы, в том числе поливы, составили около 7% от общего количества местной керамики. Остальные фрагменты принадлежали к первой группе. По предварительным данным, более половины из них относились к мастерской: это лощеные сосуды с характерными следами перекала. Часть фрагментов подклеивалась к развалам из заполнения горна. Также следует отметить, что из 50 ед. определяемых профилей 38 ед. принадлежали одноручным кувшинам среднего и малого размеров. Остальные сосуды имели бытовое значение и относились к засыпи ямы после прекращения работы мастерской.

На данный момент на реставрацию отобрано 28 кувшинов из заполнения обжигательной камеры и один – из заполнения предгорновой ямы. Среди них: 25 кувшинов среднего размера и 4 малых кувшинчика. Высоту сосудов определить пока затруднительно (это станет

возможным после их реставрации), но примерные пропорции можно представить по размерам профильных частей и толщине стенок:

– диаметры венчиков *средних кувшинов* от 10,5 до 11,5 см., донец – от 12 до 13,5 см., ширина ручек от 3,2 до 4,2 см., толщина – от 1,5 до 2,0 см. Толщина стенок = 0,6–0,9 см; в придонной части = 0,7–1,1 см.

– диаметры венчиков *малых кувшинов* составляют около 10 см, донец – 11,5 см., ширина ручек от 2,5 до 3 см, толщина – до 1,5 см. Толщина стенок = 0,5–0,8 см., в придонной части = 0,7–0,9 см.

У кувшинов среднего размера можно выделить два типа: 1. Со сливом высокими плечами, тулово удлинённой яйцевидной формы, верхний прилеп ручки крепится на венчике (рис. 3: 7). 2. Без слива с высокими плечами, тулово удлинённой яйцевидной формы, верхний прилеп ручки крепится на венчике (рис. 3: 8).

У всех типов сосудов имеются орнаментальные пояса, которые располагаются в нижней части горла и месте максимального диаметра. Они представлены: линейным двурядным (рис. 3: 6), линейным многорядным (рис. 3: 8), волнообразным и фестончатым орнаментом в обрамлении прямых линий (рис. 3: 7), один сосуд – с налепным валиком.

Малые кувшины представлены двумя типами: 1. Со сливом с удлинённо-яйцевидным туловом, верхний прилеп ручки крепится на венчике (рис. 3: 9). 2. Без слива с удлинённо-яйцевидным туловом, верхний прилеп ручки крепится на венчике (рис. 3: 10). Малые кувшины оформлены линейным орнаментом (рис. 3: 9), расположенным, так же как у кувшинов среднего размера, на горле и в месте максимального диаметра.

В центральном районе Азака был исследован еще один гончарный комплекс начала 14 века, раскопанный И.В. Гудименко в 2000 году по ул. Измайлова 38/82 (Гудименко и др., 2001, с. 201, рис. 3), датированный 1315–1316 гг., на основании монетного материала (Гудименко и др., 2001, с. 198, 205). Продукция этой мастерской отличалась по составу сосудов от той, что была раскопана по переулку Социалистическому 53. Основу ассортимента также составляли одноручные кувшины средних размеров, но их количество, разнообразие типов и орнаментации в мастерской по ул. Измайлова гораздо больше и шире. Помимо кувшинов, здесь производили и другие виды сосудов: желоба, дигиры, афтобы, горшки, котлообразные сосуды и др. (Гудименко и др.,

2001. с. 213). Эта мастерская была крупнее по размерам, имела два горна. Первый горн отличался наличием глиняного «козла» в топочной камере, а второй – по своей конструкции был практически идентичен горну по переулку Социалистический 53.

Конструктивные особенности данных горнов находят аналогии в материалах раскопок средневековых русских городищ, и других золотоордынских памятников. В их числе отметим Вжище и Райковецкое городище, где в 1940 г. экспедиция Б.А. Рыбакова зафиксировала двухъярусные горны, с прокаленной глиняной перегородкой. Происхождение найденных горнов Рыбаков связывал с печами римского времени из Северного Причерноморья (Рыбаков, 1948. С. 345, 348, рис. 92, 2). Раскопки на Селитренном городище также дали схожие сооружения для обжига керамики. Это были двухъярусные круглые горны, периодически действующие, с нисходящим

движением газов (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 225; Пигарев, 2015, с. 111).

Гончарная мастерская по пер. Социалистическому 53, имела узкую направленность, небольшие масштабы и объемы производства, и, вероятно, обслуживала ближайшие городские кварталы. Она специализировалась на выпуске одноручных лощеных кувшинов первой группы средних и малых размеров. Сосуды имели довольно низкий технологический уровень производства и особо не выделялись среди продукции других мастерских города (Масловский, 2006, с. 313–315, рис. 1; с. 321–323, рис. 5, 6). Судя по стратиграфии и нумизматическим данным, мастерская прекратила свою работу в начале второго десятилетия XIV века. После этого, лишь в середине 1330-х гг. через заброшенную мастерскую была проложена оживленная городская улица, которая функционировала несколько десятков лет.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). Москва: Наука, 1991. 215 с.

Гудименко И.В., Масловский А.Н., Перевозчиков В.И., Гончарный комплекс по ул. Измайлова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2001. С. 197–221.

Кравченко С.А. Топография гончарного производства Азака // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus. 2016. С. 284–286.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006. С. 309–473.

Масловский А.Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. С. 144–188.

Пигарёв Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 2015. 208 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов М.Н. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища самарских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Юдин Н.И. Раскопки в Азове в 2015 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 30 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2018. С. 183–192.

Юдин Н.И. Гончарный горн из раскопок 2015 года в г. Азове // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. 221–224 с.

Информация об авторах:

Юдин Никита Игоревич, научный сотрудник, Азовский музей-заповедник (г. Азов, Россия); niar-chaecologist@gmail.com

Кравченко Светлана Александровна, научный сотрудник, Азовский музей-заповедник (г. Азов, Россия); kravchenkovionlin@rambler.ru

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1991. *Goncharnye masterskie i gorny Vostochnoi Evropy (po materialam II–V vv. n.e.) (Pottery Workshops and Kilns of Eastern Europe (based on the Materials of the 2nd –5th centuries A.D.))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gudimenko, I. V., Maslovsky, A. N., Perevozchikov, V. I. 2001. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1999–2000 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1999–2000)* 17. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 197–221 (in Russian).

Kravchenko, S. A. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 284–286 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 309–473 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2008. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2006)* 23. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 144–188 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2015. In Zelenev, Yu. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus)*. Moscow: Nauka” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, M. N. 1989. In Smirnov, K. A. (ed.). *Sokrovishcha samarskikh vohzdei i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Samara Leaders and the Ancient Towns of the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 133–248 (in Russian).

Iudin, N. I. 2018. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum (in Russian).

Iudin, N. I. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 221–224 (in Russian).

About the Authors:

Iudin Nikita I. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; niarchaeologist@gmail.com

Kravchenko Svetlana A. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; kravchenkovionlin@rambler.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.155.166>

КАМЕННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА

© 2022 г. А.П. Минаев

Данной работой вводится в научный оборот коллекция каменных архитектурных деталей и украшений, найденных в ходе археологических исследований золотоордынского Азака. При анализе архитектурного декора основное внимание уделялось поискам аналогий в регионах, входивших в сферу торговых и культурных отношений города. В работе описаны особенности орнамента, строительные приемы и хронологическая атрибуция комплексов, где были встречены находки. Были выявлены тесные культурные связи местных мастеров и строителей золотоордынского Крыма, которые в свою очередь переняли традиции у переселившихся в середине XIII века на полуостров сельджукских архитекторов. Удалось установить, что в городе существовала местная традиция резьбы по камню, не встречаемая на других памятниках Золотой Орды и близлежащих регионах.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, сельджуки, архитектурная деталь, пилон, мрамор, мечеть, рельеф, пальметта.

STONE-MADE ARCHITECTURAL DÉCOR DETAILS FROM THE GOLDEN HORDE TOWN OF AZAK

A.P. Minaev

This work introduces a collection of stone-made architectural details and decorations found in the course of archaeological research of the Golden Horde town of Azak. When analyzing the architectural decorations, the main attention was paid to the search for analogies in the regions which were part of the Azak's trade and cultural relations. The work describes the peculiarities of ornamentation, construction methods and chronological attribution of the complexes where the finds were discovered. Close cultural connections were revealed between the local masters and the builders from the Golden Horde Crimea who, in turn, adopted the traditions from Seljuk architects who moved to the peninsula in the middle of the 13th century. It became possible to identify a local tradition of stone carving with no analogies in other Golden Horde towns and neighboring regions.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, Seljuks, architectural décor detail, pylon, marble, mosque, relief, palmette.

В результате широких завоевательных походов монголов в первой половине XIII века, возникает одно из крупнейших государств в мировой истории – Монгольская империя, от которой вскоре откололась западная ее часть – Улус Джучи, или Золотая Орда. В процессе экспансии в состав государства вошли как традиционно оседлые области (Хорезм, Волжская Болгария, Крым), так и обширные степные и лесостепные пространства Южной Сибири и Средней Азии, Поволжья, Подонья, Приднепровья и Приднестровья, населенные кочевыми и полукочевыми народами. В начальный период существования государства, новая администрация для своих целей использовала старые города, находившиеся далеко от степных пространств (Егоров, 1985, с. 76). Первый этап градостроительства в Золотой Орде начался во времена хана Берке, большое число угнанных в рабство пленников позволило в больших масштабах и в краткие

сроки осуществить строительство (Егоров, 1985, с. 77). В последней трети XIII века по приказу ханов возникает большое количество новых городов для эффективного управления государством. Наиболее интенсивное строительство ведется в степной зоне, где возводятся новые «ханские города», которые становятся административно-политическими центрами, заново отстраиваются многие уже существующие, подвергшиеся разгрому во время монголо-татарского нашествия (Зиливинская, 2014, с. 9).

Для строительства городов монгольская администрация использовала подневольный труд завоеванных народов, имевших многовековую строительную традицию (Егоров, 1985, с. 77). Города возводились ремесленниками и строителями из Хорезма, Закавказья, Крыма, Волжской Болгарии. В степной зоне для строительства широко использовался турлук, саман и обожженный кирпич. В Крыму, Волжской

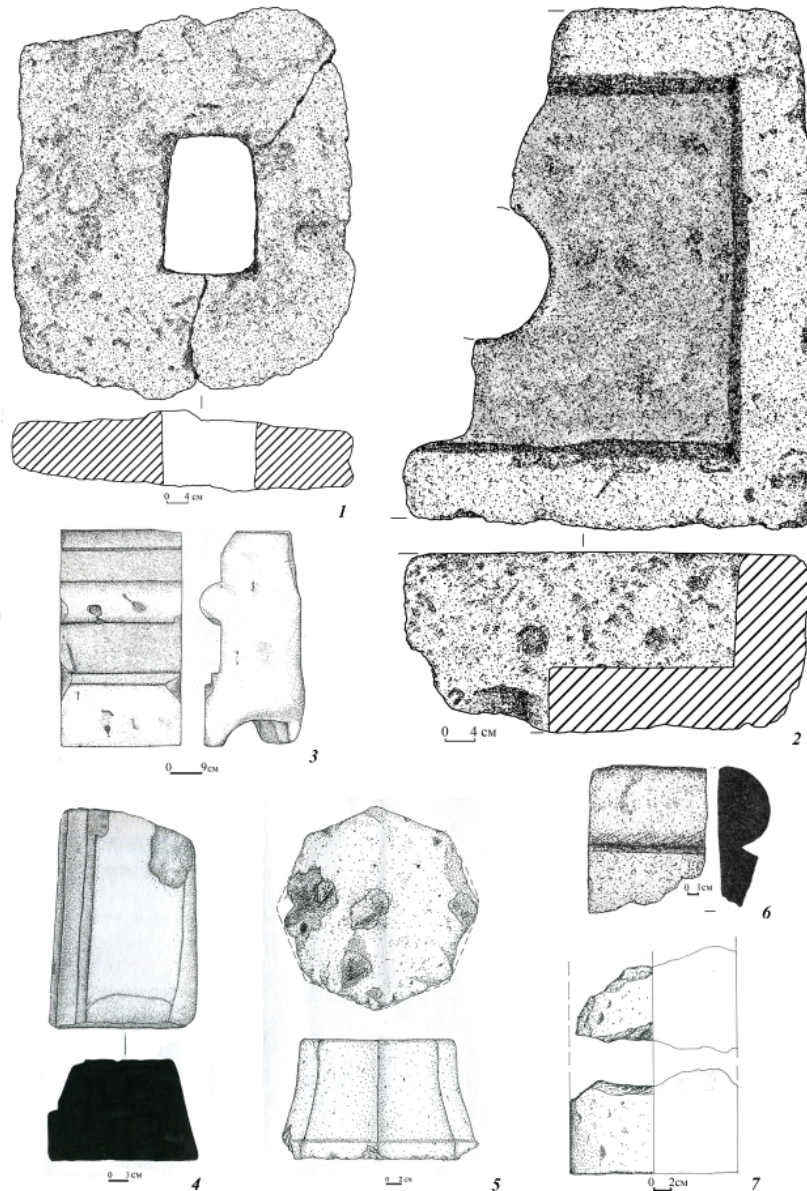

Рис. 1. 1 – раскоп во дворе Азовского музея-заповедника (1999 г.), 2 – раскоп по ул. Измайлова, 48 (2016 г.), 3-5 – раскоп по ул. Ленинградской, 67 (2004 г.); 6 – раскоп по ул. Ленина, 46 (2004 г.), 7 – раскоп по ул. Васильева, 81В (2014 г.) (1-2,4,6-7 – ракушечник, 3,5 – песчаник).

Fig. 1. 1 – excavation in the Azov Museum-Reserve's inner yard (1999), 2 – excavation on Izmaylova str., 48 (2016), 3-5 – excavation on Leningradskaya str., 67 (2004), 6 – di excavation g on Lenina str., 46 (2004), 7 – excavation on Vasilieva str., 81V (2014) (1-2,4,6-7 – shellrock, 3-5 – sandrock).

Болгарии и на Северном Кавказе применялась смешанная техника с использованием камня и обожженного кирпича. Различался и архитектурный декор – в степной зоне, где было недостаточно камня или он отсутствовал вовсе, постройки украшались поливными обожженными кирпичами, терракотой, глазурованными майоликами, кашинной поливной мозаикой. В Крыму, Волжской Болгарии и на Кавказе широко применялась резьба по камню (Зиливинская, 2014, с. 9). В целом же, золотоордынские города принимают восточный облик, застраиваясь типичными для мусульманского мира монументальными постройками

ми - мечетями, минаретами, медресе, банями, караван-сараями (Егоров, 1985, с. 77).

Архитектуре и архитектурному декору Золотой Орды посвящено большое количество литературы (Зиливинская, 2014, с. 13). Наиболее многочисленны работы, описывающие отдельные раскопанные археологические объекты без каких-либо выводов или описание комплексов с приведением аналогий и сравнительным анализом. Гораздо меньше исследований, в которых содержится анализ архитектурных объектов определенных регионов Золотой Орды. Обобщающими работами, посвященные культовой и гражданской архи-

текстуре Золотой Орды, являются монографии Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2014; Зиливинская, 2018). В этих трудах дается подробный анализ истоков золотоордынской архитектуры, ее развитию на протяжении всего периода существования государства, характерными приемами строительства и декора.

Суммарных исследований, посвященных архитектурным деталям и архитектурному декору золотоордынского Азака, на данный момент не существует. Имеются публикации, описывающие отдельные архитектурные комплексы и находки (Волков, 1995; Перевозчиков, Масловский, 2000; Минаев, Юдин, 2021). В данной работе дается попытка объединить материалы, накопленные за годы проведения археологических работ, и связанные с каменной архитектурой золотоордынского Азака.

Азак не сохранил ни одной монументальной каменной культовой или гражданской постройки. Большая часть города была разрушена в 1395 году, после захвата войсками Тимура. Побывавшие в 1396 г. в устье Дона итальянские купцы застали лишь опустошенную территорию, покинутую населением (Карпов, 2020, с. 506). С тех пор все сохранившиеся каменные и кирпичные постройки местные жители использовали в качестве каменоломен, в первую очередь для постройки и неоднократных реконструкций Азовской крепости в XVII–XVIII вв.

Ибн-Баттута в своем путешествии по Золотой Орде и Средней Азии отмечал, что Азак «...отличается красивой постройкой» (Тизенгаузен, т.1, 1884, с. 284). При проведении археологических работ большая часть строительного материала представляет собой фрагменты мелкого и крупного рваного камня и кусков обожженного кирпича. Лишь в небольшом количестве встречены фрагменты резного каменного архитектурного декора, обломки облицовочных мраморных плит или крупные обработанные каменные блоки.

На раскопе 1987 года по ул. Ленинградской, 29, на дне котлована, выкопанного предположительно во время русско-турецких войн XVIII в., была найдена часть фундамента крупного наземного сооружения этого периода, при строительстве которого использовались фрагменты обожженного кирпича, красноглиняных поливных изразцов и обломки облицовочных мраморных плит золотоордынского времени (Волков, 1988, с. 10). Среди вторично использованных материалов, найденных при разборке фундамента, наибольший инте-

рес представляют фрагменты фриза из светло-серого проконесского мрамора (рис. 2: 2). Размеры фрагмента – 59,5×19,8×2,7 см. Плита тщательно обтесана, внешняя сторона отполирована, одна сохранившаяся грань вертикальная, другая грань скошена внутрь. У края плиты просветлено сквозное округлое узкое отверстие для крепления к стене. На лицевой стороне нанесен растительный орнамент в виде крупных цветков – трилистников на коротких ножках, внутри которых вписаны пальметты – трилистники с расходящимися волутообразными побегами. Ножки цветков перехвачены округлыми валиками. Центральную часть композиции занимает многолепестковый цветок с «глазками», внутри которого вписан еще один цветок. Многолепестковые цветки так же расположены и между пальметтами. Орнамент выполнен в мелком рельефе. Большое количество архитектурных деталей и фрагментов стекла, найденных в заполнении котлована, могут указывать на то, что в XIV веке рядом могла располагаться монументальная постройка (мечеть или медресе?). В 2019 году, во время проведения спасательных археологических работ на раскопе по адресу Петровский бульвар 20, в заполнении земляночного жилища XIV века, были найдены два фрагмента фриза из проконесского мрамора, стилистические близкие по орнаменту и технике резьбы фрагментам плиты из раскопа по ул. Ленинградской, 29 (рис. 2: 3). Наиболее вероятно, что оба фриза изготовил один и тот же мастер, и они могли составлять единую архитектурную композицию, украшающую постройку. Прямых аналогий найденным фризам в монументальной архитектуре Золотой Орды, Византии или Малой Азии найти не удалось. Поэтому представляется возможным, что в Азаке существовала собственная художественная традиция, а мастером мог являться местный резчик по дереву, который плохо владел техникой резьбы по камню. Можно достаточно уверенно указать время изготовления данных плит – это первая половина XIV века. На это указывают фрагменты керамики и монеты, встреченные в закрытом комплексе (жилище №14) на Петровском бульваре 20.

В 1979 году в Азовский музей была передана капитель колонны, найденная в западной, аристократической части золотоордынского Азака, за современным Городским Дворцом Культуры. Капитель изготовлена из серого плотного, тщательно обтесанного и отполированного мрамора (рис. 3: 2). Основание

неровное, со сколами и выбоинами. Капитель усеченно-конической в плане и округлой в сечении формы. Сохранившаяся часть колонны восьмигранной формы. Переход капители к колонне оформлено узким высоким полукруглым в сечении валиком. На капители нанесен растительный рельефный орнамент. Изображены пальметты в виде четырехлистников с крупными округлыми соцветиями, внутри которых вписаны овальные фигуры. Пальметты переплетены между собой волнистыми завитками с «глазками» на концах. Стоит отметить разницу оформления пальметт – одни оформлены в виде веерообразных листков, другие в виде четырехлистников. Часть капители стерта. Примеров применения пальметного мотива на капителях не так много, все известные образцы происходят с территории Крыма (Солхат, Сурб-Хач) и датируются первой половиной XIV века (Айбабина, 2001, с. 169). И.В. Волков связывает найденную в Азаке капитель с армянскими резчиками, указывая на аналогии в малоазийских и крымских памятниках (Волков, 1995, с. 78).

При исследовании в 1991 году земляного жилища XIV века, на раскопе по ул. Чехова, 8, был найден фрагмент мраморного фриза из светло-серого мрамора, размерами 10,1×8,1×4,5 см (Белинский, 1994, с. 54). Сохранились только две грани плиты (рис. 2: б). Обратная сторона необработанная, грани грубо обтесаны и плохо заглажены, немного закруглены по углам. По краю лицевой стороны выполнен невысокий узкий бордюр. В основном поле плиты помещена эпиграфия арабскими буквами почерком сулюс, от которой сохранилась только одно целое слово «луна» и фрагменты еще нескольких слов. Надпись покрыта красной краской. Орнамент выполнен с помощью выборки фона в глубоком рельефе. Вероятно, фрагмент надписи – это 1 аят 54 суры Корана: «Приблизился Час, и раскололась луна» (прочтение Юдина Н.И.). Возможно, найденный фриз мог помещаться в нише портала культового сооружения (мечети или медресе). Фризы с эпиграфическим орнаментом и цитатами из Корана широко распространены над порталами мечетей и медресе, в частности, в михрабной нише мечети Узбека в Солхате (Зиливинская, 2014, с. 31). Однако аналогии цитирования 54 суры в орнаментальном декоре других мечетей исламского мира найти не удалось. Еще один фрагмент мраморной плиты с надписью был найден на раскопе по ул. Толстого, 70 в 2005 году

(Дмитриенко, 2006Б, с. 129, рис. 2-3). Плита изготовлена из светло-серого плотного мрамора, тщательно обтесана (рис. 3: б). Размеры фрагмента – 7,5×9×2 см. Основание и грани ровные, тщательно зашлифованы. Лицевая сторона по краю оформлена узким бордюром. Основное поле плиты разделено бордюром на две (возможно и более) части. Надпись на арабском языке с помощью выборки фона в низком рельефе почерком сулюс. Большая часть надписи утрачена, удалось восстановить только небольшую ее часть – это цифра «шесть» (прочтение Юдина Н.И.). Возможно, фрагмент надписи указывает на дату постройки сооружения, куда была вставлена мраморная плита (мечеть или медресе), как например, над порталом «мечети Узбека» в Солхате.

В 2004 году, на раскопе по ул. Ленинградской, 67, в заполнении жилища XIV века, были встречены 3 крупные архитектурные детали (Дмитриенко, 2006а, с. 126). Деталь 1 (рис. 1: 3) изготовлена из местного пористого песчаника желтовато-белого цвета, в виде массивной уплощенной плиты подпрямоугольной в плане формы. Основание плиты плоское, не обработано. Боковые грани также плоские, тщательно обтесаны. Лицевая сторона плиты обтесана в виде горизонтальной плоскости, украшенной с одного края скошенной гранью и высоким полуовальным в сечении валиком высотой 11,2 см. Противоположная сторона лицевой части оформлена двумя ступеньками шириной 2,6 и 1,9 см и высотой 3,6 и 18,4 см. Размеры детали – 67×34×23,7 см. Деталь 2 (рис. 1: 5) являлась базой колонны, изготовленной из плотного беловатого песчаника. Основание плоское, столб восьмигранной формы, плавно сужается от основания к верху. Боковые грани обработаны зубаткой и зашлифованы. Высота фрагмента – 15,9 см, ширина основания – 25,6 см, ширина столба – 20,8 см. Деталь 3 (рис. 1: 4) изготовлена из плотного беловато-желтого ракушечника, удлиненной прямоугольной в плане и трапециевидной в сечении формы. Основание плоское, неровное. Боковые грани скошены, обтесаны. Лицевая сторона обтесана в виде горизонтальной плоскости, украшена с одной стороны невысоким (2 см) полукруглым валиком. Поверхность тщательно обтесана. Размеры – 36,0×26,3×16,7 см. Наиболее вероятно, что найденные архитектурные детали являлись фрагментами основания мечети или минарета. Схожие архитектурные блоки были встречены при исследовании портала медресе в «мечети Узбека» в Солхате Старокрым-

Рис. 2. 1 – раскоп по Петровскому бульвару, 38-22 (2019 г.), 2 – раскоп по ул. Ленинградской, 29 (1987 г.), 3 – раскоп по Петровскому бульвару, 20 (2020 г.), 4 – раскоп по ул. Измайлова, 48 (2016 г.), 5 – раскоп по ул. Толстого, 41 (2000 г.), 6 – раскоп по ул. Чехова, 8 (1991 г.) (1 – ракушечник, 2-3,6 – мрамор, 4 – мергель, 5 – песчаник).

Fig. 2. 1 – excavation on Petrovskiy blvd., 38-22 (2019), 2 – excavation on Leningradskaya str., 29 (1987), 3 – excavation on Petrovskiy blvd., 20 (2020), 4 – excavation on Izmaylova str., 48 (2016), 5 – excavation on Tolstogo str., 41 (2000), 6 – excavation on Chekhova str., 8 (1991), (1 – shellrock, 2-3,6 – marble, 4 – marlstone, 5 – sandrock).

ской археологической экспедицией в 1925 г. (Мирас-Наследие, 2016, с. 141, рис. 35), что указывает на тесную связь архитектурной традиции Крыма и Азака в XIV веке.

В 2004 году, на раскопе по ул. Ленина, 46, в заполнении хозяйственной ямы XIV века, был найден фрагмент архитектурной детали (Масловский, 2006, с. 105, рис. 10, 12). Изделие из плотного светло-желтого ракушечника, с плоским основанием (рис. 1: 6). По краю лицевой стороны оформлен широкий полу-круглый валик, отделенный от центральной

части плиты узким глубоким треугольным в сечении желобком. Возможно, найденная деталь, как и архитектурные блоки из раскопа по ул. Толстого, 70, являлась частью архитектурного декора монументальной постройки (мечети или медресе).

В 2016 году на раскопе по ул. Измайлова, 48 был встречен фрагмент архитектурного декора из мергеля (рис. 2: 4). Фрагмент квадратной в сечении формы, размерами $12,6 \times 12,2 \times 5,7$ см, сильно сколот. На обеих сторонах нанесена неглубокая выемчатая резьба. На лицевой

вой стороне по краю камня выполнен сильно упрощенный растительный орнамент в виде расходящихся побегов и округлых бутонов. Ниже помещен узкий поясок в виде переплетенных округлых фигур. В основном поле нанесен схематичный растительный орнамент, в виде трехлепестковых цветков с копьевидным навершием. Внутрь вписан округлый бутон с «глазком» и соцветие в виде трилистника. На оборотной стороне большая часть росписи утрачена, сохранились только небольшие растительные побеги. Найденный фрагмент мог являться частью фриза, вставлявшегося в сквозной проем стены постройки так, чтобы орнамент мог быть виден изнутри и снаружи помещения.

В 2003 году на раскопе по ул. Толстого, 74, в заполнении хозяйственной ямы XIV в., был найден фрагмент мраморной детали (Масловский, 2004, с. 151, рис. 6: 2). Деталь округлой в плане формы, изготовлена из белого мрамора, сохранилась лишь небольшая ее часть размерами 12,5×9,5×2,7 см (рис. 3: 5). Лицевая сторона оформлена в виде округлого медальона из двух квадратных в сечении низких валиков. Центральную часть медальона занимает многолепестковая розетка, сохранились только два и фрагмент третьего вытянутых овальных приостренных листка. Орнамент выполнен с помощью выборки фона в низком рельефе. Возможно, деталь являлась медальоном мраморного фриза. Фрагмент мраморной плиты с растительным орнаментом был встречен и на раскопе в 2013 году по пер. Щорса, 18 (Гончарова С.А., Широченко Э.Б., 2016, с. 80, рис. 20: 1). Плита из хорошо обтесанного белого мрамора, сохранились только две грани (рис. 3: 1). Размер фрагмента – 12,8×10,7×7,8 см. На оборотной стороне два округлых конических гнезда для штифтов. На лицевой стороне нанесен растительный орнамент с помощью выборки фона в низком рельефе, в виде пальметты с вытянутым ромбовидным цветком и «глазком» и расходящимися в стороны крупными подовальными листками с узкими вытянутыми жилками. Ниже пальметты видны фрагменты расходящихся побегов. Растительный орнамент широко распространен на мраморных панно как в христианской, так и в мусульманской культуре XIII–XIV вв., украшая порталы церквей и мечетей бывших провинций Византии, Малой Азии, Константинополя, Крыма.

На раскопе 2014 г. по ул. Васильева, 81В, в культурном слое XIV века, были встречены детали базы колонны (Зенюк, 2016, с. 207,

рис. 29: 2). Фрагменты из рыхлого желтого ракушечника, округлой в плане и цилиндрической в сечении формы, грубо обтесаны, со следами воздействия огня, диаметром 18,0 см (рис. 1: 7). В непосредственной близости от места находки базы колонны было найдено скопление крупного рваного камня и кусков обожженного кирпича, основание дымохода, 2 тандыра и два очага. Возможно, колонна могла быть связана с крупной наземной постройкой (усадебным жилищем), прекратившей существование во второй половине XIV века и разобранный позднее. На этот факт косвенно указывает найденный в 1982 году фундамент бани, которая, судя по своим небольшим размерам, напоминает небольшие усадебные баньки города Мохши (Зиливинская, 2018, с. 85).

В 2018–2019 гг., при проведении спасательных археологических работ в зоне благоустройства Петровского бульвара, в центральной части золотоордынского Азака, были найдены фундаменты четырех монументальных каменных построек. Два здания располагались к западу, два других – к востоку от главной городской магистрали. От первой постройки, находящейся к северо-востоку от улицы, сохранились только фундаментные траншеи, заполненные известковой крошкой и мелкими обломками обожженного кирпича. Второе здание располагалось к юго-востоку от улицы, от постройки сохранились каменные блоки фундамента, сложенного из крупного и мелкого рваного камня. Кладка выложена «всухую», без применения известкового или глиняного раствора. Интерес представляют сооружения, располагавшиеся к западу от городской магистрали. От первого, наиболее удаленного от городской магистрали, сооружения, сохранились фундаментные траншеи, как и в случае с первым зданием, заполненные известковой крошкой и мелкими фрагментами обожженного кирпича. Однако в заполнении современной водопроводной траншеи, перерезавшей постройку, было найдено три крупных каменных блока (Кубанкин, 2020, с. 42; Кубанкин, 2020а, рис. 2491–2495). Блоки изготовлены из плотного светло-желтого ракушечника, тщательно обтесаны зубаткой (рис. 2: 1). Общая высота блоков составляет 2,03 м, ширина – 0,39 м, толщина – 0,25 м. По краям торцевых сторон и на внешней стороне по всему периметру вырезаны узкие глубокие желобки. В верхней и нижней части лицевой стороны изделия вырезаны два широких прямоугольных паза размерами 19,5–21,0×3,5–

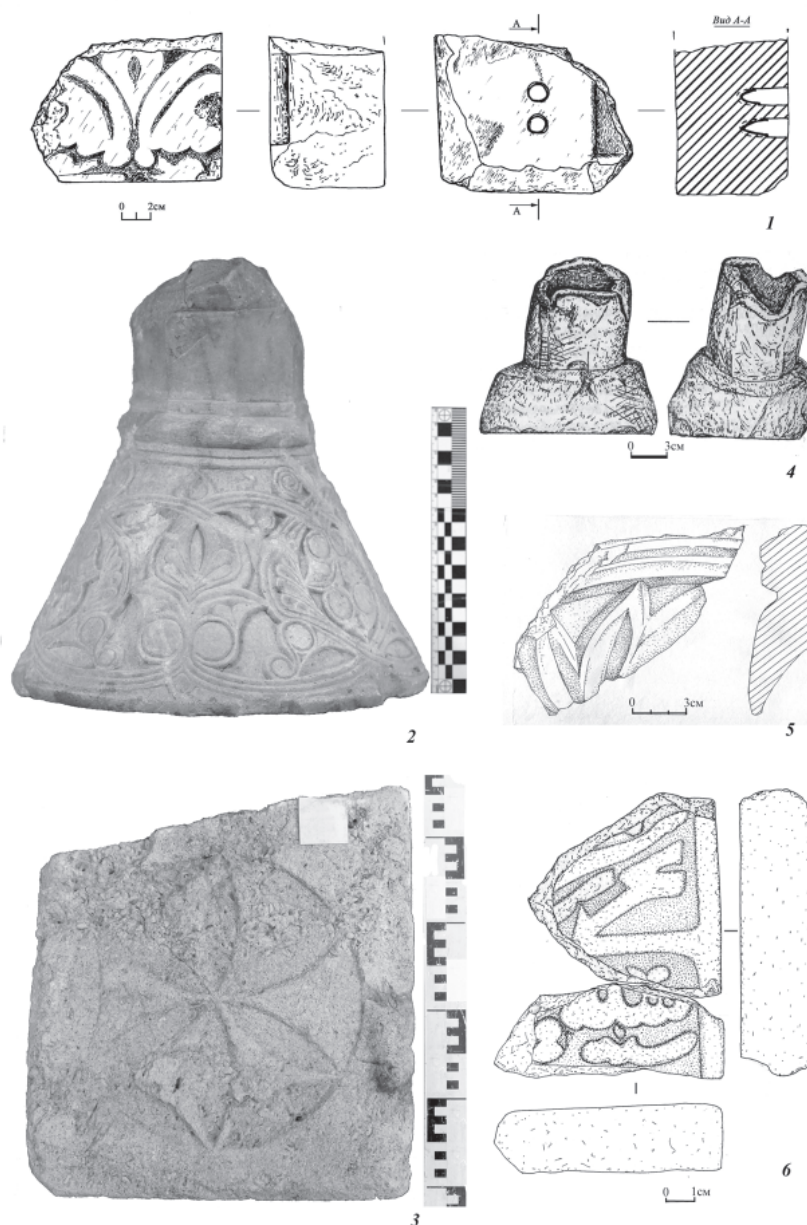

Рис. 3. 1 – раскоп по пер. Щорса, 18 (2003 г.), 2 – сборы за Городским Дворцом Культуры (1979 г.), 3 – раскоп по Петровскому бульвару, 20 (2019 г.), 4 – раскоп по ул. Крымской, 7 (1992 г.), 5 – раскоп по ул. Толстого, 74 (2003 г.), 6 – раскоп по ул. Толстого, 70 (2005 г.) (1-2, 5-6 – мрамор, 3 – ракушечник, 4 – мергель).

Fig. 3. 1 – excavation on Schortsa st. 18 (2003), 2 – material collected behind the City Culture Center (1979), 3 – excavation on Petrovskiy blvd., 20 (2019), 4 – excavation on Krymskaya str., 7 (1992), 5 – excavation on Tolstogo str., 74 (2003), 6 – excavation on Tolstogo str., 70 (2005), (1-2, 5-6 – marble, 3 – shellrock, 4 – marlstone).

4,0 см. В центральной части конструкции, на месте креплений блоков, вырезано два паза «бабочковидной» формы размерами 22,0×2,8–5,7 и 20,5×3,0–5,8 см. Они расположены на лицевой стороне, и, возможно, предназначались для вставок из цветного камня. К западу и востоку от сооружения, с внешней стороны стен, был выявлен могильник XIV века. При выборке комплекса было встречено большое количество фрагментов черепицы и керамических тазов, стекла, монет. Конструктивные особенности и обстоятельства находки (погребения с внешней стороны сооружения, больш-

шое количество черепицы и монет) указывают на то, что данная деталь являлась пилоном портала мечети. В отличие от богато декорированных мечетей Крыма, Малой и Средней Азии, найденное сооружение сильно уступает по красоте и вычурности. Орнамент на пило-не предельно прост и схематичен. Схожие каменные блоки с фигурными вставками были встречены при исследовании медресе в Старом Крыму в 1926 г. (Мирас-Наследие, 2016, с. 391, рис. 387). Остается неясным, почему местное население, используя мечеть как каменоломню после прекращения ее функ-

ционирования, полностью выбрав весь бутовый камень из фундамента, не использовало найденные блоки для возведения построек.

Четвертое монументальное здание располагалось между «мечетью» и главной городской улицей. От постройки сохранилась часть фундамента стены шириной около 2 м. Кладка сложена из разноразмерного рваного камня, положенного «насухо» без известкового или глиняного раствора. Высота сохранившейся кладки – 50–60 см. Сверху фундамент был перекрыт слоем завала из мелкого рваного камня и кусков обожженного кирпича. Кладку прорезала современная водопроводная траншея, в заполнении которой было встречено 3 крупных кубических каменных блока из плотного светло-желтого ракушечника, размерами 29,5×37,0×37,0 см, 29,5×68,5×45,6 см и 40,0×37,0×37,0 см. У каждого камня зубаткой обтесаны только 2 грани. Камни сильно повреждены, вероятно, землеройной техникой при прокладке траншеи. В восточной части кладку прорезала хозяйственная яма, заполнение которой, судя по монетам и составу керамических находок, датируется началом «великой замятни» (1360-е гг.). В заполнении ямы был найден фрагмент крупного каменного блока (рис. 3: 3). Деталь квадратной в плане и прямоугольной в сечении формы, изготовлена из плотного светло-желтого ракушечника, тщательно обтесана (за исключением оборотной стороны), одна грань сколото. На лицевой стороне вырезан с помощью неглубокого рельефа крупный округлый медальон диаметром 29 см. Медальон образует розетку из шестилепесткового цветка с помощью выборки фона. Листки вытянутой овальной формы, вершины соединены дуговидными линиями таким образом, что создается образ рельефной шестилепестковой розетки с треугольными листками. Ранее подобный орнамент был уже встречен в Азаке на каменном надгробии из раскопа по ул. Толстого, 20 в 2019 г. (Минаев, Юдин, 2021, с. 193, рис. 5: 1). Мотив цветочных розеток широко распространен как в исламской, так и в христианской архитектуре. Например, аналогичная розетка встречена на фасаде храма Панагия Горгоепикоос в Афинах. Цветочные розетки часто встречаются на каменных надгробиях Крыма и Болгара, на штукатурках храмов и мечетей, в резном декоре порталов мечетей и медресе. Мотивы розеток, выделяющихся на ровной плоскости стен, являются характерной чертой сельджукского декоративного стиля (Зиливинская, 2014, с. 159). Вполне возможно, что

найденный фрагмент мог являться частью более крупного блока, помещавшегося над порталом сооружения, и розеток могло быть несколько. Стоит отметить, что в непосредственной близости от фундамента постройки, в заполнении земляночного жилища 14, были встречены фрагменты мраморного фриза, описанного выше. Оба закрытых комплекса по найденному материалу синхронны (1360-е гг.), и вполне возможно, мраморная плита могла так же украшать это монументальное сооружение.

К северу от монументального здания, располагавшегося к северо-востоку от магистральной улицы, на раскопе 2000 года по ул. Толстого, 41, был найден фрагмент каменного алтарного креста (Масловский, 2002, с. 218, рис. 3: 5). Крест изготовлен из плотного серого песчаника, тщательно обтесан, размерами 20,5×25,0×11,5 см (рис. 2: 5). Основание сколото, лопасти короткие, широкие, закругленные, выполнены в виде трилистника. Возможно, находка данного фрагмента указывает на наличие христианского храма, располагавшегося вблизи от места находки.

Помимо каменных архитектурных украшений, на исследованных участках часто встречаются фрагменты облицовочных мраморных плит (раскопы 1987 г. по ул. Ленинградской, 29; раскоп 2014–2015 гг. по пер. Социалистическому, 53; раскоп 2016 г. по ул. Измайлова, 48). Плиты большей частью из белого, светло-серого или бледно-желтого мрамора, многие фрагменты отполированы. Только в единичном количестве встречаются плиты из цветного мрамора (красного или розового) (раскопы по ул. Измайлова, 48, ул. Толстого, 41).

В 1987 году, на раскопе по ул. Ленинградской, 29, в заполнении хозяйственной ямы, было найдено 2 фрагмента каменной детали. Изделие изготовлено из светло-желтого рыхлого ракушечника, округлой в плане формы, диаметром 26,1–29,7 см и толщиной 6,5–8,4 см, с широким сквозным округлым отверстием. Деталь могла являться окном не сохранившейся каменной постройки. Аналоги данному окну встречены в мавзолеях степного Крыма (Мирас-Наследие, 2016, с. 524, рис. 522).

В 1992 году на раскопе по ул. Крымской, 7 было найдено каменное изделие (Гудименко, 1994, с. 64, рис. 1: 4). Деталь из мягкого белого камня (мергеля) в виде округлого полого цилиндра на высокой трапецевидной в сечении и неправильной округлой в плане подставке (рис. 2: 4). Высота предмета – 15,2

см, диаметр цилиндра – 8,8–9,6 см, диаметр подставки – 12,6–15,3 см, толщина стенки цилиндра – 2,0 см. Остается неясным предназначение данного изделия – автор находки утверждает, что это ступка, однако материал, из которого она сделана, слишком мягкий, и при первом же использовании такая «ступка» просто бы рассыпалась. Возможно, данный предмет мог быть частью архитектурного декора культовой или гражданской постройки.

При археологических раскопках золотоордынского Азака встречаются не только фрагменты каменного архитектурного декора монументальных построек, но и изделия утилитарного предназначения. На настоящее время встречено около десятка каменных ступок из светло-серого проконесского мрамора, которые могли попасть в Азак в качестве сопутствующего материала вместе с деталями архитектурного декора из Проконнесса или Крыма, и могли использоваться в качестве водоемов для омовений в мечетях или в бытовых целях (Масловский, 2012, с. 338). Найдено более 80 целых или фрагментированных каменных жерновов, изготовленных как из местного материала (песчаник или ракушечник), так и из привозного камня (конгломерат и брекчия), предназначавшихся для ручных и ветряных мельниц (Минаев, 2018, с. 128).

В 2016 году на раскопе по ул. Измайлова, 48 был найден фрагмент каменного блока – коробка (рис. 1: 2). Короб изготовлен из плотного светло-желтого ракушечника, размерами 34-56×72×25 см. Плита оформлена высоким квадратным в сечении бортиком, размерами 15,5×9,5-10,5 см. В центральной части плиты расположено сквозное округлое отверстие диаметром 20 см. Грани хорошо обтесаны, вертикальные, основание неровное, не обработанное, выемка тщательно обтесана. Внутри выемки на стенках и на внешней стороне одной из граней видны следы рабочего инструмента (зубатки). Неясно предназначение данного изделия – это мог быть как короб со световым фонарем, так и резервуар для омовения со сливным отверстием. Однако для резервуара найденный короб, на наш взгляд, недостаточно глубок, а аналогов плиты со световым фонарем такого размера не встречено, в том числе и среди культовых

и общественных сооружений Крыма, Малой и Средней Азии, Византии XIII-XV вв.

При раскопках во дворе Азовского музея в 1999 году, в заполнении хозяйственной ямы XIV в., было найдено два крупных фрагмента каменной плиты (рис. 1: 1). Изделие подквадратной в плане и прямоугольной в сечении формы, изготовлено из желтого рыхлого ракушечника, с неровными отбитыми краями, размерами 75×67×13 см. В центральной части камня сквозное прямоугольное отверстие размерами 17–19×29 см. Плита грубо обработана, обтесана только одна сторона. Изделие, возможно, являлось крышкой каменного резервуара. Отдаленный аналог данного предмета встречен в кенассе на Чуфут-Кале.

Проведенные за несколько десятилетий археологические исследования золотоордынского Азака позволили подтвердить высказывания путешественников XIV века о наличии в городе красивых монументальных построек. Приемы обработки камня указывают на тесную связь местных и крымских мастеров. Последние, в свою очередь, переняли строительные традиции у сельджуков во второй половине XIII века. Хронологическая атрибуция находок указывает, что большинство построек было возведено в первой половине XIV века, во время правления ханов Узбека и Джанибека, когда по всей Золотой Орде началось широкомасштабное городское строительство (Егоров, 1985, с. 77). В Азаке появились культовые и гражданские постройки (мечети, храмы) с богатым архитектурным декором, использовавшие местные и привозные строительные материалы. Однако во второй половине XIV века строительство замирает, а многие ранее возведенные постройки были повреждены или вовсе заброшены во время «великой замятни» 1360–1370-х гг. Кратковременное возрождение строительной деятельности во времена правления хана Тохтамыша не могло вернуть городу блеска времен Узбека и Джанибека. А полный разгром города в 1395 году войсками Тимура почти окончательно прекратило функционирование памятника. Сохранившиеся постройки после погрома использовались в качестве каменоломен при укреплении итальянских факторий и возведении Азовской крепости в XV–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV-XVIII вв. Симферополь: «СОНАТ», 2001. 280 с.

Белинский И.В. Отчет о спасательных археологических раскопках в Азове в 1991 году. Т. 1. Азов, 1994 // Архив АМЗ. КВФ 11912/1.

Волков И.В. Раскопки в городе Азове в 1987 году // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов, 1988. С. 9–11.

Волков И.В. Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа (Studia Pontocaucaasica: II) / Ред. Факторович А., Горбулич Т., Кузнецов И. Краснодар, 1995. С. 72–97.

Гончарова С.М., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 50–126.

Гудименко И.В. Работы I Азовского археологического отряда в 1992 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып. 12 / Ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 61–67.

Дмитриенко М.В. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Ленинградской, 67 в 2004 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 117–126.

Дмитриенко М.В. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Толстого, 70 в 2005 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006 а. С. 126–135.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Зенюк Д.И. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2013–2014 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 163–228.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культурное зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

Карпов С.П. Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 504–514.

Кубанкин Д.И. Отчет об археологических раскопках в г. Азове в зоне благоустройства бульвара Петровского на участке от ул. Мира до ул. Ленина в 2019 г. Т. 2. Азов, 2020 // Архив Азовского музея-заповедника (КВФ 14598/2).

Кубанкин Д.И. Отчет об археологических раскопках в г. Азове в зоне благоустройства бульвара Петровского на участке от ул. Мира до ул. Ленина в 2019 г. Т. 11. Азов, 2020а // Архив Азовского музея-заповедника (КВФ 14598/11).

Масловский А.Н. Раскопки в Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2002. С. 212–223.

Масловский А.Н. Раскопки в Азове в 2003 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2004. С. 142–155.

Масловский А.Н. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 92–117.

Масловский А.Н. Мраморные ступки из фондов Азовского музея-заповедника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып. 26 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2012. С. 334–350.

Минаев А.П. Переработка зерна в Азаке в XIV в. // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 127–140.

Минаев А.П., Юдин Н.И. Мусульманские каменные надгробия XIV века из золотоордынского Азака // Археология евразийских степей. №4. Казань, 2021. С. 183–196.

Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. Т. 2 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. 572 с.

Перевозчиков В.И., Масловский А.Н. И в Азаке бани строились // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2000. С. 310–333.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

Информация об авторе:

Минаев Александр Павлович, старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); alexminaev1987@gmail.com

REFERENCES

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV–XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th–18th Centuries)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

Belinskiy, I. V. 1994. *Otchet o spasatel'nykh arkhео-логичесkikh raskopkakh v Azove v 1991 godu. T. 1 (Report on salvage excavations in Azov in 1991. Vol. 1)*. Azov. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-11912/1 (in Russian).

Volkov, I. V. 1988. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Itogi issledovaniy Azovo-Donetskoy ekspeditsii v 1987 godu (Results of Studies by the Azov-Donetsk Expedition in 1987)*. Azov. 9–11 (in Russian).

Volkov, I. V. 1995. In Faktorovich, A., Gorbulich, T., Kuznetsov, I. (eds.). *Armyane Severnogo Kavkaza (Armenians of the North Caucasus)*. Studia Pontocausica: II Krasnodar. 72–97 (in Russian).

Goncharova, S. M., Shirochenko, E. B., Kharenko, M. V., Goncharov, M. Yu, Maslovsky, A. N., Minaev, A. P., Yudin, N. I. 2016. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013–2014)* 39. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 50–126 (in Russian).

Gudimenko, I. V. 1994. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1992 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region in 1992)* 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 61–67 (in Russian).

Dmitrienko. M. V. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 117–126 (in Russian).

Dmitrienko. M. V. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 126–135 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Zenyuk, D. I. 2016. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013–2014)* 39. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 163–228 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2018. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 2. Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Monuments)*. Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Karpov, S. P. 2020. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 8 (3). 504–514 (in Russian).

Kubankin, D. I. 2020. *Otchet ob arkhеologичесkikh raskopkakh v g. Azove v zone blagoustroystva bul'vara Petrovskogo na uchastke ot ul. Mira do ul. Lenina v 2019 g. T. 2 (Report on archaeological excavations in the city of Azov in the area of improvement of Petrovsky Boulevard on the section from Mira Street to Lenin Street in 2019. Vol. 2)*. Azov. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-14598/2 (in Russian).

Kubankin, D. I. 2020. *Otchet ob arkhеologичесkikh raskopkakh v g. Azove v zone blagoustroystva bul'vara Petrovskogo na uchastke ot ul. Mira do ul. Lenina v 2019 g. T. II. (. Report on archaeological excavations in the city of Azov in the area of improvement of Petrovsky Boulevard on the section from Mira Street to Lenin Street in 2019. Vol. II.)* Azov. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-14598/11 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2002. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2001)* 18. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 212–223 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2004. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2003)* 20. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 142–155 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 92–117 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2012. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2010)* 26. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 334–350 (in Russian).

Minaev, A. P. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 127–140 (in Russian).

Minaev, A. P., Iudin, N. I. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 183–196 (in Russian).

In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). 2016. *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 2. Kazan: “Aster Plyus” Publ. (in Russian).

Perevozchikov, V. I., Maslovskii, A. N. 2000. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1998 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1998)* 16. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 310–333 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Minaev Alexander P. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; vallet-dre@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 903.7

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.167.175>

О ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ МЕЧЕТЕЙ АЗАКА НА ОСНОВАНИИ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ НАХОДОК

© 2022 г. Н.И. Юдин

В статье приводятся данные о находках, анализ которых дополняет топографию золотоордынского Азака, указывая на места расположения нескольких мечетей на территории города. Немногочисленные сведения письменных источников, представленных сочинениями Ибн-Баттуты и Иосафата Барбаро не дают оснований для точной локализации. На помощь приходят археологические материалы. В их числе фрагменты кашинных и глиняных изразцов, детали мозаики, а также резные каменные плиты, стеклянные лампы, мраморные ступки. Находки концентрируются в нескольких местах в пределах территории города, некоторые из них сопровождают раскопанные фундаменты стен и башен минаретов. Важная роль отводится образцам архитектурного декора, содержащим надписи. Впервые приводится перевод арабских текстов на них. Это становится дополнительным подтверждением близкого расположения культовых мусульманских построек. Результатом картографирования находок и раскопанных частей построек стали пять мест в различных частях города, где с большой вероятностью можно говорить о наличии мечети или медресе.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, мечеть, медресе, архитектурный декор, арабский язык, эпиграфика.

ON THE LOCALIZATION OF THE AZAK MOSQUES ON THE BASIS OF EPIGRAPHIC FINDS

N.I. Iudin

The paper provides data on findings, the analysis of which complements the topography of the Golden Horde city of Azak, indicating the locations of several mosques in its territory. The scarce information from written sources, represented by the works of Ibn-Battuta and Josaphat Barbaro, does not provide a basis for an accurate localization. Archaeological materials come to the rescue. Among them are fragments of stone paste and clay tiles, fragments of mosaics, as well as carved stone slabs, glass lamps, and marble mortars. The finds are concentrated in several locations within the city, some of them accompanying the excavated foundations of the walls and minaret towers. An important role is assigned to specimens of architectural decoration containing inscriptions. The paper features the first translation of the Arabic texts found on the inscriptions. It serves as an additional confirmation of the proximate location of Muslim cult structures. As a result of mapping the finds and excavated parts of the buildings, five places were identified in different parts of the city, where a mosque or madrasah very likely existed.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, Azak, mosque, madrasah, architectural decor, the Arabic language, epigraphy.

Археология золотоордынских городов и Азака, в частности, испытывает нехватку письменных источников, значение которых сложно переоценить. Уникальна каждая ситуация, когда в руках исследователя оказывается даже фрагмент надписи, дающий основание для локализации конкретных объектов на территории памятника, о которых до этого имелись лишь скудные сведения.

В случае с Азаком, по сути, единственными письменными свидетельствами функционирования мусульманской общины в нем являются сообщения Ибн-Батутты и Иосафата Барбаро.

Ибн-Батутта, по прибытии в город, лишь в целом отмечает «красоту постройки», не акцентируя внимание на каком-либо здании. Однако, описывая торжественный прием,

оказанный ему эмиром Мухаммед-Ходжой Аль-Хорезми арабский путешественник указывает, что тот вышел на встречу «вместе с кадием и талибами...». Тулуктумур, прибывший двумя днями позже, также удостоивается почетного приема, проводившегося, помимо прочих, еще и в присутствии проповедника (Тизенгаузен, 1884, с. 284–285). Упоминание лиц, выполнявших определенные функции в мусульманской общине, очевидно, является указанием на то, что в городе функционировали и мечети, где эмир, его приближенные, равно как и простые горожане совершали положенные в исламе молитвы и прочие ритуалы.

Иосафат Барбаро указывает на конкретную азакскую мечеть и даже отмечает «точное»

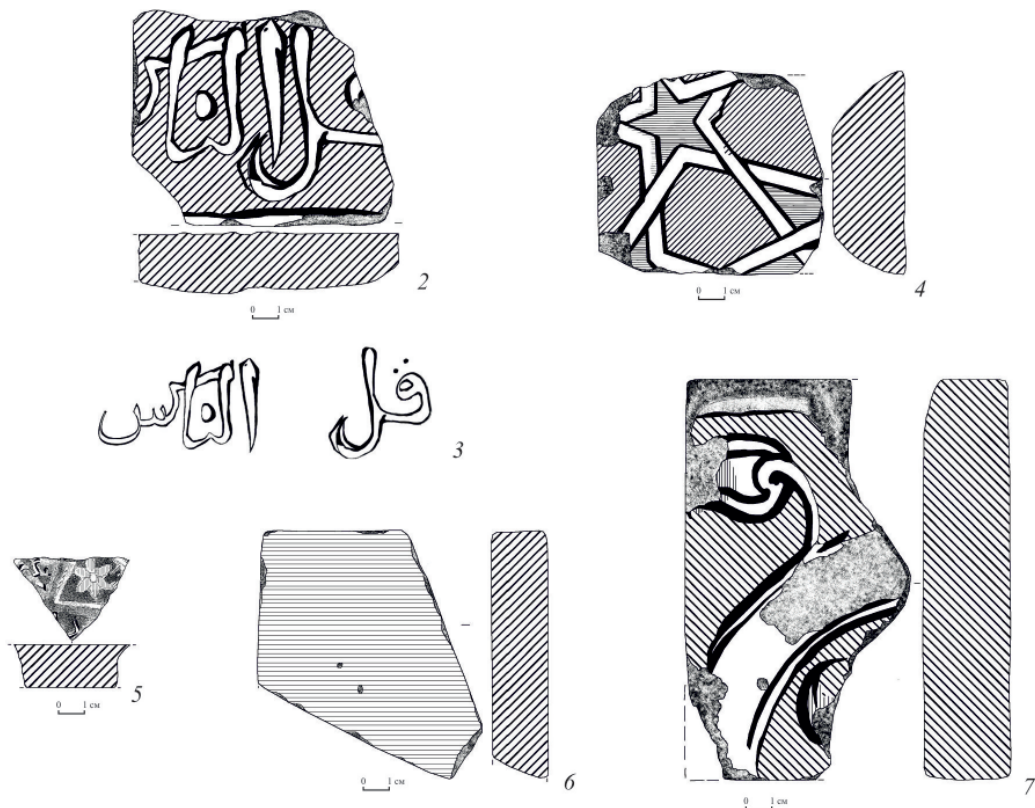
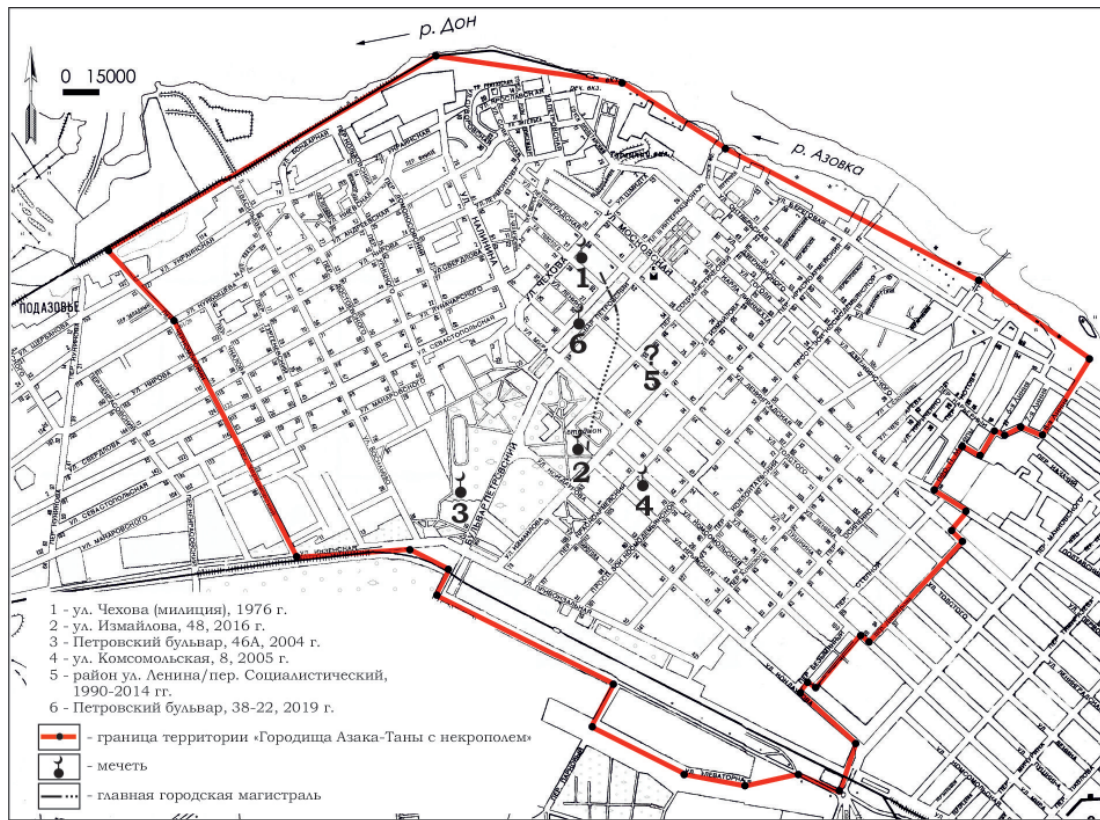

Рис. 1. 1 – карта местоположения мечетей Азака по археологическим и эпиграфическим данным; 2-7 – образцы архитектурного декора из раскопок Н.М. Булатова в 1973 г.: 2-3 каменный изразец с арабской надписью и ее реконструкцией; 4,7 – фрагменты изразцов с полихромной росписью и рельефом; 5 – фрагмент изразца с декором в технике «ладжвардин»; 6 – фрагмент изразца с непрозрачной бирюзовой глазурью.

Fig. 1. 1 – layout of Azak mosques based on archaeological and epigraphic data; 2-7 – samples of architectural decor from N.M. Bulatov's excavations in 1973: 2-3 – stone paste tile with an Arabic inscription and its reconstruction; 4,7 – fragments of tiles with polychrome painting and relief; 5 – fragment of a tile with 'ladjvardine' décor; 6 – fragment of a tile with opaque turquoise glaze.

расстояние до нее. Дождавшись встречи с царевичем Кезиахметом, он упоминает, что царевич «расположился на расстоянии выстрела из лука, в старой мечети» (Скрижинская, 1971, с. 143).

К сожалению, крупные публикации, посвященные золотоордынской архитектуре, обходят стороной тему локализации мечетей Азака и находок, указывающих на их местонахождение. Так, в двухтомной монографии Э.Д. Зиливинской 2014 года упоминаются только остатки минарета, найденного А.Н. Масловским в 2005 году (Зиливинская, 2014, с. 53).

На помощь в локализации мечетей или иных построек, связанных с мусульманами Азака, приходят находки каменного и керамического архитектурного декора с частично сохранившимися надписями. Перевод данных обрывков текстов вместе с анализом сопровождающего материала и археологического контекста дает возможность предложить локализацию минимум двух построек, так или иначе связанных с мусульманами Азака.

В 1978 году на улице Чехова, при обследовании котлована будущего здания городской милиции были зафиксированы остатки стен и фундаменты зданий (Фомичев, 1994, с. 15). Позже, в 1988 году в ходе раскопок И.В. Гудименко было найдено значительное количество оконного стекла, фрагментов стеклянных ламп. Закономерным стало предположение о том, что здесь располагалась главная городская мечеть (Масловский, 2015, с. 390).

Кроме того, в 1991 году на раскопе, заложенном в непосредственной близости к зданию милиции, а именно на участке адресу ул. Чехова, 8 в комплексе, получившем название Жилище 1 найден обломок плиты из грязно-белого мрамора. Основание фрагмента необработанное, грани ровные, обтесанные. По краю лицевой стороны выполнен невысокий узкий бордюр, обрамляющий остатки надписи на арабском языке (рис. 2: 5).

Состояние надписи не позволяет однозначно высказаться о том, как выглядел «исходный» текст. Однако, наиболее вероятным, на наш взгляд, вариантом является сура Корана под номером 54, которая носит название «Аль-Камар» или «Месяц» (Коран, 1991, с. 548). В некоторых вариантах перевода можно встретить слово «Луна». На имеющемся в нашем распоряжении фрагменте плиты сохранилось окончание первого аята (рис. 2: б). Перевод содержания аята выглядит следующим образом: «Конец Света приблизился, и

луна раскололась [на две части]». Многочисленные фрагменты огласовок на строках 3 и 4 вероятнее всего являются фрагментами фраз из той же суры.

Цитирование отдельных аятов или же сразу нескольких сур на архитектурном декоре – характерный прием для украшения стен культовых построек, имеющих отношение к исламу. Против того, что находка из раскопа по улице Чехова 8 является частью надгробия, говорит ее внешний вид. Плита содержит декор только с одной стороны, характер противоположной поверхности указывает на то, что ее каким-то образом монтировали на стену здания.

Факт находки плиты с надписью, вполне характерной для декора стен мечети или медресе становится дополнительным подтверждением в пользу ранее высказанного предположения о существовании того или другого в месте расположения современного здания милиции в городе Азове.

В 2004 году в пределах небольшого по площади раскопа, заложенном на участке по адресу Петровский бульвар 46, были расчищены остатки фундамента кирпичной башни. Здесь же был найден и водопровод XIV века (Масловский, 2006, с. 106–109). Нам кажется вполне уместным предположение о том, что башня мог являться минаретом, а водопровод, помимо прочего, использовался для нужд горожан, посещающих мечеть, располагавшуюся неподалеку.

В 2005 году на раскопе, заложенном по адресу ул. Комсомольская 8, были раскопаны остатки округлого основания минарета диаметром 3,8 м. От него сохранился только фундамент, заглубленный в землю на метр, сложенный монолитной кладкой из сырцовых кирпичей, каждый длиной около 20 см и толщиной 6–8 см. К сожалению, сама мечеть в пределы раскопа не попала (Масловский, 2005, с. 122–125, рис. 15).

В период с 1990 по 2014 год, на территории, входившей в центр Азака, ограниченной улицами Ленина, Измайлова, Ленинградская, а также переулком Социалистический, неоднократно производились археологические исследования. Отдельные находки из этих раскопок указывают на близкое расположение мечети или медресе.

Фрагмент мраморной колонны от минбара (?) найден на раскопе 1990 года по адресу ул. Ленина, 46 (Рязанов, 1991, с. 20–21).

Два фрагмента мраморной плиты с надписью на арабском языке происходят из раско-

اَقْتَرَبَتِ السَّاعَةُ وَانْشَقَّ الْقَمَرُ [6]

Рис. 2. 1 – фрагмент кашинного изразца с полихромной подглазурной росписью из раскопок М.Ю. Гончарова в 2016 г.; 2-4 – образцы кашинного архитектурного декора с полихромной подглазурной росписью из раскопок Н.М. Булатова в 1973 г.; 5 – фрагмент мраморной плиты с арабской надписью из раскопа по ул. Чехова 8, 1991 г.; 6 – Коран, Сура 54, Аят 1. В рамке – фрагмент аята, сохранившийся на фрагменте мраморной плиты из раскопок 1991 г. по ул. Чехова, 8.

Fig. 2. 1 – fragment of stone paste tile with polychrome underglaze painting from the excavations of M.Y. Goncharov in 2016; 2-4 – samples of stone paste architectural decoration with polychrome underglaze painting from the excavations of N.M. Bulatov in 1973; 5 – fragment of a marble slab with Arabic inscriptions from the excavations at Chekhov st. 8, 1991; 6 – Quran, Sura 54, Verse 1. In the frame - a fragment of the verse preserved on a piece of a marble slab from excavations in 1991 on Chekhov st. 8.

па 2005 года, заложенного по ул. Толстого, 70 (Дмитриенко, 2006б. С. 13, илл. 172). Единственным из арабских слов, которое удалось прочесть, оказалась цифра «б», написанная прописью – «سنة» (рис. 3: 1).

В 2007 году на раскопе по улице Ленина обнаружены 53 фрагмент стеклянной лампы, кашинные изразцы с рельефом и полихромной росписью, фрагмент поливного кирпича с рельефным растительным орнаментом (Масловский, 2010. с. 204, 214, рис. 21, 3, 4).

Отметим также находки из раскопов на участках по адресу пер. Социалистический 53 и 55, а именно фрагменты кашинного архитектурного декора – изразца с изображением «узла счастья», выполненного по ультрамариновому фону, мраморная ступка (Юдин, 2016, с. 139, рис. 12, 3; Юдин, 2018, с. 186, рис. 3, 4). Из раскопа по адресу переулок Социалистический 53 происходит фрагмент мраморной плиты с рельефным декором в виде фрагмента надписи на арабском языке (рис. 3: 3). Присутствуют фрагменты нескольких слов, наиболее сохранившимся из которых является центральное – видно начало слова, средняя часть в виде буквы *ر*, в соединении с еще одной буквой, вероятнее всего *ر*. Одно из предположений для восстановления и перевода сохранившейся части надписи – это слово *نهر* – «река». В случае обнаружения арабской эпиграфики, при подборе возможных источников для цитирования надписи на находке традиционно обращаются к содержанию Корана или хадисов. Слово «Река» встречается в священных мусульманских текстах несколько раз, например, в Суре 47 «Мухаммад». Аят 15 содержит фразу «В нем (Раю) текут реки из воды, которая не застаивается, реки из молока, вкус которого не изменяется, реки из вина, дарующего наслаждение пьющим, и реки из очищенного меда. В нем для них уготованы любые фрукты и прощение от их Господа». Райские реки также упоминаются в сурах 43 «Украшения» (аз-Зухруф), 56 «Необратимые события» (аль-Уакиа), 76 «Человек» (аль-Инсан), 83 «Плутовство» (аль-Мутаффифин), 108 «Изобилие» (аль-Каусар) (Коран, 1991, с. 508, 554, 599, 609, 625).

В 2016 году на раскопе по адресу улица Измайлова 48 были зафиксированы остатки фундаментных траншей, а также несколько ям. Заполнение одной из них отличалось большим количеством фрагментов кашинных изразцов различной формы, покрытых непрозрачной бирюзовой глазурью, полихромной

подглазурной росписью в виде геометрических фигур (рис. 2: 1). Находки морфологически разнообразны – это небольшие, прямоугольные в сечении плитки (детали мозаики?), а также большие по размеру и сложные по профилировке удлиненные плитки со скошенными краями. Кроме того, из этого же раскопа происходит небольшой фрагмент архитектурной детали из мергеля с растительным декором в виде пальметт и сложных соцветий (Гончаров, 2022).

Результаты работ 2016 года имеют прямое отношение к раскопкам Н.М. Булатова, проводившимся неподалеку в 1973 году, на территории стадиона городского парка. Обследования производились в связи со строительством спортивного комплекса плавательный бассейн-котельная-спортзал, а также по причине разрывов, предпринятых дирекцией расположенного рядом городского парка. Важным для нашего исследования стал факт обнаружения большого количества фрагментов кашинного и красноглиняного архитектурного декора, среди которого изразцы с декором в технике «ладжвардин», фрагменты мозаики и плиток в форме сложных многоугольников, с бирюзовой непрозрачной глазурью, красноглиняные прямоугольные глазурованные кирпичи (Булатов, 1974, с. 100; рис. 1: 4-7; рис. 2: 2-4) Впоследствии было подмечено, что это скопление импортного архитектурного декора по своему количеству превышает все находки из остальных раскопок на территории Азака, вместе взятых (Масловский, 2015. с. 392)

Одной из находок 1973 года, имеющей важное значение стал фрагмент кашинного изразца с частично сохранившейся рельефной надписью на арабском языке, выполненной белой подглазурной росписью по ультрамариновому фону (рис. 1: 2). Удалось восстановить содержание надписи, несмотря на фрагментарно сохранившиеся начало и конец словосочетания.

Фразу на изразце следует читать как *قال الناس* (*qo(a)l al-nas* / кол(ь) ал-нас), что переводится как «...(и) сказал (он) людям...» (рис. 1: 3). С подобной фразы начинается, например, Аят 1 Суры 114 «Люди» (Ан-Нас). Полностью текст аята выглядит следующим образом: *قَالَ أَغْوَدُ بِرَبِّ النَّاسِ* «Сказал людям: ищу спасения я у Господа людей». Сочетание слов глагола «говорить» в различных формах, и существительного «люди» в том или ином контексте встречается еще в нескольких сурах Корана. Вне зависимости от того, какая именно фраза

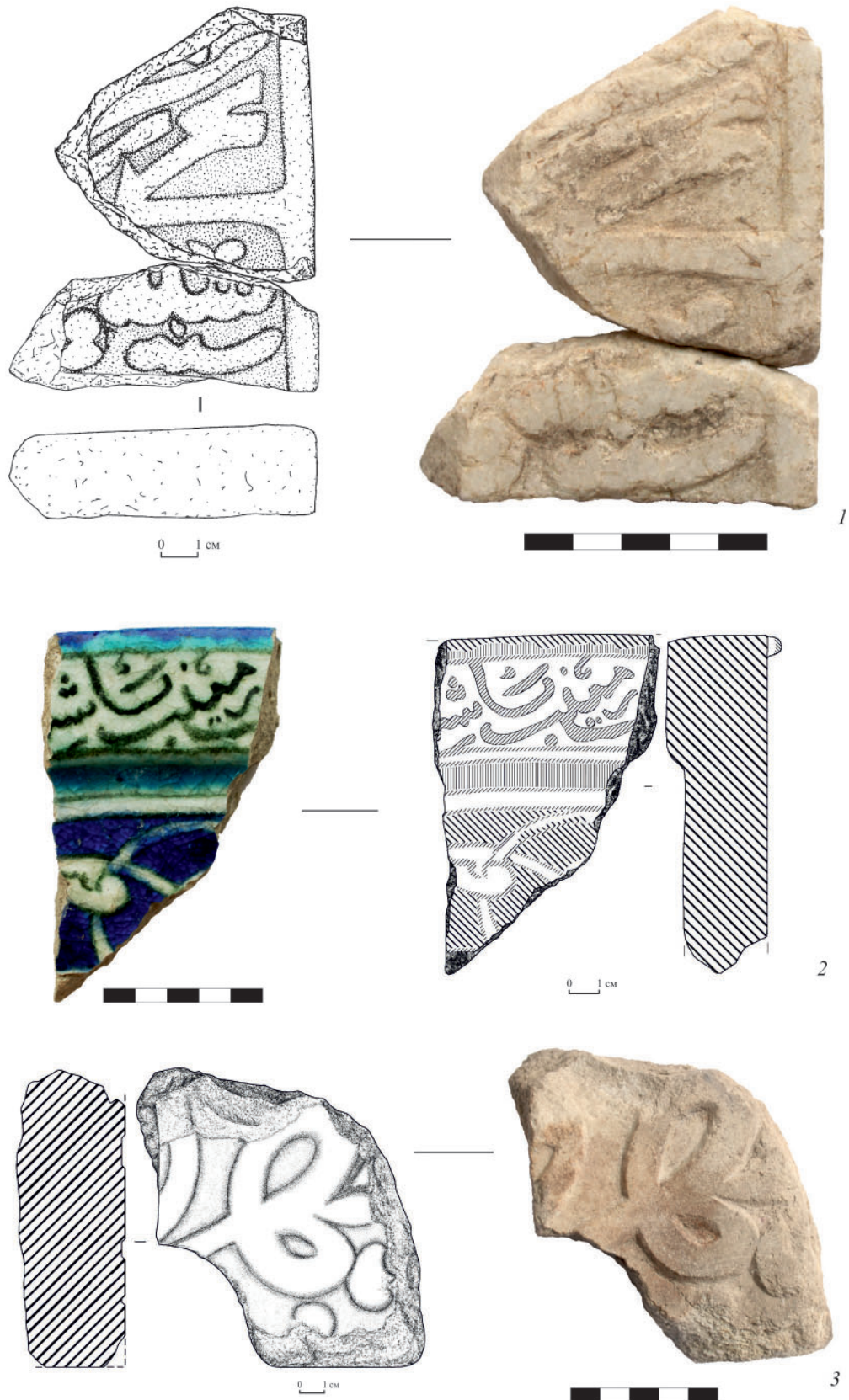

Рис. 3. 1 – фрагменты мраморной плиты с арабской надписью из раскопок М.В. Дмитриенко по ул. Толстого 70, 2005 г.; 2 – фрагмент кашинного изразца с полихромной подглазурной росписью и надписью из раскопок С.А. Кравченко на ул. Калинина 65Б в 2010 г.; 3 – фрагмент мраморной плиты с рельефной арабской надписью из раскопок Н.И. Юдина по пер. Социалистический 53 в 2014 г.

Fig. 3. 1 – fragments of a marble slab with Arabic inscription from the excavations of M.V. Dmitrienko at Tolstogo st. 70 in 2005; 2 – fragment of a stone tile with polychrome underglaze painting and inscription from the excavations of S.A. Kravchenko at Kalinina st. 65B in 2010; 3 – fragment of a marble slab with a relief Arabic inscription from the excavations of N.I. Iudin at Socialisticheskii lane 53 in 2014.

процитирована на изразце, факт обнаружения данного фрагмента в числе прочих образцов архитектурного декора в большом количестве указывает скорее на близкое расположение мечети, нежели какой-то другой постройки.

Отметим отдельные прочие находки, которые на наш взгляд, также могут быть отнесены к мечетям или медресе:

– фрагмент кашинного изразца с полихромной росписью (Масловский, 2004, с. 86, рис. 7, 2), найденный на раскопе по адресу ул. Ленинградская 9.

– фрагмент поливного изразца, найденный в 2004 году в заполнении жилища 1, раскопанного на участке по адресу ул. Комсомольская 14 (Масловский, 2005, с. 120, рис. 14: 15);

– фрагмент кашинного изразца с подглазурной полихромной росписью, рельефом, и фрагментом надписи на арабском языке (рис. 3: 2), найденный в 2010 году на раскопе по адресу ул. Калинина 65Б (Кравченко, Широченко, Гончарова, 2012, с. 181, 183, рис. 4: 2);

– каменная база колонны и плита с профилировкой из раскопа 2004 году на ул. Ленинградской 67 (Дмитриенко, 2006а, с. 40, илл. 227–230);

– фрагмент основания колонны, найденный на ул. Васильева 81В (Зенюк, 2016, с. 206 – 207, рис. 29: 2);

– архитектурные детали, найденные на раскопе 1988 года на ул. Ленинградская, 29 (Волков, 1988, с. 10).

Любопытные данные дает картография перечисленных находок, местонахождение которых позволяет выделить как минимум пять районов на территории Азака, где, как мы предполагаем, располагались мечети или медресе. Любопытно, что большая часть районов локализована вдоль главной городской улицы. Единственное исключение составляет мечеть, располагавшаяся в районе современных городских стадиона, бассейна и парка. Ранее высказывалось мнение, что это пятничная мечеть (Масловский, 2015, с. 392) С учетом близости аристократического района, вполне логичным выглядит предположение, что она служила местом для молитв привилегированной исламизированной части населения средневекового города. Она же была и самой богато украшенной – наибольшее количество находок архитектурного декора происходит из раскопов 1973 и 2016 года, заложенных на территории парка и стадиона, а также пятиэтажного жилого дома по адресу ул. Мира, располагающегося на противоположной стороне улицы.

Содержание фрагментов надписей, встреченных на отдельных находках, пусть и не является прямым указанием на принадлежность их к культовым исламским постройкам, но являются важным дополнением к контексту, говорящему в пользу расположения мечетей или медресе в конкретных местах на территории золотоордынского Азака.

ЛИТЕРАТУРА

Булатов Н.М. Исследования золотоордынского города Азака // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 100–101.

Волков И.В. Раскопки в городе Азове в 1987 году // Итоги исследований Азово-Донецкой Экспедиции в 1987 году (тезисы докладов к областному семинару). Азов: АКМ, 1988. С. 9–11

Гончаров М.Ю. Археологические исследования в г. Азове в 2016-2017 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 31. Азов. 2022. (в печати)

Дмитриенко М.В. Отчет о проведении разведок, шурфовочных работ и спасательных археологических раскопок в г. Азове Ростовской обл. на участке по ул. Ленинградской, 67 в 2004 году. Азов. 2005. АМЗ КВФ 13388/1-2.

Дмитриенко М.В. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Ленинградской, 67 в 2004 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006а. С. 117–126.

Дмитриенко М.В. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове Ростовской обл. на участке по ул. Толстого, 70 в 2005 г. Азов. 2006б. АМЗ КВФ 13430/1-2.

Зенюк Д.И. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2013-2014 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013-2014 гг. Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2016. С.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.

Коран / Перевод смыслов и комментарии. Иман Валерии Прохоровой., Москва-Дамаск: Центр Аль-Фуркан, 1991. 800 с.

Кравченко С.А., Широченко Э.Б., Гончарова С.М. Раскопки в Азове в 2010 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып. 26 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2012. С. 178–214.

Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006. С. 11–27.

Масловский А.Н. Раскопки в Азове в 2002 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004. С. 76–89.

Масловский А.Н. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006. С. 92–116

Масловский А.Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовск. музея-заповедника, 2010. С. 182–242.

Масловский А.Н. Заметки по топографии золотоордынского города Азака // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 383–411.

Рязанов С.В. Раскопки в г. Азове по ул. Ленина 46 // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: : Изд-во Азовского музея-заповедника, 1991. С. 20–23.

Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 276 с.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб, 1884. 588 с.

Фомичев Н.М. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XIV-XV вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 1994. С. 5–18.

Юдин Н.И. Археологические раскопки в городе Азове в 2014 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013-2014 гг. Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2016. С.

Юдин Н.И. Раскопки в Азове в 2015 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015-2016 гг. Вып. 30 / Отв. ред. А.Н. Масловский, Е.Н. Самарич. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2018. С.

Информация об авторе:

Юдин Никита Игоревич, научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); niarchaeologist@gmail.com

REFERENCES

Bulatov, N. M. 1974. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 goda (Archaeological Discoveries in 1973)*. Moscow: "Nauka" Publ., 100–101 (in Russian).

Volkov, I. V. 1988. In *Itogi issledovaniy Azovo-Donetskoj Ekspeditsii v 1987 godu (The Results of the Research of the Azov-Donetsk Expedition in 1987)*. Azov, 9–11 (in Russian).

Goncharov, M. Yu. (in press). In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)*. Azov (in Russian).

Dmitrienko, M. V. 2005. *Otchet o provedenii razvedok, shurfovочnykh работ i spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopok v g. Azove Rostovskoy obl. na uchastke po ul. Leningradskoy, 67 v 2004 godu (Report on exploration, drilling and rescue archaeological excavations in Azov, Rostov region, at the site on Leningradskaya str., 67 in 2004)*. Azov. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. Fund 13388/1-2 (in Russian).

Dmitrienko, M. V. 2006a. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)*. 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 117–126 (in Russian).

Dmitrienko, M. V. 2006b. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove Rostovskoy obl. na uchastke po ul. Tolstogo, 70 v 2005 g. (Report on the rescue archaeological excavations in the city of*

Azov, Rostov region, at the site on Tolstoy Street, 70 in 2005.). Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve KVF 13430/1-2 (in Russian).

Zeniuk, D. I. 2016. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013-2014 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013-2014)*. 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 2014. *Arhitektura Zolotoj Ordy. I. Kul'tovoe zodchestvo (The Golden Horde Architecture. I. Cult Monuments)*. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Koran (Qur'an) . 1991. In Prokhorova, I. V. (trans.). Moscow; Damaskus: "Tsents Al-Furkan" Publ. (in Russian).

Kravchenko, S. A., Shirochenko, E. B., Goncharova, S. M. 2004. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2010)*. 26. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 178–214 (in Russian).

Kravchenko, S. A., Shirochenko, E. B., Goncharova, S. M. 2004. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2005)*. 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 11–27 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2004. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2002)*. 19. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 76–89 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)*. 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 92–116 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2007–2008)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 182–242 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 383–411 (in Russian).

Ryazanov, S. V. 1991. In Maksimenko, V. E. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1990 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1990)* 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 20–23 (in Russian).

Skrzhinskaya, E. Ch. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otносиashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Fomichev, N. M. 1994. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Ocherki istorii Azova (Essays on the History of Azov)* 2. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 5–18 (in Russian).

Iudin, N. I. 2016. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)*. 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, (in Russian).

Iudin, N. I. 2018. In Maslovskiy, A. N., Samarich, E. N. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2015-2016 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2015-2016)*. 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, (in Russian).

About the Author:

Iudin Nikita I. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; niarchaeologist@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.176.184>

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПТИЦ НА ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКЕ ПРОИЗВОДСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА ИЗ РАСКОПОК АЗАКА

© 2022 г. Е.Д. Мойсова

В статье рассматривается найденная на территории города Азова крымская поливная керамика XIV в. с орнитоморфным декором, выполненным в технике «сграффито», «сграффито с полихромной расцветкой» или сочетанием техник «сграффито» и «резерв». На основании наиболее сохранных экземпляров были выделены следующие композиции, главным или одним из ключевых персонажей которых является птица: длинноногая птица в высокой траве со сложенными на спинке крыльями, украшенными стилизованным растительным орнаментом; крупная коротконогая птица в зарослях с большим расширяющимся хвостом и оперением, переданным в виде рядов фестончатых линий; птица с расправленными над спиной крыльями на фоне спиралеобразных, волнообразных линий; шествие птиц по кругу, изображённых схематично; небольшая птица с расправленными над спиной крыльями, широко раскрывающая клюв, стоящая перед большой удлинённый предмет; кормящаяся птица, вписанная в шестиугольную фигуру, образованную двойными линиями, между которыми находится орнамент; маленькая птичка в круглом, украшенном растительностью, медальоне; птица и рыба, соприкасающиеся клювом и ртом соответственно. Также были детально рассмотрены варианты изображения разных частей птицы, их орнаментация, на чём мастер акцентировал свое внимание: прорисованные зрачки, носовая кость, хохолок, дополнительная орнаментация на шее, выпуклая грудка, сложенные или расправленные орнаментированные крылья и другие особенности.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, город Азак, крымская поливная керамика, сграффито, зооморфный орнамент, птицы.

BIRD IMAGES ON CERAMICS PRODUCED IN SOUTH-EASTERN CRIMEA FROM THE EXCAVATIONS OF AZAK

E.D. Moisoava

The paper considers the 14th century Crimean glazed ceramics with ornithomorphic design made in “sgraffito”, “sgraffito with polychrome coloring” techniques, or a combination of “sgraffito” and “engobe scraping” techniques discovered in the territory of the town of Azov. On the basis of the most preserved items, the following compositions were subdivided, according to the main or key characters, which is a bird: a long-legged bird in tall grass with wings decorated with stylized floral ornament and folded on its back; a large short-legged bird in brushwood with a large expanding tail and plumage designed with rows of scalloped lines; a bird with its wings spread over its back set against the background of spiral-shaped, wavy lines; a procession of birds in a circle, schematically arranged; a small bird widely opening its beak with spread wings over its back with a large elongated object in front of it; a feeding bird arranged inside a hexagon formed by double lines with an ornament between them; a small bird in round medallion with a floral ornament; a bird and a fish with their beak and mouth touching each other. Moreover, the variants of painting of different body parts of the bird, their ornaments, and the elements emphasized by the craftsman: drawn pupils, nasal bone, crest, additional ornaments on the neck, protuberant breast, folded or spread ornamented wings, and other features were also investigated in detail.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, Azak, Crimean glazed ceramics, sgraffito, zoomorphic ornament, birds.

Золотоордынский город Азак был одним из крупных торгово-ремесленных центров Северного Причерноморья. В городе проживали мастера, освоившие разные виды ремёсел, в том числе производство керамики. Они изготавливали как обычную, обиходную неполивную посуду в больших количествах, так и поливную столовую. Несмотря на боль-

шой объём изготавливаемой в Азаке посуды, на его территории находят много импортной керамики, привезённой из различных частей Азии и Европы, которая изобилует разнообразием форм и расцветок. Не является исключением и керамика, привезённая из Крыма.

В городах ЮВ Крыма в 3 чет. XIII века появляются гончарные центры, производящие

поливную керамику (Масловский, 2012, с. 193). Достаточно быстро керамические изделия, произведённые там, распространяются по территории Восточной Европы. Статистические данные показывают, что посуда ЮВ Крыма привозилась в Азак в больших количествах. В некоторых исследованных комплексах местной керамики было меньше, чем изделий крымского производства. В Азак из ЮВ Крыма поставляли преимущественно поливную посуду, украшенную рельефным штампованным, «сграффито» и другим орнаментом. Черепок плотный по фактуре и содержит естественные и искусственные примеси – известь и шамот соответственно (Масловский 2017, с. 455–465). Данная керамика выполнена на круге на этапе РФК-6 или РФК-7 (Бобринский, 1978, с. 7, 55–64).

Тема исследования сосудов с изображением птиц уже привлекала внимание исследователей. Их анализу посвящена статья Давлетшиной Е.Р. По ее мнению, посыл, который несёт в себе изображённая птица часто угадывается только в контексте: орёл, изображённый на гербе, – символ верховной власти; птица на надгробной плите – знак окончившейся жизни. Изображение птицы в полёте могло восхищать людей несвойственной им способностью. В других случаях изображение птицы могло олицетворять счастье, любовь (Давлетшина, 2009, с. 471). Сейдалиева Д.Э. отмечает, что образ утки несёт сакральную и мифологическую смысловую нагрузку, связанную с татарской легендой о творении земли уткой, нырнувшей на дно и доставшей землю (Сейдалиева, 2019, с. 337). Лисова Н.Ф. в своей монографической работе (Лисова, 2012, с. 74–92) пишет о зооморфных мотивах на сосудах с полихромной росписью и со сграффито, о канонах изображения птицы. Масловский А.Н., изучая керамику, привезённую из ЮВ Крыма в Азак, отмечает, что на 1330-е годы приходится большая часть сосудов, украшенных изображением птиц (Масловский, 2017, с. 469). Мастера, обладающие разным уровнем художественных способностей, изображали известные им виды птиц, а также могли копировать привозную керамику, рисунки на тканях, изображения из книжных миниатюр. В исследовании Сейдалиевой Д.Э. выделяются следующие виды птиц, изображённых на крымской поливной посуде Солхата: павлин, кольчатая горлица, кеклик, голубь, угод и другие птицы (Сейдалиева, 2019, с. 336–337). Некоторые изображения на представленных нами чашах можно предположительно иден-

тифицировать как степных птиц: голубь (рис. 2: 3), перепел (рис. 1: 3), стрепет (рис. 1: 2), куличок или ржанка (рис. 3: 2), ястреб или сокол (рис. 2: 2).

В статье рассматривается археологический материал с орнитоморфным декором в техниках «сграффито» и «резерв», найденный на территории Азова при раскопках на протяжении 1978–2020 гг., относящийся к XIV веку, произведённый на территории ЮВ Крыма. Изображения птиц в Крыму встречаются на сосудах разных форм. На данный момент на территории Азова найдены только сосуды открытой формы типа с подобным сюжетом. Было отобрано 16 наиболее сохранных сосудов с изображением птиц, хранящихся в фондах Азовского музея-заповедника. Наиболее ценны целиком или практически целиком сохранившиеся чаши с пернатыми – 6 штук.

Имеющиеся в Азовском музее крымские чаши и фрагменты, выполненные в технике «сграффито», покрытые глазурью, позволяют выделить ряд композиций. Первой из них обращает на себя внимание вариант изображения на чашах райской птицы в траве или кустарнике (рис. 1: 1, 2).

На представленных экземплярах птица обращена влево. Фоном служат растения с частой выгравированной симметричной листвой и крупными плодами на верхушке стебля (Масловский, 2010, с. 210, рис. 2); (Аз-1989, Комс-1, Я-6, раскопки В.И. Перевозчикова). Пернатое имеет продолговатое туловище, сложенные крылья, невыраженный, сливающийся с телом хвост. Образ дополняют длинные тонкие лапы, короткая тонкая шея, небольшая голова. Хохолок на голове мастер изобразил схематично в виде трёх окружностей и трёх тонких линий. Кроме того, птица имеет острый, слегка загнутый книзу клюв и большой глаз. Мастер украсил саму птицу необычным узором. На туловище нанесён стилизованный орнамент: растительный побег, заканчивающийся крупным бутонем. Композиция выгравирована предельно аккуратно. Чаши с подобным орнаментом были найдены при раскопках Солхатского городища (Сейдалиева, 2017, с. 356).

Другой вариант изображения пернатого в зарослях выполнен менее аккуратно (рис. 1: 3). Эта композиция, в центре которой выгравирована крупная птица с большим раскрытым хвостом. Она находится в траве или кустарнике (Аз-1978, Соц. Я-8, раскопки Н.М. Фомичева). Мастер изобразил туловище небольшим, с крупным, расширяющимся к концу

Рис. 1. Керамика Ю-В Крыма: 1,2 – длинноногая птица в высокой траве (1. Л-53, Я-32, 2007; 2. Комс-1, котл., Я-6, 1989); 3 – крупная коротконогая птица в зарослях с телом, украшенным фестончатыми линиями (Соц., Я-8, 1978).

Fig. 1. Ceramics produced in South-Eastern Crimea: 1,2 – long-legged bird in tall grass (1. L-53, Ya-32, 2007; 2. Koms-1, kotl., Ya-6, 1989); 3 – large short-legged bird in brushwood with rows of scalloped lines on the body (Sots., Ya-8, 1978). (in Russian).

хвостом. Лапы короткие, с прорисованной верхней частью. Туловище покрыто рядами фестончатых линий, имитирующих очертания перьев. Подобное схематичное отображение напоминает изображение чешуи рыбы. Хвост крупный, длинный, орнаментированный, расширяется к концу; конец хвоста обрамляет дополнительная вертикальная линия. Слева от птицы и перед ней находится растение с голым стеблем и плодами на конце стебля и вокруг него. Место перехода туловища в хвост оформлено двумя линиями. Рядом с головой птицы изображено растение. Аналогичная птица находится на чаше, обнаруженной в ходе раскопок 2001 года, однако в связи с плохой сохранностью нельзя точно определить наличие растений рядом с ней (Аз-2001, Т-41, ВХ-№1981, раскопки А.Н. Масловского).

Следующий сюжет – изящная птица в момент полёта с приподнятыми над спиной,

расправленными крыльями и согнутыми, находящимися в поджатом положении лапами. Можно отметить некоторые отличительные особенности в стремлении показать летящую птицу. В ряде случаев мастер оформлял бортик чаши, или пространство вокруг или и то, и другое волнообразными или завиткообразными линиями. Чаша с этим рисунком была найдена на ул. Толстого, 70, Я-1 (Дмитриенко, 2006, с. 128, рис. 3).

Одна из таких птиц показана необычно. Она изображена на чаше, найденной в 2014 году на ул. Фрунзе, 4, Шурф-1, Прирезка-1, Я-1 (Зенюк, Масловский, 2018, с. 213 рис. 1). Она имеет крупное продолговатое туловище и короткую шею. Крыло приподнято над спиной, расправлено. Прилегающее к телу крыло изображено в виде крупного завитка в центре туловища, этот завиток мастер также мог изобразить и как украшение туловища.

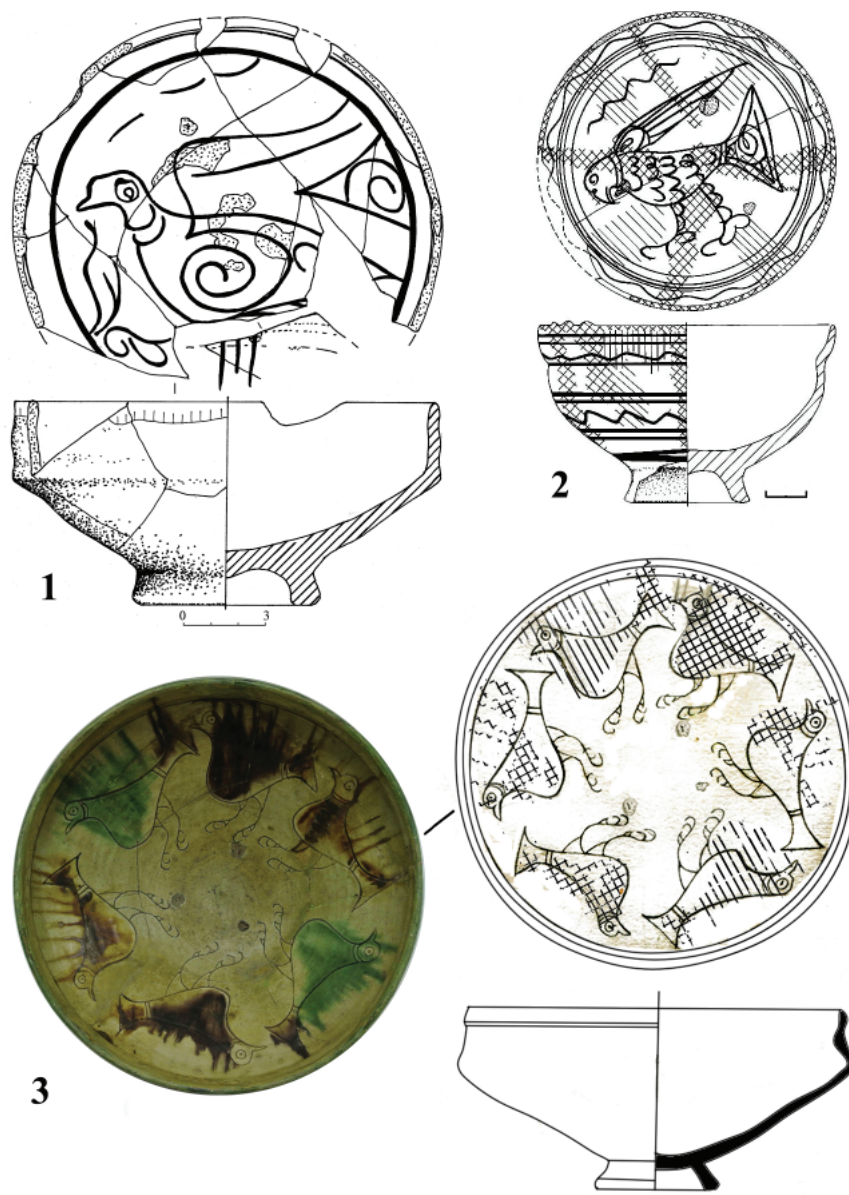

Рис. 2. Керамика Ю-В Крыма: 1,2 – птица с расправленными над спиной крыльями на фоне спиралеобразных, волнообразных линий (4. Ф-4, Шурф-1, Прирез-1, Я-1. 2014; 5. Пр-12б, Я-45а, 2008); 3 – шествие птиц по кругу (Чех, котл., Я-12, 1988).

Fig. 2. Ceramics produced in South-Eastern Crimea: 1,2 – bird with spread wings over its back set against the background of spiral-shaped, wavy lines (4. F-4, Shurf-1, Prirez-1, Ya-1. 2014; 5. Pr-12b, Ya-45a, 2008); 3 – procession of birds arranged in a circle (Chekh, kotl., Ya-12, 1988). (in Russian).

В качестве фона мастер изобразил небольшое количество растительности около головы птицы (рис. 2: 1). Данная находка является наиболее поздней среди находок, сделанных в Азаке и датируется началом XV в. Одновременно это самое примитивное среди изображений.

В случае изображения хищной птицы используется аналогичное заполнение фона (рис. 2: 2). Тело покрыто перьями, переданы как ряды фестонов. Птица имеет крупный, загнутый книзу клюв. Большие, длинные лапы изображены детально, на них прорисовано оперение. Автор пытался передать позу

пикирующего ястреба, готовящегося схватить добычу. Крылья сложены над спиной, вероятно, чтобы показать стремительность полёта. Чаша датируется началом третьей четверти XIV в. (Аз-2008, Прив-12б, Я-45а, раскопки А.Н. Масловского).

Особый интерес представляет композиция на чаше, с изображением сразу шести птиц (Аз- 1988, Чех., котл., Я-12, раскопки И.В. Гудименко). Фигуры расположены друг за другом и развернуты против часовой стрелки вокруг центра. Кроме птиц изображения в орнаментальном поле отсутствуют. Они практически идентичны, схематизированы и выде-

лены цветом. Крылья не прорисованы. Птицы имеют продолговатые тельца и сильно выпяченные грудки. Хвост раскрытый, расширяющийся к концу. Место перехода туловища в хвост украшает пояс из двух вертикальных линий. Короткая шея украшена «лентой» (рис. 2: 3).

Необычна сложная композиция — передвигающаяся птица, заключённая в шестиугольную фигуру, образованную треугольниками в каждый из которых вписан стилизованный бутон(?), завязь(?). Она имеет короткое тело и длинный, овальный, заостряющийся к концу хвост с прорисованными длинными перьями. Крылья сложены, лапы длинные, не отделяются от туловища линией. Клюв короткий, открытый. Птица изображена в момент кормления. Возле неё, вероятно, схематично дугообразной линией изображена еда (рис. 3: 1). Чаша происходит из раскопок Гончарова М.Ю. в 2017 г. на Петровском бульваре.

Следующая композиция — маленькая птичка в круглом, украшенном растительностью, медальоне. Она имеет приподнятую голову, вздернутый клюв, прорисованный двумя окружностями зрачок. Шея украшена трёхполосным «лентой». Грудка выпуклая, хвост и крылья сливаются, штриховкой схематично показано оперение. Чаша с таким рисунком была найдена на ул. Толстого, 20, Я-17 при раскопках Гончаровой С.М. в 2020 году.

Птица иногда могла занимать 50% всего пространства на чаше, а могла быть миниатюрной частью композиции с несколькими персонажами. На следующей чаше из раскопок Юдина Н.И. в 2014 г. на ул. Социалистической, 53, Р-2, Я-2, изображена маленькая птичка с расправленными крыльями, согнутыми лапками, со стилизованным орнаментом на туловище. Клюв широко открыт. Взгляд птицы направлен на нечто, что можно интерпретировать по-разному: как дорогу или необычное дерево. Около неё может находиться большое удлинённое тело — предположительно, червяк. Пространство вокруг существ ничем не заполнено (рис. 3: 2).

В 2014 г. на ул. Социалистической, 53 Р-1, Я-11 была найдена ещё одна интересная композиция, которая представлена фрагментировано, однако сохранились соприкасающиеся головы птицы и рыбы. Сюжет не ясен. Зооморфные фигуры выполнены в одной стилистике, с неширокой лентой, выделяющей голову (рис. 3: 3).

Средневековые мастера не только создавали уникальные композиции, но и по-разному передавали детали изображения.

Голова

Птицу обычно показывают в профиль. Глаза бывают круглые, овальные, иногда слегка приплюснутые или выделенные дополнительной линией. У хищной птицы мастер мог показать лёгкий прищур (рис. 2: 2). Глаза часто изображались непропорционально относительно величины головы. В одних случаях зрачок выделен, в других — глаз закрашен полностью.

Клюв чаще короткий или средний, чем длинный. Его изображали прямым, слегка загнутым, сильно загнутым. В большинстве случаев клюв показан целостно. Раскрытый клюв вероятно изображал птицу в процессе еды (рис. 3: 2, 3). Иногда мастер изображал носовую кость и ноздри (рис. 1: 2).

Часто у красиво исполненных, изящных, орнаментированных птиц можно отметить наличие хохолка (рис. 1: 2) в виде трёх маленьких окружностей, соединённых с головой с помощью коротких тонких линий над затылочной её частью, реже сверху.

Шея и туловище

Шея птицы зачастую короткая, не слишком длинная, вытянута вперед или вертикальная. Её не орнаментируют, за исключением пояса из двух тонких полос, редко такой пояс выполнен в технике «резерв» (рис. 2: 3). В одном случае встречается пояс из трёх полос (Аз-2001, Т-41, Вх-№1981, раскопки А.Н. Масловского) в другом — в виде трёх полос, одна из которых волнообразная (Масловский, 2017, с. 210, рис. 1). Место расположения пояса бывает различным: в месте перехода головы в шею, в середине шеи, в месте перехода шеи в туловище, практически на груди. Величина такого пояса также может меняться от узкого до широкого.

Размеры туловища также варьируются. Можно выделить следующие типы его изображения, вариации которых дают разные образы птиц: удлинённое, округлое, с выпяченной грудкой, со сливающимся с телом хвостом или крыльями. Туловище могло быть орнаментированным и без стилизованного узора. Один из частых вариантов изображения оперенья — ряды фестонов. Они расположены по всему телу (рис. 1: 3). Перья мастер мог показать и иначе, например, по-прежнему дугообразными линиями, но расположенными хаотично (Масловский, 2017, с. 210, рис. 1). В другом случае мастер украшал птицу расти-

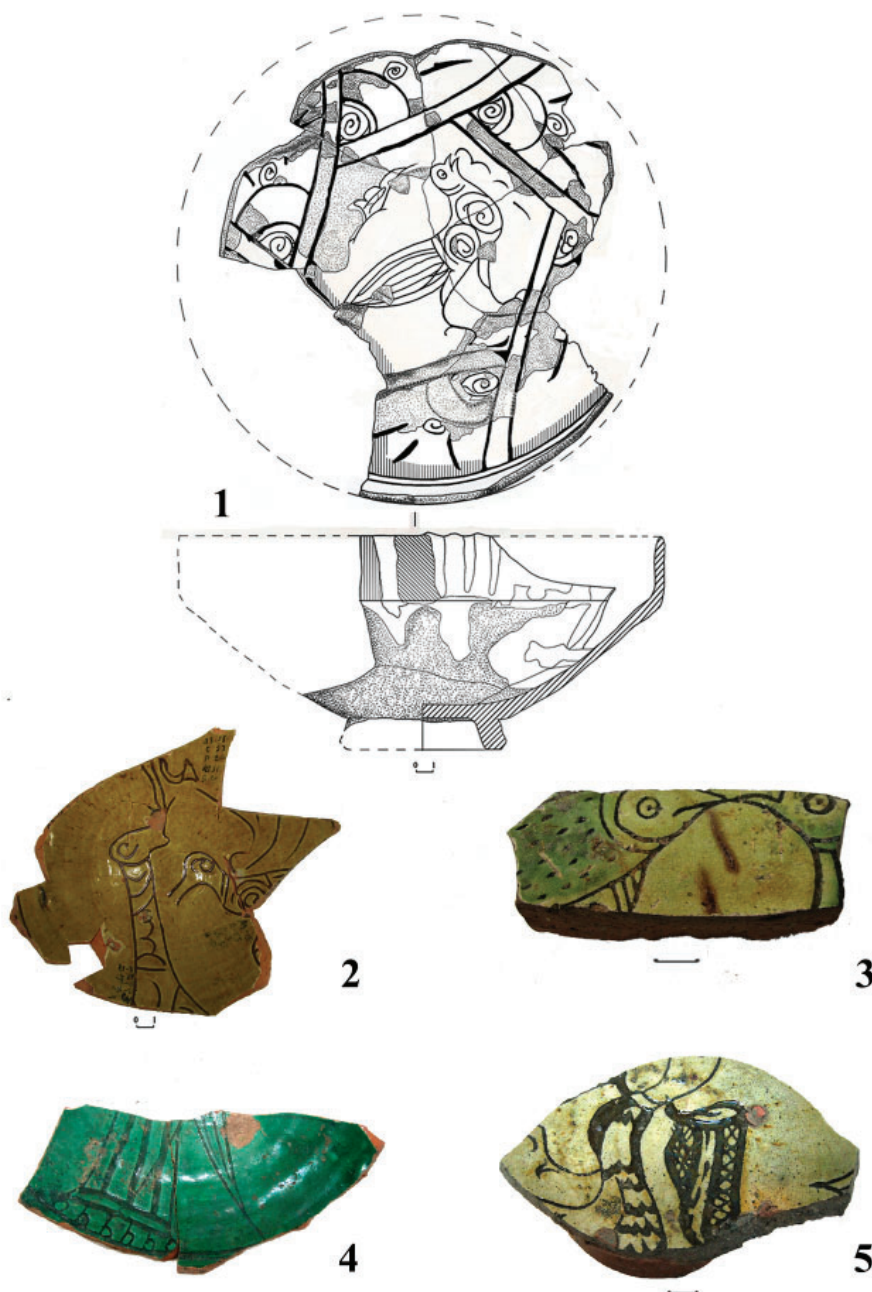

Рис. 3 Керамика Ю-В Крыма: 1 – кормящаяся птица, вписанная в шестиугольную фигуру (П.б.-46а, Тр-5, Ж-3, 2017); 2 – птица с расправленными над спиной крыльями, широко раскрывающая клюв (Соц-53, Р-2, Я-2, 2014); 3 – птица и рыба, соприкасающиеся клювом и ртом соответственно (Соц-53, Р-1, Я-11, 2014); 4 – орнаментированный хвост птицы (М-32, Я-2, 1993); 5 – птица с необычными крыльями (Т-7, Кв-2, Шт-1, 2007).
Fig. 3. Ceramics produced in South-Eastern Crimea: 1 – feeding bird arranged inside a hexagon (P.b.-46a, Tr-5, Zh-3, 2017); 2 – bird widely opening its beak with its wings spread over its back (Sots-53, R-2, Ya-2, 2014); 3 – bird and fish with their beak and mouth touching each other (Sots-53, R-1, Ya-11, 2014); 4 – ornamented bird's tail (M-32, Ya-2, 1993); 5 – bird with unusual wings (T-7, Kv-2, Sht-1, 2007). (in Russian).

тельным узором. На туловище изображалось два крупных завитка, соединённых между собой маленькими окружностями. Птица с подобным орнаментом часто изображалась в зарослях и была исполнена очень аккуратно (рис. 1: 1). Есть случай, когда маленькое туловище выполнено в технике «резерв» (рис 3: 5).

Крылья

В том случае, когда у птицы прорисованы крылья над спиной, они отходят от централь-

ной части спинки или от места перехода шеи в туловище. Мастера изображали крылья по-разному: одно или два крыла над спиной, два крыла по обе стороны от шеи. Большие крылья придают рисунку лёгкость, тонкие — ощущение стремительного полёта, маленькие крылья в сочетании с крупным туловищем могут показывать птицу, не приспособленную для долгих перелётов. Крылья нередко украшены схематичным рисунком, изобра-

жающим перья в виде длинных, узких линий, реже в сочетании с завитками и окружностями (рис. 2: 2). Редкая форма и орнаментация крыла изображены на чаше, найденной на ул. Толстого, 71, шт. 1 (рис. 3: 5). Крыло отходит от тонкой шеи, украшено сетчатым и линейным орнаментом в технике «резерв». Вероятнее всего, с другой стороны от шеи располагалось подобное крыло (Аз-2007, Т-71, кв-2, шт-1, раскопки М.В. Дмитриенко).

Хвосты

Хвосты показывали как сливающимися с туловищем, так и выделяли их. В порядке вещей изображение хвоста растробовидной формы (рис. 1: 3). Хвост украшался узорами, завитками, розетками, треугольниками, а также волнообразными вертикальными и продольными дугообразными линиями, имитирующими перья. В месте перехода хвоста в туловище часто имеется пояс из двух тонких полос. Подобным образом мог обрамляться и конец хвоста. Конец хвоста мастер мог дополнительно украсить схематично изображенными торчащими пёрышками (рис. 3: 4) в виде ряда маленьких окружностей, соединённых с хвостом тонкой короткой линией (Аз-1993, М-3, Я-2, раскопки Гудименко).

Лапы

Нижних конечностей на рисунке всегда две. Птицу могли показать длинноногой и коротконогой, со схематично изображенными лапами или более детально прорисованными с имеющими штриховку верхними частями лап. На одной из чаш изображена длинноногая птица, в месте сгиба лапы сделан акцент на оперение (рис. 1: 1).

Нижние конечности мастер показывал в слегка подогнутом состоянии, если это была летящая птица. Если же она находилась в статичном положении, то на рисунке изображали раскрытое положение лап. В случае с

летящей хищной птицей также прорисованы большие лапы (рис. 2: 2).

Таким образом, из всех представленных выше деталей вырисовывались различные образы пернатых. Вариаций изображений не слишком много, большинство из них унифицировано. Это были преимущественно не приспособленные для долгих перелётов степные птицы, выполненные в определенной стилистике, совершенно не похожие на птиц, воссозданных на кашинной керамике. Вероятно, выбор таких видов был обусловлен местом жительства ремесленника. Судя по трафаретности, мастера также могли повторять рисунок. Образцом могла служить книжная миниатюра, изображение на ткани, как в случае с птицей в медальоне или на других изделиях декоративно-прикладного искусства; поиск прототипов – следующий этап нашей работы.

Выявленные на крымской керамике композиции достаточно многочисленны, но при этом есть часто встречаемые – длинноногая птица в траве с туловищем, украшенным стилизованным растительным орнаментом; крупная коротконогая птица в траве с большим хвостом и оперением, переданным в виде рядов фестончатых линий; птица с крыльями над спиной на фоне спиралеобразных, волнообразных линий. Это подтверждают аналогии с территории Солхата. Вместе с этим целый ряд композиций представлен единичными экземплярами. Можно предположить, что подобные изображения делались под заказ.

Несмотря на то, что на 1330-е годы приходится большая часть сосудов, украшенных изображением птиц, есть находки относящиеся ко второй половине XIV – началу XV вв... Вопрос о хронологии требует дальнейшей проработки, возможно, самые распространенные композиции могут быть использованы в дальнейшем в качестве датирующего материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Гудименко И.В.* Отчет о спасательных раскопках в г. Азове по ул. Московской № 32 в 1993 г. // Архив АМЗ, КВФ 11936/1.
- Гудименко И.В.* Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Чехова в марте-апреле 1998 г. // Архив АМЗ, КВФ 11170/1.
- Давлетшина Е.Р.* Образ птицы в поливной керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 471–478.
- Дмитриенко М.В.* Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Толстого, 70 в 2005 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 126–135.

Дмитриенко М.В. Отчет о спасательных работах археологических раскопок в г. Азове Ростовской области на участке по ул. Мира, 4 (на территории городского парка) и ул. Толстого, 71 в 2007 г. // Архив АМЗ, КВФ 13563/1.

Зенюк Д.И., Масловский А.Н. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 204–221.

Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Серия «Археология евразийских степей». Вып. 15. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с.

Масловский А.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Толстого, 41 в 2001 г. // Архив АМЗ, б/н.

Масловский А.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Привокзальной, 12Б в 2008 г. Т. 1 // Архив АМЗ, КВФ 14001/1.

Масловский А.Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // ИАИАНД. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2010. С. 182–241.

Масловский А.Н. Начало производства поливной керамики в Юго-Восточном Крыму в последней четверти XIII — первой половине XVI в. // Филология и культура. Вып. 1. 2012. С. 192–196.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 455–489.

Перевозчиков В.И. Отчет о раскопках по улице Комсомольской в июне-августе 1989 г. // Архив АМЗ, КВФ 11766/1.

Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округа // МАИЭТ. Вып. XXIV. 2019. С. 335–362.

Информация об авторе:

Мойсова Елизавета Дионисовна, научный сотрудник, Азовский музей-заповедник (г. Азов, Россия); moysova.elizaveta@mail.ru

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gudimenko, I. V. 1993. *Otchet o spasatel'nykh raskopkakh v g. Azove po ul. Moskovskoy № 32 v 1993 g. (Report on Rescue Excavations in the City of Azov on Moskovskaya str., No. 32, in 1993)*. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-11936/1 (in Russian).

Gudimenko, I. V. 1998. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po ul. Chekhova v marte-aprele 1998 g. (Report on Rescue Archaeological Excavations in the City of Azov on Chekhova str. in March-April, 1998)*. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-11170/1 (in Russian).

Davletshina, E. R. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)»*. 17 marta 2009 g (*Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.)” March 17, 2009.*) 1. Kazan: “Fan” Publ., 471–478 (in Russian).

Dmitrienko, M. V. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 126–135 (in Russian).

Dmitrienko, M. V. 2007. *Otchet o spasatel'nykh rabotakh arkheologicheskikh raskopok v g. Azove Rostovskoy oblasti na uchastke po ul. Mira, 4 (na territorii gorodskogo parka) i ul. Tolstogo, 71 v 2007 g. (Report on the Rescue Works at Archaeological Excavations in the City of Azov, Rostov Oblast, at a Plot on Mira str., 4 (in the Territory of the city park) and Tolstogo str., 71, in 2007)*. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-13563/1 (in Russian).

Zenyuk, D. I., Maslovsky, A. N. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)*. 2(24), 204–221 (in Russian).

Lisova, N. F. 2012. *Ornament glazurovannoy posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya (Ornamentation of the Glazed Ware of the Golden Horde Towns of the Lower Volga Region)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 15. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2001. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po ul. Tolstogo, 41 v 2001 g. (Report on Rescue Archaeological Excavations in the City of Azov on Tolstogo str., 41, in 2001)*. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2008. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po ul. Privokzal'noy, 12B v 2008 g. T. 1 (Report on Rescue Archaeological Excavations in the City of Azov on Privokzal'naya str., 12B, in 2008, V. 1)*. Azov. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-14001/1 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 182–241 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2012. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* (1), 192–196 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Circum Pontic area in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 455–489 (in Russian).

Perevozchikov, V. I. 1989. *Otchet o raskopkakh po ulitse Komsomol'skoy v iyune-avguste 1989 g. (Report on Excavations on Komsomolskaya str. in June-August, 1989)*. Azov. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF- 11766/1 (in Russian).

Seydalieva, D. E. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (24). 335–362 (in Russian).

About the Author:

Moisova Elizaveta D. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; moysova.elizaveta@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ АЗАК ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ТОХТАМЫША (1381–1395 ГГ.)

© 2022 г. А.Н. Масловский

Даётся очерк археологии Азака в последний период его жизни: от окончания «Великой замятни» и захвата его Тохтамышем до погрома Тимуром в сентябре 1395 г. Смута привела к уменьшению площади города минимально в 4 раза. Были заброшены все городские периферийные районы. Но он по-прежнему оставался крупным, по меркам Восточной Европы, центром. Прекращает функционировать большинство городских могильников. Центр города сохранил свою планировку и традиции мощения улиц. Плотность городской застройки, вероятно, заметно не изменилась. Исчезают земляночные жилые постройки, в то время как крупные дома с подвалами-складами сохраняются по-прежнему. Сильно сократилось число хозяйственных ям. В некоторых случаях сохраняется преемственность заселения участков представителями одной и той же специальности. Происходит качественный скачок в развитии местного гончарного производства. Разнообразие монетных типов местной чеканки достигает максимума. Фиксируется некоторое восстановление торговых связей с другими регионами Золотой Орды, но к докризисному уровню они не возвращаются. По-настоящему устойчивые связи существуют только с Крымом и с заморскими центрами. Сохраняется сельская округа Азака о размерах которой в этот период ничего определённого сказать нельзя. Следы Тимуровского погрома прослеживаются слабо. Особенно это касается захоронений жертв убийств. При этом следов возобновления жизни города после 1395 г. не прослеживается.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, Тохтамыш, монетное обращение, керамическое производство, Тимуровский погром.

THE GOLDEN HORDE TOWN OF AZAK DURING THE TOKHTAMYSH REIGN (1381–1395 CC.)

A.N. Maslovsky

The paper provides an overview of Azak archaeology during the last period of its existence, from the end of the 'Velikaya zamyatnya' period and its capture by Tokhtamysh to the Timur's invasion in September 1395. The turmoil resulted in a reduction of the town area, which was at least 4-fold. All urban peripheral areas were abandoned. But Azak still remained a large center according to the Eastern European standards. Most of the town's burial grounds stopped operating. The town center retained its layout, including the traditional cobbled streets. The density of urban development probably did not change noticeably. Dugout housing disappeared, but large houses with cellars and warehouses still preserved. The number of utility pits significantly decreased. In some cases, city districts were inhabited by the representatives of the same specialization. There was a qualitative leap in the development of the local pottery craft. The variety of local coinage types reached its maximum. Signs of restoration of trade relations with other regions of the Golden Horde are traced, but they did not return to the pre-crisis level. Actually stable links only remained with Crimea and overseas centers. The rural district of Azak preserved, but nothing definitive can be said about its size during that period. Evidence of Timur's invasion is poorly traced, which especially concerns the burials of murder victims. At the same time, there is no evidence of continued operation of the town after 1395.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, Tokhtamysh, monetary circulation, ceramics production, Timur's invasion.

Вся история золотоордынских городов заняла временной отрезок в среднем чуть более столетия. Менее всего их облик можно было бы назвать статичным. Вполне закономерно желание специалистов создать периодизацию истории золотоордынских городов максимально детальной, благо данные письменных и нумизматических источников это позволяют. На настоящий момент создано несколько их вариантов (Зиливинская, Васи-

льев, 2016, с. 637–639) и в дальнейшем, несомненно, появятся новые. Наиболее бесспорным выглядит выделение в отдельный период правления хана Тохтамыша (1381–1395 гг.). При его характеристике исследователи на редкость единодушны — это период временного незначительного подъема городской жизни, связанного с восстановлением единства государства и политикой нового хана, в частности его монетной реформой.

Данный вывод представляется несколько поспешным, поскольку базируется он скорее на общих соображениях и анализе нумизматических материалов, а не на исследованиях археологических материалов конкретных памятников. Обилие монетных находок, особенно в последние десятилетия, с одной стороны, логично приводит к построению периодизаций исключительно на их основе. С другой стороны, данные нумизматики, оторванные от археологического контекста, представляются недостаточными для выводов о состоянии городской жизни в конкретный период.

С археологической точки зрения вопрос изучен слабо. На Болгаре и Укеке комплексы времен Токтамыша пока исследованы не были. Многие города Золотой Орды просто недостаточно исследованы, чтобы сформулировать обоснованные выводы. Для Нижнего Поволжья есть обзоры по отдельным памятникам (Мыськов, 2006; Рудаков, 2002). К этому следует добавить обзоры монетных находок с отдельных городищ (Клоков, Лебедев, 2000; Лебедев и др., 2005).

Азак для изучения заявленной темы интересен по двум причинам. Во-первых, о состоянии торговли в городе, а, следовательно, косвенно о жизни города в целом, у нас, благодаря присутствию в городе итальянских купцов, несравнимо больше письменных свидетельств (Карпов, 2021, с. 160–176). Во-вторых, исследована, пусть неравномерно и с пробелами, вся территория городища на большой площади. Но даже в этом случае ранее опубликованные наблюдения (Фомичёв, 1981а; Масловский, 2016, с. 239, рис. 3) приходится уточнять. Данная статья является продолжением работы по характеристике этапов развития Азака (Масловский, 2018).

В отличие от некоторых других вех в истории Азака, начало правления Тохтамыша не сопровождалось яркими изменениями комплекса материальной культуры, и потому мы также вынуждены для выявления материалов этого периода обращаться к нумизматическим находкам. Монеты 1381–1395 гг. встречены на примерно пятидесяти раскопах. Однако, очерчивать территорию города, опираясь на единичные находки из слоя, представляется неоправданным. Поэтому предлагаемая в данной работе карта города (рис. 1: 1) основана на обнаруженных закрытых комплексах.

Площадь городской застройки резко сократилась. Были заброшены все периферийные районы за пределами внутренней дуги

могильников (Масловский, 2019. С. 653–654). Исключение составляли отдельные усадьбы, как например, зафиксированные на участках по ул. Кирова, 46, ул. Толстого, 99 - Ленинградской, 100. Возможно, с такой усадьбой связаны монетные находки, сделанные до начала масштабных археологических исследований в районе рядом с железнодорожным вокзалом (Фомичёв, 1981а, с. 8).

Но и внутри этой дуги не вся территория была обитаема. Сохранившаяся часть города представляла собой полосу вдоль главных городских улиц, вытянутую с севера на юг примерно до перекрестка современных улиц Кондаурова и Измайлова и несколько расширяющуюся в приречной части (рис. 1). В ходе раскопок 2019 г. на трассе Петровского бульвара было установлено, что ширина этой полосы, где вероятно сохранялась сплошная застройка, составляла до 300 м. В 2016–2017 гг. исследованиями С.А. Кравченко и М.Ю. Гончарова было установлено, что частично продолжал оставаться обитаемым аристократический район. Часть территории в очерченных границах заняло увеличившееся центральное городское кладбище. В целом площадь города в период правления Тохтамыша можно оценить в 100–120 га. По сравнению со временем максимального расцвета в конце правления Узбека размеры города уменьшились в 4–5 раз. Но даже по меркам урбанизированных регионов Западной Европы или Ближнего Востока, Азак всё ещё оставался крупным городом с численностью населения, которую можно оценить более чем в 10 тыс. человек.

Как уже отмечалось (Масловский, 2019, с. 654), определение того, какие именно из могильников Азака продолжали функционировать в период правления хана Тохтамыша в достаточной мере гипотетично. Судя по скорости роста центрального некрополя, были заброшены кладбища и внешней дуги, и большей части внутренней дуги. Только в отношении могильника №11 у перекрестка ул. Ленинградской и пер. Красноармейский (рис. 1: 1), благодаря находке монеты в погребении, можно уверенно говорить о его функционировании в конце XIV в. Может быть, этим объясняется необычно большое количество кирпичных надгробий с поливными кирпичами на данном кладбище (Масловский, 2019, с. 645). Возможно, на территории заброшенных кварталов появляются новые небольшие могильники или совершались одиночные погребения. Но датировать подобные случаи

Рис. 1. 1 – План городища Азак, 2-6 – медные пулы чекана Азака 1381–1395 гг. (по Фомичев, 1981), 7 – подвал мельничной башни (ул. Лермонтова 40).

Fig. 1. 1 – Layout of Azak hillfort, 2-6 – copper pulleys minted in Azak in 1381–1395 centuries (after Fomichev, 1981), 7 – mill tower basement (Lermontova str., 40).

мы можем в исключительных случаях опять-таки благодаря монетным находкам (Харенко, 2022. рис. 8: 1-4).

Если для Водянского городища постулируется строительство фактически нового города на развалинах предшествующих построек (Мыськов, 2006, с. 164), то в Азаке планировка города не изменилась. Жизнь продолжалась вдоль старых городских магистралей, хотя какие-то второстепенные улицы могли забрасываться. Продолжилась практика мощения магистральных улиц и площадей костями животных и другим твёрдым мусором. Это зафиксировано на раскопах по ул. Измайлова, 48 (Гончаров, 2022. рис. 3: 1), пер. Социалистический, 53 и на перекрестке Петровского бульвара и ул. Толстого. Однако, уровень городского благоустройства снизился. Например, прекратили функционировать уличные ливнесточные траншеи. Не встречено ни одного уличного туалета этого периода, хотя ранее они были широко распространены.

В это время не ведётся строительство фундаментальных архитектурных сооружений. Напротив, начинается или продолжается разрушение здания мечети на раскопе по ул. Измайлова, 48 и вторичное использование стройматериалов из неё (Гончаров, 2022. рис. 7). Даже рядом с трассой главной улицы города находились, превращенные в свалки, развалины больших купеческих домов (Жилище 5 на раскопе II по Петровскому бульвару, 5). Более того, в районе центральной улицы выделяется слой угольно-черной золы мощностью до 0,3 м., датирующийся 1360–1390-х гг. и образовавшийся в результате работы металлургических мастерских в центре города. Это радикально противоречит нормам городского благоустройства, принятым в эпоху средневековья в любом регионе мира. В ряде случаев наблюдается сужение улиц из-за того, что вновь построенные дома краями перекрывали старую мостовую.

В силу того, что почти вся территория Азака ныне застроена, жилые постройки сохранились фрагментарно и, как правило, не могут быть точно датированы. Поэтому нет возможности подробно проследить хронологические изменения в домостроительстве Азаке. В конце XIV в. исчезают жилые землянки, распространённые в городе в первой половине века. Продолжают функционировать некоторые из крупных купеческих домов с подвалами-складами (например, жилище 1 на раскопе II по ул. Мира, 35), расположенные вдалеке от итальянских кварталов. Несколько

большее распространение получает использование сырцового кирпича, что не меняет заметно облик застройки

Достаточная статистика была собрана только по раскопу по ул. Толстого, 41 и далее на юг через Петровский бульвар, где число жилищ в верхнем горизонте непосредственно под слоем современного мусора было таким же или даже большим, чем в период расцвета Азака. Но и она позволяет утверждать, что плотность застройки, по крайней мере, вдоль центральных улиц города была по-прежнему высокой.

Из других особенностей быта жителей Азака времен Тохтамыша следует отметить резкое сокращение числа ям-хранилищ. Даже при достаточно большой площади раскопов и значительном числе монетных находок из слоя, в редких случаях встречено более двух ям неподалеку друг от друга.

Помимо сохранения городской планировки в целом, в ряде случаев можно говорить о том, что в пределах одного участка продолжили жить ремесленники одной специальности (кожевники у перекрестка Петровского бульвара и ул. Толстого, косторезы на ул. Толстого, 74) или купцы (раскопы на участке по ул. Мира, 35А). В некоторых случаях это были, вероятно, даже члены одной семьи. Например, на ул. Мира 35А, в разновременных комплексах встречены граффити достаточно специфической формы (рис. 2: 10–11).

Переходя к характеристике керамического комплекса этого периода, следует оговориться, что анализируемая выборка комплексов значительно уступает в численности любому другому периоду XIV в., за исключением самого его начала. Возможно, по мере накопления материала выводы станут более определёнными. Время правления Тохтамыша не сопровождалось появлением новых ярких маркеров, которые бы позволяли легко отличить керамический комплекс этого периода от предшествующего. Большая часть изменений носила количественный характер, т.е. представляла собой изменения процентных долей отдельных таксонов в общей структуре (Масловский, 2012).

Прежде всего, отметим заметные различия между отдельными комплексами внутри данной хронологической группы, поэтому обобщённая их характеристика будет отличаться от конкретных объектов. В местном гончарстве происходит резкое увеличение доли (примерно в 2 и более раза) изделий с признаками вытягивания на круге (РФК

Рис. 2. Керамика из комплексов 1381-1395 гг.: 1-14 Азак, 1 группа (1-5 – кувшины, 6 – афтоба, 7 – большая чаша, 8 – тувак, 9 – амфора, 10-11 – ручки амфор с граффити, 12-14 – копилки), 15-16 – поливные чаши (Азак, 2 группа), 17-21 – поливные чаши (3 группа, ЮВ Крым), 22 – альбарелло (3 группа, ЮВ Крым).

Fig 2. Ceramics from the complexes of 1381–1395: 1-14 – Azak, group 1 (1-5 – jugs, 6 – aftoba, 7 – big bowl, 8 – tuvak, 9 – amphora, 10-11 – amphora handles with engraving, 12-14 – coin boxes), 15-16 – glazed bowls (Azak, group 2), 17-21 – glazed bowls (South-Eastern Crimea, group 3), 22 – albarello (South-Eastern Crimea, group).

(Развитие функций круга) -5 и даже РФК-6 (Бобринский, 1978, с. 27)). Такие сосуды теперь составляют примерно половину всех находок в комплексах (рис. 2: 1–6, 8–9, 12–14). Одновременно с этим происходит резкое (примерно до 1/3) уменьшение доли лощёной керамики.

Эти технологические изменения сопровождаются существенными изменениями ассортимента и морфологии. Исчезают или резко уменьшаются в числе крупные тарные сосуды (рис. 2: 1). Зато заметную долю составляют теперь столовые сосуды разнообразных размеров и форм от среднего размера чаш на поддонах, имитирующих форму поливных чаш, до больших (до 50 и более см в диаметре) чаш с ручками и без (рис. 2: 7). Происходит резкое сокращение числа типов кувшинов. Доминируют сосуды с яйцевидным туловом и удлиненным горлом с местом максимального диаметра чуть ниже середины общей высоты сосуда (рис. 2: 2–5). Для темы нашего исследования интерес представляют не единичные находки копилки (рис. 2: 12–14). Они свидетельствуют об определённом умонастроении горожан, их вере в стабильность ситуации. В предшествующий период «Великой зямтани» они исчезают.

Если изменения облика 1 группы керамики представляются предсказуемыми, то ситуация со 2 группой керамики местного производства выглядит несколько странно. То, что доля местной поливы падает с 49,3% до 46,8%, может быть, объяснено восстановлением торговых связей с другими регионами и увеличением поступления более качественных изделий извне или просто статистической погрешностью, связанной с недостаточным объёмом выборки. Однако, доля сосудов 2-й группы сокращается и среди собственно местного производства, пусть и всего на несколько процентов. По сравнению с предшествующим периодом хорошо заметно исчезновение или количественное сокращение ярких и сложных изделий с росписью ангобом, в технике резерва, со сложными гравированными композициями. Даже самые своеобразные серии поливных чаш (рис. 2: 15–16) появляются ещё в предшествующий период. Развитие орнамента группы прекращается.

Среди привозной керамики не происходит радикальных изменений в составе представленных центров. Наиболее заметным выглядит рост доли амфор в общем объёме импорта (Масловский, 2012, рис. 1). Она возвращается к значениям начала XIV в. Насколько это отра-

жает рост абсолютного объёма импорта вина сказать сложно, но это изменение происходит за счёт уменьшения доли поливной керамики в структуре керамического импорта. Все амфоры относятся к числу трапезундских (рис. 3: 2). Не менее 1/3 из них относятся к числу тёмно-красных сосудов с очень жидким белым ангобом.

Поступление в Азак неполивной керамики из других регионов Золотой Орды вернулось к уровню периода, предшествующего смуте (Масловский, 2012, рис. 3), что, однако всё равно во много раз меньше значений первой половины века.

Среди поливной керамики самую многочисленную группу составляет продукция ЮВ Крыма (рис. 2: 17–22). К сожалению, большинство находок 2 пол. XIV в. поливных сосудов этой группы керамики может быть датирована только с точностью до полустолетия (Масловский, 2017, с. 485). Возможно, невозможность выделить какие-то характерные для конкретно данного временного отрезка серии изделий объясняется небольшим объёмом выборки. Наиболее однородны по орнаментации чаши с тёмно-оранжевой глазурью (рис. 2: 20–21). На втором месте находятся кашинные сосуды (рис. 3: 3–6). Формально они уступают в численности крымской керамике не столь значительно. Но это объясняется тем, что из-за значительно меньшей механической прочности кашинные сосуды дробятся на существенно большее число фрагментов. По числу сосудов кашинная керамика уступает продукции ЮВ Крыма в несколько раз и занимает в комплексе значительно более скромное место, по сравнению с предшествующим периодом. Для кашинных сосудов также затруднительно выделить наиболее характерные серии. Отметим, что в Азаке в комплексах этого периода отсутствуют изделия с росписью кобальтом.

Из числа дорогостоящей (элитной) посуды достаточно регулярно встречаются фрагменты люстровой керамики испанского производства (рис. 3: 7) и винных кубков константинопольского производства, включая уникальную находку с изображением герба (рис. 3: 8). Последняя находка, очевидно, была сделана на заказ представителем рода, связанного с торговлей в Тане, и является уникальной не только для Азака, но и, видимо, для данной группы керамики в целом (Бочаров, Масловский, 2015, с. 247). Отмечены и экзотические импорты известные в единственном экземпляре, как например, качественная кашинная имитация селадона из Ирана (рис. 3: 6)

или красноглиняный штампованный кувшин с росписью бирюзовой глазурью (рис. 3: 1) аналогии которому известны с городища Большие Кучугуры (Ельников, Тихомолова, 2017, с. 355–356, рис. 5: 5–7; 6: 1–4).

Завершая характеристику керамики времён правления Тохтамыша, обратим внимание на то, что в закрытых комплексах значительно меньше ярких находок поливных сосудов по сравнению с предшествующим периодом. При этом, мы, вероятно, не в состоянии выделить все рядовые хозяйственные ямы 1381–1395 гг. где материал был бы ещё менее выразителен.

Как уже отмечалось выше, в Азаке времен Тохтамыша зафиксированы, помимо гончарного, следы металлургического, кожевенного, косторезного производства. В конце XIV в. здесь также работали ветряные мельницы со стационарной башней и поворотным шатром, которые в XIV в. были технологической новинкой, и только начинают появляться в Западной Европе (рис. 1: 6) (Минаев, 2016, с. 365–368). Правда, судя по числу сработанных жерновов, мельница была построена задолго до прихода Тохтамыша к власти.

В 1380 г. Тохтамыш проводит денежную реформу по унификации денежного обращения и преодолению кризисных явлений, с частичным изъятием из оборота ранее выпущенных монет (Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 48–54). После десятилетнего перерыва возобновляет работу монетный двор Азака. За период правления Тохтамыша появляется больше монетных типов, чем за всю предшествующую историю его работы. Особенно, это заметно по медным монетам, которые являются наиболее живописными среди пулов азакского чекана (рис. 1: 2–6). Монеты производства Азака подробно освещены в целом ряде работ, в том числе посвященных этому периоду (Фомичёв, 1981б; 1995; 2006, 2012), включая отдельную монографию (Добромыслов, 2016). В данной работе будет уместно дать только некоторый археологический контекст, который обычно выпадает в нумизматических работах.

При исследовании золотоордынского Азака подавляющее большинство не кладовых находок составляют пулы. Все типы медной монеты периода 1381–1395 гг. в разы уступают по числу находкам пулов, отчеканенных в Азаке в период правления Абдаллы. Большая часть монет Тохтамыша происходит из слоя в центральной части городища, в полосе вдоль главной городской магистрали XIV в. шириной порядка 200 м. Известны находки кладов,

состоящих из медных монет одного типа (Фомичев, 2006, с. 267–272), т. е. только что отчеканенных до их поступления в оборот. В закрытых комплексах, при наличии более чем одной монетной находки, пулы Тохтамыша, почти всегда встречаются вместе с монетами 1360-х, а иногда и 1350-х годов. Т.е. несмотря на постоянный чекан, пулы Тохтамыша не сумели заместить предыдущие выпуски, хотя ареал их распространения ограничивался Азаком и его сельской округой. Примечательно, что, без учёта кладов, в Азаке конца XIV в., в отличие от первой половины века, не встречаются иностранные монеты. Судя по кладовым находкам, Азак обеспечивал своей монетой достаточно большой регион бассейна Дона и некоторые прилегающие районы, где её доля достигала 50% (Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 48–49). Впечатляющий результат для провинциального монетного двора.

Торговля Азака (Таны) в период «Великой замятни» хотя испытывала сложности, но никогда не прерывалась, о чём нам известно благодаря данным итальянских источников. В 1381–1395 гг. рынок Таны был по-прежнему привлекателен для венецианских и генуэзских купцов. Здесь продавались различные товары (ткани, мёд, осетры, бумага) на значительные суммы (Карпов, 1991, с. 194–195; Карпов, 2021, с. 170). Продолжал функционировать торговый маршрут, шедший в Хаджи-Тархан. Однако, венецианские документы неоднократно упоминают тревожную обстановку в Тане, что ставило под угрозу само проведение плаваний галей Романии (Карпов, 2021, с. 170–172). На торговую деятельность Таны влияли не только внутренние события в Золотой Орде. Негативно сказались последствия Кьоджской, а затем Солхатской войн (Карпов, 2021, с. 161–164, 168–169). В венецианской Тане было немало заброшенных участков и даже сам дом консула находился в развалинах, а его оклад был заметно уменьшен (Карпов, 2021, с. 170). Если суммировать данные письменных, нумизматических и археологических источников этого периода, становится очевидным, что при сохранении важного значения Азака, как торгового центра, большее значение приобретают связи города внутри региона Подонья и с заморскими территориями, при уменьшении интенсивности движения по маршрутам, ведущим на восток и юго-восток. Теперь «Великий шёлковый путь» превратился в обычный средневековый путь для перевозки небольшого количества предметов роскоши. Это ярко иллюстрирует тот

Рис. 3. Керамика из комплексов 1381–1395 гг.: 1 – штампованный кувшин с росписью глазурями, 2 – амфора (8 группа, Трапезунд), 3-5 – кашинные сосуды (Нижнее Поволжье) (3 – гулябдан, 4 – чернильница, 5 – чаша), 6 – кашинная чаша имитирующая селадон (Иран), 7 – чаша с росписью люстром (Валенсия), 8 – кубок с изображением герба (15А группа, Константинополь).

Fig. 3. Ceramics from the complexes of 1381–1395: 1 – stamped jug, painted with glaze elements, 2 – amphora (Trebizond, group 8), 3-5 – stone paste bowls (Lower Volga Region) (3 – gulabdan, 4 – ink bottle, 5 – bowl), 6 – celadon-imitating stone paste bowl (Iran), 7 – luster-painted bowl (Valencia), 8 – goblet with a coat-of-arms (Constantinople, group 15A).

факт, что в Поволжье, в отличие от предшествующего периода, отсутствуют образцы испанского люстра, византийской и крымской поливной керамики 2 пол. XIV в.

Сельская округа Азака, в отличие от самого города, археологически изучена недостаточно для того, чтобы отследить динамику её развития. В нашем распоряжении нет закрытых узко датированных комплексов. Монетные находки только позволяют утверждать, что сельская округа продолжает существовать, и на её территории по-прежнему ведётся розничная торговля с участием медной монеты (Масловский, Минаев, Юдин, 2020, с. 243).

Гибель Азака (Таны) в 1395 г. освещена в письменных источниках достаточно детально (Тизенгаузен, 1941, с. 121–122, 180; Тоған, 2010, с. 215–216; Карпов, 2020, с. 38–40), что является единственным примером среди городов Золотой Орды. Была сделана попытка собрать археологические свидетельства о тимуровском погроме (Гудименко, 1998).

Рассказ итальянских авторов детален и драматичен, но, если не считать некоторых преувеличений численности войска Тимура, сомнений не вызывает. Рассказы тимуридских придворных историков, помимо собственно сообщений о резне и разрушениях, информации почти не несут. Вздорное сообщение Хафизы Абу о порабощении неверными Таны мусульман (Тоған, 2010, с. 216) было вставлено спустя несколько десятилетий. Очевидно, оно было нелепой попыткой оправдания вероломного нарушения обещаний, данных Тимуром делегации купцов Таны, ограбления и убийств людей, абсолютно непричастных к военным действиям между Тимуром и Тохтамышем.

Отметим следующие обстоятельства событий.

1. Нигде не упоминаются золотоордынские власти города. Делегацию к Тимуру направляют купцы. Им он даёт обещание не трогать город. Между тем, при описании разгрома Хаджи-Тархана нам называют имя правителя города (Тизенгаузен, 1941, с. 184). Следовательно, в момент разгрома Азака в городе вовсе отсутствовали представители власти и какие-либо воинские контингенты.

2. Несмотря на обещания Тимура далеко не все европейские купцы им поверили. Часть предпочла сесть на корабли и спаслась. Такая же возможность, наверняка, была и у многих местных жителей. Тем более, что между военным поражением Тохтамыша на Тереке и приходом вражеского войска к Азаку прошло несколько драматических месяцев.

3. Нельзя назвать случайным подход Тимура к Азаку именно в середине сентября, когда в Тану прибывали венецианские галей. Очевидно, грабёж планировался изначально.

4. Низам-ад-дин Шами говорит об убийстве всех «неверных» и только их (Тизенгаузен, 1941, с. 122). Между тем, из итальянских свидетельств следует, что резни западноевропейцев не было. Они были взяты в заложники и частью были в дальнейшем выкуплены, а частью погибли от лишений.

Эти обстоятельства помогают объяснить данные археологии. Вопреки мнению И.В. Гудименко (Гудименко, 1998) следа разгрома Азака Тимуром не столь выразительны. Некоторые из комплексов, упомянутые в статье не могут быть уверенно датированы. Например, в яме с захоронением десятка человеческих скелетов на ул. Московской (1982 г.) (Гудименко, 1998, с. 288), младшая монета датируется 777 г. хиджры. Датировка жилища, исследованного в 1979 г. по ул. Социалистической вызывает трудности, из-за того, что частично оно было уничтожено строителями, а документация о раскопках сохранилась не полностью. Золистый слой, фиксируемый в центральном районе города, связан скорее с производственной деятельностью, поскольку содержит металлургические шлаки. Несомненно, с погромом может быть связано 3 монетных клада, захоронения трех отрубленных голов в хозяйственной яме, изученной в 1987 г. (Гудименко, 1998, с. 288) и отдельной головы, найденной в развалинах жилища в 2000 г. Наиболее выразительные следы пожара зафиксированы при раскопках постройки, частью которой была ветряная мельница (рис. 1: 7) (Минаев, 2016, с. 369). Эта картина представляется не очень яркой, особенно если её сравнить с захоронением жертв резни 1369/1370 г., где число человеческих останков исчисляется сотнями (Масловский, 2014) и пожарами, которые можно связывать с другими событиями в истории Азака.

Вероятно, хотя Азак подвергся тотальному разрушению, число собственно убитых в сентябре 1395 г. было не столь велико. Часть жителей смогла бежать, часть попала в плен и погибла вдали от города.

Рассмотрение имеющихся на настоящий момент фактов не позволяет сделать вывод о том, что время правления Тохтамыша было периодом пусть небольшого, но подъёма в жизни Азака. Скорее это был период, когда умирание города несколько замедлилось.

1395 г. уничтожил крупный золотоордынский город. Азак, известный по данным нумизматики и смутным упоминаниям письменных источников, археологически трудноуловим, поскольку представлял собой узкую полосу усадеб вдоль стен итальянских замков (Зенюк, Масловский, 2018). Его исследование, как и исследование уцелевших поселений сельской округи (Масловский, Минаев, Юдин, 2021, с. 243) находится на начальной стадии.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Символика власти на византийских глазурованных сосудах из Северного Причерноморья (вторая половина XIV в.). // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 245–249.

Гончаров М.Ю. Археологические исследования в г. Азове в 2016–2017 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 31 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2013 (в печати).

Гудименко И.В. Археологические свидетельства погрома Азака Тамерланом в 1395 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 283–290.

Добромыслов Л.Б. Серебряный чекан Золотоордынского Азака при хане Токтамыше. Каталог и исследование. М.: Издательство Ипполитова, 2016. 270 с.

Ельников М.В., Тихомолова И.Р. Тисненая керамика городища Большие Кучугуры // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинёв: *Stratum plus*, 2017. С. 353–362.

Зенюк Д.И., Масловский А.Н. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове // *Поволжская археология*. 2018. № 2. С. 204–221.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 633–664.

Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Таны во второй половине XIV в. // Причерноморье в Средние века. Вып. 1 / Ред. С.П. Карпов. М.: Изд-во МГУ, 1991 С. 191–216.

Карпов С.П. О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия // *Поволжская археология*. 2020. № 2 (32). С. 38–47.

Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–147.

Лебедев В.П., Павленко В.М., Бугарчев А.И. Комплекс медных монет с Маджарского городища // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов, 2001. Муром, 2003 / Ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 131–141.

Масловский А.Н. Изменение объема и состава импортов в керамическом комплексе золотоордынского Азака как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2 (168). С. 42–46.

Масловский А.Н. Резня 1370 года в Азаке // *Донской временник*. Год 2015-й. Вып. 23. Краеведческий альманах / Отв. ред. Н.Н. Зайцева. Ростов-на-Дону, 2014. С. 125–131.

Масловский А.Н. Структура золотоордынского Азака. Городские районы и их изменения во времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: V Международная Нижневолжская археологическая конференция. 15–18 ноября 2016 г. Материалы / Редкол.: П.М. Кольцов и др. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2016. С. 237–242.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинёв: *Stratum plus*, 2017. С. 455–489.

Масловский А.Н. Азак и его округа в первые десятилетия их существования. Проблемы зарождения и роста золотоордынских городов // *Археология Евразийских степей*. 2018. № 4. С. 260–265.

Масловский А.Н. Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку // *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: *Stratum plus*. 2019. С. 641–656.

Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок. Взаимодействие города и сельского населения // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 231–247.

Минаев А.П. Мельница XIV в. из раскопа 2014 г. в г. Азове по ул. Лермонтова, 40 // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 341–370.

Мыськов Е.П. Водянское городище в конце XIV в. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 164–165.

Рудаков В.Г. К топографии города Сарая в конце XIV в. // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 144–154.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Тоган З.В. Восточно-европейская политика Тимура // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2010. С. 209–225.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Фомичев Н.М. Новые данные по исторической топографии золотоордынского г. Азака // Материалы к семинару «Итоги исследований объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена трудового красного знамени государственного университета и ростовского ордена «Знак почета» государственного педагогического института в 1976–1981 гг.». Азов, 1981а. С. 6–8.

Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова // СА. 1981б. № 1. С. 219–241.

Фомичёв Н.М. Новые клады серебряных монет XIV в. из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 267–268.

Фомичёв Н.М. Клады медных джучидских монет XIV в. из Азова и его округа // ИАИАИАНД. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006. С. 265–308.

Фомичёв Н.М. О реконструкции полных изображений оттисков азакских штемпелей для чеканки дирхамов Тохтамыша // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (МАИАСК). Вып. 4 / Ред.-сост. М.М. Чорёф. Севастополь–Тюмень, 2012. С. 259–273.

Харенко М.В. Археологические исследования в г. Азове в 2017 г. // ИАИАИАНД. Вып. 31. Азов, 2022 (в печати).

Информация об авторе:

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом Обеспечения сохранности объектов культурного наследия, ГБУК РО «Азовский историко-археологический музей-заповедник» (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 245–249 (in Russian).

Goncharov, M. U. 2022. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 31. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum (in print).

Gudimenko, I. V. 1998. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997)* 15. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 283–290 (in Russian).

Dobromyslov, L. B. 2016. *Serebryanny chekan Zolotoordynskogo Azaka pri khane Tokhtamyshe. Katalog i issledovanie (Silver coinage of Golden Horde Azak during the Tokhtamyskh Khan's reign. Catalog and research)*. Moscow: “Izdatel'stvo Ippolitova” (in Russian).

El'nikov, M. V., Tikhomolova, I. R. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Circum Pontic area in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 353–362 (in Russian).

Zenyuk, D. I., Maslovsky, A. N. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)*. 2(24), 204–221 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D., Vasiliev, D. V. 2016. In Mirgaleev, I., Hautala, R. (eds.). *Zolotaya Orda v mirovoy istorii (The Golden Horde in world history)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzani. 633–664 (in Russian).

Karpov, S. P. 1991. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (1). Moscow: Moscow State University Publ., 191–216 (in Russian).

Karpov, S. P. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 32 (2), 38–47 (in Russian).

Karpov, S. P. 2021. *Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv. T. 1. Tana v XIII–XIV vv. (History of Tana (Azov) in XIII–XV centuries. Tana in XIII–XIV centuries)*. Saint-Petersburg: "Aletheia" Publ. (in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2000. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas)* III = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings) 2. Moscow: "Informelektro" Publ., 56–147 (in Russian).

Lebedev, V. P., Pavlenko, V. M., Bugarchev, A. I. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 131–141 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2012. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki (University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series)* 168 (2). 42–46 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2014. In Zaytseva, N. N. (ed.). *Donskoy vremennik. God 2015-y. Vyp. 23. Kraevedcheskiy al'manakh (Donskoy vremennik. Year 2015. Vol. 23. Almanac of regional studies)*. Rostov-on-Don. 125–131 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2016. In Koltsov, P. M. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Elista: Kalmyk State University Publ., 237–242 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Circum Pontic area in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 455–489 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 260–265 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaya Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan – Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 641–656 (in Russian).

Maslovsky, A. N., Minaev, A. P., Yudin, N. I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 36 (2), 231–247 (in Russian).

Minaev, A. P. 2016. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013–2014)* 39. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 341–370 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian spase)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 164–165 (in Russian).

Rudakov, V. G. 2002. In Egorov, V. L., Zelenev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: State Historical Museum Publ., 144–154 (in Russian).

Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Togan, Z. V. 2010. In Mirgaleev I.M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)*. Kazan: "Fan" Publ., 209–225 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Fomichev, N. M. 1981. In *Materialy k seminaru «Itogi issledovaniy ob"edinennoy Azovo-Donetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Azovskogo kraevedcheskogo muzeya, Rostovskogo ordena trudovogo*

krasnogo znamenii gosudarstvennogo universiteta i rostovskogo ordena «Znak pocheta» gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta v 1976–1981 gg.» (Materials for the seminar "The Results of Joint Azov-Donetsk Archaeological Expedition of Azov Local History Museum, Rostov Order of Red Banner of Labor State University and Rostov Order of the Badge of Honor State Pedagogical Institute in 1976–1981"). Azov, 6–8 (in Russian).

Fomichev, N. M. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 219–241 (in Russian).

Fomichev, N. M. 1998. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997)* 15. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 267–268 (in Russian).

Fomichev, N. M. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 265–308 (in Russian).

Fomichev, N. M. 2012. In Choref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea)* 4. Sevastopol–Tyumen, 259–273 (in Russian).

Kharenko, M. V. 2022. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 31. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in print)

About the Author:

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 9.903.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.198.205>

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О НАХОДКАХ ЧУГУНА НА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА

© 2022 г. Э.Е. Кравченко

В статье даются общие сведения о находках чугунных изделий золотоордынского времени на памятниках Донецкого региона. Приводятся данные о пунктах, на которых встречены находки чугуна. Указанные поселения расположены, как в среднем течении Северского Донца, так и на Донецком кряже и территории Северного Приазовья. Выдвигаются предположения о местах производства чугунных изделий на указанной территории. В настоящее время следы чугунолитейного производства зафиксированы у с. Маяки Славянского р-на (Царино городище) на Северском Донце и на Азовском побережье, у с. Обрыв Новоазовского района Донецкой области. Выдвигается предположение о возможности использования местных выходов каменного угля для выплавки чугунных изделий.

Ключевые слова: археология, чугунолитейное производство, Донецкий регион, фрагменты котлов, среднее течение Северского Донца, Азовское побережье, Донецкий кряж.

NEW FINDINGS OF CAST IRON IN THE GOLDEN HORDE MONUMENTS OF THE DONETSK REGION

E.E. Kravchenko

The paper presents general information about the cast iron products of the Golden Horde period discovered at the monuments of Donetsk region. Details of the sites, where the cast iron findings have been discovered, are provided. These settlements are located both in the middle course of the Seversky Donets and on the Donetsk Ridge and the territory of the Northern Azov Region. Assumptions are made about the places of cast iron production in this area. Presently, traces of iron foundry production have been identified near the village of Mayaki, Slavyansky District (Tsarino settlement) on the Seversky Donets and on the Azov coast near Obryv village, Novoazovsky District of Donetsk Oblast. A suggestion is made about the possible use of local hard coal deposits for smelting cast iron products.

Keywords: archaeology, iron founding, Donetsk region, boiler fragments, middle course of Seversky Donets, Azov coast, Donetsk ridge.

О находках чугунных изделий на золотоордынских памятниках Донецкого региона неоднократно упоминалось. В ранней статье автором были указаны 5 пунктов, на которых был встречен чугун (Кравченко, Швецов, 1992). Особенное внимание в ней уделялось материалам Царина городища (у с. Маяки Славянского р-на Донецкой области). В работах более позднего времени (Кравченко, 2000; 2001; 2003; 2015; 2018) список памятников был расширен. Целью данной работы является уточнение ранее известных и привлечение новых сведений, касающихся находок на территории региона этой категории вещественного материала. В настоящее время на территории Донецких степей известно 14 пунктов, на которых встречен чугун. Они расположены, как в среднем течении Северского Донца, так и на территории Донецкого кряжа и Азовского побережья.

Среднее течение Северского Донца

1. Село Красный Оскол Изюмского р-на Харьковской обл. (рис. 1: 1). На городище Царёва-Борисова (XVII–XVIII вв.), неодно-

кратно встречались материалы более раннего, в том числе, золотоордынского времени. Среди находок неполивная керамика, два фрагмента сосудов крымского производства, покрытых прозрачной зеленой глазурью, и два фрагмента чугунных котлов (стенка и венчик). При исследованиях этого памятника, проводимых И.В. Голубевой, слоя или объектов золотоордынского времени выявлено не было.

2. Урочище «Выла» на границе Славянского р-на Донецкой и Изюмского р-на Харьковской обл. (рис. 1: 2) Многослойное поселение. Раскопкам не подвергалось. На его территории встречаются фрагменты котлов XIII–XIV вв. Ранее публиковавшийся венчик котла с ручкой (Кравченко, Швецов, 1992, с. 102–103, рис. 6: 27) относится к Новому времени.

3. Урочище «Выдылыха» (к западу от с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл.) (рис. 1: 3). На многослойном поселении встречается древнерусская керамика. Среди прочих находок выявлен фрагмент стенки чугунного котла. В подъемном материале

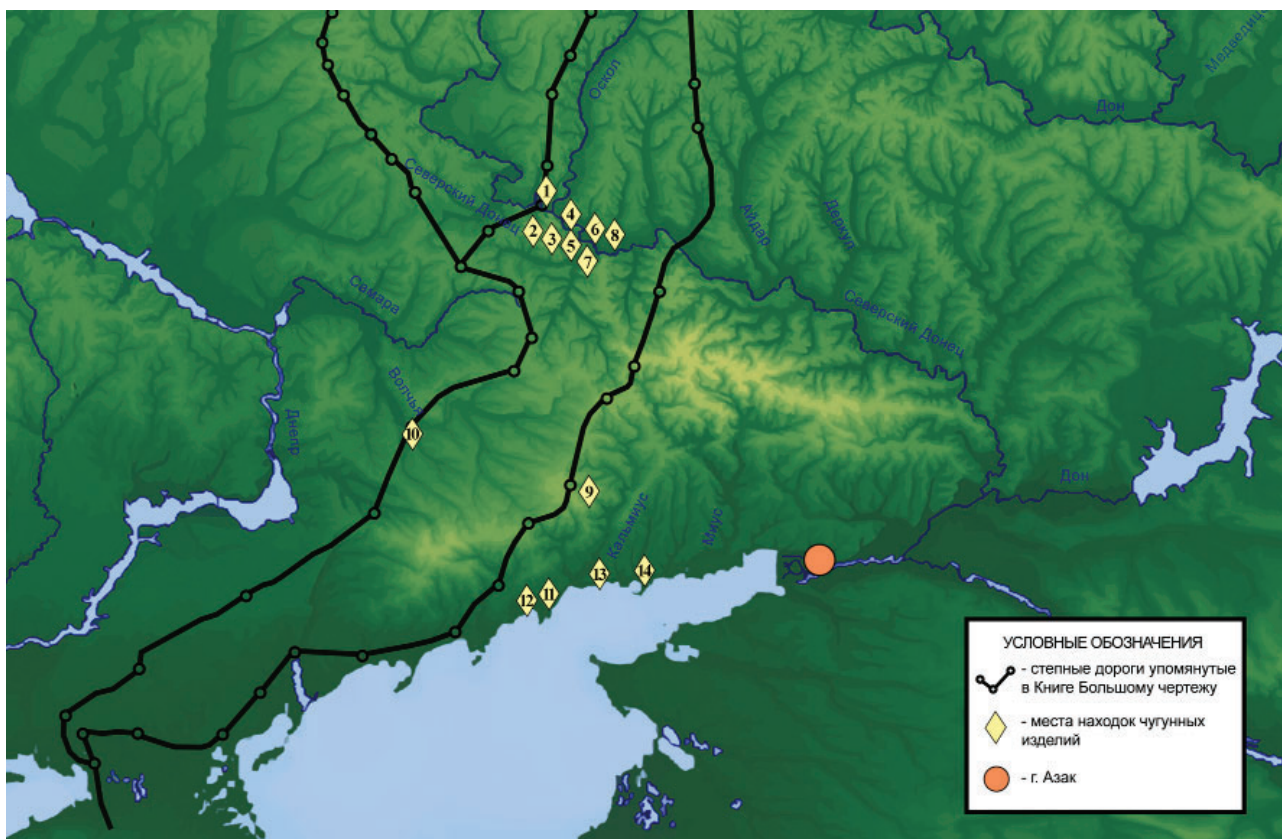

Рис. 1. Схема расположения золотоордынских поселений Донецкого региона, на которых был обнаружен чугун. 1 – Красный Оскол; 2 – Выла; 3 – Выдылыха; 4 – Старица; 5 – Маяки; 6 – Щурово; 7 – Казачья Пристань; 8 – Ильичевка; 9 – Раздольное; 10 – Зеленый Кут; 11 – Рыбацкое; 12 – Ялта; 13 – Ляпинская Балка; 14 – Обрыв.

Fig. 1. Layout of Golden Horde settlements in the Donetsk region, where cast iron has been found. 1 – Krasniy Oskol; 2 – Vyla; 3 – Vydulykha; 4 – Staritsa; 5 – Mayaki; 6 – Shchurovo; 7 – Kazachya Prystan; 8 – Ilchivka; 9 – Razdolnoye; 10 – Zeleniy Kut; 11 – Rybatskoye; 12 – Yalta; 13 – Lyapinskaya Balka; 14 – Obryv.

известны находки криц и шлаков, относящихся к эпохе средневековья.

4. Урочище «Старица/Панский Луг» к северу от с. Богородичное (рис. 1: 4). Находится у брода на крупном степном пути (в XVII в. – Новая Посольская дорога). Более известно, как поселение пеньковской (Приходнюк, 1998, с. 45), или сейминского этапа киевской культуры (Обломский, 2002, с. 37-38). На памятнике присутствуют материалы различных эпох (от неолита до XVIII в.). Среди находок обнаружены фрагменты красноглиняной посуды, и стенка чугунного котла золотоордынского времени.

5. Археологический комплекс у с. Маяки Славянского р-на (Царино городище) (рис. 1: 5). Одно из крупнейших золотоордынских поселений в Донецких степях. На памятнике встречено не менее 150 фрагментов чугунных котлов, гири (Кравченко, 2015, с. 453, рис. 18: 8; 22: 13–14; 35: 11–17), игральные биты и т.д.¹.

6. С. Щурово Краснолиманского р-на Донецкой области (рис. 1: 6). На территории многослойного поселения, расположенного в

западной части села, при строительных работах, выявлен целый чугунный котел² (рис. 2: 6). В каком археологическом контексте находился предмет, не известно.

7. Поселение «Казачья Пристань» у пгт. Райгородок Славянского р-на (рис. 1: 7). У брода, расположенного близ места слияния Казенного Торца и Северского Донца. Многослойный памятник, включающий остатки городка Казачья Пристань (XVII–XVIII вв.), сезонное поселение хазарского и золотоордынского времени, поселения пеньковской культуры, эпохи бронзы, неолита, находится на возвышении, расположенном посреди обширных заливных лугов. В процессе раскопок и в подъемном материале неоднократно встречались фрагменты чугунных котлов. В 2,5 км к юг – юго-востоку от памятника был расположен Райгородский городок, одно из крупнейших золотоордынских поселений на этой территории (ныне затоплен водохранилищем Славянской ТЭС). Часть золотоордынских предметов, обнаруженных на Казачьей Пристань, была принесена ее жителями с территории этого городка. К их числу отно-

сятся кирпичи, изразцы, покрытые непрозрачной бирюзовой поливой, крупный кусок насквозь прокаленной стенки металлургического горна.

8. С. Ильичевка/Озерное Краснолиманского р-на (рис. 1: 8). На территории эталонного могильника «Зливки» (VIII–X вв.). При раскопках прилегающего к некрополю многослойного поселения выявлены древнерусская керамика, кашинная(?) вставка, или пуговица, покрытая непрозрачной поливой бирюзового цвета, и 7 фрагментов чугунных котлов.

Территория Донецкого края и Приднпровской низменности

9. С. Раздольное Старобешевского р-на ДНР (рис. 1: 9). На территории многослойного поселения зафиксирован слой с золотоордынской керамикой и остатки двух круглоплановых наземных сооружений, обложенных по периметру камнями. Памятник был определен, как «кочевье» (Кравченко, 2001). Среди находок присутствует фрагмент чугунного котла.

10. С. Зеленый Кут Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (рис. 1: 10). На памятнике встречено значительное количество монет второй пол. XIV в. (Лебедев, Кравченко, 2016, с. 82–83)³. Имеются сведения о находках на поселении фрагментов чугунных котлов. Исследования объекта не производились.

Азовское побережье

11. С. Рыбачье Мангушского р-на Донецкой обл. (рис. 1: 11). На территории многослойного поселения встречены керамика золотоордынского времени и два фрагмента чугунных котлов. Раскопки памятника не производились.

12. Пос. Ялта Мангушского р-на Донецкой обл. (рис. 1: 12). В Мариупольском краеведческом музее (архив М.П. Пиневица) хранится рисунок чугунного котла на трех ножках, найденного в 1928 г. на спуске к морю (Кравченко, 2015, с. 431, рис. 15: 2). Нынешнее местонахождение предмета не известно. Раскопки на месте находки не производились.

13. Г. Мариуполь (рис. 1: 13). На многослойном поселении в Ляпинской балке обнаружен слой с золотоордынским материалом. Среди находок – фрагмент венчика чугунного котла (Кравченко, 2003; 2015, с. 436, рис. 17: 17).

14. С. Обрыв Новоазовского р-на ДНР (рис. 1: 14). На территории многослойного поселения зафиксирован слой золотоордынского времени. В слое и подъемном материале зафиксированы крицы, куски шлака и более

30 фрагментов чугунных котлов (Кравченко, 2018, с. 89).

Завершая перечень объектов, следует сказать, что практически все памятники, на которых был встречен чугун, расположены вдоль важнейших путей, пересекающих территорию Донецких степей. Собственно, вдоль этих же путей и находилось основное количество поселений золотоордынского времени (Кравченко, 2019, с. 682–683, рис. 2). Таким образом, находки чугуна, вероятно, были связаны именно с оседлым населением. Логически это обосновано тем, что чугунные котлы (а именно они составляют подавляющее большинство находок), не отличались особой прочностью, и к нуждам кочевого быта были мало приспособлены.

Из какого центра пришли мастера, принесшие чугунолитейное производство на территорию Донецкого края, не совсем ясно. Вероятно, что в его распространении на эти земли большую роль сыграла близость золотоордынского Азака (рис. 1), где зафиксировано большое количество находок чугуна и следы местного чугунолитейного производства.

Наибольшая концентрация находок чугуна наблюдается на пунктах, которые были местами производства. Таких пунктов на территории Донецких степей известно два: – у с. Обрыв на Азовском побережье и у с. Маяки на Северском Донце. Не исключено, что литье чугунных изделий могло производиться и на территории таких крупных центров, какими был Райгородский городок и памятник у с. Шипиловка на Луганщине. Слабая изученность данных пунктов не позволяет подтвердить или опровергнуть это предположение. В любом случае, для небольшого региона, который рассматривается в статье, находок чугуна достаточно много.

У с. Обрыв наряду с хоз. ямами, в 2017 г. были выявлены остатки наземной постройки золотоордынского времени (Кравченко, 2018, с. 89). В 2018 г. здесь расчищена еще одна наземная постройка, представляющая пятно золистого грунта (2,6×2,6 м) с большим содержанием измельченного шлака, угольков и колотых костей животных. В ее заполнении находились мелкие фрагменты чугунных котлов и фрагмент стенки трапезундской амфоры. Отопительным сооружением служил открытый очаг (d – 0,8 м), расположенный в центральной части помещения. В западной части постройки найдена кучка крупных кусков шлака, содержащая 2 фрагмента

Рис. 2. Предметы из Донецкого Республиканского (1-5; 7-10) и Славянского краеведческого (6) музеев.
Fig. 2. Items from Donetsk Republican Museum (1-5; 7-10) and Slavyansk Local History Museum (6).

чугунных котлов, несущих следы воздействия высокой температуры.

Крупнейшим из производственных центров являлось Царино городище, с территории которого происходит крупная коллекция чугунных изделий. Основная часть находок представлена фрагментами котлов. Большинство их являлись остатками широко открытых сосудов с прямым или слегка наклоненным внутрь венчиком, который иногда завершается

фигурным вырезом (под крышку). На боковых поверхностях расположены ручки в виде горизонтальных пластин-полочек. Вероятно, это была самая простая в изготовлении (Рязанов, 2010, с. 13) и самая распространенная форма чугунных сосудов не только в рассматриваемом нами регионе, но и на других территориях Золотой Орды. Котлы такого типа широко представлены на территории Волго-Камья (Руденко, 2000, с. 39–40, рис. 3). Целый котел

Рис. 3. Чугунные предметы с Царина городища. 1-2 – биты; 3 – венчик котла; 4 – гирия; 5 – фрагмент котла; 6 – всплеск металла; 7 – железная крица.

Fig. 3. Cast iron objects from Tsarino settlement. 1-2 – bits; 3 – boiler collar; 4 – weight; 5 – boiler fragment; 6 – metal spatter; 7 – iron ball.

присутствует в материалах Азака. Фрагменты таких котлов обнаружены в Донецком регионе у сел: Обрыв, Рыбачье, в Ляпинской балке, на Казачьей Пристани и других пунктах. Целый экземпляр котла этого типа найден в с. Щурово (рис. 2: 6)⁴. В собрании Донецкого республиканского краеведческого музея хранится еще один целый котел указанного типа (рис. 2: 1-3), найденный на территории Полтавской области Украины⁵. Предмет имеет фигурное завершение края венчика (рис. 2: 1-2). На тыльной его поверхности хорошо видны заглаженные следы трехчастной литейной

формы (рис. 2: 3). Котел был найден вместе с подставкой, сделанной из трех пластин (рис. 2: 4), соединенных при помощи кузнечной сварки (рис. 2: 5). К их нижней части, снова же при помощи кузнечной сварки, прикреплены ножки, одна из которых отсутствует. Близкого типа котел с идентичной подставкой находился в составе клада, обнаруженного на Торецком городском поселении в Татарстане (Валиуллина, 2017, с. 235-237, рис. 1).

В 70-х гг. XX в. во время строительных работ на Царином городище была найдена железная подставка под котел⁶. Она пред-

ставляет собой пластину круглой формы, с отверстием в центральной части, в которое устанавливалось днище котла (рис. 2: 7–9). К пластине при помощи заклепок были прикреплены три ножки (рис. 2: 10). Прямых аналогов указанному предмету автору обнаружить не удалось.

Кроме описанных выше, на Царином городище выявлены фрагменты котлов иного типа. Это профилированные горшкообразные сосуды, с выделенными венчиком, шейкой и выпуклыми плечиками (рис. 3: 3). Их количество относительно невелико, что, вероятно, обуславливалось большей сложностью отливки предметов такой формы (Рязанов, 2010, с. 13). Особый интерес представляет находка на этом памятнике ножки от котла, что свидетельствует о наличии здесь предметов, близких находке из пос. Ялта, и с территории Центральной Азии.

Кроме фрагментов чугунных котлов, на памятнике встречены гири, выполненные из чугуна (рис. 3: 4), и две чугунные биты в виде астрагалов (малого, бараньего и астрагала КРС) (рис. 3: 1–2). Оба предмета отлиты в двусторонних формах, изготовленных при помощи оттиска в глине реальных астрагалов. В пользу этого свидетельствует, как их форма, точно передающая все особенности конфигурации кости, так и их размеры, отвечающие параметрам реальной кости животного. Показательным является тот факт, что на крупном астрагале не был срезан литок и обточены швы, образовавшиеся в местах соединения половинок формы. Последнее свидетельствует, что данный предмет не использовался, и представляет собой заготовку с незавершенной обработкой.

Отдельную категорию находок представляют многочисленные крицы, шлаки, всплески металла, являющиеся свидетельством металлургического производства на Царином городище. Они встречены, как в подъемном материале, так и в культурном слое памятни-

ка. В материалах раскопа 2(П), расположенного на территории селища 3 археологического комплекса у с. Маяки, всплески металла (рис. 3: 6) вместе с крицами (рис. 3: 7), фрагментами чугунных котлов (рис. 3: 5) и шлаками, были зафиксированы в слое с древнерусской керамикой, верхняя часть которого относится к золотоордынскому времени.

Отдельно стоит вопрос о топливе, на котором производилась в Донецких степях отливка чугуна. Металлургических печей во время раскопок золотоордынских памятников этого региона пока не выявлено, что не позволяет дать на этот вопрос однозначного ответа. Анализ единственного фрагмента котла, происходящего с Царина городища, показал слабое содержание в нем серы. Сам исследуемый фрагмент был изготовлен из белого чугуна (микроструктура чугуна – 100% ледебурита).

В среднем течении Северского Донца в эпоху средневековья находились значительные лесные массивы, состоящие из широколиственных пород. Остатки этих лесов сохранились вплоть до настоящего времени. Вполне возможно, выплавка производилась на добывавшемся здесь же древесном угле, как это делалось на значительных территориях Золотой Орды (Рязанов, 2010, с. 9–11).

Тем не менее, на территории Донецкого края, практически в 50 км к югу от Царина городища, имеются участки, на которых наблюдались выходы каменного угля, на поверхность. Именно эти выходы использовались в XVIII в. жителями Донецких городков. Наличие среди находок на территории региона фрагментов котлов азиатского типа позволяет высказать предположение о присутствии среди ремесленников выходцев с Востока, знакомых с технологией выплавки чугуна на каменном угле. Решение этого вопроса возможно путем исследований образцов чугуна, происходящих с памятников Донецкого региона, методами естественных наук.

Примечания:

¹ Более 90 фрагментов находились в Славяногорском/Святогорском историко-архитектурном заповеднике и Славянском краеведческом музее. В Донецком республиканском краеведческом музее ныне находится 48 фрагментов чугуна, происходящих с этого памятника.

² Находится в собрании Славянского краеведческого музея.

³ Автор располагал информацией о 141 экз. Не меньшее количество монет попало в частные собрания. Точное же количество монетных находок с этого памятника неизвестно.

⁴ Находится в собрании Славянского краеведческого музея.

⁵ Предмет был обнаружен черными копателями и продан на аукционе. Согласно их сведениям, место находки близ пос. Ивонченцы на Полтавщине. В 2013 г. С.А. Горощко, которым был приобретен указанный предмет, передал котел с треногой в фонды Донецкого республиканского краеведческого музея.

⁶ Хранится в фондах ГУК ДРКМ

ЛИТЕРАТУРА

Валиулина С.И. Клад 2017 г. металлической посуды и хозяйственно-бытовых предметов Торецкого городского поселения // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Наука, 2017. С. 235–246.

Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Раздольное на р. Кальмиус в Донбассе // Археологический альманах. № 10 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк, 2001. С. 197–208.

Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2003. С. 348–362.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–478.

Кравченко Э.Е. Поселение у с. Обрыв – новый средневековый памятник на азовском побережье в Донбассе // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 88–92.

Кравченко Э.Е. Средневековые поселения на территории Донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 669–690.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1992. С. 102–113.

Лебедев В.П., Кравченко Э.Е. Джучидский анэпиграфный пул с птицевидной тамгой на памятниках Днепро-Донского междуречья // Нумизматика Золотой Орды. № 6 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2016. С. 81–87.

Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII–XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке). Каталог виставки. / Автори укладачі Дєдов В.Н., Шамрай А.В., Соловкін О.О. Київ: Вид. САМ. 2017. 95 с.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М.: Наука, 2002. 253 с.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1998. 168 с.

Рязанов С.В. Чугунолитейное производство в европейской части Золотой Орды (вторая половина XII – XIV вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 22 с.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sidae@mail.ru

REFERENCES

Valiulina, S. I. 2017. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy. K yubileyu M.D. Poluboyarinovoy (Monuments of Medieval Archeology of Eastern Europe. To the anniversary of M.D. Poluboyarinnova*. Moscow: "Nauka" Publ., 235–246 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2001. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 10. Donetsk. 197–208 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk National University, 348–362 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 1. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 411–478 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 88–92 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 669–690 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Shvetsov, M. L. 1992. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 102–113 (in Russian).

Lebedev, V. P., Kravchenko, E. E. 2016. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 6. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 81–87 (in Russian).

InDedov, V.N., Shamray, A. V., Solovkin, O. O. (comps.). 2017. *Material'na ta dukhovna kul'tura naselelnya Podintsiv'ya v period seredn'ovichchya VIII–XIV st. na prikladi gorodishcha «Tsarine» (Mayats'ke). Katalog vistavki (Material and Spiritual Culture of the Population of Podintsevye in the Middle Ages of the VIII–XIV Centuries on the Example of the Ancient Settlement "Tsarina" (Mayatskoe). Exhibition catalog)*. Kïiv: "Vid. SAM" Publ. (in Ukrainian).

Oblomskiy, A. M. 2002. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n. e.) (Dnieper Forest-Steppe Left Bank in the Late Roman and Hun Periods (Mid-3rd - First Half of the 5th Centuries AD))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Prihodnyuk, O. M. 1998. *Pen'kovskaya kul'tura (Penkovskaya culture)*. Voronezh: Voronezhskiy State University Publ. (in Russian).

Riazanov, S. V. 2010. *Chugunoliteinoe proizvodstvo v evropeiskoi chasti Zolotoi Ordy (vtoraia polovina XII–XIV vv.) (Iron Casting in the European Part of the Golden Horde (Second Half of 12th-14th Centuries))*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th – 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sidae@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.206.227>

АМФОРЫ-ГОЛОСНИКИ ИЗ ХРАМА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКА

© 2022 г. В.Л. Мыц

В качестве архитектурной доминанты средневекового Боспора являлась византийская церковь, которую с конца XVIII в. именовали храмом Усекновения главы Иоанна Крестителя. На протяжении двухсот лет в литературе ведутся споры по поводу времени возведения храма. Наиболее устойчивыми точками зрения на датировку памятника в XIX–XX вв. стали: VIII, X–XI и XIII–XIV вв. В XIX в. к средневековой церкви была сделана пристройка, сильно искажившая архитектурный облик строения. Важным подспорьем в решении вопроса о времени строительства этого храма послужили проводившиеся в 1960–1970-х гг. раскопки. Исследования осуществлялись как в самой церкви, так и с внешней стороны. Изучение храма было вызвано необходимостью проведения реставрационных работ, начатых на памятнике в 50-е гг. XX в. По мнению Т.И.Макаровой полученные в ходе раскопок материалы указывали, что церковь Иоанна Предтечи построена в средневизантийский период. В ходе расчистки парусов свода, в 1969 г. были обнаружены четыре амфоры, а в 1976 г. ещё два голосника, которые использовались как дополнительный аргумент для датировки храма IX–X вв. (А.Л.Якобсон) или X–XI вв. (Т.И.Макарова, В.В.Булгаков, Е.Д. Артёмов). Вместе с тем в историографии устойчиво сохраняется мнение специалистов характеризовавших архитектуру храма как строения XIII–XIV вв. (А.И.Комеч, О.И.Домбровский, Ю.Г.Лосицкий, Вл.В.Седов, А.Ю.Виноградов). Предлагаемая работа представляет современное состояние изученности амфор-голосников из храма Иоанна Предтечи и демонстрирует незавершённость данного процесса. Это осложняет определение точной датировки данных артефактов, которая по-прежнему не выходит за пределы начала XI в. В то же время, дополнительный анализ архитектурных свойств храма (Вл.Седов) позволяет отнести его возведение к концу XIII в. Следовательно и голосники необходимо датировать этим столетием.

Ключевые слова: археология, Византийская Таврика, средневековый Боспор, церковь Усекновения главы Иоанна Крестителя, Керчь, время строительства, амфоры-голосники XI–XIII столетия.

AMPHORAE-RESONATORS FROM THE CHURCH OF ST. JOHN PRODROMOS IN KERCH AND THE ISSUE OF MONUMENT DATING

V.L. Myts

The architectural dominant of the medieval Bosphorus was the Byzantine church, which from the end of the 18th century was referred to as the Temple of the Beheading of John the Baptist. For two hundred years, there have been disputes in the literature regarding the construction period of the temple. The most stable viewpoints on the dating of the monument in the 19th–20th centuries were: 8th, 10th–11th and 13th–14th centuries. In the 19th century, an extension was added to the medieval church, which greatly distorted the architectural appearance of the building. An important contribution to resolving the issue of the construction period of this temple was made by the excavations of the 1960s and 1970s. The studies were carried out both in the church itself and on the outside. The study of the temple was resulted from the need for restoration work, which were started at the site in the 1950s. According to T.I. Makarova, the materials obtained during the excavations indicated that the Church of St. John Prodromos was built in the Middle Byzantine period. During the clearing of the span-drels of the vault in 1969, four amphorae were discovered, and another two resonators in 1976, which were used to support the dating of the temple to the 9th–10th centuries (A.L. Jacobson) or 10th–11th centuries. (T.I. Makarova, V.V. Bulgakov, E.D. Artemenko). At the same time, the opinion of specialists who characterized the architectonics of the temple as a structure of the 13th–14th centuries (A.I. Komech, O.I. Dombrovsky, Yu.G. Lositsky, V.V. Sedov, A.Y. Vinogradov) steadily preserved in historiography. The proposed work presents the current study degree of the amphorae-resonators from the Church of St. John Prodromos and demonstrates the incompleteness of the process. This complicates the determination of the exact dating of these artifacts, which still does not go beyond the beginning of the 11th century. At the same time, an additional analysis of the architectural properties of the temple (V. Sedov) allows to attribute its construction to the end of the 13th century. Therefore, the resonators should also be dated to this century.

Keywords: archaeology, Byzantine Taurica, medieval Bosphorus, the Church of the Beheading of John the Baptist, Kerch, construction period, amphorae-resonators of the 11th–13th centuries.

На момент включения Крыма в состав Российской империи (1783 г.) в прибрежном районе Керчи находилась относительно хорошо сохранившаяся крепость генуэзско-османского времени (Бочаров, 2013, с. 342–348; 2015, с. 127–148)¹. К укреплению в XIV–XVIII вв. вплотную примыкали городские кварталы с проживавшем в них поликонфессиональным населением города. Однако после 1829 г., когда полностью были разобраны оборонительные сооружения, в качестве архитектурной доминанты средневекового Боспора и до настоящего времени сохранилась только одна византийская церковь, которую с конца XVIII в. именовали храмом Усекновения главы Иоанна Крестителя (Науменко, Пономарёв, 2013, с. 244–263; Пономарёв, Бейлин, Бейлина, 2014, с. 272–306; Феодосеев, Пономарёв, 2016, с. 124; Пономарёв, 2018, с. 170–183; Пономарёв, 2019, с. 275–309 и др.) (рис. 1; 2; 3).

На протяжении прошедших двухсот лет в литературе ведутся споры по поводу времени возведения данного храма и оценка его историко-культурного значения для архитектуры России (Авдеев, 1867, с. 445–473; Зенкевич, 1894, с. 144). Наиболее устойчивыми точками зрения на датировку памятника в XIX–XX вв. стали: VIII в. (Авдеев, 1887, с. 382, 386; Брунов, 1927, с. 87–105; Якобсон, 1964, с. 147; Липшиц, 1967, с. 95–96 и др.), X–XI вв. (Кондаков, 1877, с. 16; Макарова, 2003, с. 68–73; Булгаков, 2004, с. 5–12 и др.) и XIII–XIV вв. (Бертье-Делагард, 1902, прим. 107, с. 122; Домбровский, 1966, с. 68–70; Комеч, 1992, с. 259–383; Комеч, 1995, с. 359–377; Комеч, 1996, с. 128–129; Лосицкий, 2015, с. 180 и др.)².

В 1801–1804 и 1895 гг. с юго-западной стороны к средневековому храму была сделана капитальная пристройка в виде предела с колокольней. Это сильно исказило первоначальный архитектурный облик церковного строения. При этом оказалась разобранной западная стена нартекса, а с других сторон стены были покрыты толстым слоем штукатурки (Науменко, Пономарёв, 2018, с. 40).

Важным подспорьем в решении сложного вопроса о времени строительства византийцами данного храма послужили проводившиеся в 1940–1980-х гг. археологические раскопки (Макарова, 1965, с. 70–76; Макарова, 1982, с. 91–106; Макарова, 1998, с. 365, 388)³. Исследования осуществлялись как в самой церкви, так и с внешней (юго-восточной) стороны, где был открыт некрополь.

Но обратимся к самим амфорам-голосникам из конструкций сводов церкви Иоанна Предтечи. Изучение средневекового памятника было вызвано необходимостью проведения реставрационных работ начатых в 60-е гг. XX в. По мнению Т.И.Макаровой полученные в ходе раскопок материалы указывали на то, что церковь Иоанна Предтечи построена в средневизантийский период (Макарова, 2003, с. 68–73; 130–134). Как писала Т.И.Макарова, именно результаты раскопок первоначально побудили её «присоединиться к датировке Н.П.Кондакова (IX–X вв.)» (Макарова, 1982, с. 91–106). Позднее исследователь отмечала, что «некоторые основания для её конкретизации может дать анализ голосников, найденных в интерьере церкви в её южной стене при реставрационных работах (табл. 46: 5)⁴. Последние исследования средневековых амфор, проведённые А.В.Сазановым с широким привлечением материалов раскопок в Преславе (Болгария) и Константинополе, позволяют датировать амфоры, использованные в качестве голосников, временем не ранее второй половины X – начала XI в. (Sazanov, 1998, p.97, fig.4,47)» (Макарова, 2003, с. 73)⁵. О типологическом различии сосудов свидетельствуют приведённые Т.И.Макаровой на табл. 46, 5 «голосники из южной стены церкви» (Макарова, 2003, с. 132, рис. 46, 5)⁶.

Ссылку Т.И.Макаровой на работу А.В.Сазанова и тем более на конкретный артефакт следует считать недоразумением⁷. Дело в том, что амфора под «№47» в каталоге А.В.Сазанова происходит из раскопок поздневизантийской крепости Исар-Кая. Она была обнаружена в закрытом комплексе последней трети XIII в. (Мыц, 1987, с. 240, рис. 1–,3; Мыц, 1991, с. 97, рис. 32, 4, 5; Мыц, 2016, с. 97–98, рис. 12, 6). Поэтому данная амфора никак не может служить подтверждением датировки голосников церкви Иоанна Предтечи X–XI вв., т.к. эти сосуды относятся, вероятно, к иному времени и разным типам.

Но обратимся к самим амфорам-голосникам из конструкций перекрытий церкви Иоанна Предтечи. В 1969 г., в ходе расчистки напластований штукатурки парусов свода, были обнаружены четыре амфоры-голосника (Никитенко, 1970, с. 276–278). Впервые издавший эти находки сотрудник Керченского историко-археологического музея М.М. Никитенко, представил фотографию с тремя сосудами⁸. Однако опубликованные изображения амфор-голосников не сопровождались линейными масштабами. Одна

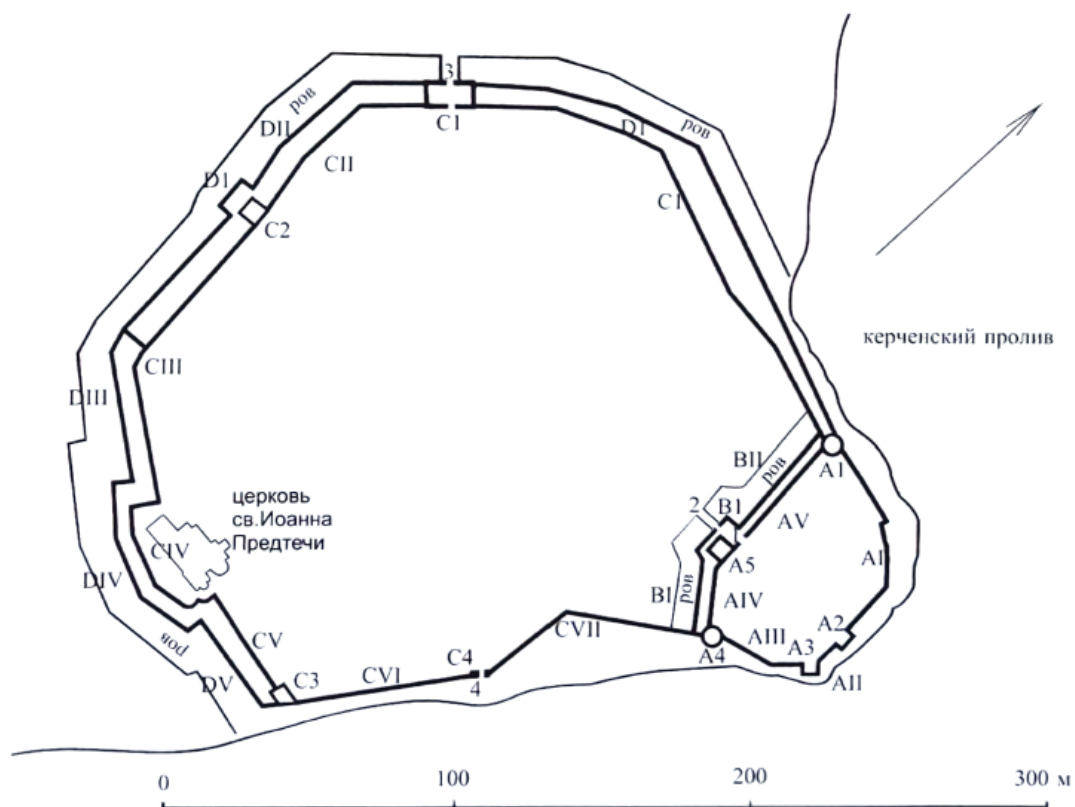

Рис. 1. Крепость Воспоро в генуэзско-османский период: план XIV – XVIII вв.
(по С.Г.Бочарову, 2015, с.129, рис.1).

Fig. 1. Vosporo fortress in the Genoese-Ottoman period: plan of the 14th – 18th centuries
(after S.G. Bocharov, 2015, p. 129, fig. 1).

Рис. 2. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи. Вид с юго-востока (фото автора 29.11.2021 г.).

Fig. 2. Church of St. John Prodromos in Kerch. View from the southeast (author's photo, November 29, 2021).

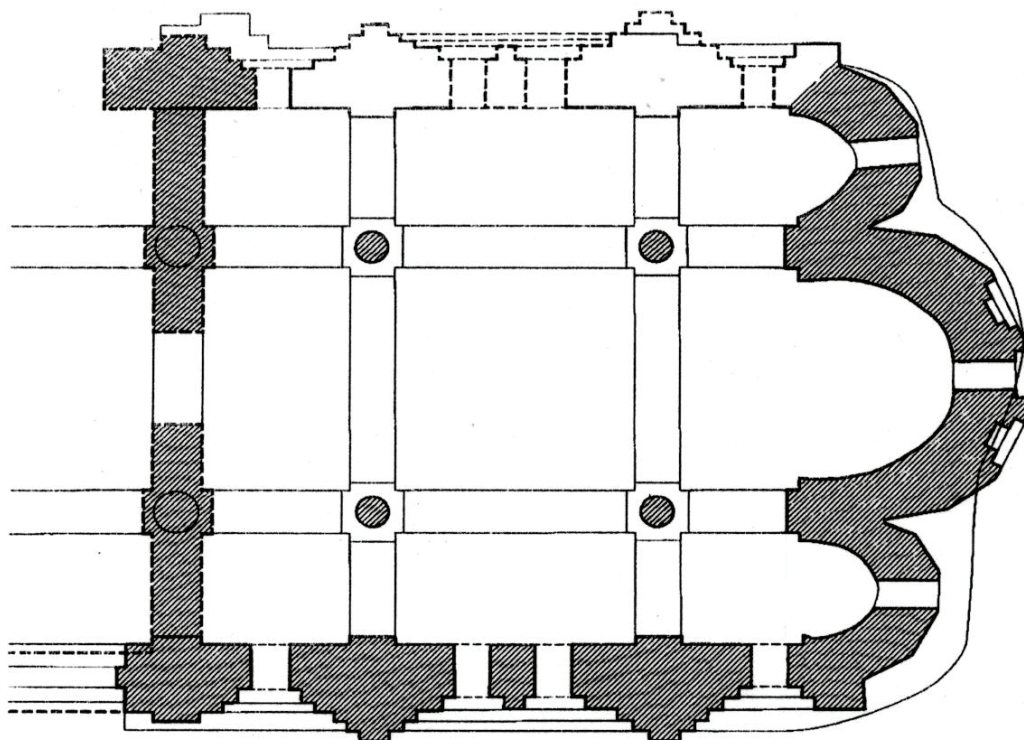

Рис. 3. Церковь Иоанна предтечи в Керчи. План (по А.И.Комечу, 1980, с. 32).
 Fig. 3. Church of St. John Prodromos in Kerch. Plan (after A.I. Komech, 1980, p. 32).

амфора выглядела археологически целой (у неё утрачена одна ручка), а две другие сохранились на 2/3 и 4/5 (отсутствовали нижние части сосудов) (Никитенко, 1970, рис. на с. 277). Автор привёл размеры сосудов: высота – 50–55 см, диаметр плечиков – 19–21 см, высота горла 7,5–9 см, его диаметр – 7,5–8 см. Тулово удлинённое и «заострённое книзу, с небольшим перехватом, короткое горло, расширяющееся кверху». Ручки почти прямоугольные в сечении с неглубоким продольным желобком. Поднимаются от середины плечиков и крепятся под самым (почти не выделенным) венчиком. Поверхность тулова бороздчатая, в нижней части сглаженная. Толщина стенок колеблется в пределах 0,7 см (в месте перегиба) до 1,6 см (у дна). В кратком описании Никитенко отмечал, что амфоры «с буровато-красным черепком», изготовлены «из хорошо отмученной глины без видимых примесей» (Никитенко, 1970, с. 276–277).

Вопрос датировки полученной коллекции сосудов Никитенко решает следующим образом: «По своему типу (вытянутые пропорции, заострённое книзу тулово с небольшим перехватом) эти амфоры близки раннесредневековым амфорам V-VII вв. из Херсонеса, Агойского могильника, амфорам VI в. из Истрии (Румыния)⁹. В то же время они несут некоторые черты (короткое, расширяющееся кверху

горло, почти не выделенный венчик, короткие ручки) характерные для амфор последующего времени». Отсюда им делается вывод, что «предтеченские амфоры представляют звено дальнейшего развития раннесредневековых форм и, по всей вероятности, датируются VII–VIII вв.» (Никитенко, 1970, с. 277).

Далее исследователь обращается к рассмотрению черепицы («тёмно-красный обжиг, пористое тесто с примесями, скошенный бортик») использованной в кладке парусов и заключает, что «паруса одновременны сооружению храма и их не коснулись позднейшие перестройки». Поэтому, «как черепица, так и амфоры следуют раннесредневековым традициям и подтверждают раннюю датировку церкви Иоанна Предтечи в Керчи. На это же указывают и её архитектурные формы» (Никитенко, 1970, с. 278).

Спустя три десятилетия М.М. Никитенко ещё раз обращается «К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи» в форме тезисов доклада (Никитенко, 2002, с. 209–211). В докладе Никитенко более детально пытается обосновать раннюю дату строительства храма, ссылаясь на наличие на одной из колонн надписи 757 г. (Латышев, 1896, с. 193–194), а также мнения известных учёных А.А. Авдеева и Н.И. Брунова, считавших, что церковь выстроена в первой полови-

не VIII в. Важнейшим для автора в решении вопроса датировки оказывается заключение авторитетного исследователя памятников средневекового Крыма А.Л.Якобсона, «который привёл дополнительные доказательства сооружения храма в VIII в.» (Никитенко, 2002, с. 209–210)¹⁰.

Особое внимание М.М.Никитенко уделяет амфорам из перекрытия сводов храма: «Существующая типология и хронология средневековых амфор даёт возможность определить среди них место иоаннопредтеченским находкам и, таким образом, сузить датировку храма» (Никитенко, 2002, с. 210). Далее автор повторно и без каких-либо существенных изменений описывает форму и размеры амфор. Несколько иначе им представлена только характеристика формы сосудов: «По своему типу – вытянутые пропорции и веретенообразное, сужающееся книзу тулово – эти амфоры были раннесредневековым образцом V–VII вв. из Херсонеса и из Истрии (Румыния). Сужающееся книзу тулово, по мнению А.Л.Якобсона, является признаком, доказывающим древность таких сосудов. В то же время, эти амфоры несут некоторые черты (короткое, расширяющееся кверху горло, почти не выделенный венчик, еле намеченный перехват в средней части) присущие амфорам VIII в. и более позднего времени, когда исчезает веретенообразная форма тулова и появляется округлое днище. Таким образом, иоаннопредтеченские амфоры можно «поместить» в отрезок времени между концом VI – началом VIII вв.» (Никитенко, 2002, с. 211)¹¹. Как видим, Никитенко, пообещав сузить дату строительства церкви Иоанна Предтечи, расширил её до пределов трёх столетий (VI–VIII вв.).

В этой публикации М.М.Никитенко содержится важная информация о его личных наблюдениях: «Во время реставрационных работ в церкви в основании парусов мною были обнаружены четыре амфоры, использовавшиеся как голосники. По утверждению реставраторов, аналогичные амфоры заполняли пазухи сводов над крестообразным объёмом храма» (Никитенко, 2002, с. 210).

Следующая информация об обнаружении в храме других амфор-голосников относится к 1976 г., когда реставратором А.И.Слоновым в пространстве купола храма Иоанна Предтечи были обнаружены четыре сосуда (Пономарева, 1997, с. 87)¹². Две амфоры при выемке оказались разбитыми, а две другие поступили в фонды Керченского историко-археологического музея (Артёменко, 2010, с. 9).

Данные голосники впервые опубликованы сотрудницей Керченского музея-заповедника Е.Д.Артёменко (Артёменко, 2010, с. 8–12). При этом относительно небольшая работа содержит важную информацию¹³. На этот раз исследователем были представлены рисунки двух амфор (Артёменко, 2010, с. 12, рис. 1–2), которые несколько отличались от сосудов, изданных в 1970 г. М.М.Никитенко. Одна амфора-голосник выглядит полностью целой (рис. 2, ККТ164), в то время как вторая амфора (рис. 1, ККТ 269) сохранилась примерно на $\frac{3}{4}$. Автор статьи не только даёт детальное описание каждого из сосудов, но и сопровождает рисунки линейными масштабами¹⁴. На основании проведённого анализа голосников из купола храма Д.Е.Артёменко приходит к заключению, что амфора с отбитой нижней частью тулова (сосуд ККТ 269) «аналогична опубликованным М.М.Никитенко амфорам-голосникам из церкви Иоанна Предтечи (Никитенко, 1970, с. 276–277) и амфорам византийского круга вытянуто-конического типа, датируемым X в. (Булгаков, 2004 с. 11)» (Артёменко, 2010, с. 10). В результате детального рассмотрения амфоры ККТ164, исследователь приходит к выводу, что данный сосуд отличается от других предтечинских амфор-голосников: она меньшего размера, имеет треугольное сечение венчика, иную форму ручек, другой рисунок борозд на поверхности... Аналогию этой амфоре представляет материал кораблекрушения у Серче Лимани...» (Артёменко, 2010, с.11).

В завершении своей публикации Е.Д.Артёменко обращается к вопросу о времени возведения храма Иоанна Предтечи в Керчи для чего выстраивает в систему заключения других исследователей касавшихся данной темы: «Дата постройки храма определена Т.И.Макаровой как IX–X вв. (Макарова, 1998, с.365). Но учитывая датировку А.В.Сазановым амфор-голосников второй половиной X – началом XI в. Т.И.Макарова отодвигает на этот период и время постройки храма (Макарова, 2003, с.73). Амфоры-голосники из купола церкви Иоанна Предтечи датируются X – началом XI века, что совпадает с результатами археологических исследований Т.И.Макаровой» (Артёменко, 2010, с.11).

Здесь следует заметить, что Е.Д.Артёменко, вслед за Т.И.Макаровой, делает одну и ту же ошибку: в статье А.В.Сазанова (на указываемую Т.И.Макаровой страницу и рисунок (Sazanov, 1997, p.97, Туре 47, fig.4, 47) речь не идёт об амфорах-голосниках из храма

Иоанна Предтечи в Керчи. А.В.Сазанов, используя амфору XIII в. из поздневизантийской крепости Исар-Кая, пытается, по материалам других памятников, установить раннее время появления амфор данного типа. Время их бытования он в целом относит к XI–XIII вв. Но данную ошибку, как мне кажется, первым совершил А.Л.Якобсон, когда к числу амфор-голосников из храма Иоанна Предтечи в Керчи причислил маломерную амфору, которая в современной терминологии известна как «Type VII Günsenin» или «Günsenin Type XVII» (Günsenin, 1990, p.; 2018, p.110)¹⁵.

В 1979 г. А.Л.Якобсон использовал две амфоры-голосника из церкви Иоанна Предтечи в Керчи для построения хронологической таблицы в своей монографии. Исследователь поместил их с материалами IX–X вв. и описывал как «амфоры со сравнительно узким, коническим крупнороздчатым туловом (дно скруглено) с довольно высоким горлом и ручками, нижним концом прикреплёнными к плечикам, верхним – к верхней части горла» (Якобсон, 1979, с.75, рис.43,1а-б)¹⁶. По характеру желобчатости Якобсон определял дату этих амфор в пределах IX–X вв. (Якобсон, 1979, с.75). Ссылаясь на публикацию М.М.Никитенко 1970 г., он писал: «Четыре такие амфоры были заложены в качестве голосников в паруса храма Иоанна Предтечи в Керчи. Днища амфор отбиты, но, судя по наиболее сохранившимся, высота их достигала 55 см, диаметр – 20–21 см» (Якобсон, 1979, с.75). Далее исследователь указывал, что «керченские амфоры-голосники находят себе очень близкие аналогии среди амфор X–XI вв. из Западного Причерноморья – Диногетии, где эта дата достаточно документирована (Varnea, 1954, p.524, fig.3; 1967, p.264, fig.159,3), из Преславы (Дончева-Петкова, 1977, с.103, тип IV и с.212, табл. XXX, №369), а также в Приазовье (амфора хранится в музее Таганрога, без №, б.п., сообщение А.В.Гадло). Совершенно аналогичная амфора найдена в Киеве (на Подоле) (Петров, 1915, с.11, табл. XI,6)» (Якобсон, 1979, с. 75)¹⁷.

Следует ещё раз отметить, что из двух амфор, якобы происходящих из храма Иоанна Предтечи на рисунке №43 в книге А.Л.Якобсона, несомненно, к таковым относится только амфора под №«1а», в то время как амфора «1б» значительно меньше и явно принадлежит к другому типу¹⁸. Амфора «1а» (Якобсон, 1979, рис.43,1а) является схематичной прорисовкой, с фотографии опубликован-

ной М.М.Никитенко в 1970 г., где она помещена первой справа.

Вполне естественно, что не смог оставить без внимания такой интригующий сюжет, как датировка амфор-голосников из церкви Иоанна Предтечи в Керчи и специалист по типологии византийских амфор В.В.Булгаков. Он обращается к этой теме в своей работе «Византийские конически-вытянутые амфоры X века» (Булгаков, 2004, с. 5–12).

Занимаясь созданием собственной классификации, исследователь назвал эти амфоры «конически-вытянутыми» и отнёс их к типу «С» (Булгаков, 2004, с.5). Делая краткое освещение истории изучения конически-вытянутых амфор, Булгаков указывает, что эти сосуды были описаны Л.Дончевой-Петковой как тип IV (Дончева-Петкова, 1977, с. 195), у З.Брусича, группа III (Brusic, 1979, p. 40). При этом он также указывал на то, что А.Л.Якобсон «амфоры со сравнительно узким, коническим крупнороздчатым туловом» объединял «с существенно отличными остродонными желтоглиняными амфорами (тип 3YA)» (Якобсон, 1979, с 75).

Булгаков считал: вслед за А.Л.Якобсоном Л.Дончека-Петкова (Дончека-Петкова, 1977, с.103) и З.Брусич (Brusic, 1979, p.40) допускали ошибку, связывая конически-вытянутые амфоры с сосудами имеющими грушевидное тулово и воронкообразное горло «(тип 1P)». В этих суждениях самого Булгакова кроется ошибка, указывающая на то, что, занимаясь подготовкой публикации, он не видел (и не держал в руках) сами амфоры 1969 г., а также и те которые были обнаружены в 1976 г. Именно отсюда в коллекцию Керченского музея попали две амфоры опубликованные в 2010 г. Е.Д. Артёменко. Однако В.В.Булгаков, в характеристике амфор-голосников из церкви Иоанна Предтечи, опирается исключительно на сосуды опубликованные в 1970 г. М.М.Никитенко¹⁹. Похоже, что Булгаков считал единственно возможным относить предтеченские амфоры-голосники к одному типу – конически-вытянутому.

В датировке амфор-голосников из храма Иоанна Предтечи в Керчи В.В.Булгаков опирается на закрытые комплексы в торговом помещении дворца в Преславе (Чангова, 1957, с.279; Чангова, 1959, с.252; Дончева-Петкова, 1977, с.103, 195, 212) и находки целых сосудов из кораблекрушения у о-ва.Млет в Адриатическом море (Brusic, 1979, p. 38–40, 48, pl.I, 1, 6, II, 6, XI, 1). По его мнению, эти комплексы содержат артефакты X в. и могут быть датиро-

ваны «концом X в. либо рубежом X – XI вв.» (Булгаков, 2004, с.6).

Кроме Керчи на территории Крыма В.В.Булгаков отмечает единичную находку верхней части конически-вытянутой амфоры из Херсонеса (Булгаков, 2004, с. 6, 8, рис. 3). Данному сосуду он уделяет особое внимание вплоть до попытки дать «приблизённую характеристику сырьевой основы» и представить в публикации результаты изучения: «Глинистый материал, использованный для изготовления амфоры, может быть охарактеризован как слюдисто-гидроslюдистый, с выраженной карбонатизацией» (Булгаков, 2004, с.9-10).

Удостоившаяся столь пристального внимания Булгакова амфора была обнаружена в 1928 г. на участке раскопок куртины 1 стен римского времени. Была опубликована в каталоге «Византийский Херсон», вышедшем к открытию XVIII конгресса византистов (Каталог, 1991, с.134, №139, ХГИАЗ №30716). Составители каталога датировали сосуд X в., дав его краткое описание: «На горле амфоры – граффити, на плече оттиснуто круглое клеймо в виде пентограммы, Д. горла 8,5; д. тулова – 20,5 см» (Каталог, 1991, с.134).

Отдавая отчёт в важности этой находки из Херсонеса, вынужден выразить недоумение, как вне внимания В.В.Булгакова оказалась также опубликованная в этом каталоге амфора интересующего нас типа (Каталог, 1991, с.141, №147, ХГИАЗ №252/36677). На фотографии представлена амфора, склеенная из многочисленных фрагментов; утрачены одна ручка, часть горла и дно. Сохранившиеся размеры сосуда: высота – 35,0 см, диаметр горла – 7 см. На горле оттиснуто буквенное клеймо в овальной рамке размером 1,2×1,0 см. Амфора найдена в 1965 г. в ходе раскопок участка приморской оборонительной стены и датирована издателями также X в. В публикации не указан диаметр тулова, но он легко восстанавливается в пределах 21-22 см²⁰. По-моему, визуальное сходство этой амфоры с предтечинскими амфорами-голосниками из коллекции 1976 г. очевидно.

Сравнительно недавно (29-30 ноября 2021 г.) мне удалось ознакомиться с четырьмя амфорами-голосниками, хранящимися в фондах ГБУ РК «Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника»²¹. Два сосуда происходят из материалов находок М.М.Никитенко в 1969 г. и два из сборов реставратора А.И.Слонова в 1976 г. Сначала хочу обратиться к сосудам лучшей сохран-

ности знакомым нам по публикации 2010 г. Е.Д. Артёменко. Только одну из амфор можно считать археологически целой²², хотя на ней имеются незначительные повреждения в виде пробоин тулова (рис. 4; 5; 6). Полная высота сосуда 44 см, максимальный диаметр тулова – 21,5 см, т.е. соотношение высоты и ширины составляет примерно 1:2. Тулово грушевидное, конусовидно заостряется книзу и заканчивается овальным дном. В 7,0 см от дна на тулове имеется плавное сужение в виде «перехвата». Тулово и горло покрыты бороздами (на горле три выступающих ребра). На тулове 15 глубоких борозд (их ширина около 0,4 см), расстояние между бороздами составляет от 1,0 (вверху) до 1,6 см (в нижней части сосуда). Толщина черепка на разных уровнях тулова и горла различна: на дне – 0,4-0,5 см, в средней части тулова 1,1–1,3 см, на горле – 0,6 см. Две ручки овальные в сечении (1,9×3,3 см), верхней частью крепятся на уровне венчика, а нижней – на плечах амфоры. Горло цилиндрическое, короткое (6,2 см), вверху расширяется в виде раструба и завершается венчиком (внешний диаметр 8,7 см) в виде полувалика. Черепок плотный, светло-коричневого (кирпичного) цвета. Наполнение состоит из мелкого песка, частиц слюды и бурых частиц. На плече сосуда по сырой глине (после подсыхания, но до обжига) чёрной краской нанесено дипинто в виде буквы «П» греческого алфавита (размер 2,1×2,5 см). По всей видимости, мастер-керамист, таким образом обозначил цифру «80», имея ввиду число сосудов в подготовленной им партии амфор.

Вторая амфора из коллекции 1976 г.²³ сохранилась не полностью: отбита нижняя часть сосуда (рис. 7; 8; 9); высота – 34,5 см²⁴. Утраченное при выемке из свода храма дно реконструируется в пределах 9,5 см. На такие параметры сосуда указывает диаметр облома тулова – 14 см. Следовательно, и данная амфора, скорее всего, могла иметь грушевидное, а не вытянуто-коническое, как полагала Е.Д.Артёменко, тулово (Артёменко, 2010, с.9)²⁵. Сохранившаяся часть тулова покрыта 18 бороздами. Толщина черепка сосуда переменчивая и колеблется от 1,2 см в нижней части до 0,6 см на венчике. Горло цилиндрическое, высотой 7,2 см, завершается горловиной в виде раструба с треугольным в сечении венчиком. Диаметр венчика – 8,5×8,8 см. Ручки овальные в сечении (1,9×3,9 см). Крепятся непосредственно под венчиком и в центральной части плеч. Сосуд сформирован из плотной глины. На поверхности черепок

Рис. 4. Амфора-голосник из паруса церкви Иоанна Предтечи (фото автора, 30.11.2021 г.).

Fig. 4. Amphora-resonator from the spandrel of the Church of St. John Prodromos (author's photo, November 30, 2021).

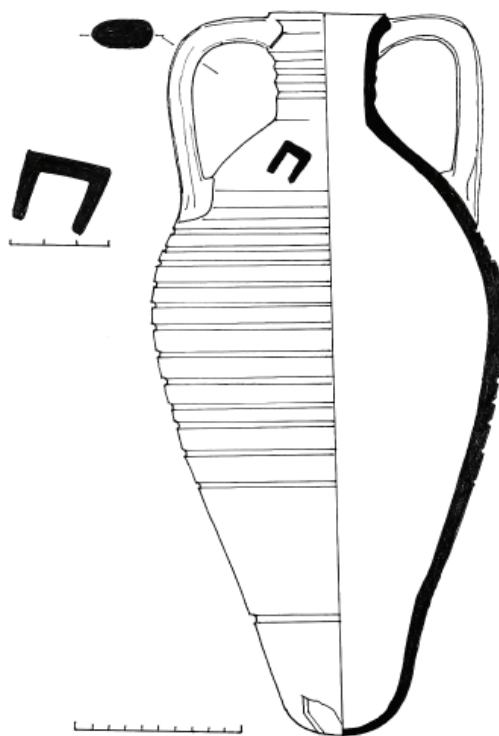

Рис. 5. Амфора-голосник из паруса церкви Иоанна Предтечи (рисунок автора, 30.11.2021 г.)

Fig. 5. Amphora-resonator from the spandrel of the Church of St. John Prodromos (author's drawing, November 30, 2021).

Рис. 6. Верхняя часть амфоры-голосника с дипинти в виде греческой буквы «Π», обозначающей цифру «80» (фото автора, 30.11.2021 г.).

Fig. 6. The upper part of the amphora-resonator with dipinti in the form of the Greek letter 'Π' denoting the number '80' (author's photo, November 30, 2021).

красно-оранжевый, в изломе светло-коричневый с наполнением слюдяными частицами и мелким песком. На поверхности плеча (между ручками) по сырой глине (после того как сосуд подсох) острым предметом была нанесена арабская цифра «20»²⁶.

Две амфоры из коллекции 1969 г., к сожалению, понесли значительные утраты (рис. 10; 11; 12; 13). Например, от одной из них, которая

выглядела в публикации 1970 г. почти целой (отбита одна ручка, помещена первой слева на фото М.М.Никитенко) сохранился только фрагмент верхней части тулова с ручкой и горла²⁷ (рис. 12; 13). Высота фрагмента 16,0 см, максимальный диаметр сохранившейся части тулова – 21,5 см. Амфора сформована из плотной глиняной массы кирпично-красного цвета с включением частиц слюды и

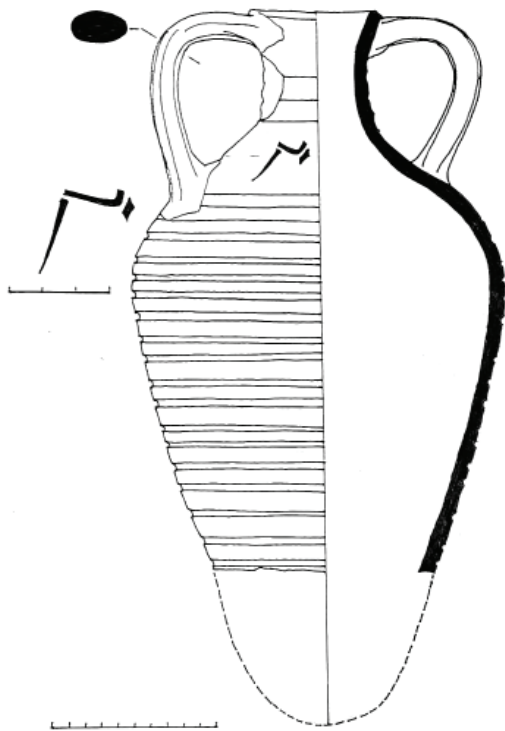

Рис. 7. Амфора-голосник из купола церкви Иоанна Предтечи (рисунок автора, 30.11.2021 г.).
Fig. 7. Amphora-resonator from the dome of the Church of St. John Prodromos (author's drawing, November 30, 2021).

Рис. 9. Сохранившаяся часть амфоры-голосника из купола церкви Иоанна Предтечи (фото автора, 30.11.2021 г.).
Fig. 9. The surviving part of the amphora-resonator from the dome of the Church of St. John Prodromos (author's photo, November 30, 2021).

Рис. 8. Верхняя часть амфоры-голосника с граффити в виде арабской цифры «20» (фото автора, 30.11.2021 г.)
Fig. 8. The upper part of the amphora-resonator with graffiti in the form of the Arabic number '20' (author's photo, November 30, 2021)

мелкодисперстного песка. Толщина черепка в верхней части тулова достигает 0,8 см, на уровне горла и венчика – 0,6 см. Горло высокое: от нижнего края тулова и до края венчика достигает 9,2 см. Имеет форму раструба с четырьмя бороздками в основании (рис. 12). Венчик плавно отогнут, диаметр 8,2 см. Ручка в сечении овальная или подпрямоугольная (1,8×3,2 см).

Вторая амфора понесла меньшие утраты нижней части тулова (рис. 10;11)²⁸. Высота сохранившейся части сосуда составляет 27,0 см, диаметр тулова – 21,5 см. Имеет высокое почти цилиндрическое горло (от основания нижнего прилепа ручки и до венчика высота составляет более 10 см). Горло желобчатое с внешним диаметром 6,2 (внутренний 3,7 см). В верхней части сформован в виде

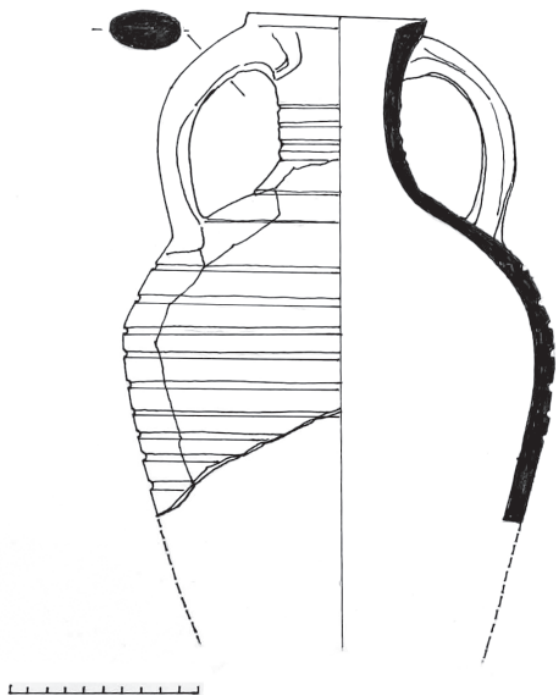

Рис. 10. Фрагмент верхней части амфоры-голосника из паруса церкви Иоанна Предтечи (рисунок автора, 30.11.2021 г.).

Fig. 10. Fragment of the upper part of an amphora-resonator from the spandrel of the Church of St. John Prodromos (author's drawing, November 30, 2021).

раструба и завершается венчиком (диаметр 9 см) в виде полувалика. Ручки овальные в сечении (1,9×3,4 см) с двумя слабо выраженными валиками с наружной стороны. Крепятся в средней части верхнего изгиба тулова, а вверху непосредственно под венчиком (внутри видны следы крепления ручек к тулову путём заглаживания). Тулово покрыто бороздами с широким шагом (в 1,3–1,8 см). Черепок светло-красный, плотный, местами слоистый с мелкими лакунами от выгоревших волокон растений. В глине прослеживается мелкий песок и слюдяные блёстки.

Вопрос датировки амфор с вытянуто-коническим и грушеобразным бороздчатым туловом за последние годы получил свое предметное развитие в изучении материалов раскопок разнообразных памятников, которые в основном, датировались X–XI вв. (Булгаков, 2004, с. 5–6; Артёменко, 2010, с.11). В.В.Булгаков, кроме фрагментированной амфоры из Херсонеса, для датировки голосников храма Иоанна Предтечи, привлекал материалы из раскопок торговых помещений дворца в Преславе (Болгария) (Чангова, 1957, с.279; Чангова,

Рис. 11. Фрагмент верхней части амфоры-голосника из паруса церкви Иоанна Предтечи (фото автора, 30.11.2021 г.).

Fig. 11. Fragment of the upper part of an amphora-resonator from the spandrel of the Church of St. John Prodromos (author's photo, November 30, 2021).

1959, с. 252; Дончева-Петкова, 1977, с.103, 195, 212) и целые формы сосудов из кораблекрушения у о-ва Млет (Хорватия) в Адриатическом море (Brusic, 1976, p. 38–40,48). При этом Булгаков стремился ограничить обзор исключительно находками амфор с коническо-вытянутым туловом, оставляя вне внимания находки сосудов с грушевидным туловом. Е.Д.Артёменко дополнительно обратилась к данным из кораблекрушения у мыса Серче Лимани (Турция), которое частично на тот момент было введено в научный оборот Ф.Доорником-Младшим (Doorninck, 1990, p. 58–63).

В последнее десятилетие число исследованных объектов и обнаруженных в них артефактов расширилось и это нашло отражение в современных публикациях. Например, Е.Р.Тодорова в 2012 г., работая над диссертацией, посвящённой средневековым амфорам Болгарии, дополнила материалы находок из Великого Преслава, аналогичными сосудами из монастырского комплекса Караач-Текке (Todorova, 2012, p. 17, 21)²⁹. Интересующие нас амфоры Эвелина Тодорова делит на два

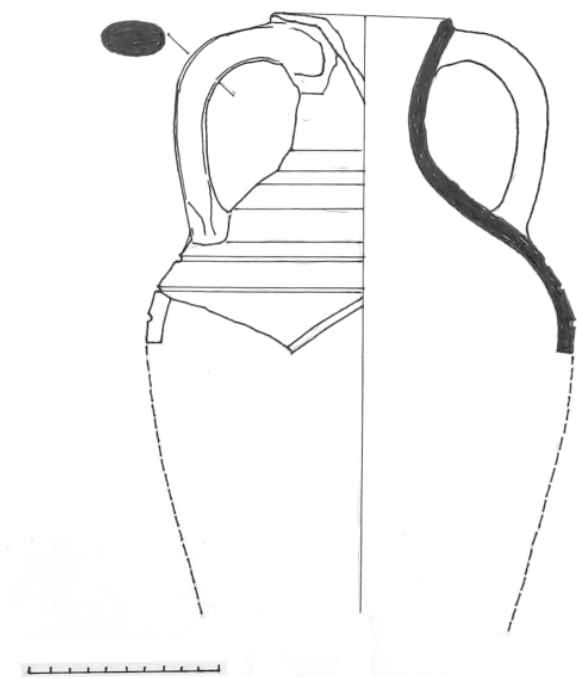

Рис. 12. Фрагмент верхней части амфоры-голосника из паруса церкви Иоанна Предтечи (рисунок автора, 30.11.2021 г.).

Fig. 12. Fragment of the upper part of an amphora-resonator from the spandrel of the Church of St. John Prodromos (author's drawing, November 30, 2021).

типа: к типу XII она относит сосуды с вытянутым коническим туловом, а к типу XIII – амфоры с грушевидным туловом. Оба типа имеют одинаковые характеристики глиняной массы, из которой они сформованы с включением слюдяных частиц. Время бытования сосудов обоих типов исследовательница относит к последней трети X–XI вв. (Todorova, 2012, p.17,21).

Особое внимание исследователями было уделено изучению места кораблекрушения у мыса Стоба о-ва Млет³⁰. После разграбления дайверами в 1975 г. места кораблекрушения, З.Брусич смог изучить примерно 50 амфор, которые попали в частную коллекцию. С 2009 по 2015 г. хорватскими и венецианскими учёными проводилось систематическое изучение данного памятника подводной археологии (Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, p.42–58; Miholjek, Zmaic, Ferri, 2017, 227–245). Это позволило собрать крупную коллекцию амфор, состоящую примерно 190 целых форм. Амфоры с места кораблекрушения представлены сосудами девяти основных групп с некоторыми вариантами и подтипами. По мнению исследователей, все амфоры, обнаруженные у мыса Стоба, принадлежат к средневизантий-

Рис. 13. Фрагмент верхней части амфоры-голосника из паруса церкви Иоанна Предтечи (фото автора, 30.11.2021 г.).

Fig. 13. Fragment of the upper part of an amphora-resonator from the spandrel of the Church of St. John Prodromos (author's photo, November 30, 2021).

ской производственной традиции. Наличие среди них хорошо известного типа «Günsenin I», время бытования которого относится к X–XI вв. определяет и датировку всего комплекса амфор (Miholjek, Zmaic, Ferri, 2017, p. 232, fig. 4, 5).

Амфоры третьей группы (Brusic, 1976, p.38) наиболее многочисленные – их найдено 49 шт. Эти амфоры имеют верхнюю часть, схожую с амфорами 1 и 2 групп, в то время как корпус сужается в форме конуса. Найдено несколько вариантов этого типа. Они различаются размерами и соответственно объёмами, варьирующими от 45 до 60 см в высоту, от 21 до 25 см в диаметре и от 5 до 7 литров в ёмкости. (Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, p.42-45, fig.6, 3,7; Miholjek, Zmaic, Ferri, 2017, p.232, fig.4,3). Ближайшими аналогиями к этому типу авторы указывают на «четыре амфоры, встроенные в конструкцию сводов церкви Иоанна Крестителя в Керчи, датируемые IX-X вв.» (Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, p.45). При этом они ссылаются исключительно на работу А.Л.Якобсона (Якобсон, 1979, с.75).

В отличие от амфор с коническим туловом, на месте кораблекрушения обнаружено только

шесть целых небольших амфор с грушевидным корпусом (Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, fig.7; Miholjek, Zmaic, Ferri, 2017, p.232, fig.4,4). Они имеют высоту 30–32 см, короткое горло и овальные ручки, идущие от края венчика до плеча, где амфора имеет диаметр около 17 см (Zmaie, Beltrame, Miholjek, Ferri, 2016, p.45, fig.6, 4). Данный тип относился к группе IV у З.Брусича (Brusic, 1976, p. 41), а также в типологии Н.Гюнсенин образовывал «тип XI» (Günsenin, 1990, p.39), датируемых X–XI вв. В качестве близких аналогий авторы также называют амфоры, найденные на месте кораблекрушения в Серче Лимани (Турция) и на Афинской Агоре (Греция), где они обнаружены в слое с анонимными византийскими монетами X–XI вв. Не выходят за эти хронологические пределы амфоры из Великого Преслава и из монастырского комплекса близ Караача-Текке (Болгария).

Ещё одним важным объектом, при исследовании которого в 1970-х гг. обнаружены амфоры с грушевидным туловом, является кораблекрушение в турецком заливе Серче Лиман (в 12 милях севернее о-ва Родос). Среди остатков корабельного груза первой трети XI в. найдены четыре сосуда, получившие в классификации Н.Гюнсенин наименование типа «Günsenin XIII» (Doornik, 1988, fig.1; Günstnin, 1990, pl.LXXII/3b; Günstnin, 2018, p.113, fig.24). Данный тип характеризуется небольшим грушевидным туловом с глубоким рифлением, с коротким горлом, к верхней части которого примыкают овальные в сечении ручки, опускающиеся на плечи тулова. Высота сосудов иногда достигает 25 см. Черепок в изломе от светло-красного до тёмно-коричневого цвета. Три амфоры из Серче Лимана оказались целыми: их полная высота составляет 29,9, 30,8 и 32,2 см. По подсчётам Ф. ван Доорника малые сосуды вмещали до 5 византийских футов вина, а большие – 5 «серебряных» византийских футов, т.е. по мнению исследователя, они изготавливались для товарной транспортировки и продажи вина в районе Сирии (Doorninck, 1988, p. 22–23; 1990, p. 58–63; 2016, p. 181–189)³¹.

Представленный выше обзор интересующего нас амфорного материала, происходящего с пространства от Северного (Боспор, Херсон) до Восточного Причерноморья (Серче Лиман), включая Балканы (Варна-Карааче-Текке, Великий Преслав, Афинская Агора) и Адриатическое побережье (мыс Стоба о-ва Млет), а также побережье Сирии

(Антиохия), Ливана и Палестины занимает по площади скромную территорию. На карте византийской торговли X–XI вв., можем указать всего шесть-семь конкретных объектов. При кажущейся общности (особо это касается форм и состава глины с включением слюды) амфор с конусовидным и грушевидным туловом, необходимо признать, что перед нами находится разнообразие сосудов, за которым может скрываться постепенная смена типов венчиков, ручек, доньев и объёмов сосудов. Из всех известных местонахождений этих амфор только два кораблекрушения (Серче Лиман и у мыса Стоба) имеют ясную датировку, которая может быть помещена в пространстве 1020–1030-х гг. Время бытования других местонахождений привязано к условно датированному анонимными византийскими монетами культурному слою (Антиохия и Афинская Агора) или знаковым политическим событиям (Великий Преслав – гибель в 971 г. Первого Болгарского царства). Группа крымских находок из восьми амфор датирована на уровне представлений 50–60-х гг. XX в., о чём говорят ссылки современных (в том числе и зарубежных) авторов на работы А.Л.Якобсона. Полученный в ходе раскопок храма Иоанна Предтечи (1960–1970-е гг.) археологический материал требует повторного изучения, т.к. за прошедшее время датировка многих артефактов получила существенные корректировки. Например, Т.И.Макарой около храма было исследовано 50 погребений, которые она датировала XII–XIII вв. Однако современное изучение монет позволяет расширить «хронологический диапазон существования кладбища около церкви Иоанна Предтечи» до XV–XVI вв. (Гончаров, Чхаидзе, 2018, с.37–38).

Совершенно очевидным является необходимость выполнить на современном уровне изучение и публикацию результатов как самих уже известных амфор с коническим и грушевидным туловом, так и осуществить ознакомление со средневековым амфорным материалом из музеев Крыма. Результативные примеры такого исследования массового амфорного материала известны на примере русских средневековых городов проделанные в последние годы (Коваль, 2012, с. 43–64).

Подводя итоги проведённого исследования, следует отметить, что важным достижением современной историографии является определение первоначального посвящения христианского православного храма в Воспоро во имя св.Георгия (Науменко, Поно-

марёв, 2013, с. 297). Данное наименование церкви, по-видимому, использовалось прихожанами на протяжении XIII - первой половины XVIII в., когда появляется новое наименование – Усекновение главы Иоанна Крестителя (Науменко, Пономарёв, 2013, с. 297).

Вместе с тем, настойчивая попытка отнести время его возведения к средневизантийскому периоду выглядит всё менее доказуемой (Sharp, 2010, p.234, fig.68-69; Виноградов, 2018, с.74). Причин этому несколько. В фонды Керченского музея в 1969 и 1976 гг. поступило шесть амфор-голосников обнаруженных при расчистке конструкций перекрытий храма: в 1969 г. – четыре сосуда, а в 1976 – два. В 1970 г. сотрудником музея М.М.Никитенко было опубликовано три амфоры, которые он первоначально датировал VII–VIII, а затем VI–VIII вв.³² Предлагаемые им даты опирались на заключения авторитетных учёных (прежде всего, А.Л.Якобсона и Й.Чанговой). Никитенко в 1970 г. представил одну иллюстрацию в виде разномерных фотографических изображений трёх амфор, снабдив их описанием. Высота амфор указана им – 50–55 см (и не отвечала реальным параметрам сохранившихся частей сосудов), максимальный диаметр тулова у плечиков – 19–21 см (также дано примерно). После этого все исследователи, которые обращались к амфорам-голосникам из храма Иоанна Предтечи (А.Л.Якобсон, Т.И.Макарова, В.В.Булгаков и др.) использовали исключительно фотографии из публикации Никитенко (две амфоры у Т.И.Макаровой, три – у В.В.Булгакова) или прорисовки некоторых сосудов (А.Л.Якобсон). При этом А.Л.Якобсон в качестве одного из голосников храма Иоанна Предтечи использовал схематичное и не известное по происхождению изображение небольшой амфоры (Якобсон, 1979, рис.46,1б). Позднее подобные маломерные амфоры XII–XIII вв. стали известны по работе 1990 г. Н.Гюнсенин как типы «Günsenin VII» и/или «XIII», Хейс «тип 65» (Hayes, 1992, p.76, tur.65)³³. При этом никаких пояснений в своей публикации А.Л.Якобсон не представил, что привело в дальнейшем к путанице в работах ряда авторов, по-видимому, считавших и эту амфору голосником из храма Иоанна Предтечи. Данный вопрос остаётся не разрешённым до настоящего времени. В публикации амфор-голосников предпринятой в 2010 г. сотрудницей керченского музея Е.Д.Артёменко представлены два сосуда обнаруженные в 1976 г. На этот раз были опубликованы только рисун-

ки этих двух амфор (Артёменко, 2010, с.12, рис. 1, 2).

Вместе с тем в историографии памятника устойчиво сохраняется мнение специалистов характеризующих архитектуру храма как строения возведённого не ранее XIII в. (А.И.Комеч, Ю.Г.Лосицкий, А.Ю.Виноградов и др.). Особенно важное наблюдение для подтверждения поздней датировки памятника было сделано Вл.Седовым в процессе его работы над вопросом центрального освещения византийских и древнерусских храмов (Седов, 2009, с.36-61). Седов специально отметил, что «Исследовавший памятник А.И.Комеч обратил внимание на окно над апсидой и указал на несколько аналогий: южный храм монастыря Паммакаростос (Фетхие Джамии) начала XIV в., базиликальные храмы в Кастории XI–XIII вв., новгородские храмы XIV в.» (Комеч, 1992, с. 35). При этом Седов специально подчёркивал: «Проблемы симметричного освящения венчающей зоны храма этот исследователь не затрагивал, остановившись только на попутном упоминании интересного приёма. Между тем «восточное окно» и центрическую систему освещения этого храма можно рассматривать как аргумент в пользу предположения о столичном, константинопольском происхождении этого крымского памятника» (Седов, 2009, с.57)³⁴.

Поэтому Вл.Седов относил церковь Иоанна Предтечи в Керчи к числу ярких примеров поздневизантийских храмов с крестообразным освещением. Если А.И.Комеч перемещал дату возведения храма к середине XIV в., то Вл. Седов считает, что «эту датировку можно расширить – в сторону конца XIII в.» (Седов, 2009, с. 57). Если признать данное положение верным, то и амфоры-голосники из конструкций перекрытий церкви следует относить к концу XIII в.

В связи с этим считаю возможным предложить считать амфоры-голосники из храма Усекновения главы Иоанна Предтечи (св. Георгия) артефактами поздневизантийского времени и осуществлять их дальнейшее изучение с учётом этого определения. Может в данной хронологической дистанции и кроется наблюдаемая разница формы, размеров и керамического состава амфор из храмов и подобных сосудов с мест кораблекрушений начала XI в. Скорее всего весь известный на сегодня близкий по форме и керамическому составу амфорный материал в перспективе можно будет объединить в единый хронологический массив XI–XIII вв.

Благодарность: В ходе работы над статьёй мне оказывали разнообразную помощь коллеги по Сектору архитектурной археологии Государственного Эрмитажа В.Панченко и Д.Ёлшин; Заведующая сектором научной библиотеки Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» Н.Рубаненко; сотрудником Античной новоостровской экспедиции ИИМК РАН А.Баранниковой. За это выражаю им искреннюю благодарность.

Примечания:

¹ Крепостными стенами была защищена площадь в 3,2 га. В укрепленной части города находилось 50 домов с маленькими дворами, одна баня, три мечети и одна греческая церковь (Бочаров, 2015, с. 139, рис. 1; 7; 10,12). Храм, получивший в конце XVIII в. наименование церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, располагался в юго-западной части города и непосредственно у оборонительной стены. Строение церкви ориентировано на северо-восток (80°). Его внешние размеры составляют 9,92×13,0 м (Лосицкий, 2015, с. 180) (31×40,5 византийских футов).

² Более детальную характеристику историографии по дискуссионным вопросам датировки памятника см.: (Науменко, Пономарёв, 2016, с.325-331).

³ Наиболее значимый вклад в изучение археологических памятников Воспоро-Керчи и особенно церкви Иоанна Предтечи, был внесён Т.И.Макаровой (1930–2009), которая руководила раскопками средневекового города на протяжении 1963–1964, 1970–1971, 1976, 1980 гг. (Макарова, 1965, с.70–76; 1998, с. 345–362; 2003, с. 68–73).

⁴ Т.И.Макарова в своей работе использовала фотографии двух амфор из храма Иоанна Предтечи, которые также впервые издал М.М.Никитенко (Макарова, 2003, с.132, табл.46.5). Здесь фото сопровождаются линейным масштабом позволяющим восстановить высоту сосудов в 43 и 34 см.

⁵ Далее Т.И.Макарова писала: «С учётом этого уточнения, церковь Иоанна Предтечи можно считать предшественницей церкви Пресвятой Богородицы в Тмутаракани или ей ровесницей» (Макарова, 2003, с.73). Здесь следует отметить, что современные исследователи полагают, что «Вопрос об альтернативной датировке и атрибуции памятника остаётся открытым и может быть решён лишь в ходе новых археологических исследований храма» (Чаидзе, Виноградов, Ёлшин, 2017, с. 279).

⁶ Т.И.Макаровой представлены фотографии двух амфор-голосников, которые сопровождается и линейный масштаб, согласно которому реконструированная высота амфоры расположенной слева достигала 49 см, а справа – 39 см.

⁷ Правда сам А.В.Сазанов датировал данные амфоры «последней третью XI – серединой или второй половиной XIII в.» (Sazanov, 1998, p.97, fig.4,47), что и могло стать причиной хронологического недоразумения.

⁸ К сожалению ни тогда, ни позднее М.М.Никитенко ничего не сказал о характере и состоянии четвёртого сосуда, судьба которого не известна до настоящего времени и продолжает вызывать вопросы.

⁹ К сожалению, автор не приводит более конкретных примеров со ссылками на источники, хотя в его рассуждениях легко узнать его знакомство с работами А.Л.Якобсона, Й.Чанговой и Г.Кузманова (Кузманов, 1985. с. 68, тип XIII, А68, А69).

¹⁰ Вместе с существующей в историографии точкой зрения о раннем строительстве (в VIII в.) церкви Иоанна Предтечи в Керчи, М.М.Никитенко также приводит суждения А.Л.Бертье-Делагарда, О.И.Домбровского, Ю.С.Асеева и особенно А.И.Комеча о возможности возведения храма в XIII или даже во второй половине XIV в. Автор также отмечает точку зрения Т.И.Макаровой, которая, на основании материалов археологических раскопок «отнесла время её создания к началу X века» (Никитенко, 2002, с.210).

¹¹ М.М.Никитенко и во второй публикации не даёт прямых ссылок на использованные источники, хотя в его рассуждениях легко узнать знакомство автора с работами А.Л.Якобсона (Якобсон, 1951, с. 328, рис. 2), Й.Чанговой (Чангова, 1957, с. 251–283; Чангова, 1959, с. 243–260) и Г.Кузманова (Кузманов, 1985. С.68, тип XIII (А68-А69)).

¹² Л.Пономарёвой амфоры-голосники, обнаруженные в храме Иоанна Предтечи в 1976 г., отнесены к VIII в. (Пономарёва, 1997, с. 87), но, учитывая научно-популярный характер работы, мы не будем останавливаться на ней подробно. Для нас важен сам факт находки и официального поступления в фонды музея двух амфор.

¹³ В статье Е.Д.Артёменко представлена важная информация о процессе обнаружения и поступления в фонды Керченского историко-археологического музея четырёх амфор-голосников в 1969 г. К тому же ею сообщаются дополнительные сведения о параметрах сохранившихся частей тех сосудов. Оказывается, что указанная М.М.Никитенко в публикациях высота четырёх амфор из парусов храма достигавших якобы высоты в 50–55 см являлась ничем иным, как предложенной им реконструкцией. Реальная высота сохранившихся частей амфор-голосников, по сообщению Е.Д.Артёменко, составляла от 41 до 49 см, а днища амфор были отбиты (Артёменко, 2010, с. 8, прим. 1). Судя по всему сотрудница музея имела возможность осмотреть все амфоры 1969 г., но не приводит никаких деталей и особенностей их формы. Для неё все сосуды из сборов М.М.Никитенко относятся к одному типу.

¹⁴ К сожалению, метрические данные в текстовом описании амфор и на масштабированных рисунках не совпадают. Например, в тексте высота амфоры ККТ269 якобы достигает 50 см (на рисунке около 32 см), её диаметр в тексте – 23 см, а на рисунке – примерно 20 см. Вторая амфора (рис. 2, ККТ164) в тексте имеет высоту

41,5 см, диаметр тулова у плечиков 21 см. На рисунке путём измерения с использованием линейного масштаба её высота оказывается примерно 38 см, диаметр тулова – 18 см.

¹⁵ Качество представленного рисунка не позволяет с полной уверенностью определить тип сосуда (Якобсон, 1979, с.75, рис.43,16).

¹⁶ По схематичным рисункам в публикации А.Л.Якобсона видно, что две амфоры-голосника из церкви Иоанна Предтечи разных размеров и относятся к разным типам. Малая амфора нарисована целой (Якобсон, 1979, рис.43,16).

¹⁷ Специально привожу подробно высказывание А.Л.Якобсона, потому что в дальнейшем, исследователи, обращавшиеся к изучению подобных амфор и амфор-голосников из церкви Иоанна Предтечи в Керчи, следовали в русле логических построений авторитетного учёного. Судя по всему, после обнаружения амфор-голосников, А.Л.Якобсон должен был признать и более позднюю дату строительства храма Иоанна Предтечи в Керчи – IX–X вв., т.к. ранее он придерживался другой – середина-вторая половина VIII в. (Якобсон, 1959, с.213; Якобсон, 1964, с.147). Ссылаясь на Н.И.Брунова (Брунов, 1928, с.87) Якобсон считал, что храм Иоанна Предтечи в Керчи относится «к середине или концу VIII в. (Якобсон, 1959, с. 217).

¹⁸ К сожалению, изображения амфор выполнены небрежно, с искажением форм реальных сосудов и без линейных масштабов.

¹⁹ В.В.Булгаков пишет о четырёх амфорах, в то время как в публикации М.М.Никитенко и соответственно у самого Булгакова было представлено три, а не четыре конически-вытянутые амфоры (Булгаков, 2004, с. 6, рис. 1).

²⁰ Данная амфора была известна А.Л.Якобсону, но он, по непонятным причинам, использовал в своей монографии 1979 г. только клеймо, оставив без внимания сам сосуд (Якобсон, 1979, рис. 44, 11).

²¹ Считаю своим особо приятным долгом поблагодарить за оказанное мне содействие в работе с музейными артефактами Заместителя генерального директора ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» Наталью Владимировну Быковскую и Заведующую сектором учёта отдела фондов ГБУ РК музея Татьяну Иосифовну Охрименко.

²² На сосуде маркировка – КП 3622. В публикации Е.Д.Артёменко была указана маркировка ККТ 164 (Артёменко, 2010, с. 12, рис. 2).

²³ На сосуде имеется две маркировки: «старая» – ККТ 269 и «новая» – КП3622, которая совпадает с предшествующей.

²⁴ В этом случае не понятно на основании чего у Е.Д.Артёменко высота амфоры достигала 50 см (Артёменко, 2010, с. 9). Это могло получиться только за счёт реконструкции недостающей части тулова.

²⁵ Должен признать, что графическое восстановление полного профиля дна этого сосуда при двух высотах в 44 и 50 см вполне возможно. Это только подтверждает отсутствие принципиальной разницы между двумя группами сосудов, которые, безусловно, могли изготавливаться в одной мастерской.

²⁶ Надпись выполнена в три движения справа налево. Е.Д.Артёменко полагала, что на плечо амфоры нанесена буква «Г» греческого алфавита, что «должно обозначать цифру «3» (Артёменко, 2010, с. 10).

²⁷ На сосуде имеется два номера: К-11107 и ККТ254.

²⁸ На сосуде выставлен один номер – ККГ 208.

²⁹ Монастырь «Святая Богородица» в селении Каарач-Текке, расположен в 4–5 км от г.Варны. Памятник открыт в начале XX в. Карелом Шкорпиллом. Согласно историографической традиции монастырь был построен в конце IX – начале X в. царём Первого Болгарского царства – Борисом I (ум. 2 мая 907 г.).

³⁰ Остров Млет (принадлежит Хорватии) находится на побережье Адриатического моря и расположен в 35 км к северо-западу от Дубровника.

³¹ В связи обозначенным восточным вектором византийской торговли вином интересны обнаруженные на двух амфорах из храма Иоанна Предтечи арабская цифра «20» и «греческая» – «80». Их наличие указывает на присутствие в керамической мастерской либо самих мастеров («араба» и «грека») либо лиц ведущих учёт изготовленных сосудов как по-арабски, так и по-гречески. Данные цифры могут служить некоторым ориентиром в поисках места производства амфор.

³² В публикации 2002 г. М.М.Никитенко нет изображений амфор, а дано только их описание из публикации 1970 г.

³³ В ходе раскопок 2001–2009 гг. в Кадикалеси/Анайя (район Давутлар, к югу от Кушадасы, Малая Азия) получена самая большая коллекция из 32 целых амфор, состоящая из изделий 13 типов. Среди них турецкий исследователь Синан Мимароглу эти сосуды выделил в тип 1 Кадикалеси/Анайя (Mimaroglu, 2010, p.78–81, fig.8). Местом их производства он также считает данную местность, входившую в состав Византийской империи.

³⁴ В завершении сюжета хочу предложить цитату Вл.В.Седова о значимости приёма центрического освещения, который «возник в связи с обособлением центрического ядра храма, с желанием подчеркнуть его башнеобразность, его завершенность. В небольшом круге памятников (Куршумлия, Перынь, Паммакарисас в Константинополе, Керчь) этот приём получил законченное воплощение, превратившись в часть художественной программы, осмысленной и ясно артикулированной» (Седов, 2009, с.58).

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А.А.* Церковь Св.Иоанна Предтечи в Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 год. Ч. III. / под ред. Н.П.Кондакова. Одесса: Типография А.Шульце, 1887. С.382-386.
- Артёменко Е.Д.* Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Ремёсла и промыслы / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2010. С. 8–12.
- Бочаров С.Г.* Крепостные сооружения города Боспора – Воспоро в XIV–XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). / Ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, и др. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 342–348.
- Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро // Причерноморье в средние века. Вып. 9 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб: Алетейя, 2015 г. С. 127–148.
- Брунов Н.И.* Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи // Византийский временник. 1927. Т. XXV. С. 87–105.
- Булгаков В.В.* Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. Вып. I / Гл. ред. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: Академперіодика, 2004. С. 5–12.
- Византийский Херсон. К XVIII Международному конгрессу византинистов. Каталог выставки / Ред. И.С. Чичуров: М.: Наука, 1991. 256 с.
- Виноградов А.Ю.* Средневизантийские традиции церковного зодчества на южном, восточном и северном берегах Чёрного моря // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 73–89.
- Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н.* Монеты из раскопок 1971 г. у храма Иоанна Предтечи в Керчи // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка: V Международный Нумизматический Симпозиум (Москва, 20-21.09.2018 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Севастополь, Симферополь, Москва. – 2018. С. 37–38.
- Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 112 с.
- Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средновековие. София: Българска академия на науките, 1977. 224 с.
- [*Дортелли д'Асколи Э.*] Описание Чёрного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 г. / Пер. Н.Н. Пименова. Издано с прим. почётн. чл. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV, Отд. 1. С. 89–180.
- Зенкевич Х.Х.* Керчь в прошлом и настоящем. Историко-географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типография Х.Н. Лаго и К° (бывш. Холева), 1894. 162 с.
- Коваль В.Ю.* Византийские амфоры (магарики) в Южной Руси // Библиотека Vita Antiqua: 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Збірка наукових праць. Київ, 2012. С. 43–64.
- Комеч А.И.* Церковь усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи // Зограф. Београд, 1992. № 22. С. 28–40.
- Комеч А.И.* Церковь усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи // Мир искусств. № 2 / Отв. ред. Б.И. Зингерман, Е.П. Перегудова. М.: РИК «Культура», 1995. С. 359–377.
- Комеч А.И.* Церковь Иоанна Предтечи в Керчи // Проблемы изучения древнерусского зодчества (По материалам архитектурно-археологических чтений, посвящённых памяти П.А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 128–129.
- Кондаков Н.П.* Мраморный рельеф из Пантикапея // ЗООИД. Т. X. Отд. 1. Одесса, 1877. С. 16–25.
- Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII в.) // Разкопки и проучвания. Кн. XIII. София: БАН, 1985. 195 с.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времён из южной России. СПб: Типография Императорской академии наук, 1896. 143 с.
- Литшиц Е.Э.* История Византии / Отв. ред. академик С.Д. Сказкин М.: Наука, 1967. С. 95–96.
- Лосицкий Ю.Г.* Храмы средневекового Крыма IV–XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвящённый юбилею Елены Александровны Паршиной / Археологический альманах. № 33 / Ред.-сост. И.Б. Тесленко. Киев: Видавець Олег Філюк, 2015. Киев, 2015. С. 179–199.
- Макарова Т.И.* Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. № 104 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1965. С. 70–76.

Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–105.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. 6. 1998. С. 345–362.

Макарова Т.И. Крым в X-первой половине XIII вв. Боспор и Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология СССР / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 68–73; 130–134.

Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 228–245.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 161 с.

Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 69–106.

Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «церкви Шевелева» («церкви 1833 г.») // *Ρωμαϊος*; сборник статей к 60-летию профессора С.Б. Сорочана. Нартекс. *Byzantine Ukrainensis*. Т. 2 / Гл. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: Майдан, 2013. С. 295–309.

Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Христианские памятники и топография Боспора X–XII вв. // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / под ред. Т.Ю. Яшаевой. Севастополь: Телескоп, 2013. С. 244–263.

Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Боспорские чтения. Вып. XVII / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 325–331.

Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Е.И. Лопушинская и её «историческая справка» о керченской церкви Иоанна Предтечи (1968 г.) // Проблеми історії та археології України: Матеріали XI Всеукраїнської наукової конференції, до 60-річчя початку дослідження Більського городища Харківським університетом, 14–15 грудня 2018 року / Від. за вип. С.В. Д'ячков. Харків, 2018. С. 40–41.

Никитенко М.М. Амфоры-голосники из церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Археологические открытия 1969 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 276–278.

Никитенко М.М. К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Сурож, Сугдея, Солдаёя в истории и культуре Руси – Украины. Материалы научной конференции / Гл. ред. Н.М. Куковальская. Киев-Судак: Академперіодика, 2002. С. 209–211.

Петров Н.И. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV–V. Киев: Фото-лито-типография С.В. Кульженко, 1915. 62 с.

Пономарёв Л.Ю. Христианские храмы Керченского полуострова VIII–X и XIV–XVIII вв.: археологические реалии // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / Отв. ред. В.В. Майко. Севастополь-Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2018. С. 170–183.

Пономарёв Л.Ю. Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский периоды (обзор источников и дискуссионные вопросы) // Боспорские исследования. Вып. XXXIX / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2019. С. 275–309.

Пономарёв Л.Ю., Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Керченская церковь Иоанна Предтечи (историографический обзор) // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. IV. Симферополь, 2014. С. 272–306.

Пономарёва Л. Перлина візантійського зодчества в Керчі // Пам'ятки України. Київ, 1997. № 1. С. 86–90.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 169 с.

Седов В.В. Церковь Николая в Куршумлии и вопрос о центрическом освещении византийских и древнерусских храмов // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Материалы научной конференции 2009 г. в Москве / Ред. В.Д. Дажина. М.: МГУ, 2009. С. 36–61.

Чангова Й. Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав // ИАИ. Кн. XXI / Отв. ред. Кр. Миятев. София: БАН, 1957. С. 251–282.

Чангова Й. Средновековни амфори в България // Известия на Археологическия институт (ИАИ). Кн. XXII / Отв. ред. Кр. Миятев. София: БАН, 1959. С. 243–260.

Чаудзе В.Н., Виноградов А.Ю., Ёлишин Д.Д. Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья / Труды ГЭ. Т. 86 / Отв. ред. О.М. Иоаннисян. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. С. 257–287.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. № 17. М.-Л.: 1950. 260 с.

Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. XV / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 325–344.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. № 63. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 362 с.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.

Barnea I. Amforele feudale de la Dinigetia. In SCIV, 1954, V, 3–4.

Barnea I. Ceramica de import. In Dinogetia Asezarea feudala timpurie de la Disericuta-Garvan, I. Bucuresti, 1967.

Barnea I. La ceramique byzantine de Dobroudja X–XII siècles. In RCB. 1989. P. 131–142.

Brusić Z. Byzantine Amphorae (9th – 12th century) from Eastern Adriatic Undervaten Sites. In Archaeljgia Jugoslavica. XVII. 1976. P.37-49.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. The Amphoras: Old jars from the North. In Institute of Nautical Archeology. 1988. № 15 (3). P. 22–23.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. The Piriform Amphoras from the 11th – Century Shipwreck at Serçe Liman: Sophisticated Containers for Byzantine Commerce. In Wine. Graeco – Arabica. № 6. 181–189.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. The Serçe Liman Shipwreck: An 11th Century cargo of Fatimid Glassware cullet. For Byzantine Glassmakers. In Ist International Anatolian Glass Symposium, April 26th–27th 1988 (Istanbul), 1990, p. 58–63.

Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle. In Anatolia Antiqua. Revue internationale d'archeologie anatolienne. T.XXVI. 2018. P. 89–124.

Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections Turques. These the doctorat. Universite de Paris I (Pantheon-Sorbonne). Vol. II. Paris, 1990.

Hayes J.W. Excavation at Sarachene in Istanbul. – Princeton: The Princeton University Press & DOP Library & Collection, 1992. Vol. 2. 1992. The Pottery. 1992. 464 p.

Miholjek I., Zmaic V., Ferri M. The Byzantine Shipwreck of Cape Stoba (Mljet, Croatia). In Adriatico altomedievale (VI–XI secolo): Scambi, porti, produzioni/ a cura di Sauro Gelichi e Claudio Negrelli. Studi e Ricerche 4. 2017. P. 227–245.

Mimaroglu S. Kadikalesi. Anaia Bizans dönemi amphoralari. In Sanat Tarihi Dergisi Sayi. XX (1), 2011. P. 63–92.

Mimaroglu S. Late Byzantine Commerical Amphore in Kadikalesi. Anaia. In Byzantine craftsmen – Latin Patrons. Ed. Prof. Dr. Zeynep Merangöz: Ege Yayinlari, 2013. P. 174–227.

Sazanov A. Les amphores de l'antiquite tardive et du moen age: continuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire. In La ceramique edieval en Mediterranee. Actes du 6e cnygres. Aix-en-Provence. 1997. P. 87–102.

Scorpan C. Origini și linii evolutive in ceramic romano-byzantina (sec. IV–VII) din șpatiul mediteranean și pontic. In Pontica, 9, 1976. P. 156. Pl. XVI, 2.

Sharp R.S. The Outside Image. A Comparative Study of External Architectural Display on Middle Byzantine Structures on the Black Sea Littoral. Diss. Birmingham, 2010. P. 234, fig. 68–69, 82(a).

Todorova E.P. Byzantine Amphorae from Presentday Bulgaria (7th –14th century AD). Summary of a PhD thesis. Sofia: Universiti “St. Kliment ohridski” Faculty of History Department of Archaeology. Sofia, 2012. 42 p.

Zmaie V. Kralj, C. Beltrame, I. Miholjek, M. Ferri. A Byzantine Shipwreck from Cape Stoba Mljet, Croatia: an in terim report. In The International Journal of Nautical Archaeology. 2016.45.1. p. 42–58.

Информация об авторе:

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г.Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

REFERENCES

- Avdeev, A. A. 1887. In Kondakov, N. P. (ed.). *Trudy VI Arkheologicheskogo s"ezda v Odesse 1884 god (Proceedings of the 6th Archaeological Congress in Odessa)* III. Odessa: "Tipografiya A. Shul'tse", 382–386 (in Russian).
- Artemenko, E. D. 2010. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *XI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period Antichnosti i Srednevekov'ya. Remesla i promysly (Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Industries and Crafts)* XI. Kerch, 8–12 (in Russian).
- Bocharov, S. G. 2013. In Vakhtina, M. Iu., Gritsik, E. V. et. al. (eds.). *Bosporskii fenomen: greki i varvary na Evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The Bosporan Phenomenon: Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia). Proceedings of the International Conference*. Saint Petersburg: Nestor-Historia Publ., 342–348 (in Russian).
- Bocharov, S. G. 2015. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Circum Pontic area in the Middle Ages)* (9). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 127–148 (in Russian).
- Brunov, N. I. 1927. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (25). 87–105 (in Russian).
- Bulgakov, V. V. 2004. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)* 1. Kiev, Sudak: "Akademperiodika" Publ., 5–12 (in Russian).
- In Chichurov, I. S. 1991. *Vizantiyskiy Kherson. K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. Katalog vystavki (To the XVIII International Congress of Byzantinists) Exhibition catalog*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vinogradov, A. Yu. 2018. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 46. 73–89 (in Russian).
- Goncharov, E. Yu., Chkhaidze, V. N. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka: V Mezhdunarodnyy Numizmaticheskiiy Simpozium (Moskva, 20-21.09.2018 g.) (Pontic Money-Changer: Money of the Local Market) V International Numismatic Symposium. Moscow, 20-21.09.2018)*. Sevastopol', Simferopol', Moscow, 37–38 (in Russian).
- Dombrovskiy, O. I. 1966. *Freski srednevekovogo Kryma (Frescoes of the medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Doncheva-Petkova, L. 1977. *B"lgarska bitova keramika prez rannoto srednovekovie (Household Ceramics in Bulgaria in the Early Middle Ages)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
- [Dortelli d'Askoli E.] 1902. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 14 (1). Odessa, 89–180 (in Russian).
- Zenkevich, Kh. Kh. 1894. *Kerch' v proshedshem i nastoyashchem Istoriko-geograficheskiy ocherk s prilozheniem opisaniya dostoprimechatel'nostey goroda i ego okrestnostey, khronologicheskogo ukazatelya i statisticheskikh svedeniy i s risunkami. (Kerch in the past and present. A historical and geographical essay with an appendix describing the sights of the city and its surroundings, a chronological index and statistical information, and with drawings)*. Kerch: "Skoropechatnaya tipografiya Kh.N. Lago i K° (byvsh. Kholeva)" Publ. (in Russian).
- Koval, V. Yu. 2012. In *Biblioteka Vita Antiqua: 1000 rokiv vizantiys'koi torgivli (V–XV stolittya). Zbirka naukovikh prats' (Bibliotheca Vita Antiqua: 1000 rokiv Byzantine trade (V–XV table))*. Kiïv. 43–64 (in Russian).
- Komech, A. I. 1992. In *Zograf (Zograf)* 22, 28–40 (in Russian).
- Komech, A. I. 1995. In Zingerman, B. I., Peregudova, E. P. (eds.). *Mir iskusstv (World of Arts)* 2. Moscow: "Kul'tura". 359–377 (in Russian).
- Komech, A. I. 1996. In *Problemy izucheniya drevnerusskogo zodchestva (Po materialam arkhitekturno-arkheologicheskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati P.A. Rappoport, 15–19 yanvary 1990 g.) (Problems of studying ancient Russian architecture (Based on the materials of architectural and archaeological readings dedicated to the memory of P.A.Rappoport, January 15–19, 1990))*. Saint Petersburg: "Dmitry Bulanin" Publ., 128–129 (in Russian).
- Kondakov, N. P. 1877. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 10 (1). Odessa, 16–25 (in Russian).
- Kuzmanov, G. 1985. *Rannovizantiyska keramika ot Trakiya i Dakiya (IV – nachaloto na VII v.) (Early Byzantine ceramics from Thracia and Dacia (IV – beginning on the VII century.))*. Series: Razkopki i prouchvaniya (Excavations and research) XIII. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Latyshev, V. V. 1896. *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz yuzhnoy Rossii (Collection of Greek inscriptions of Christian times from southern Russia)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Lipshits, E. E. 1967. In Skazkin, S. D. (ed.). *Istoriya Vizantii (The History of Byzantium)* / Moscow: "Nauka" Publ., 95–96 (in Russian).

Lositsky, Yu. G. 2015. In Teslenko, I. B. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj yubileyu E.A. Parshinoy (The Ancient and Medieval Taurica. Collection of papers in honor E.A. Parshina). Arheologicheskij al'manah (Archaeological Almanac)* 33. Kiev: "Vidavec' Oleg Filyuk" Publ., 179–199 (in Russian).

Makarova, T. I. 1965. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 104. Moscow: "Nauka" Publ., 70–76 (in Russian).

Makarova, T. I. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 91–105 (in Russian).

Makarova, T. I. 1998. In *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Taurica)* (6). 345–362 (in Russian).

Makarova, T. I. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka (Archaeology. Crimea, North-Eastern Black Sea Region and Trans-Caucasia in the Middle Ages. 4th–13th Centuries)*. Series: Archaeology. Moscow: "Nauka" Publ., 68–73; 130–134 (in Russian).

Myts, V. L. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 228–245 (in Russian).

Myts, V. L. 1991. *Ukrepenniia Tavriki X–XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th–15th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 69–106 (in Russian).

Naumenko, V. E., Ponomarev, L. Yu. 2013. In Sorochan, S. B. (ed.-in-chief). *Ρωμαϊος; sbornik statej k 60-letiyu professora S.B. Sorochana. Narteks. Byzantine Ukrainensis (ρωμαϊος; collection of articles for the 60th anniversary of Professor S.B. Sorochan. Narthex. Byzantine Ukrainensis)* 2. Kharkov: "Maidan" Publ., 295–309 (in Russian).

Naumenko, V. E., Ponomarev, L. Yu. 2013. In Yashaeva, T. Yu. (ed.). *Klimentovskiy sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoy konferentsii «Tserkovnaya arkeologiya: Khersones – gorod svyatogo Klimenta» (Sevastopol', 2011 g.) (Klimentovsky collection. Materials of the VI International Conference "Church Archaeology: Chersonese – the city of St. Clement" (Sevastopol, 2011))* Sevastopol': "Teleskop". 244–263 (in Russian).

Naumenko, V. E., Ponomarev, L. Yu. 2016. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniia. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Studies. Bosporan Readings) XVII*. Kerch, 325–331 (in Russian).

Naumenko, V. E., Ponomarev, L. Yu. 2018. In D'iachkov, S. V. (ed.). *Problemi istorii ta arkeologii Ukraïni: Materiali XI Vseukraïns'koï naukovoï konferentsii, do 60-richchya pochatku doslidzhennya Bil's'kogo gorodishcha Kharkivs'kim universitetom, 14–15 grudnya 2018 roku (Problems of the history of the archeology of Ukraine: Materials of the XI All-Ukrainian Scientific Conference, up to 60-year-old cob of the Bil'sky settlement of the Harkivsky University, 14–15 Grudnya 2018 roku)*. Kharkiv. 40–41 (in Russian).

Nikitenko, M. M. 1970. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1969 goda (Archaeological Discoveries 1969)*. Moscow: "Nauka" Publ., 276–278 (in Russian).

Nikitenko, M. M. 2002. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Surozh, Sugdeya, Soldayya v istorii i kul'ture Rusi – Ukrainy. Materialy nauchnoy konferentsii (Surozh, Sugdea, Soldayya in the history and culture of Russia – Ukraine. Materials of the scientific conference)*. Kiev-Sudak: "Akadempereodika" Publ., 209–211 (in Russian).

Petrov, N. I. 1915. *Al'bom dostoprimechatel'nostey tserkovno-arkheolo-gicheskogo muzeya pri Kievskoy dukhovnoy akademii, vyp. IV–V. (Album of sights of the Church-Archaeological Museum at the Kiev Theological Academy, vol. IV–V)*. Kiev: Foto-lito-tipografiia S.V. Kul'zhenko, 1915 (in Russian).

Ponomarev, L. Yu. 2018. In Mayko, V. V. (ed.). *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda (Archaeology of the Ancient and Medieval Town)*. Sevastopol, Kaliningrad: "ROST-DOAFK" Publ., 170–183 (in Russian).

Ponomarev, L. Yu. 2019. In Zin'ko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 39. Kerch: Kerchenskaia gorodskaia tipografiia Publ., 275–309 (in Russian).

Ponomarev, L. Yu., Beylin, D. V., Beylina, S. A. 2014. In *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika (Scientific collection of the Kerch Reserve)* IV. Simferopol', 272–306 (in Russian).

Ponomareva, L. 1997. In *Pam'yatki Ukraïni (Pam'yatki of Ukraine)* 1. Kiïv. 86–90 (in Ukrainian).

Romanchuk, A. I., Sazanov, A. V., Sedikova, L. V. 1995. *Amfory iz kompleksov Vizantiiskogo Khersona (Amphoras from Byzantine Kherson Complexes)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Sedov, V. V. 2009. In Dazhina, V. D. (ed.). *Lazarevskie chteniya. Iskusstvo Vizantii, Drevney Rusi, Zapadnoy Evropy: Materialy nauchnoy konferentsii 2009 g. v Moskve (Lazarev readings. The Art of Byzantium, Ancient Russia, Western Europe: Materials of the 2009 scientific conference in Moscow)*. Moscow: Moscow State University Publ., 36–61 (in Russian).

Changova, Y. 1957. In Miyatev, Kr. (ed.). *Izvestiya na Arkheologicheskiya institute (Bulletin of the Institute of Archaeology) XXII*. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences, 251–282 (in Bulgarian).

Changova, Y. 1959. In Miyatev, Kr. (ed.). *Izvestiya na Arkheologicheskiya institute (Bulletin of the Institute of Archaeology) XXII*. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences, 243–260 (in Bulgarian).

Chkhaidze, V. N., Vinogradov, A. Yu., Elshin, D. D. 2017. In Ioannisyanyan, O. M. (ed.). *Monumental'noe zодchestvo Drevney Rusi i Vostochnoy Evropy epokhi srednevekov'ya (The Monumental Architecture of Ancient Russia and Eastern Europe of the Middle Ages)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 86. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 257–287 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyi Khersones. (XII–XIV vv.) (Medieval Chersonesos. 12th–14th cc.)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 17. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Yakobson, A. L. 1951. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) 15*, Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 325–344 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1959. *Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury (Early Medieval Chersonesos. Essays on the History of Material Culture)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 63. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Yakobson, A. L. 1964. *Srednevekovyy Krym. Ocherki istorii i istorii material'noj kul'tury (The Medieval Crimea. Essays on the History and History of material culture.)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Barnea, I. 1954. In SCIV, 3–4.

Barnea, I. 1967. Imported ceramics. In *Dinogetia Early feudal settlement from Disericuta-Garvan*, I. Bucharest.

Barnea, I. 1989. In RCB. 131–142.

Brusić, Z. 1976. In *Archaeologia Jugoslavica*. XVII. P. 37–49.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. 1988. In *Institute of Nautical Archeology* 15 (3), 22–23.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. 2016. In *Wine. Graeco – Arabica* 6, 181–189.

Frederick, H. van Doorninck, Jr. 1990. In *Ist International Anatolian Glass Symposium*, April 26th–27th 1988 (Istanbul), 58–63.

Günsenin, N. 2018. In *Anatolia Antiqua. Revue internationale d'archéologie anatolienne* XXVI. 89–124.

Günsenin, N. 1990. *Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections Turques. These the doctorat. Université de Paris I (Pantheon-Sorbonne)*. Vol. II. Paris.

Hayes, J. W. 1992. *Excavation at Sarachene in Istanbul*. Princeton: The Princeton University Press & DOP Library & Collection, 1992. Vol. 2. 1992. The Pottery.

Miholjek, I., Zmaic, V., Ferri, M. 2017. In *Studi e Ricerche* 4. 227–245.

Mimaroglu, S. 2011. In *Sanat Tarihi Dergisi Sayi*. XX (1), 63–92.

Mimaroglu, S. In *Zeynep, Merangöz*. 2013. Byzantine craftsmen – Latin Patrons. *Ege Yayinlari*, 174–227.

Sazanov, A. 1997. In *La ceramique edieval en Mediterranee. Actes du 6e cnygres. Aix-en-Provence*. 87–102.

Scorpan, C. 1976. In *Pontica* 9, 156. Pl. XVI, 2.

Sharp, R. S. 2010. *The Outside Image. A Comparative Study of External Architectural Display on Middle Byzantine Structures on the Black Sea Littoral*. Diss. Birmingham.

Todorova, E. P. 2012. *Byzantine Amphorae from Presentday Bulgaria (7th–14th century AD)*. Summary of a PhD thesis. Sofia: Universiti "St. Kliment ohridski" Faculty of History Department of Archaeology. Sofia.

Zmaie, V., Kralj, C., Beltrame, I., Miholjek, M., Ferri. 2016. In *The International Journal of Nautical Archaeology* 45.1, 42–58.

About the Author:

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КРЫМА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ¹

© 2022 г. С.Г. Бочаров, Л.В. Яворская

В работе дан обзор сельских поселений на территории Крымского полуострова, функционировавших в золотоордынское время (середина XIII–XV вв.). Выявлено несколько очагов таких поселенческих структур, формирующихся вблизи крупных городов. Наиболее крупным был очаг поселений в Юго-Восточном Крыму, вблизи кочевой степи, являвшихся округой золотоордынского города Солхат-Крым. С расцветом города увеличивается его сельская округа и затухает при его упадке. Второй очаг золотоордынской оседлости сложился в конце XIII в. в Юго-Западном Крыму рядом с основным массивом земель, занятых аграрным византийским (греческим) населением и также на границе степи и северных предгорий Крымских гор. Это поселение Эски-Юрт – Кырк-Азизлер, а затем и город Кырк-Ер. Третий очаг расположен в центральном Крыму и стал связующим звеном между поселениями на западе и востоке полуострова. Очаги оседлости золотоордынского Крыма впоследствии сформировали направление процессов в организации и концентрации сельского населения в Крымском ханстве. Анализ археозоологических материалов из раскопок отдельных сельских поселений золотоордынского времени выявил, что основным животным, забиваемым на поселениях, был крупный рогатый скот, а мясным продуктом – говядина. Эти данные позволяют предполагать среди основных занятий сельских жителей специализированное разведение крупного рогатого скота и, соответственно, участие не только кочевников, но оседлых жителей в формировании важнейшей статьи золотоордынского экспорта – вывоза бычьих шкур.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, золотоордынская (восточная) оседлость, археология, историческая география, сельская округа, сельские поселения, остеологические спектры, специализированное разведение крупного рогатого скота.

RURAL SETTLEMENTS OF CRIMEA IN THE GOLDEN HORD PERIOD: CURRENT STAGE OF RESEARCH²

S. G. Bocharov, L. V. Yavorskaya

The paper features an overview of the rural settlements in the territory of the Crimean Peninsula that functioned during the Golden Horde period (from mid-13th to 15th centuries). Several centers of such settlement structures, formed near large cities, were revealed. The largest one was a cluster of settlements in the Southeastern Crimea, near the nomadic steppe, which also formed the outskirts of the Golden Horde town Solkhat-Krym. Its rural district increased as the city prospered, and waned in its decline. The second center of Golden Horde sedentary area formed at the end of the 13th century in the Southwestern Crimea, near the main group of lands occupied by the agrarian Byzantine (Greek) population, and also on the border of the steppe and the northern foothills of the Crimean Mountains. These were the settlement of Eski-Yurt – Kirk-Azisler, and later the town of Kirk-Yer. The third cluster was located in the Central Crimea and became a link between the settlements in the West and East of the Peninsula. The clusters of sedentary areas of the Golden Horde Crimea subsequently shaped the direction of the processes of organization and concentration of the rural population in the Crimean Khanate. An analysis of archeozoological materials from the excavations of rural settlements of the Golden Horde period revealed that the main slaughtered animal in the settlements was cattle, and the main meat product was beef. These evidences allow to assume that the most important specialization of the villagers was cattle breeding and, accordingly, not only nomads, but also sedentary inhabitants participated in the formation of the most important item of the Golden Horde export - the export of the bovine skins.

¹ С.Г. Бочаровым работа над статьёй была выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5). Л.В. Яворской работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН "Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем." (№ НИОКТР 122011200264-9)

² S.G. Bocharov's work on the paper was supported by the Priority-2030 program of the Sevastopol State University (Strategic Project No. 5). L.V. Yavorskaya's work was carried out within the framework of the research topic of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences "Interdisciplinary Approach to the Study of the Formation and Development of Ancient and Medieval Anthropogenic Ecosystems". (No. NIOKTR 122011200264-9)

Keywords: Golden Horde, Crimea, Golden Horde's (Eastern) sedentarization, archaeology, historical geography, rural districts, rural settlements, osteological spectra, specialized cattle breeding.

С вхождением Крыма в состав монгольского государства Джучидов в XIII в. на территории полуострова возникают не только новые города, но и значительное количество новых сельских поселений. Вопросы жизнеобеспечения огромных городов и функций сельских поселений в экономической системе полуострова на настоящий момент не поставлены и не решены. В данной работе мы пытаемся первично обобщить имеющуюся на данный момент археологическую информацию по оседлым поселениям золотоордынского времени негородского уровня и наметить подходы к основным занятиям сельского населения, его функциям в экономической системе Крыма на основе данных археологии и археобиологии.

По имеющейся историко-географической информации, а также материалам археологических исследований возможно локализовать несколько очагов формирования поселенческих структур на Крымском полуострове со второй половины XIII до середины XIV вв.

Первый очаг появляется во второй половине XIII в. в Юго-Восточном Крыму у главного золотоордынского административного и торгового центра – города Солхат-Крым. Этот город возникает в 20 км севернее локального византийского города и порта Сугдея (Судак) на границе степи и северных предгорий Крымских гор. Регион Сугдеи исторически был занят византийским (греческим) населением и Солхат, расположившись недалеко как от этого города и порта, так и от степи в середине XIV в. станет самым крупным средневековым городом полуострова. Обеспечивать этот крупнейший городской центр региона всем необходимым призвана была его сельская округа, которая в период расцвета Солхата в XIV веке состояла из более чем двадцати поселений (рис. 1). Примерно такое же число поселений фиксирует здесь А.В. Гаврилов, проводивший археологические разведки с 1980-х годов по начало XXI века (Гаврилов, 2008, с. 332, рис.1).

На поселении Кринички-II археологическими работами экспедиции Государственного Эрмитажа (1998–2000 гг.) изучена территория в 375 м², на которой исследованы остатки наземных и полужемляночных сооружений жилого и хозяйственного назначения. Дата поселения определена второй половиной XIII – первой четвертью XV в. (Крамаровский, Гукин, 2002, с. 6, 178–179).

В 2017 г. в зоне строительства автомобильной трассы «Таврида» (Крымской новостроечной экспедицией ИА РАН) были проведены значительные по площади археологические работы еще на трех поселениях сельской округи Солхата, ранее выявленных А.В. Гавриловым. Первое из них поселение Чокрак-Найман-I, расположенное в 800 м южнее с. Абрикосовка Кировского района (рис. 1). Культурные слои, связанные с золотоордынским поселением выявлены не были, отмечены лишь отдельные находки, относящиеся к XIV в. (Коваль, 2019, с. 87–96).

Еще один памятник в зоне работ по «Тавриде» – поселение Су-Баш-I, расположено у восточной окраины с. Приветное Кировского района (рис. 1). На площади 17 000 кв. м. изучен огромный могильник, где вскрыты остатки 1005 погребений и около 150 объектов, связанных с жилой и хозяйственной застройкой. Поселение функционирует непрерывно со второй половины XIII в. вплоть до XVII в. (Мастыкова и др., 2019, с. 97–116).

Третье поселение, открытое раскопками 2017 г. – Жемчужина-I, расположенное на южной окраине села Жемчужина Кировского района (рис. 1). Археологическими раскопками площадью 8190 кв. м. была охвачена северная часть селения с постройками, печами-тандырами, участками мощения из камня. Объект датируется в хронологических рамках XIV в (Хохлов, Мелькова, 2019, с. 71–86).

На поселении Отуз (совр. Щebetовка) (рис. 1) еще в 1926 г. на древнем сельском кладбище были обнаружены каменные надгробия, эпитафии на которых указывают на высокое происхождение усопших из сельджукской Малой Азии. То есть обитатели Крымского улуса Золотой Орды осваивают земли к югу от Солхата в непосредственной близости к побережью, однако продвижение в этом направлении было прервано генуэзцами во второй половине XIV в., когда селение Отуз вошло в состав их владений на полуострове (Бочаров, 2015а, с. 93).

Анализ имеющихся дат функционирования поселений позволяет говорить, что с конца XIV века резко снижается их количество в округе Солхата. Поселения Кринички-II, Чокрак-Найман-I, Жемчужина-I в конце XIV в. прекратят свое существование, в то же время поселение Су-Баш-I продолжит функционировать. По-видимому, это связано с

Рис. 1. Карта Крымского полуострова, с указанием, упоминаемых в статье городов и селений.

1 – Золотоордынские и генуэзские города; 2 – города Крымского ханства; 3 – золотоордынские поселения;

4 – приблизительная граница территории занятой византийским (греческим) оседлым населением;

5 – приблизительная граница территории занятой золотоордынским оседлым населением у города Солхат-Крым.

Fig. 1. Map of the Crimean Peninsula indicating the towns and settlements referred to in the paper. 1 – Golden Horde and Genoese towns; 2 – Crimean Khanate towns; 3 – Golden Horde settlements; 4 – approximate border of the territory occupied by Byzantine (Greek) sedentary population; 5 – approximate border of the territory occupied by Golden Horde sedentary population near Solkhat-Krym.

упадком Солхата в конце XIV века, уменьшением размеров города и его населения.

Отдельную группу на юго-востоке полуострова составляют населённые пункты золотоордынского времени, связанные с Солхатом, но находящиеся вдоль границы с прибрежными территориями, перешедшими под протекторат генуэзской Каффы: Байбуга, Эрико (Акмелез), Кошка-Чокрак, Узун-Сырт (Султановка), Бараколь, Армулук (Кош), Курбан-Кая (Отузы 3) (Бочаров, 2011, с. 138). Археологические исследования проведены только на одном объекте – поселении Байбуга (рис. 1). На площади раскопок в 80 м², изучена жилая усадьба с хозяйственными постройками и ямами. На основании керамических и монетных находок поселение датируется второй половиной XIV в. (Айбабина, 2005, с. 229, 246). Все эти семь поселений расположены при дорогах, соединявших Каффу и Солхат, возможно, не случайно, поскольку они могли осуществлять контрольные функции на торговых путях.

Второй крупный ареал золотоордынской оседлости находился в Юго-Западном Крыму.

Это агломерация Эски-Юрт – Кырк-Азизлер – Кырк-Ер (рис. 1). Местность Эски-Юрт расположена на северо-западной окраине современного Бахчисарая в долине между Второй и Третьей грядами Крымских гор. Через Бахчисарайское ущелье Эски-Юрт был связан с новым золотоордынским городом Кырк-Ер (современное название – Чуфут-Кале), который пришёл на смену старому византийскому центру на этом месте (Герцен, Могаричев, 1993, с. 39-58).

В 2005 г. раскопки поселения Эски-Юрт проводились под руководством С.В. Карлова. По его данным это поселение возникает на рубеже XIII – XIV вв., расцвет его приходится на середину-конец XIV века, а в первой четверти XV в. жители покинули этот район (Карлов, 2010, с. 35-77).

В 2017 – 2018 гг. при строительстве автомобильной трассы Керчь-Севастополь «Таврида» проведены раскопки могильника Кырк-Азизлер отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН. Также выявлены остатки золотоордынского поселения, которые были исследованы на площади 4000

кв. м. зафиксирован культурный слой с находками конца XIII – середины XIV вв., остатки жилых, хозяйственных и ремесленных построек (Волошинов и др., 2019, с. 211–238).

Эти объекты – поселение Эски-Юрт, поселение Кырк-Азизлер и могильник Кырк-Азизлер представляют разные части одного археологического комплекса (рис. 1). Поселение и его кладбище, появившись в золотоордынский период, продолжают существовать в период Крымского ханства и Нового времени. Вокруг него сформировался очаг золотоордынской оседлости в Юго-Западном Крыму на границе между степью и землями, занятыми греческим (ромейским) населением. Позднее, в XV в. именно сюда в город Кырк-Ер (Чуфут-Кале) перенесёт свою столицу хан Хаджи-Гирей, а в начале XVI в. в долине между Эски-Юртом и Кырк-Ером начнется история нового столичного города Крымского ханства Бахчисарая (рис. 1)

Малоизученным на настоящий момент остается третий комплекс ордынской оседлости, расположенный в Центральном Крыму – связующее звено между поселениями на западе и востоке полуострова, который после распада Золотой Орды, во времена Крымского ханства, активно осваивался – там появились два новых городских центра – Карасубазар и Ак-Мечеть (рис. 1). Первые исследования поселений ордынского времени здесь провела в 2012 году совместная экспедиция КФ ИА НАНУ и НЦАИ ИИ АНРТ. Шурфовки выполнены на одном из ключевых золотоордынских объектов поселения Бурульча, расположенном в Белогорском районе в урочище Буран-Кая на правом берегу р. Бурульча (рис. 1). Изучен культурный слой мощностью до 0,8 м. Дата поселения последняя четверть XIII – первая четверть XIV в. (Кирилко, Бочаров, Ситдииков, 2013, с. 53-54).

Как отдельный объект ордынской оседлости следует упомянуть поселение Кош-Кую на Керченском полуострове. Оно исследовалось в 2017-2018 гг. отрядом Крымской новостроечной экспедицией ИА РАН. Поселение расположено в 4,5 км. к востоку от с. Горностаевка Ленинского района (рис. 1). На южном и северном участках памятника исследованы жилые и хозяйственные постройки золотоордынского времени, датирующиеся с рубежа XIII-XIV до первой половины XV вв. (Куликов, 2018, с. 168–170).

Вопрос о функциях этих, возникших именно в золотоордынское время, сельских поселений в экономической системе полуострова

отдельно не поднимался. Понятно, что поселения призваны были обеспечивать не только городское, но и все другое население Крыма сельскохозяйственной продукцией. Однако не ясно какой именно – земледельческой и/или скотоводческой и в каких пропорциях той и другой. Археоботанические исследования на этих памятниках никогда не проводились, о земледельческой продукции поселений нам пока ничего не известно по данным археологии. Изучение археозоологических материалов – коллекций костных остатков из раскопок памятников ордынского времени, проведено одним из авторов этой работы Яворской Л.В. по методической схеме археозоологического исследования, разработанной и используемой в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина, 2004).

Культурный слой на поселении Жемчужина-I не сохранился ни на одном из исследованных участков и выборки костных остатков получены из 164 объектов, датирующихся XIV в. (Яворская, 2020). Общий объем коллекции весьма представительный 5795 фрагментов (далее – фр.), остатков домашних копытных – 2994 фр. (табл. 1). На поселении Кринички-II по методике ИА РАН обработана небольшая выборка с одного участка, объемом 1264 фр. Костные остатки происходят из культурного слоя, заполнения жилого сооружения и хозяйственных объектов. Остатки «мясных» домашних копытных составили 585 фр. (табл. 1). Выборка костных остатков, изученная с поселения Су Баш-I, получена из 24 объектов, датирующихся по большей части золотоордынским временем. Общий объем выборки 1468 фр., домашних копытных – 620 фр. (табл. 1).

Наиболее сохранный культурный напластований поселения Кырк-Азизлер в юго-западной части полуострова оказалась на раскопе №III (3). Археозоологическая коллекция, полученная из культурного слоя и 86 объектов жилого и хозяйственного назначения составила 3473 фр., остатков домашних копытных – 2067 фр. (табл. 1).

Кроме вышеупомянутых крупных коллекций есть исследованные небольшие, менее 300 костных фрагментов, выборки из археологических исследований поселения Бурульча (Центральный Крым) и Кош-Кую (Керченский полуостров). На последних упомянутых памятниках набор видов точно совпадает с набором из вышеупомянутых представительных коллекций (табл. 1), но выстраивать иерархию костных остатков по видам на таких

Таблица 1. Сельские поселения Крымского полуострова золотоордынского времени: археозоологические данные
 Table 1. Rural settlements of the Crimean Peninsula of the Golden Horde period: archeozoological data

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	ВСЕГО
Количественные показатели (фрагменты)					
Жемчужина-I	1932	207	850	5	2994
Кринички-II	372	12	199	2	585
Су Баш-I	365	50	205		620
Кырк-Азизлер, Р-III	1343	185	535	4	2067
Бурульча	56	6	36		98
Кош-Кую	89	77	64		230
Остеологические спектры (%)					
Жемчужина-I	64,5	6,9	28,4	0,2	100,0
Кринички-II	63,6	2,1	34,0	0,3	100,0
Су Баш-I	58,4	8,1	33,1	0	100
Кырк-Азизлер, Р-III	66,9	6,2	26,7	0,2	100,0
Спектры мясного потребления (%)					
Кратность веса мясных туш	6	5,5	1	1	
Мясные продукты	Говядина	Конина	Баранина	Свинина	ВСЕГО
Жемчужина-I	85,3	8,4	6,3	0,04	100,0
Кринички-II	89,3	2,6	8,0	0,08	100,0
Су Баш-I	82,0	10,3	7,7	0,00	100,0
Кырк-Азизлер, Р-III	86,8	7,4	5,8	0,04	100,0

объемах находок нельзя. Выборка из Бурульчи объемом 198 костных фрагментов получена из 5 шурфов на территории памятника и условно объединена в единую коллекцию. Здесь учтены находки из культурного слоя и объектов, исследованных на памятнике. В хозяйственной яме, исследованной в шурфе 5 обнаружена кость домашней птицы (курицы), что демонстрирует оседлый статус поселения, а не временную стоянку.

Из раскопок северного участка поселения Кош-Кую по методической схеме ИА РАН исследовались небольшие выборки из заполнения двух объектов золотоордынского времени (землянка №6 и яма №60) в которых обнаружены «кухонные» остатки домашних копытных (крупного и мелкого рогатого скота, лошадей), и санитарное захоронение в яме № 138 остатков трех особей крупного рогатого скота. Материалы поселений Бурульча и Кош-Кую в аналитической части работы не используются в связи с небольшим объемом и, соответственно, недостаточной представительностью выборок костных остатков из них.

На всех крымских поселениях с представительными коллекциями оказались удивительно сходны остеологические спектры. Наиболее высокая доля у крупного рогатого скота – 59-67%, вторая позиция у МРС – 26-34%, остатки лошади малочисленны – 2-8% и совсем немного остатков свиньи 0,2-0,3% (табл. 1). Расчет потребления мяса разных видов домашних копытных проведен на основе остеологических спектров по традиционной схеме через коэффициенты кратности веса мясных туш (Антипина, 2005, с. 186). Установлено, что на всех поселениях основным мясным продуктом была говядина, доля которой везде выше 80% (вариации от 82 до 89% - табл. 1). Доля конины в рационе исследуемых поселений существенно варьирует от 2,6 до 10,3% (табл. 1). Доля баранины для всех коллекций оказалась стабильной с небольшим разбросом значений от 5,8 до 8,0% (табл.1). Роль свинины в рационе жителей крымских поселений золотоордынского времени оказалась незначительной.

Столь явное, свыше 80%, превалирование говядины в мясном рационе жителей сельско-

го памятника весьма необычно. Для сельских поселений Древней Руси при преобладании говядины, остальные мясные продукты в совокупности составляют около 40% белкового рациона (Антипина, 2005), не 11–20% как в исследуемых поселениях. Из золотоордынских городов наиболее высокие доли говядины, порядка 70–80%, зафиксированы в южных городах, таких как Азак на Нижнем Дону и Маджар на Северном Кавказе (Яворская, 2021, табл. 1). Данных по мясному потреблению золотоордынских городов Крымского полуострова на настоящее время нет, но, скорее всего, их мясной рацион был сходен с Азакским и Маджарским.

Анализ имеющихся археозоологических данных создает обоснованное предположение, что одним из важнейших занятий жителей сельских поселений в степных и предгорных районах Крымского полуострова было специализированное разведение крупного рогатого скота. Этому способствуют природные условия – обширные степные выпасы.

Расположенные недалеко от крупных городских центров, эти поселения могли осуществлять регулярные поставки животных на мясо.

Учитывая громадные объемы экспорта бычьих шкур, хорошо зафиксированные в документах по итальянской морской торговле, разведение крупного рогатого скота было важнейшей отраслью экономики Крыма и занимались этим, очевидно, не только кочевники, но и жители сельских поселений.

Этот краткий обзор позволил установить наличие разветвленной сети сельских поселений, возникающих в Крыму лишь в золотоордынский период. Все поселения тяготеют к крупным городским центрам и обеспечивают их сельскохозяйственной продукцией, некоторые поселения контролируют торговые коммуникации по полуострову. Одной из важнейших функций новых поселений в золотоордынском Крыму было специализированное разведение крупного рогатого скота для получения его шкур – ключевой экспортной «статьи» золотоордынского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 1. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Сталос, 2005. С. 229–247.

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Кургалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Ред. и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 182–248.

Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленев, А.Г. Ситдигов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 137–145.

Бочаров С.Г. Генуэзский замок Калиера // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдигов. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 47–99.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов В.В. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2008 г. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 211–237. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.211-237

Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Судейский сборник. Вып. III / Гл. ред. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: Академперіодика, 2008. С. 331–384.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь: Таврия, 1993. 126 с.

Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата / Под ред. А.Г. Герцена. Керчь, 2012. С. 35–77.

Кирилко В.П., Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Исследования Архитектурно-археологической экспедиции Крымского Филиала Института археологии Национальной академии наук Украины в 2012 г. // Археологічні дослідження в Україні в 2012 р. / Ред. Н.О. Гаврилюк. Киев-Луцк: Доля, 2013. С. 53–54.

Коваль В.Ю. Археологические раскопки поселения Чокрак-Найман 1 // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 87–96. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.87-95

Куликов А.В. Поселение Кош-Кую (Республика Крым, Ленинский район) // Городища, селища, могильники. Раскопки 2017 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 164–173. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-210-0.164-173

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички-II (результаты полевых исследований). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. 183 с.

Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш 1 в Юго-Восточном Крыму // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Москва: ИА РАН, 2019. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. С. 97–116. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.97-115

Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 71–86. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-276-6.71-85

Яворская Л.В. Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики Юго-Восточного Крыма в золотоордынский период // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 171–181.

Яворская Л.В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитическое исследования Лаборатории естественнонаучных методов. Вып. V / Отв. ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2021. С. 216–226.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории естественно-научных методов Института археологии Российской академии наук (г. Москва, Россия); lv.yavorskaya@gmail.com

REFERENCES

Aybabina, E. A. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: “Stilos” Publ., 229–247 (in Russian).

Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly. T. III. Selishche Gornyy: arheologicheskie materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arheobiologicheskie issledovaniya (Kargaly. Vol. III. Gorny site: Archaeological materials: Technology of mining and metallurgy: Archaeobiological studies)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 182–248 (in Russian).

Antipina, E. E. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Natural Science Methods)*. Moscow: “Yazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 181–190 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 137–145 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan, Simferopol, Kishinev: “Stratum plus” Publ., 47–99 (in Russian).

Voloshinov, A. A., Men'shikov, M. Yu., Reznichenko, I. A., Yunkin, Zh. A., Bryzgalov, V. V. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O. V. (eds.). *Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea-Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018)* 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 211–237 (in Russian).

Gavrilov, A. V. 2008. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)* 3. Kiev, Sudak: “Akademperiodika” Publ., 331–384 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 1993. *Krepost' dragotsennostey. Kyrk-or. Chufut-kale (Fortress of Jewels. Kyrk-Or. Chufut-Kale)*. Simferopol: "Tavriya" Publ. (in Russian).

Karlov, S. V. 2012. In Gertsen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Kerch, 35–77 (in Russian).

Kirilko, V. P., Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2013. In Gavriilyuk, N. O. (ed.). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2012 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2012)*. Kiev: "Dolya" Publ., 53–54 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O. V. (eds.). *Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea-Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018)* 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 87–96 (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2002. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki-II (rezul'taty polevykh issledovaniy) (Golden Horde Settlement Krinichki-II (Field Study Results))*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Kulikov, A. V. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 (Towns, ancient villages, burial grounds. Excavations of 2017)*. Materialy spasatel'nykh arheologicheskikh issledovaniy (*Proceedings of Rescue Archaeological Studies*) 25. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 164–173 (in Russian).

Mastykova, A. V., Reshetova, I. K., Chaukin, S. N., Ganichev, K. A. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O. V. (eds.). *Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea-Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018)* 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 97–116 (in Russian).

Khokhlov, A. N., Mel'kova, V. R. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O. V. (eds.). *Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea-Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018)* 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 71–86 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 32 (2), 171–181 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E. 2021. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 216–226 (in Russian).

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Head of the Laboratory "Digital Technologies on History and Archaeology"; Associated professor, Department of History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Associated professor. Senior researcher of the Laboratories of Natural Scientific Methods of Institute of Archaeology of Russian Academy of Science. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; lv.yavorskaya@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.236.241>

ИЕРАРХИЯ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ХРАМА ДЕВЫ МАРИИ В СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

© 2022 г. Т.А. Гусельников

Так называемый «Храм Девы Марии» в Судакской крепости, открытый в ходе экспедиции И.А. Баранова в 1981 г., остаётся малоизученным памятником западной церковной архитектуры в Крыму. Планировка здания, не характерная для греческих храмов, и найденная в нефе надгробная плита с латинской надписью позволяли однозначно атрибутировать здание как римско-католический храм. Сопоставление архитектуры храма Девы Марии с образцами итальянских храмов нищенствующих орденов позволяет говорить о том, что храм воспроизводит в упрощённом виде принципы францисканской и доминиканской архитектуры. Прямоугольная апсида, наличие трёх входов в здание храма в западной, центральной и восточной его части указывают на характерное для нищенствующих орденов трёхчастное деление храма. Поскольку подавляющее большинство клира на территории Крыма и Золотой Орды в XIII–XV вв. составляли монашеские нищенствующих орденов, приверженность заказчиков принципам, заимствованным из итальянской практики, выглядит закономерной.

Ключевые слова: Судакская крепость, храмовая архитектура, нищенствующие ордены, францисканцы, сакральное пространство, римско-католическая церковь, Крым, Генуэзская Газария.

HIERARCHY OF THE SACRAL SPACES OF THE TEMPLE OF THE VIRGIN MARY IN SUDAK FORTRESS

T. A. Guselnikov

The temple referred to as the Temple of the Virgin Mary in Sudak Fortress, discovered during the expedition by I.A. Baranov in 1981, remains an understudied monument of the Western church architecture in the Crimea. The layout of the building, not typical for Greek temples, and a tombstone with a Latin inscription discovered in the nave, have allowed to unambiguously identify the building as a Roman Catholic church. A comparison of the architecture of the Temple of the Virgin Mary with reference Italian temples of mendicant orders suggests that the temple reproduces in a simplified form the principles of Franciscan and Dominican architecture. The rectangular apsis and the presence of three entrances to the temple building in its western, central and eastern parts indicate the tripartite division of the temple characteristic of mendicant orders. As the vast majority of the clergy in the Crimea and the Golden Horde in the 13th–15th centuries were monastic mendicant orders, the adherence of the customers to the principles borrowed from Italian practice appears reasonable.

Keywords: The Sudak Fortress, temple architecture, mendicants, sacral spaces, Roman catholic church, Crimea, Genoese Gazaria.

В стенах Судакской крепости, к юго-востоку от главных ворот, расположены развалины христианского храма, за которым закрепилось название «Храм Девы Марии». Здание заслуживает куда большего внимания, чем то, которое уделялось ему в редких статьях и археологических отчётах. В данной статье предлагается рассмотреть архитектуру храма в контексте западных, прежде всего итальянских традиций храмового зодчества. Мы вправе задать себе следующие вопросы: каким образом был спроектирован храм, в соответствии с какими канонами и традициями? Почему храм построен именно так, а не иначе? Как распределены сакральные пространства здания?

Однонефное здание с прямоугольной апсидой было открыто и исследовано И.А. Бара-

новым в 1981–1986 гг. (Баранов, 1981; Баранов, 1983а; Баранов, 1983б; Баранов, 1985; Баранов, Данилова, 1991) До этого раскопки у западной стены храма производились Ю.В. Готье и Е.Ч. Скржинской в 1929 г., однако тогда здание не было идентифицировано как храм (Скржинская, 2006, с. 150–151). В 2004–2005 г. В.Г. Туром были исследованы некрополь с северной стороны храма и жилой квартал с южной стороны (Тур, 2005; Тур, 2008). После этого А.В. Джанов и В.В. Майко производили обследование и замеры памятника в связи с другими проектами (Майко, Джанов, 2015, с. 330–332).

Общие размеры храма отличаются у И.А. Баранова и современных исследователей: 20,5×10,0 м по И.А. Баранову и 21,34×10,94 м по В.В. Майко и А.В. Джанову

(Баранов, 1981, с. 16; Майко, Джанов, 2015, с. 330). Поскольку в данный момент памятник находится на консервации, сделать повторный замер не представляется возможным и остаётся предположить, что И.А. Баранов указывал внутренние размеры помещения. Неф был укреплен контрфорсами по три с северной и южной стороны, изнутри здания им соответствовали пилястры, поддерживавшие нервюры свода. Алтарная часть с внутренними размерами 5,4×5,4 м возвышалась над уровнем пола нефа на 0,5 м, её пол был застелен плитами сланца. В алтаре сохранилось каменное основание престольного камня, в восточной стене было небольшое стрельчатое окно (Баранов, 1983б). С севера к алтарю примыкает прямоугольное помещение со склепом, за которым закрепилось название «звонницы» (рис. 1: 5). Внутренние размеры склепа 4×5 м, из алтаря был сделан арочный проём. Поскольку в полу храма были обнаружены надгробные плиты с гербами и одна плита с латинской надписью (надгробие Анджелины, жены Деметрио де Трави, 1384 г.) (Баранов, Данилова, 1991), принадлежность памятника к римской церкви никогда не вызывала сомнений у исследователей.

Как и любое культовое сооружение, храм Девы Марии представлял собой иерархично организованное сакральное пространство. Исходя из планировки здания, равновероятны две трактовки его организации. Первый вариант, наиболее очевидный, предполагает деление на две части – алтарную часть и неф. За исключением пилястров и подпружной арки, никаких следов перегородки поперёк нефа не сохранилось. Второй вариант – это трёхчастная структура, где неф разделён поперечной подпружной аркой на две функциональные зоны. Такая трактовка была предложена самим И.А. Барановым: «Приалтарная часть храма использовалась прихожанами, в то время как западная часть постройки была занята усыпальницами и, видимо, отделялась от остальной части церкви решеткой» (Баранов, 1983б). Нужно сказать, что склепы были обнаружены также и в восточной половине нефа и не могут указывать на функциональные отличия (Баранов, 1983а, с. 16).

На наличие «среднего» пространства между западной частью нефа и алтарём косвенно указывает дверной проём в южной стене, между средним и восточным контрфорсами (Баранов, 1981, с. 16). Таким образом, каждая из трёх частей храма имела свой вход: западная половина нефа с западного фаса-

да, восточная половина через южную дверь, алтарная часть через усыпальницу.

По планировке храм близок сельским храмам Северной Италии конца XIII–XIV вв., таким как Санта-Мария ин-Виа-Лата в Генуе (рис. 1: 4) (Calcagno, Cavana, 2007, p. 24). В свою очередь, в этой фамильной церкви семьи Фиески исследователи обнаруживают влияние традиций нищенствующих орденов (Calcagno, Cavana, 2007, p. 26).

Прямоугольная апсида и аскетичное прямоугольное тело нефа, лишённое украшений, являются характерными чертами францисканских и доминиканских церквей. Даже крупнейшие духовные центры нищенствующих орденов – церкви св. Франциска в Ассизи и св. Доминика в Болонье – сохраняют верность этим принципам (рис. 1: 1). Во францисканских храмах контраст между скромным убранством нефа (голые стены, часто деревянная крыша) и пышностью алтарной части (крестовый каменный свод¹, богатый алтарь и запрестольный образ), с одной стороны, снимали противоречие между обетом бедности и социальной активностью самого ордена, а с другой, направляли взгляды мирян и клириков к Телу Христа в духе театральной режиссуры (Spanò, 2010, p. 63–65). Доминиканские теоретики ориентировались на переосмысленный цистерцианский идеал единообразного и практичного здания «без излишеств» (Sundt, 1987, p. 396, 405; Cannon, 1980, p. 388).

Для храмов нищенствующих орденов характерна трёхчастная структура. Миряне располагались в «церкви мирян» (*ecclesia laicorum*) в западной части центрального нефа и в боковых нефах. «Церковь братьев», или хор (*ecclesia laicorum, chorus*) занимала восточную часть центрального нефа, которая примыкала к алтарной части. В крупных храмах эта средняя часть отелялась от нефа мирян перегородками выше человеческого роста (итал. *tramezzo*), во время службы сюда могли попасть только клирики. Главной и самой священной частью храма был алтарь, располагавшийся в апсиде. Архитектурно его значение подчёркивалось возвышением, перегородкой с проёмом, каменным крестовым сводом (Gilardi, 2004, p. 413–429; Morvan, 2021, 1.3).

Как показывают реконструкции, даже крупнейшие конвентуальные храмы изначально строились как небольшие одно- или трёхнефные церкви². Сохранившийся на пергамене план францисканской церкви в Ареццо (рис. 1: 2) имеет все характерные

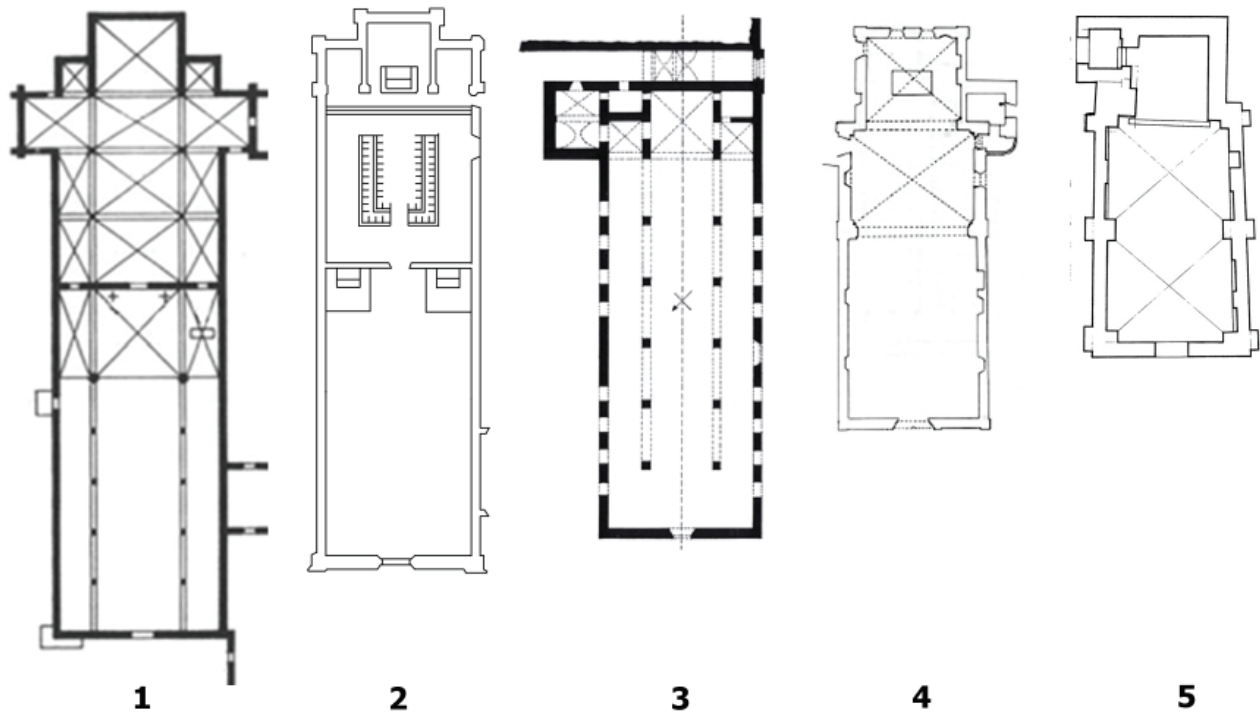

Рис. 1. Храмы нищенствующих орденов с прямоугольной апсидой и близкие к ним малые церкви (масштаб не соблюдается): 1 – св. Доминика в Болонье (Gilardi, 2004, p. 393); 2 – св. Франциска в Арrezzo (с плана XIV в.) (Cooper, 2015, p. 49); 3 – св. Петра – св. Доминика в Пере-Галате (Akyürek, 2011, p. 316); 4 – Санта Мария ин-Виа-Лата в Генуе (Calcagno, 2007, p. 24); 5 – св. Девы Марии в Солдае (Скржинская, 1926, с. 330).

Fig. 1. Mendicant churches with rectangular apses and similar lesser churches (not to scale): 1 – The Basilica of San Domenico, Bologna (Gilardi, 2004, p. 393); 2 – The Basilica of San Francesco, Arezzo (14th century plan) (Cooper, 2015, p. 49); 3 – The Basilica of St. Peter – Saint Dominic, Galata La Pera (Akyürek, 2011, p. 316); S. Maria in Via Lata, Genoa; St. Mary’s Church in Soldaya (Skrzhunskaia, 1926, p. 330).

черты храма нищенствующего ордена: прямоугольная апсида, трёхчастное деление, отдельный вход для клириков со стороны конвента (Cooper, 2015, p. 49, fig. 46). Географически близкая церковь св. Петра – св. Доминика в Пере (рис. 1: 3) также строилась по доминиканским канонам, её неф покрывает деревянная крыша, а алтарную часть – нервюрный свод, украшенный фресками (Akyürek, 2011, p. 316, fig. 1). Примеры трёхнефных и трёхапсидных храмов нищенствующих орденов можно найти во многих итальянских городах, они хорошо представлены в научной литературе. Информация о малых городских и сельских храмах гораздо менее структурирована. Семейная церковь Санта-Мария ин-Виа-Лата сохраняет в упрощённом виде трёхчастное деление: крестовыми каменными сводами покрыты хор и алтарная часть храма в прямоугольной апсиде. Хор имеет отдельный вход с северной стороны (Calcagno, 2007, p. 24, fig. 3). Тип малого однефного храма с выделенной алтарной частью, но с хором позади алтаря, был впоследствии воспроизведён в

типовом плане церкви капуцинов, приведённом в книге Антонио да Пордероне 1603 г. (Spanò, 2010, p. 73).

Два последних примера особенно близки по своей планировке храму Девы Марии. В условиях миссионерской церкви, когда подавляющее большинство клира на территории Золотой Орды составляли монашеские нищенствующие ордена, заимствование итальянских традиций ордена выглядит закономерным. Таким образом, можно предложить следующую трактовку трёхчастного деления храма Девы Марии: алтарная часть в апсиде, *ecclesia fratrum* в восточной половине нефа с отдельным входом, *ecclesia laicorum* в западной половине нефа (рис. 2).

Храм Девы Марии Судакской крепости – наиболее яркий образец западной храмовой архитектуры в Крыму. Можно утверждать, что в своих очертаниях он воспроизводит с большим упрощением принципы строительства нищенствующих орденов и характерную для них трёхчастную структуру. Предположительно, неф был разделён поперечной прегра-

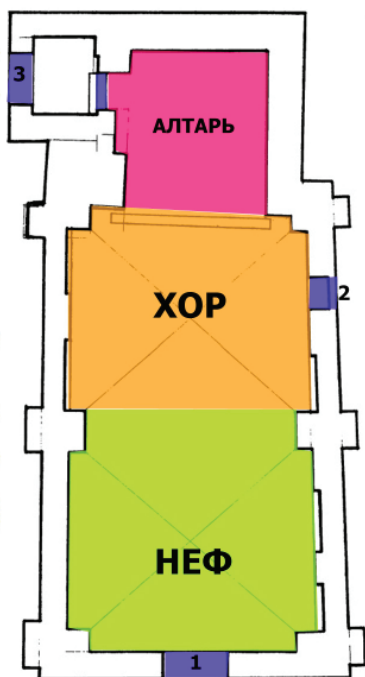

Рис. 2. Предположительная пространственная организация храма Девы Марии в Солдаёе. Цифрами отмечены входы в здание.

Fig. 2. Hypothetical spatial organization of St. Mary's church in Soldaya. The entrances are marked with numbers.

дой, на что указывает наличие бокового входа в восточной части нефа. Однако изучение памятника далеко от завершения. За рамками данного исследования остаются вопросы, связанные с погребениями храмового некрополя, которые позволили бы говорить о численности и общественном положении связанной с этим храмом общины. Тем не менее, здание храма может служить источником для определения роли католической церкви в Солдаёе XIV–XV вв.

Примечания:

¹ Ecclesiae autem nullo modo fiant testudinate, excepta maiori capella (Ehrle, 1892, p. 95).

² См. Эволюцию размеров и форм церквей на примере Тулузы, Милана, Зальцведеля: Bruselius, 2014, p. 64, 76, 92.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1981 г. // Архив Института Археологии Крыма РАН. Папка 469-470. Инв. книга Б, инв. № 212.

Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и укреплении на берегу Кутлакской бухты близ с. Веселое в 1983 г. // Архив Института Археологии Крыма РАН. Папка 481, 481а. Инв. книга Б, инв. № 224.

Баранов И.А. Раскопки в Судакской крепости // Археологические открытия 1981 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 241.

Баранов И.А. Вновь открытый храм генуэзской колонии в Солдаёе // Четвертый международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1985. С. 48–49.

Баранов И.А., Данилова Е.В. Генуэзский надгробок 1384 г. з Судака // Археология. 1991. № 2. С. 145–148.

Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.

Скряжнская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Киев – Судак – С.-Петербург: Академперіодика, 2006. 380 с.

Тур В.Г. Археологические исследования Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. II / Гл. ред. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: Академперіодика, 2005. С. 546–554.

Тур В.Г. Археологические исследования центрального квартала Судакской крепости // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 352–361.

Akyürek E. Palaiologoslar Dönemi Konstantinopolisi'nde Dominiken Duver Resimleri: Galata Arap Camisi (San Domenico Kilisesi) Freskoları / Dominican Painting in Palaiologan Constantinople: The Frescoes of the Arap Camii (Church of S. Domenico) in Galata. In Kariye Camii Yeniden / The Kariye Camii Reconsidered. Edited by Holger A. Klein, Robert G. Ousterhout and Brigitte Pitarakis. İstanbul: İstanbul Araştırmaları Enstitüsü / Istanbul Research Institute, 2011. P. 301–341.

Bruselius C. Preaching, Building, and Burying: Friars and the Medieval City. New Havens and London: Yale University Press, 2014. 255 p.

Calcagno D., Cavana M. I Fieschi e l'insediamento di Santa Maria in Via Lata a Genova: il potere, la chiesa e i palazzi, in *Medioevo: la chiesa e i palazzi*. In *Atti del convegno internazionale di studi* (Parma, 20–24 settembre 2005), a cura di A.C. Quintavalle. Milano, 2007. P. 22–32.

Cannon J.L. Dominican Patronage of the Arts in Central Italy: the Provincia Romana, c. 1220 – c. 1320. PhD Thesis. London: Courtauld Institute of Art, University of London, 1980. 532 p.

Cooper D. Experiencing Dominican and Franciscan churches in Renaissance Italy. *Sanctity Pictured: The Art of Dominican and Franciscan Orders in Renaissance Italy*. Ed. Trinita Kennedy. Nashville; London, 2015. P. 47–61.

Ehrle F. Die ältesten Redaktionen der Generalconstitutionen des Franziskanerordens. In *Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte des Mittelalters*. Vol. VI. Ed. P. Heinrich Denifle O.P., Franz Ehrle S.J. Freiburg-Breslau, 1892. 580 p.

Gilardi C.G. Ecclesia laicorum e ecclesia fratrum : luoghi e oggetti per il culto e la predicazione secondo l'Ecclesiasticum Officium dei Frati Predicatori. In *Aux origines de la liturgie dominicaine: le manuscrit Santa Sabina XIV L I*. Aubervilliers: Institut de Recherche et d'Histoire des Textes (IRHT), 2004. P. 379–443. (Documents, études et répertoires de l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 67).

Morvan H. “Sous les pas des frères”. Les sépultures de papes et de cardinaux chez les Mendiants au XIIIe siècle. Rome: Publications de l'École française de Rome, 2021 (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://books.openedition.org/efr/7717>.

Spanò A. Scritti d'arte sul francscanesimo meridionale. Catanzaro: Rubettino, 2010. 102 p.

Sundt R. “Mediocris domos et humiles habeant fratres nostri.” Dominican Legislation on Architecture and Architectural Decoration in the 13th Century. In *Journal of the Society of Architectural Historians*, 46(4). Dec.1987. P. 394–407.

Информация об авторе:

Гусельников Тимур Андреевич, аспирант кафедры истории средних веков, МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); timgusel@gmail.com

REFERENCES

Baranov, I. A. 1981. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti v 1981 g. (Report on Archaeological Excavations in Sudak Fortress in 1981)*. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, inv. book Б. Inv. no. 212, folder 469–470 (in Russian).

Baranov, I. A. 1983. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Sudakskoy kreposti i ukreplenii na beregu Kutlakskey bukhty bliz s. Veseloe v 1983 g. (Report on Archaeological Excavations in Sudak Fortress and Fortification on the Shore of the Kutlak Bay near Veseloye Village in 1983)*. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, folder 481, 481a. Inv. book Б, inv. no. 224 (in Russian).

Baranov, I. A. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 g. (Archaeological Discoveries of 1981)*. Moscow: “Nauka” Publ., 241 (in Russian).

Baranov, I. A. 1985. In *Chetvertyi mezhduna-rodnyy simpozium po armyanskomu iskusstvu (The Fourth International symposium on Armenian art)*. Erevan, 48–49 (in Russian).

Baranov, I. A., Danilova, E. V. 1991. In *Arkheologiya (Archaeology) 2*, 145–148 (in Ukrainian).

Majko, V. V., Dzhanov, A. V. 2015. *Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym (Archaeological monuments of the Sudak region of the Republic of Crimea)*. Simferopol: «Ariol» Publ. (in Russian).

Skrzhinskaya, E. Ch. 2006. *Sudakskaya krepost'. Istoriya – arkheologiya – epigrafika (Fortress of Sudak. History – Archaeology – Epigraphy)*. Kiev-Sudak-Saint-Petersburg: “Akademperiodika” Publ. (in Russian).

Tur, V. G. 2005. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works) 3*. Kiev, Sudak: “Akademperiodika” Publ., 546–554 (in Russian).

Tur, V. G. 2008. In Petrova, E. B. (ed.). *Khersonesskii kolokol: sbornik nauchnykh statej, posvyashchennyj 70–letiyu so dnya rozhdeniya i 50–letiyu nauchnoj deyatel'nosti V.N. Danilenko (Chersonesus Bell: a Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the birth and 50th anniversary of the scientific activity of V.N. Danilenko)*. Simferopol: «SONAT» Publ., 352–361 (in Russian).

Akyürek, E. 2011. In Holger, A., Klein, Robert, G. (eds.). *The Kariye Camii Reconsidered Ousterhout and Brigitte Pitarakis*. Istanbul Research Institute, 301–341.

Bruzelius, C. 2014. *Preaching, Building, and Burying: Friars and the Medieval City*. New Havens and London: Yale University Press.

Calcagno, D., Cavana, M. 2007. In *Atti del convegno internazionale di studi* (Parma, 20–24 settembre 2005), a cura di A.C. Quintavalle. Milano, 22–32.

Cannon, J. L. 1980. *Dominican Patronage of the Arts in Central Italy: the Provincia Romana, c. 1220 – c. 1320*. PhD Thesis. London: Courtauld Institute of Art, University of London.

Cooper, D. 2015. In Trinita Kennedy (ed.). *Sanctity Pictured: The Art of Dominican and Franciscan Orders in Renaissance Italy*. Nashville; London, 47–61.

Ehrle, F. 1892. In P. Heinrich Denifle, O.P., Franz Ehrle, S. J. (eds.). *Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters*. Vol. VI / Freiburg-Breslau.

Gilardi, C. G. 2004. In *Aux origines de la liturgie dominicaine: le manuscrit Santa Sabina XIV L I. Aubervilliers: Institut de Recherche et d'Histoire des Textes (IRHT)*, 379–443. (Documents, études et répertoires de l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 67).

Morvan, H. 2021. “*Sous les pas des frères*”. *Les sépultures de papes et de cardinaux chez les Mendians au XIIIe siècle*. Rome: *Publications de l'École française de Rome*, 2021 (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome) [electronic resource]. Access mode: <https://books.openedition.org/efr/7717>.

Spanò, A. 2010. *Scritti d'arte sul francscanesimo meridionale*. Catanzaro: Rubettino.

Sundt, R. 1987. In *Journal of the Society of Architectural Historians*, 46(4), 394–407.

About the Author:

Guselnikov Timur A. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect, 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; timgusel@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.242.249>

МЕЧЕТЬ КУРШУН-ДЖАМИ (КРЫМ, XIV В.) И СЕЛЬДЖУКСКАЯ ТРАДИЦИЯ АНАТОЛИИ

© 2022 г. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев

В публикации представлены результаты изучения одного из важнейших памятников исламской архитектуры Солхата/Крыма – мечети Куршун-Джами (Свинцовой мечети). Очерк построен на анализе сведений письменных сведений и комплекса археологических наблюдений. Предпринята попытка выделения строительных этапов мечети, периодов существования объекта как *текие* и, после перестройки странноприимного дома, мечети. Значительное место принадлежит наблюдениям о сооружениях позднейшего времени на территории комплекса. Один из основных сюжетов очерка связан с обоснованием генезиса купольного объема памятника, восходящего к византино-сельджукской традиции в архитектуре Малой Азии. При этом мы не исключаем, что строительство солхатской мечети велась анатолийской строительной артелью. Куршун-Джами являет собой заключительный этап сельджукских инноваций в архитектуре Солхата, продолжавшийся более восьмидесяти лет, начиная со строительства «мечети Узбека» в 1314 г. Тип зальной постройки с мощным куполом, отраженный в пространственных объемах Куршун-Джами, документирует наступлении раннеосманского этапа в развитии архитектуры города.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Улус Джучи, Солхат/Крым, Куршун-Джами, Свинцовая мечеть, Малая Азия, сельджукская архитектура, сельджукский стиль.

KURSHUN-JAMI MOSQUE (CRIMEA, 14TH CENTURY) AND THE SELJUK TRADITION OF ANATOLIA

M.G. Kramarovsky, E.I. Seydaliev

The publication features the results of many years of studies on one of the most significant sites for the understanding the historical topography of the Golden Horde city in Crimea – the Kurshun-Jami Mosque (the Lead Mosque). The essay is based on an analysis of written information and a complex of archaeological observations. An attempt was made to identify the construction stages and periods of operation of the site as a *Tekke* and as a mosque after the hospitium was rebuilt. A significant role belongs to observations related to the structures of a later time period in the territory of the complex. One of the main plots of the essay is related to the substantiation of the genesis of the domed spate of the site, which goes back to the Byzantine-Seljuk tradition in the architecture of Asia Minor. At the same time, we do not exclude that the construction of the Solkhat mosque was carried out by the Anatolian construction group. Kurshun-Jami represents the final stage of Seljuk innovations in the architecture of Solkhat, which lasted more than eighty years, starting with the construction of the Uzbek Mosque in 1314. The type of hall buildings with a powerful dome, reflected in the spatial volumes of Kurshun-Jami, documents the onset of the early Ottoman stage in development architecture of the town.

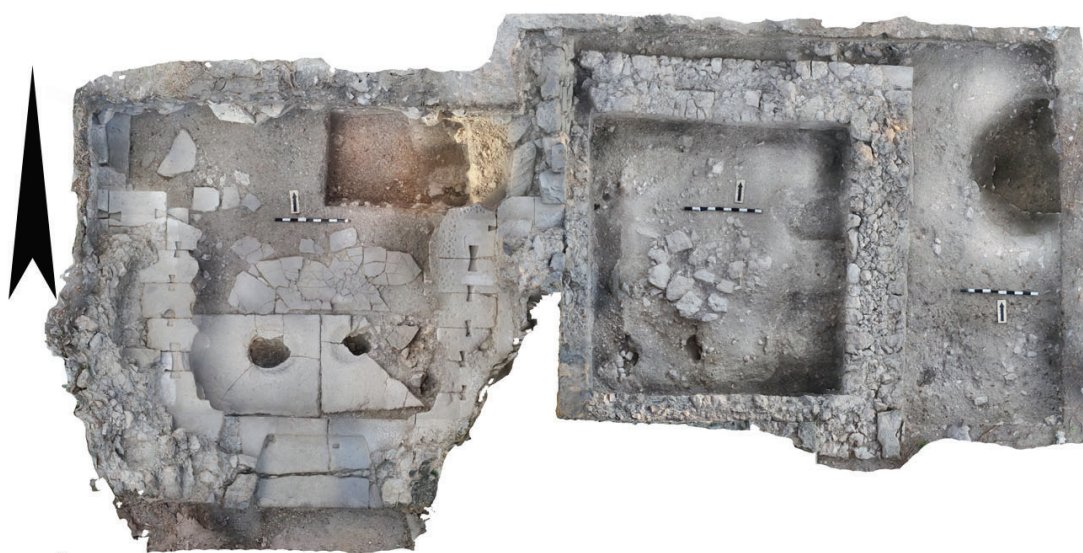
Keywords: archaeology, Golden Horde, Ulus of Jochi, Solkhat/Crimea, Kurshun-Jami, Lead Mosque, Asia Minor, Seljuk architecture, Seljuk style.

Мечеть Куршун-Джами (Свинцовая мечеть) расположена в восточной части Солхатского городища. В историографии сложилось мнение, что впервые описание мечети приводится в сочинении турецкого путешественника Эвлии Челеби: «Далее, над сводом двери *текие Тахир-бея*, такой тарих: «Во имя Бога, Всемилостивого, Всемилосердного! Построила это здание с именем султана, величайшего из султанов арабов и неаравов...-хана, сына *Тахир-бей-хана*, да будет его правление благословенно и увеличено в мирах, *Бай Буглы-хатун*, величественная особа и ничтожная рабыня Бога, дочь *Тонкатая*, сына *Кутлуга*, сына *Тимура*,

сына Буга Бая» (Челеби, 2008, с. 168). Первое научное описание мечети было составлено Б.Н. Засыпкиным в 1927 году (Засыпкин, 1927, с. 132–134). Свое название «Свинцовой» мечеть, вероятно, получила от свинцового кровельного покрытия ее купола (слово «*курушун*» в тюркских языках означает «свинец»). В пользу этой гипотезы, как будто говорит то, что при раскопках мечети не обнаружены облицовочные изразцы (или их фрагменты), как это характерно для строительной традиции исламского Востока и, разумеется, прослеживается в раскопках других культовых сооружений мусульманской общины Солхата. Но на нашем памятнике следов свин-

1

2

Рис. 1. 1 – Общий вид на территорию мечети Куршун-Джами с квадрокоптера.

2 – Общий вид на участки раскопа порталной части мечети. Ортофотоплан.

Fig. 1. 1 – General view of the territory of the Kurshun-Jami mosque from a quadcopter.

2 – General view of the excavation sites of the portal area of the mosque. Photomap.

цового покрытия нет². Куршун-Джами строилась (1396) как *имарет* – приют для дервишей, живших подаяниями (Григорьев, 1974, с. 27). Спустя два года (1398) приют перестроен в мечеть. Строительство осуществлено с благотворительной целью и свидетельствует о традиции женской филантропии в истории исламской общины города (Крамаровский, 2013, с. 35–45).

В плане мечеть представляет собой прямоугольное здание (12,5×17,7 м), сложенное из рваного камня на известковом растворе (рис. 1: 1). С севера вход в мечеть обрамля-

ют пилоны портала. Здание разделено на две неравные части. Прямоугольный северный зал (10,5×4,5 м), состоящий из трех компартиментов, был перекрыт тремя коробовыми сводами (реконструкция А.С. Башкирова) (Башкиров, 1927, с. 132). Всего северо-западном углу сохранились остатки основания минарета, возведенного при перестройке 1398 г. Южный почти прямоугольный (10,5×10,6) зал с михрабом³ перекрывался куполом на парусах. Для того, чтобы стены молитвенного зала выдержали давление массивного купола с запада и востока они были укреплены двумя

парами контрфорсов. Еще один контрфорс по оси с михрабной нишей поддерживал южную стену. По основным принципам планировки Куршун-Джами повторяет двухчастную планировку мечети *Hoca Hasan* в Конии, (XIII в.)⁴, и, отчасти, близкой по времени постройки Хаджи Озбек-Джамив Бурсе (она же *Чарши-месджид* – «базарная», 734 г.х. / 1333–1334 гг.) (Кононеко, 2017, с. 265). Но в отличие от конийского прототипа, или параллели в Бурсе. Строители солхатской постройки отказались от открытых айванов в северной части здания, учитывая зимы крымского предгорья. Айваны были заменены тремя закрытыми помещениями, из них центральное, расположенное по длинной оси с учетом входного проема, завершалось порталом (не сохранился). Другое отличие связано с установкой минарета на стыке северной и западной стен солхатской мечети, в то время как минарет конийской вынесен за лицевую линию восточной стены комплекса. Интересным конструктивным элементом явились две керамические трубы, размещенные в кладке юго-восточного и юго-западного углов соответственно. Возможно, они играли роль водостоков – прием необычный и не имеющий параллелей в исламской архитектуре Крыма. Э.Д. Зиливинская отметила, что Свинцовая мечеть по типу купольного зала идентична мечетям сельджукского и раннеосманского времени в Анатолии, и в качестве аналогий предложила рассматривать группу Джамии, включая Хока Хасан в Конье, Ала ал-Динав Бурсе (1335 г.), Орхан Гази в Билесике и Йешил-Джамии в Изнике (1378 г.) (Зиливинская, 2014, с.32), в основу которых положен стиль купольных мечетей *single-uhit* (одиночный блок), характерный для раннеосманских квадратных в плане купольных мечетей 2-ой четверти XIV в., выделенный в особый тип турецким историком архитектуры Аптуллой Кураном (1927–2002) (Kuran, 1968; Кононенко, 2017, с. 267). Этот список может быть расширен (см. ниже). В полном объеме изучение мечети было начато археологической экспедицией Эрмитажа в 1984 г. в дальнейшем исследования были продолжены в 1994, 2019–2021 гг. Раскоп получил порядковый номер IX, согласно общей номенклатуре наименований раскопов СКЭ ГЭ. На данный момент работами экспедиции были вскрыты культурные слои внутри стен мечети, а также порталная часть и предпортальная площадь. На площади перед входом были изучены участки 1-4, 2' и 3' (рис. 1: 2; рис. 2). В контексте данной публикации наиболь-

ший интерес вызывает портал мечети. Он представляет собой вход, обрамленный двумя выдвинутыми вперед пилонами портала, но его архитектура и резной декор не сохранились. О характере резьбы и ее орнаментальных мотивах позволяют судить небольшие фрагменты, обнаруженные в ходе раскопок на участке 1, 2' и 3' (рис. 3: 1). Вероятно, портал был украшен резьбой в виде сельджукской цепи (?) и растительными мотивами. На плоских каменных плитах вымостки входной части портала зафиксированы подтреугольные и прямоугольные пазы, служившие для скрепления плит между собой посредством металлических скоб, подобных тем, что нами были обнаружены при раскопках медресе Солхата (рис. 3: 2). Как и в случае с порталом медресе (рис. 3: 3), эти пазы могли заливаться свинцово-оловянистым сплавом для их крепления – прием, выдающий строительную традицию Малой Азии. Площадка перед порогом мечети, между базами пилонов, вымощенная гладкими каменными плитами, несет следы очевидных перестроек. В плитах у порога пробиты два отверстия, одно из которых диам. около 90 см., возможно свидетельствует о существовании позднего тандыра, стенки которого не сохранились. Характер прорези такого диаметра и место ее расположения наводит на мысль, что в период после разрушения мечети ее предпортальная часть была перестроена в какое-то хозяйственное помещение.

К востоку от портала мечети, примыкая к восточному пилону и восточной части северной стены выявлена квадратная в плане пристройка, назначение которой требует выяснения. К северу от портала расчищены кладки позднего времени, сложенные из бутового камня. местами насухо, но частично на глиняном растворе. Эти кладки примыкают к пилонам портала и образуют небольшое помещение, со входом, как будто сохранившем порог и ступени. Назначение этого помещения, на данном этапе также не выяснено, для чего требуется продолжение раскопок. Но в заполнении слоя серо-коричневого суглинка, залегающего к северу от этого помещения, выявлено значительное количество шлака, зольных пятен и фрагменты тиглей (?).

Интересные материалы дали также раскопки участка 1, где в слое, лежащем на древней дневной поверхности, были выявлены фрагменты архитектурных деталей с резьбой, вероятно, фрагментов декора портала или минарета мечети (рис. 3: 1). На участке прослежена

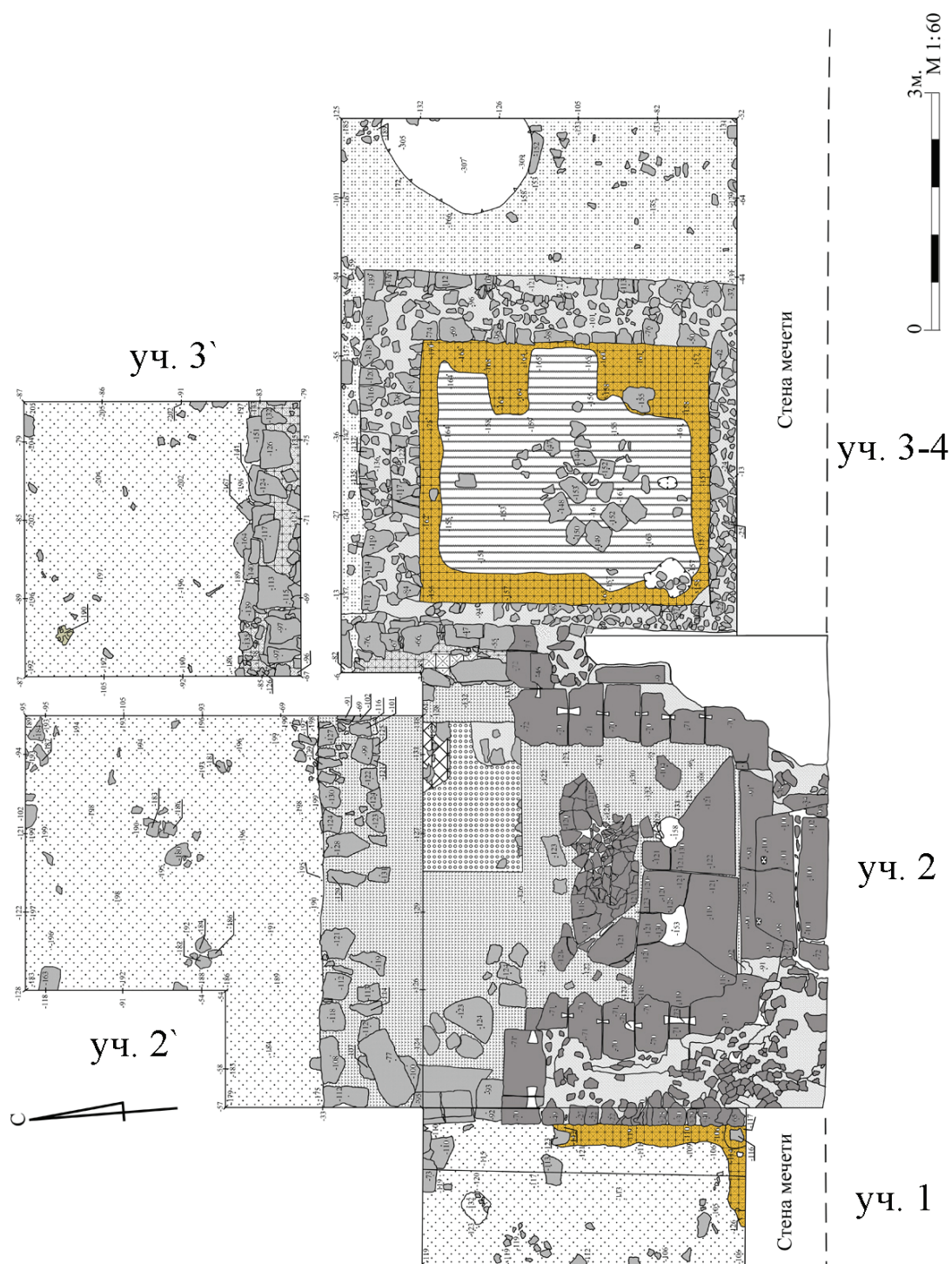

Рис. 2. Общий план раскопа portalной части мечети Куршун-Джами.
Fig. 2. General plan of the excavation of the portal area of the Kurshun-Jami mosque.

следующая стратиграфическая ситуация: дерн погребен рыхлым светло-серым грунтом, представляющий собой переотложенный слой – вероятно, консервация и следы отвалов 1984 г. Под слоем дерна – каменный завал с деструктурированным известковым раствором и бытовым мусором. В южной части участка в слое зафиксирован скелет собаки, лежащий на более плотном участке завала. Это может свидетельствовать о разновремен-

ном периоде формирования слоя. Мощность слоя около 0,6–0,2 м. Под этим слоем читается серо-коричневый суглинок. В прослойке содержится значительное количество небольших фрагментов керамических изделий и черепицы. Мощность слоя около 0,5–0,6 м. Под ним фиксируется рыхлый коричневый суглинок с участками уплотнений. На этом горизонте фиксируются три архитектурные детали, вероятно, первоначально принадле-

Рис. 3. 1 – фрагменты архитектурных деталей, обнаруженные в ходе исследований порталной части мечети; 2 – пазы для крепления плит пилонов портала мечети Куршун-Джами; 3 – пазы и металлические элементы креплений пилонов портала медресе Инджи-бек Хатун.

Fig. 3. 1 – fragments of architectural details found during studies of the portal area of the mosque; 2 – grooves for fastening the plates of the pylons of the portal in the Kurshun-Jami mosque; 3 – grooves and metal fasteners of the pylons of the portal in the Inji-bek Khatun madrasah.

жащих порталу или минарету мечети. Вместе с тем, здесь обнаружено большое количество фрагментов керамики. Вероятно, это нивелировочный горизонт строительства или ремонта мечети, но может быть и уровень первоначальной дневной поверхности, относимый ко

времени функционирования мечети. Также с этого уровня вдоль западного пилона портала и северной стены мечети обнаружена полоса рыхлого светлого грунта, с большим содержанием извести, напоминающая о строительной траншее под фундамент мечети.

Интерес также вызывает стратиграфическая ситуация участков 2` и 3`, где под слоем каменного завала стен примыкающего к portalу помещения на древней дневной поверхности расчищены фрагменты архитектурных деталей и гладко отёсанных камней от облицовки стен (?) мечети. Дерновый слой на участке фиксируется частично. После снятия слоя отвала, в северо-восточном углу достигшего мощности в 0,70 м., был обнаружен погребенный дерн мощностью около 0,05 м. Под ним выявлен рыхлый темно-коричневый суглинок с большим содержанием бытового мусора мощностью до 0,45–0,50 м. Ниже этого слоя в южном секторе участка лежал серо-коричневый суглинок с бутовым завалом, содержащий более крупные строительные блоки. Ниже бутового завала выявлены зольные пятна, а под серо-коричневым суглинком обозначился рыхлый коричневый суглинок с пятнами плотного темно-коричневого суглинка с мелким щебнем. Последнее может быть связано с понижением естественного рельефа. Обнаружен также обработанный камень, возможно, являющийся частью облицовки мечети. В южном секторе участков выявлена однопанцирная кладка, сохранившаяся на высоту в один-два ряда. Стены сложены из массивных камней насухо и лежат на плотном материковом слое, без фундамента. Стена на участке 3` расположена чуть северней, такой же стенки в участке 2`, но их соотношение, можно определить лишь в ходе дальнейших исследований и разборки бровки между участками.

К югу, к востоку и к северу от мечети фиксируется мусульманское кладбище, что было определено в ходе раскопок 1984, 1994 и в результате шурфовок 2019 гг. Погребения безынвентарные, часть их совершена в деревянных гробах. Такая же ситуация фиксируется и на других культовых комплексах Солхата. Например, перед мечетью Узбека располагался мавзолей, вокруг которого также открыт мусульманский могильник, где часть погребений совершена в деревянных конструкциях.

Необходимо отметить, что профили всех трех участков показали относительно спокойное залегание слоя разрушения, дата которого, по-видимому, относится к рубежу XV–XVI вв. В процессе работ на раскопе обнаружено 29 монет от пулов Узбека (1312–1342) до фельса

одного из Анатолийских бейликов Османов. По-видимому, хозяйственные пристройки у порталной стены мечети возникли после ее гибели в конце XV–XVI вв. Работы на объекте планируется продолжить.

Итак

1) Мечеть Куршун-Джами являет собой локальный вариант стиля, сложившегося на почве сельджукской Анатолии в раннеосманскую эпоху и перенесенного в Солхат/Крым в последнее десятилетие XIV в. Этой мечетью оказалась продолжена традиция контактов Крыма и Анатолии, зародившаяся в 1-ой трети XIII в. Перенос сельджукской традиции к черноморскому побережью обусловлен фактором свободного перемещения строителей в рамках «монгольского мира». Отметим, что Малая Азия вошла в империю Чингисидов в сложное время «эпохи Бату» (Почекаев, 2021, с. 154–160).

2) Нет основания считать, что исполнителем заказа Бай Буглы-хатун был анатолийский архитектор, но структура молельного зала Куршун-Джами, перекрытого мощным куполом на тромпах, дает указание на *тип зальной структуры*, сложившейся в сельджукский период в Анатолии под влиянием византийской храмовой традиции (Кононенко, 2017, с. 298).

3) Едва ли стоит при этом исключать и византийскую традицию ее кровельного покрытия.

4) Работа по строительству солхатской мечети, очевидно, велась малоазийской строительной артелью. Тем более, что в креплениях под скобы на входных плитах Куршун-Джами и медресе 1333 г. обнаружен идентичный ремесленный прием не характерный для строительной практики Крыма.

5) Начиная с 1314 г. (мечеть Узбека) и по 1398 г. (Свинцовая мечеть) на протяжении более восьмидесяти лет в архитектуре исламской общины прослеживается линия сельджукского архитектурного стиля, начиная с трехнефных базилик и медресе с двумя открытыми *айванами* и до купольной мечети с почти квадратным молельным залом близким в пропорциях к кубу. Примечательно, что эта волна в городском ландшафте исламского Солхата возникла в период Бейликов, сформировавшихся в Анатолии около 1270 г., т.е. до возникновения собственного архитектурного лица Османов.

Примечания:

¹ Тахир-бей – сведений об этой личности в источниках не обнаружено; «тарих» - букв. «история» (также «дата», «хронограмма») – традиционное обозначение посвяжительной надписи с датой постройки в мусульманской

архитектуре Крыма; Бай Буглы-хатун – внучка Кутлуг-Тимура наместника Крыма (Селезнев, 2009, с.116); Тонкатай – сын Кутлуг-Тимура, вероятно, преемник отца на посту правителя Солхата; Кутлуг – можно думать, имеется ввиду Кутлуг-Тимур (Мелик-Тимур) – наместник Крыма при хане Джанибеке (1341–1357); Тимур - Тоглук-Тимур (Тулук-Тимур?) – правитель Солхата и области Крым при хане Узбеке (1312–1341); сведений о личности Буга-Бая в источниках не обнаружено. Имя «Буга» - сотник Ногая (Селезнев 2009, с. 59), но это другое историческое лицо.

² Не лишне отметить, что в Золотой Орде строительная технология применения кровельного свинца не изучена и, насколько известно, вопреки развитому в городах Джучидов ремеслу нет даже упоминания о находках листового свинца. По находкам в Древней Руси, размеры кровельных листов из свинца достигали ширины 67–70 см. и длины 86–88 см. (Асеев и др., 1967, № 1, с.210). Толщина свинцовых листов, как правило, 1,5–3 мм. Листы кровли Успенского собора во Владимире были квадратными с размерами 53×53 см. (Воронин, 1961, с. 548, примеч. 55). Существует гипотеза о получении кровельного свинца домонгольской Русью из Византии. В Новгород листы свинца приходили с ганзейской торговлей из Венгрии и Англии – (Рапопорт, 1994). Вопрос о возможной доставке кровельного свинца из Европы в Солхат (шире –Таврику/Крым) Татарским торговым путем – “Via Tartarica” XIV в. - с купеческими караванами из Львова (Воротынцев, 2019, с. 77–89), остается открытым.

³ С перестройкой 1398 г. был обновлен и михраб мечети;

⁴ На что обратила внимание Э.Д. Зиливинская (Зиливинская, 2014, с. 32, рис. 35)

ЛИТЕРАТУРА

Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра, Р.А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе Хмельницком // СА. 1967. № 1. С. 199–214.

Башикиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1. С. 122–144.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. М.: ИА РАН, 1961. 584 с.

Воротынцев Л.В. «Татарский торговый путь («Via Tartarica» в системе международной торговли XIII–XV вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 1. С. 77–89.

Григорьев А.П. «Книга путешествия» Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 3. 1974. С. 19–28.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2(4). М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 113–168.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культурное зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Кононенко Е.И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 480 с.

Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура: каталог выставки. СПб: Славия, 2005. С. 13–15.

Крамаровский М.Г. О благотворительности в Золотой Орде. Семья Кутлуг-Тимура и архитектурные доминанты Солхата // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 70. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 35–45.

Почекаев Р.Ю. Правосудие далекого покровителя, или как золотоордынский правитель Бату решал проблемы Сельджукского султаната // Золотоордынское наследие. Вып. 4. Казань, 2021. С. 154–160.

Рапопорт П.А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука, 1994. 160 с.

Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 232 с.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер., вступ. стат. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.

Kuran A. The mosque in early Ottoman architecture. Chicago. Published by University of Chicago Press, 1968. 233 pp.

Информация об авторах:

Крамаровский Марк Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока, куратор центрально-азиатских коллекций, Государственный Эрмитаж (г Санкт-Петербург, Россия); solkhat@hermitage.ru

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); codexsummanicus@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2822-3930>.

REFERENCES

- Aseev, Yu. S., Sikorskiy, M. I., Yura, R. A. 1967. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 199–214 (in Russian).
- Bashkirov, A. S. 1927. In *Krym (Krym)* (1). 122–144 (in Russian).
- Voronin, N. N. 1961. *Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov. T. 1 (Architecture of North-Eastern Russia of the 12th–15th Centuries. Vol. 1)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Vorotyntsev, L. V. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 7 (1). 77–89 (in Russian).
- Grigor'ev, A. P. 1974. In *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries)* 3, 19–28 (in Russian).
- Zasytkin, B. N. 1927. In *Krym (Crimea)* 2(4). Moscow; Leningrad: "Gosizdat" Publ., 113–168 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
- Kononenko, E. I. 2017. *Anatoliyskaya mechet' XI–XV vv. Ocherki istorii arkhitektury (Anatolian Mosque XI–XV Centuries. Essays on the History of Architecture)*. Moscow: "Progress-Traditsiya" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 2005. In *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviiia" Publ., 13–15 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 2013. In *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 70. Saint Petersburg: State Hermitage Museum Publ. 35–45 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. 2021. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Heritage of the Golden Horde)* 4. Kazan: "Fan" Publ., 154–160 (in Russian).
- Rapoport, P. A. 1994. *Stroitel'noe proizvodstvo Drevney Rusi (X–XIII vv.) (Construction in Ancient Russia)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Seleznev, Yu. V. 2009. *Elita Zolotoy Ordy (Elite of the Golden Horde)*. Kazan: Fan, 2009 (in Russian).
- Chelebi, E. 2008. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). (Book of Travel. Crimea and the Neighbouring Regions. (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler)*. Simferopol: "Dolya" Publ. (in Russian).
- Kuran, A. 1968. *The mosque in early Ottoman architecture*. Chicago. Published by University of Chicago Press.

About the Authors:

Kramarovsky Mark G. Doctor of Historical Sciences, State Hermitage Museum, Dvortsovaya Naberezhnaya Str. 34 Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; solkhat@hermitage.ru

Seydaliyev Emil I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the chair of history, Crimean Engineering and Pedagogical University, Uchebny pereulok Str. 6, Simferopol, 295015, Russian Federation; Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, the Republic of Crimea, Russian Federation; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Baturina Str., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; codexcummanicus@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.250.258>

МАВЗОЛЕИ-ДЮРБЕ ГОРОДИЩА СОЛХАТ (XIII–XVIII ВВ.) ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ СТАРОКРЫМСКОЙ АРХЕО- ЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

© 2022 г. Э.И. Сейдалиев

В статье представлены результаты многолетних археологических исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на городище Солхат (XIII–XVIII вв.). На основе комплексного анализа материалов раскопок мавзолеев золотоордынского времени на территории г. Старый Крым приводятся данные об архитектурных особенностях и хронологии данных объектов. На территории городища сохранилось четыре изученных на данный момент дюрбе. Это мавзолей №№ 1 и 2, дюрбе Инджи-бек Хатун и мавзолей № 3. Предпринята попытка детальной публикации материалов из раскопок мавзолеев №№ 1 и 2, их архитектурные особенности, погребальные комплексы и т.д. Дюрбе Инджи-бек Хатун и мавзолей №3 описаны кратко, поскольку подробные публикации по этим объектам предпринимались ранее. Определено, что мавзолей № 1, расположенный на предпортальной площади мечети Узбека, может быть датирован XV–XVI столетиями и был построен на ранее обжитой территории. Вероятно, строительство мавзолея связано с расположенным рядом комплексом медресе-мечети Узбека и окрестным мусульманским некрополем. Мавзолей №2 расположен на северной окраине городища, на отроге горы Малый Агармыш. Датруется 50–60 гг. XIV в.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Крым, Солхат, медресе-мечеть Узбека, мавзолеев, дюрбе, мусульманская археология, мусульманская культура, архитектурная археология.

DURBE-MAUSOLEUMS OF THE ANCIENT CITY OF SOLKHAT (13TH-18TH CENTURIES) ACCORDING TO THE STUDY MATERIALS OF STAROKRYMSKAYA ARCHEOLOGICAL EXPEDITION BY THE STATE HERMITAGE MUSEUM

E.I. Seydaliev

The paper presents the results of many years of archaeological studies of the ancient settlement of Solkhat (13th–18th centuries) by the Starokrymskaya archaeological expedition of the State Hermitage Museum. Details of the architectural features and chronology of these objects are provided, based on a comprehensive analysis of materials from excavations of the Golden Horde mausoleums of the city of Stary Krym. Four durbes, the study of which has presently been completed, have preserved in the territory of the ancient settlement. These are mausoleums No. 1, No. 2, Durbe of Inji-bek Khatun and mausoleum No. 3. An attempt is made to publish detailed materials from the excavations of mausoleums No. 1 and 2, their architectural features, burial complexes, etc. The Durbe of Inji-bek Khatun and Mausoleum No. 3 are briefly described, as detailed publications related to these objects have already been provided. It has been determined that Mausoleum No. 1, located on the pre-portal square of the Uzbek mosque, can be dated to the 15th–16th centuries and was built on a previously inhabited territory. Presumably, the construction of the mausoleum is connected with the nearby complex of the Uzbek madrasah-mosque and the surrounding Muslim necropolis. Mausoleum No. 2 is located on the northern outskirts of the settlement, on the spur of the Malyi Agarmysh mountain. It dates back to the 1350s–1360s.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Crimea, Solkhat, madrasah-mosque of Uzbek, mausoleum, durbe, Muslim archaeology, Muslim culture, architectural archaeology.

Городище Солхат (XIII–XVIII вв.), известное прежде всего, как Крым (совр. Старый Крым) – один из крупнейших городских центров западной части Улуса Джучи, расположен в юго-восточной части Крымского полуострова. Первые описания, зарисовки и исследования архитектурно-археологических объектов города начинаются уже практически сразу после присоединения Крыма к Россий-

ской империи в конце XVIII в. Полноценные археологические исследования на объектах Солхата были произведены в 20-е гг. XX в. совместными экспедициями Всесоюзной ассоциации Востоковедения, КрымЦИК и Бахчисарайского дворца-музея (Ломакин, 2015, с. 79–136). Постоянная археологическая экспедиция в Старом Крыму начала действовать с конца 70-х гг. XX в. силами Государственно-

го Эрмитажа, которая с 2009 года по настоящее время проводится совместно с Крымским инженерно-педагогическим университетом имени Февзи Якубова и Институтом археологии Крыма РАН.

В Крымском юрте Золотой Орды мусульманские надмогильные сооружения – мавзолеи (дюрбе) известны достаточно широко и строились повсеместно в местах наибольшего распространения мусульманского населения. Как справедливо отметила Э.Д. Зиливинская, наличие этих сооружений можно связать с тем, что в ордынских городских центрах распространялось влияние суфиев и связанного с ними «культа святых» (Зиливинская, 2014(а), с. 256), который в последствии был также известен в эпоху Крымского ханства и в новое время среди крымских татар, как места поклонения святым – «азизы». Описание последних в Старом Крыму мы встречаем у путешественников, посещавших город в период Крымского ханства. Эвлия Челеби сообщает, что у Каффинских ворот: «Затем, опять же на рынке, возле благородной могилы святого Кемаль Ата-султана, тарих на источнике живой воды: «Из воды – всё живое», а также: «Для души Кемалья Ата – фатиха, год 1057 (1647 г.)» ... **Зиярет Кемаль Ата-султана**. Это святая (могила)» (Челеби, 2008, с. 169, 171). Итальянец Эмиддио Д'Асколи пишет про Солхат, что он «красиво расположен на небольшом возвышении, пользуется прекрасным воздухом и обильно снабжен чистойшею водой. По близости находится могила татарина, слывущего святым» (Описание, 1902, с. 107). В данном случае, речь вероятно идет о кургане Кемаль-Ата, расположенном на восточной окраине современного города, и где, вероятно, в центре мусульманского кладбища и была расположена могила (дюрбе?) мусульманского святого, давшего название кургану (Свод, 2020, с. 58–60).

Собственно, описание некоего мавзолея на окраине Старого Крыма мы встречаем в труде П. С. Палласа, академика Петербургской академии наук, посетившего Крым в 1793-1794 гг. (Ломакин, 2015, с. 51). Среди прочего, он пишет, что в Старом Крыму видел «остатки памятника, построенного из тесанного камня с готическим сводом и татарской надписью /868/ 1454, указывающей, что это мавзолей Гиасс-эдин Султана, сына хана Килай-Темира» (Паллас, 1999, с. 116). И.В. Зайцев отмечает, что дата 868 г.х. соответствует 1464 году, а сам мавзолей связывает с Гияс ад-Дином – отцом основателя Крымского ханства Хаджи

Гераем (Зайцев, 2013, с. 495). Посетивший город позже, В.Д. Смирнов уже не нашел даже следов мавзолея (Смирнов, 1886, с. 278).

Кроме того, в литературе упоминаются и другие мавзолеи, местонахождение которых на данный момент неизвестно или их нельзя отождествить ни с одним из ныне раскопанных объектов. Один из них представлял собой развалины во дворе грека Моранкали. Тут в 80-е годы XIX в., были выявлены остатки каменного склепа со сводом размерами около 4,9×2,8 м. Первое исследование найденного склепа было осуществлено А. Маркевичем, а краткое описание было опубликовано в 1888 году в статье «*Поездка в г. Старый Крым*» (Свод, 2020, с. 54). Кроме того, на север за городским валом, на земле гражданина Арманова был выявлен и осмотрен директором Бахчисарайского дворца-музея У. Боданинским, совместно с О. Акчокраклы, склеп под земляной насыпью (Свод, 2020, с. 55; Акчокраклы, 1929, с. 156).

В настоящее время нам известно местонахождение четырех мавзолеев, изученных археологами в различное время. Это мавзолей на площади перед мечетью Узбека (мавзолей №1), дюрбе Инджи-бек Хатун в одном из помещений комплекса медресе-Мечети Узбека, мавзолей на восточном отроге горы Малый Агармыш (мавзолей №2), и еще один объект был обнаружен к юго-востоку от плотины Старокрымского водохранилища (мавзолей №3). Часть материалов были неоднократно опубликованы, но в большинстве своем это были краткие предварительные или общие публикации. Так, например, результаты археологических исследований на мавзолее Инджи-бек Хатун в 1925 году были опубликованы в основательной статье И.Н. Бороздина, где, несмотря на детальные описания обстоятельств обнаружения дюрбе, достаточно скудно представлен материал, обнаруженный в ходе раскопок, что обусловлено общим характером публикации (Бороздин, 1926, с. 271-301). Впоследствии фотоматериалы этих исследований были опубликованы (Мирас, 2016, с. 244, 266, 314, 325), как и часть, считавшихся утраченными, археологических находок (Абдульвапов, 2013, с. 7–8; Крым, 2016, с. 15, 16, 27, 129, 130). Этот объект заслуживает публикации в комплексе с материалами раскопок медресе, поэтому в настоящей статье данные о нем не приведены.

Дюрбе Солхата были посвящены краткие предварительные публикации М.Г. Крама-

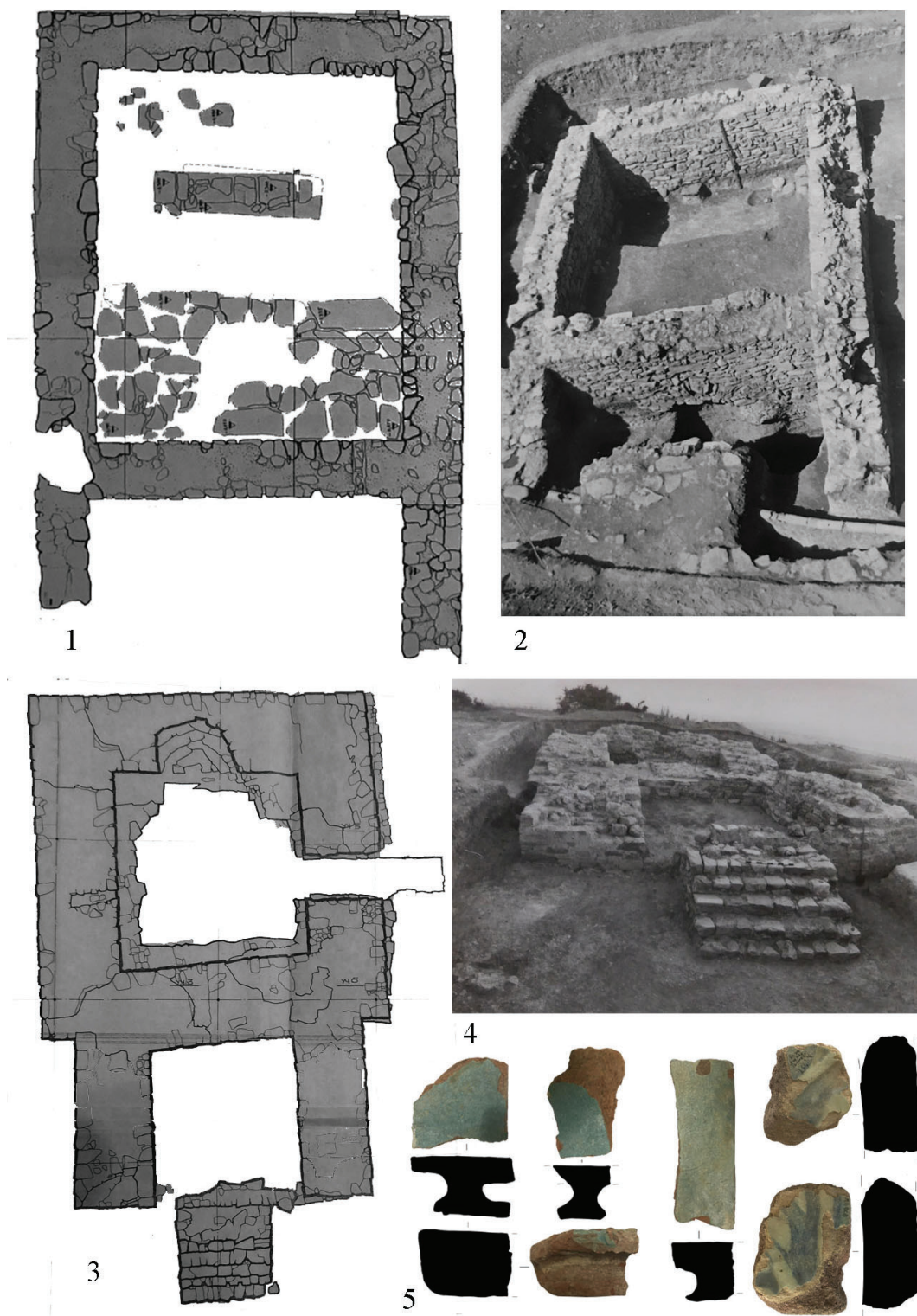

Рис. 1. Материалы археологических исследований мавзолеев №№1 и 2 Солхата.

1 – Общий план мавзолея №1 (Крамаровский, 1985). 2 – Общий вид на мавзолей №1 (Крамаровский, 1985).
 3 – Общий план мавзолея №2 (Крамаровский, 1992). 4 – Общий вид на мавзолей №2 (Крамаровский, 1993).
 5 – Изразцы из раскопок мавзолея №2.

Fig. 1. Archaeological study materials from mausoleums Nos. 1 and 2 of Solkhat.

1 – General plan of Mausoleum No. 1 (Kramarovsky, 1985). 2 – General view of Mausoleum No. 1 (Kramarovsky, 1985). 3 – General plan of Mausoleum No. 2 (Kramarovsky, 1992). 4 – General view of Mausoleum No. 2 (Kramarovsky, 1993). 5 – Tiles from the excavations of Mausoleum No. 2.

ровского (Крамаровский, 1994, С. 163-166; Крамаровский, 1995, с. 28–30).

Мавзолеи №№ 1 и 2 упоминаются в публикациях Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2014, 132–133; Зиливинская, 2014(а), с. 260–262). Краткие характеристики этих дюрбе приведены в четвертом томе Свода памятников крымских татар (Свод, 2020, с. 45–50). Проблемам золотоордынской архитектуры Крыма посвящена обобщающая публикация В.П. Кирилко, в которой автор, среди прочего, кратко упоминает и дюрбе Старого Крыма (Кирилко, 2016, с. 420–496). Мавзолею № 3 была посвящена обстоятельная и подробная публикация авторов раскопок М.Г. Крамаровского и Э.И. Сейдалиева (Крамаровский, Сейдалиев, 2020, с. 714-736), ввиду чего в данной статье мы ограничимся лишь общим описанием этого объекта.

Мавзолей у мечети Узбека (мавзолей №1)

Данное дюрбе расположено на площади перед порталом мечети Узбека. Объект был обнаружен в 1985 году в ходе исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. На момент обнаружения сооружение было скрыто земляной насыпью. В результате раскопок было обнаружено каменное сооружение прямоугольной формы, вытянутое по оси восток-запад. Протяженность восточной и западной стен составила 7,40 м, северной и южной – 6,30 м. Вокруг сооружения был выявлен мусульманский грунтовый могильник. У северной стены (шурф №2) была выявлена полуземлянка, относящаяся к периоду до строительства дюрбе. Строительство основного сооружения (дюрбе) относится ко второму периоду жизнедеятельности на исследуемой территории. Стены мавзолея лежат на предматериковом слое. Основание южной стены не ровное, а уступчатое, что связано с ранее существовавшими здесь хозяйственными ямами. Зафиксированы следы трех ям связанных друг с другом. Для увеличения прочности стены над центральной ямой (№2) была сделана полукруглая арка-свод. Сверху ямы были перекрыты плитами, поздней вымостки XV–XVI вв. вплотную проходящими к южной стенке сооружения. Под плитами с востока на северо-запад протянута керамическая водопроводная труба.

Центральное сооружение представляет собой прямоугольный в плане объем с каменными стенами, кладка которых сохранилась в высоту на 0,70–1,25 м. Толщина стен 0,85–

0,9 м, протяженность восточной и западной стен – 6,30 м, южной и северной – 7,4 м. Внутренние размеры основного объема – 4,4×5,4. К западу от основного объема, северная и южная стена продолжают в виде пилонов, длиной около 2,25 м. В центральной части основного объема была обнаружена известняковая плита, размерами 2,00×0,76 м, с выемками в которых по-видимому были укреплены части первоначально существовавшего надгробия. Под плитой было выявлено могильное пятно центрального погребения. Это труположение совершенное на спине с вытянутыми вдоль туловища руками по линии запад-восток, головой на запад, лицом на юг. По периметру погребальной камеры были обнаружены железные гвозди. Инвентаря в погребении выявлено не было. Параллельно центральному погребению, с севера расчищено еще одно погребение, а в юго-восточной части погребение ребенка.

Пол внутри помещения вокруг известняковой плиты был перекрыт конструкцией из сырцовых кирпичей в 4 ряда. Кирпич-сырец уложен по линии запад-восток и вплотную прилегает к западной стенке. Вдоль западной стены также удалось уловить следы кирпичей, первоначально лежавших в 5 рядов. Под сырцовыми кирпичами подсыпка из довольно мощного слоя гальки (20–30 см.). Размеры сырцовых кирпичей, сохранившихся целиком около 23,5×23,5 см. Толщина кирпича 3–4 см. На одной стороне всех кирпичей процарапана полоска по еще сырой глине.

Наличие центрального погребения с надгробной плитой во внутреннем помещении позволяет предположить, что исследуемое сооружение-мавзолей по характеру материала (керамика и монеты) относится к концу XV – началу XVI вв. Первоначальный вид сооружения реконструируется с трудом, в связи с тем, что сохранились лишь нижняя часть стен, следы верхних перекрытий уловить не удалось. Территория вокруг мавзолея в позднее время использовалась как кладбище – тут зафиксировано 15 погребений. Вокруг погребений обнаружены следы гробовины и гвоздей по периметру, что не характерно для мусульманских захоронений, но в неоднократно встречалось при раскопках мусульманских погребений городища.

Мавзолей и мечеть Узбека, стоящая рядом и объединенная с ним общей вымосткой (часть ее была локализована под слоем дерна), вероятно в XVI в. представляли единый культовый комплекс (Крамаровский, 1985).

Наличие хозяйственных ям, полуземлянок, погребения в материке, свидетельствуют о том, что мавзолей был построен на территории, которая в XIII–XIV вв. была густо заселена, но ко времени строительства жизнь на этом участке, по-видимому прекращается (улавливается незначительный слой запустения). Территория осваивается только в XVI в., но уже как кладбище.

Мавзолей №2.

Дюрбе расположено в северной части города Старый Крым, на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш. Данный объект был выявлен в ходе исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1991 г. и изучался на протяжении полевых сезонов 1992–1993 гг.

Раскоп, в границах которого был обнаружен мавзолей, был заложен на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш. В результате раскопок, проведенных экспедицией Государственного Эрмитажа, был обнаружен неизвестный ранее архитектурный объект, сохранившийся на уровне нижних кладок, не превышающих в высоту 1,25 м. от уровня древней дневной поверхности.

Объект представляет собой постройку прямоугольную в плане и ориентированную длинной стороной по линии север-юг. Сооружение состоит из двух замкнутых объемов: первый – в северной части – размером 10,0×10,7 м, второй – в южной части – размером 9,0×5,0 м. Общая площадь сооружения составила около 159,5 кв.м. Каждый из объемов включает замкнутое пространство: северный площадью около 36 кв. м (6,0×5,9 м); южный – 18 кв. м (4,0×4,5 м). Между северной и южной камерами мощная глухая перемычка толщиной 2,5 м. Толщина стен около 2,5 м, характерна для всего северного объема. В западной стене этого помещения был сделан вентиляционный канал длиной 1,5 м и шириной 30 см. Стены южного помещения имеют следующие толщины: западная – 2,35 м, восточная – 2,15 м, южная не превышает 1,1 м. Кладка стен велась из крупных блоков известняка по внешним контурам с заполнением рваным бутом на известковом растворе – то есть методом панцирной кладки. Снаружи к входу вела каменная лестница из 5 ступеней общей высотой 1,45 м, и шириной 2,85 м. В северном объеме уровень пола выявлен на отметках – 2,34–2,52 м. В южной части дюрбе не было подземного помещения – здесь уровень пола совпадает с выходом материка. В северном объеме было выявлено подземное

помещение, представляющее собой склеп со сводчатым перекрытием. В склеп вел подземный коридор – дромос, который начинался в 2,3 м к востоку от восточной стены и проходил сквозь нее (подобный дромос вел в склеп дюрбе Инджи-бек Хатун с востока). Ширина дромоса 1,25 м, длина – 4,8 м. В склепе были обнаружены останки 14 погребенных. Пол склепа частично был выложен обожженным кирпичом.

Сохранность стен различна: наиболее пострадала северная стена, где по центральной оси вырван значительный объем кладки. Во внешнем фасае восточной стены (на линии бровки) обнаружен проем не шире 1,2 м.

При расчистке сооружения в основном были обнаружены фрагменты изразцов двух типов: с бирюзовой поливой и полихромной подглазурной росписью со следами эпиграфического узора. Для этих изразцов в качестве основы использована полуфаянсовая масса (кашин). Изразцы этого типа найдены в Солхате впервые (Крамаровский, 1991; Крамаровский, 1992; Крамаровский, 1993). Отметим, что изразцы с бирюзовой поливой встречались при раскопках дюрбе Инджи-бек хатун на территории медресе Солхата. Датируется мавзолей 50-60 гг. XIV в. (Зиливинская, 2014, с. 133).

Мавзолей №3.

На окраине г. Старый Крым, в 200 метрах к юго-востоку от восточного края плотины старокрымского водохранилища в ходе археологических разведок, выполненных на базе Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2018 г. были выявлены остатки дюрбе (мавзолея). Археологические исследования 2018–2019 гг. позволяют сделать следующие выводы. Размеры постройки по внешнему периметру 12,9×8.1 м. Таким образом, исследуемый объект представляет собой прямоугольное строение, ориентированное длинной стороной по оси север-восток – юго-запад. Дюрбе разделено поперечной стеной на два объема, северный и южный. Ширина траншеи под фундамент стен 1–1,1 м. Толщина сохранившихся кладок фундаментов стен: северного объема (в т.ч. поперечной стены) 1,1 м, южная стена южного объема – 0,95 м. Размеры объемов строения по внутреннему периметру траншей: северный объем: 6,1×6,1 м; южный объем: 6,1×3 м.

Северную и южную часть строения разделяет стена, кладка которой частично сохранилась в центральной части. Стена сложена из местного бутового камня на известковом

растворе. На стене сохранились фрагменты кирпичной кладки, вероятно обрамление входа в северный объем. Кирпичи и отпечатки их в растворе фиксируются в 0,6 м. от середины этой поперечной стены.

Толщина поперечной стены ок. 1,1 м., ширина траншеи под стену 1,2–1,3 м., глубина траншеи ≈ 0,35–0,4 м. В северной части мавзолея было локализовано и изучено два погребальных комплекса. Вероятно, к югу от них может быть расположено третье погребение, до настоящего времени не обнаруженное и не изученное. Погребение №1 представляет собой прямоугольную в плане яму в подпольной части мавзолея. Стенки и пол могильной ямы выложены из квадратного золотоордынского кирпича. Учитывая заполнение могильной ямы, погребение было ограблено в эпоху Средневековья или в Новое время. Кости скелета в заполнении были перемешаны с грунтом и фрагментами археологического материала. Сопутствующий инвентарь из могилы вынут, сохранились лишь фрагменты изделий неясного назначения из желтого металла и две парные серьги с полупрозрачным камнем, также обрамленным в

желтый металл. В заполнении содержатся фрагменты архитектурных деталей, кирпичей, глазурованной плитки и монеты. Погребение, вероятно, принадлежало женщине. Погребение № 2 также представляет собой прямоугольную в плане яму, впущенную в подпольное пространство дюрбе. Стенки ямы выложены из плоского бутового камня на растворе. Пол выложен из квадратного кирпича. Заполнение могилы представляет собой грунт, перемешанный с археологическими находками, вероятно, она также была ограблена. Кости погребенного перемещены. В заполнении содержатся фрагменты архитектурных деталей, кирпича, глазурованной плитки и монеты. Судя по размерам костей скелета и черепа, в погребении был похоронен мужчина. Предварительно объект может быть датирован XIV–XVI вв. и относится к средневековой мусульманской культуре Крыма¹.

Таким образом, в Солхате формируется комплекс погребальных сооружений, отражающих ключевую роль мусульманской общины города в эпоху Золотой Орды и раннего Крымского ханства.

Благодарность: Благодарю ведущего научного сотрудника Государственного Эрмитажа, доктора исторических наук М.Г. Крамаровского за предоставленную возможность публикации материалов экспедиции.

Примечание:

¹ Подробная публикация материалов исследований этого дюрбе см. (Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Дюрбе конца XIV – начала XV вв. в Солхате (новые материалы) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 714–736. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.714-736).

ЛИТЕРАТУРА

Абдульвапов Н.Р. О некоторых крымских эпиграфических находках последнего времени, касающихся периодов Золотой Орды и Крымского ханства // V научные чтения памяти У. Боданинского: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г.) / Отв. ред. В.Е. Науменко. Симферополь, 2013. С. 7–8.

Акчокраклы О.-Н. А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. Т.3. / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1929. С. 152–160.

Бороздин И.[Н.] Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции КрымСовнаркома, КрымЦика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 271–301.

Зайцев И.В. Кырк-Йер/Кыркюр (Чуфут-кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. / Ред.-сост. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 494–505.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культурное зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Зиливинская Э.Д. Мавзолеи западных районов Золотой Орды // Крымское историческое обозрение (КИО). 2014а. № 1. С. 256–281.

Кирилко В.П. Архитектура золотоордынского Крыма // Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. Т. 1 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 420–496.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Архив Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Архив Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Крамаровский М.Г. Исследование средневекового Солхата // АИК. 1993 год / Отв. ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 163–166.

Крамаровский М.Г. Мавзолеи и зияреты средневекового Солхата // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. VIII научные Сюзюмовские чтения, 25 августа – 3 сентября 1995 г., Севастополь: тезисы докл. Екатеринбург, 1995. С. 28–30.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Дюрбе конца XIV – начала XV вв. в Солхате (новые материалы) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 4. С. 714–736.

Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016. 160 с.

Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.

Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. Т. 2 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Астер Плюс, 2016. 572 с.

Описание Чёрного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 г. / Пер. Н.Н. Пименова. Издано с прим. почётн. чл. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV. Отд. 1. С. 89–180.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.

Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 4 / Ред.-сост. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев. г. Старый Крым. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 208 с.

Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОРАО. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1886. С. 273–302.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер., вступ. стат. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.

Информация об авторе:

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); codexsummanicus@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2822-3930>.

REFERENCES

Abdul'vapov, N. R. 2013. In Naumenko, V. E. (ed.). *V nauchnye chteniya pamyati U. Bodaninskogo (5th Scientific Readings in Memory of U. Bodaninsky)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 7–8 (in Russian).

Akchokrakly, O. [-N.A.]. 1929. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 3(59). Simferopol. 152–160 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1926. In *Novyi Vostok (New East)* 13–14. 462–464 (in Russian).

Zaytsev, I. V. 2013. In Stepanenko, V. P., Iurchenko A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh sosedi. K 70-letiiu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo (From the Onon to the Thames. Chingissids and their*

Neighbours. Dedicated to the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky). Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ, 494–505 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review) 1*. 256–281 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes) 1*. Kazan: "Aster Plyus" Publ., 420–496 (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 1985. *Otchet o polevykh issledovaniyakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha v 1985 godu (Report on Field Studies at the Site of Medieval Solkhat (Crimea, Stary Krym) by the Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum in 1985)* Archive of the Department of the East of the State Hermitage (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 1991. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1991 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on Field Studies at the Site of Medieval Solkhat (Crimea, Stary Krym) by the Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum in 1991)*. Archive of the Department of the East of the State Hermitage (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 1992. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1992 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on Field Studies at the Site of Medieval Solkhat (Crimea, Stary Krym) by the Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum in 1992)*. Archive of the Department of the East of the State Hermitage (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 1993. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1993 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on Field Studies at the Site of Medieval Solkhat (Crimea, Stary Krym) by the Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum in 1993)*. Archive of the Department of the East of the State Hermitage (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 1994. In Kutaysov, V. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu 1993 g. (Archaeological Studies in Crimea. 1993)*. Simferopol: "Tavriya" Publ., 163–166 (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 1995. In *Vizantiya i Krym. Problemy gorodskoy kul'tury. VIII nauchnye Syuzumovskie chteniya, 25 avgusta – 3 sentyabrya 1995 g. (Byzantium and Crimea. Issues of the Urban Culture. 8th Scientific Suzumov Readings, August 25 - September 3, 1995)*. Ekaterinburg. 28–30 (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Seydaliyev, E. I. 2020. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review) 8 (4)*, 714–736 (in Russian).

In Seidaliyev, E. I. (ed.). 2016. *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (Crimea in the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of a Vanished Empire: Exhibition Catalog)*. Simferopol: "Tarpan" Publ. (in Russian).

Lomakin, D. A. 2015. *Musulmanskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriia izucheniia, sovremennoe sostoianie (Muslim Monuments of Stary Krym of the 13th–15th cc.: The History of Studying and the Contemporary State)*. Simferopol: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).

In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). 2016. *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes) 2*. Kazan: "Aster Plyus" Publ. (in Russian).

1902. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities) 14 (1)*. Odessa, 89–180 (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. (Observations made during a Journey across the Southern Governorates of the Russian State in 1793–1794)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

In Kramarovskiy, M. G., Seydaliyev, E. I. (eds.). 2020. *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars) 4*. Kazan – Simferopol': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Smirnov, V. D. 1886. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society) I*. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 273–302 (in Russian).

Chelebi, E. 2008. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). (Book of Travel. Crimea and the Neighbouring Regions. (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler).* Simferopol: "Dolya" Publ. (in Russian).

About the Author:

Seydaliyev Emil I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the chair of history, Crimean Engineering and Pedagogical University, Uchebny pereulok Str. 6, Simferopol, 295015, Russian Federation; Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, the Republic of Crimea, Russian Federation; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Baturina Str., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; codexcummanicus@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2822-3930>.

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

УДК 94(47).31

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.259.263>

ПЕЩЕРНЫЕ ЦЕРКВИ ГОРНОГО ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА XIII–XIV ВВ. КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

© 2022 г. Ю.М. Могаричев

Статья посвящена исследованию истории Горного Юго-Западного Крыма XIII–XIV вв. В качестве источника для прояснения политической, культурной и религиозной ситуации в Таврике в XIII–XIV вв. рассматриваются пещерные церкви. По заключению автора, XIII в. могут датироваться, как минимум, четыре пещерные церкви, три из которых были украшены фресковой росписью. В XIV в. были созданы три скальных памятника, в которых были росписи. Еще ряд памятников можно включить в эти группы предположительно. В указанный период функционировали и храмы, созданные ранее. Отмеченные особенности указывают на присутствие среди жителей Горного Юго-Западного Крыма (причем на разных поселениях) определенного числа обеспеченного и грамотного (надписи на фресках должен же был кто-то наносить и читать) населения из числа христиан, имеющего возможность оплачивать расходы по созданию и росписи храмов. Кроме того, указанное может свидетельствовать о достаточно продолжительных периодах «спокойствия» в данном регионе.

Ключевые слова: Крым, Таврика, Золотая Орда, Мангуп, Эски-Кермен, пещерная церковь.

CAVE CHURCHES OF THE SOUTH-WEST CRIMEA IN 13TH – 14TH CENTURIES AS A REFLECTION OF POLITICAL, CULTURAL, AND RELIGIOUS AGENDA OF THE REGION

Yu. M. Mogarichev

The paper considers the history of Mountainous South-West Crimea in the 13th–14th centuries. It addresses cave churches as the historical source, which is able to clarify the political, religious, and cultural situation in Taurida in the 13th–14th centuries. The author concludes that at least 4 cave churches date back to the 13th century, 3 of which were decorated with the fresco and. A total of 3 cave monuments were built in the 14th century, which contained paintings. A number of monuments can presumably be included in these groups. The temples created earlier also functioned during this period. The noted features indicate the presence among the inhabitants of the Mountainous South-Western Crimea (in different settlements) of a certain number of wealthy and literate (the inscriptions on frescoes had to be applied and read) Christian population, who had the opportunity to pay the costs of creating and painting temples. In addition, this can indicate the rather long periods of ‘calm’ in the region.

Keywords: Crimea, Taurica, the Golden Horde, Mangup, Eski-Kermen, cave church.

История Горного Юго-Западного Крыма XIII–XIV вв. (страна Дори, Готия, Климаты раннесредневековых источников) является одним из «белых пятен» крымской медиовистики. Вероятно, после гибели Византийской империи в 1204 г. этот регион вошел в сферу влияния Трапезундской империи, которая собирала ежегодные подати с Херсона и бывших византийских владений (Климаты Готии) в Горном Крыму, как минимум, до середины 20-х гг. XIII в. (Карпов, 2007, с. 413–414). Притязания Трапезунда на эту территорию сохранялись и позднее (Там же, с. 414).

Дискуссионным остается вопрос о времени вхождения данного региона в орбиту ордынских владений. В историографии присутствуют точки зрения как о подчинении Таврики

Золотой Ордой уже к середине XIII в., так и функционировании здесь до конца этого столетия, а именно похода Ногая в Крым в 1299 г., независимых от татар, аланского княжества центром в Кырк-Ере (Чуфут-Кале) и княжества Феодоро со столицей на Мангупе (подробнее историографию см.: Айбабин, 2020, с. 499–503). Отметим, источники по данному вопросу достаточно фрагментарны и противоречивы.

Вероятно, Таврика была подчинена золотоордынцами в 40–60 гг. XIII в. Но эта зависимость первоначально не выходила за пределы выплаты дани (Герцен, Могаричев, 2016, с. 141).

Традиционно, в историографии следы пожаров и разрушений на поселениях Горного Юго-Западного Крыма, встречающихся в

слоях, которые могут быть датированы золотоордынским временем связываются с карательной экспедицией Ногай в 1299 г. Многие исследователи также склонны соотносить усиление ордынской экспансии в Таврику, в частности захват Кырк-Ера татарами, именно с походом этого темника.

Как попытался показать автор настоящей публикации, совместно с А.Г. Герценым, последняя гипотеза не достаточно обоснована. Комплекс источников позволяет отнести захват татарами Кырк-Ера ко времени Джанибека (1342–1357 гг.), что согласуется с политической обстановкой того времени (Герцен, Могаричев, 2016, с. 135–142). Отметим, Мангупская крепость, ставшая центром княжества Феодоро в середине – второй половине XIV в., также была включена в систему золотордынских владений в Крыму с достаточно широкими полномочиями ее наместника (Герцен, Науменко, 2016, с. 40).

Вероятно, в конце XIV в. Таврику затронуло противостояние Тимура и Тохтамыша, серьезные последствия которого на Мангупе описал около 1395 г. иеромонах Матфей в «Рассказе о городе Феодоро» (Герцен, 2003).

Как нам представляется, определенную помощь в прояснении политической, культурной и религиозной ситуации в Таврике в XIII – XIV вв. может оказать исследование пещерных церквей. В настоящей работе обратим внимание на памятники, датировка которых указанным временем очевидна.

Первый объект находится на городище Мангуп. Церковь входит в комплекс так называемого *Северного монастыря*. В храме, на северной стене, над одной из гробниц, имеется пятистрочная греческая строительная надпись, датирующаяся 1224–1225 гг. (Виноградов, 2015а). В одном из сопутствующих церкви помещений также сохранились фрагменты надписи 1220/1221 г. (Подр. о памятнике см.: Герцен, Могаричев, 2017, с. 124).

Таким образом, вероятнее всего, основание этого комплекса можно отнести к самому началу 20-х. XIII в. А в 1224–1225 гг. здесь уже была вырублена и освящена церковь. Отметим, что монастырь возник в тогда отдаленной, уединенной, части Мангупского плато. В этот период жизнь на поселении вообще не была интенсивной (Герцен, Науменко, 2016, с. 40).

Другим городищем, где известны основанные в рассматриваемый период пещерные церкви, был Эски-Кермен и его ближайшая округа

Церковь «Успения». Основным мотивом росписей здесь является изображение сцены Успения Богоматери, отсюда и условное название. В настоящее время роспись сохранилась лишь в алтарной части. Центральный сюжет стенописи – Успение Богоматери, практически не просматриваемый ныне, был расположен в северо-западной части храма. В свете современных научных представлений, вероятнее всего, памятник датируется XIV в., скорее всего его первой половиной – серединой (подр. см.: Могаричев, 2019, с. 259–261; Могаричев, Ергина, 2020, с. 120–121).

Храм «Трех всадников». На северной стене присутствует фресковая роспись с изображением трех святых всадников. Вероятно, здесь изображены Дмитрий Солунский, Федор Стратилат и Георгий Победоносец. На фреске присутствует надпись, традиционно датирующаяся XIII в. По А.Ю. Виноградову надпись читается следующим образом: «Вырублены и расписаны эти святые Христовы за душевное спасение и отпущение грехов имярека в 67.. году» (Виноградов 2015б) (подр. о памятнике см.: Могаричев, 2019, с. 261–263, 275–278; Могаричев, Ергина, 2020, с. 118–120).

Храм «Донаторов». Название происходит от сюжета росписей, изображающих семью донаторов или ктиторов церкви. А.Ю. Виноградов следующим образом прочитал одну из надписей, сохранившихся на фреске (северная стена, восточный аркосолий) «... основан при содействии рабы Христовой Марии. В 6890 (или: 6860) году, в 5-й индикт», что позволяет датировать храм 1381–1382 (или 1351–1352) гг. (Виноградов, 2015в). Скорее всего, церковь являлась частью небольшого монастыря, ктиторами или донаторами которого была местная знатная семья (подр. см.: Могаричев, 2019, с. 265–268; Могаричев, Ергина, 2020, с. 121–122).

В результате археологических исследований городища Эски-Кермен было выявлено, что в XIII–XIII вв. на плато функционировал провинциально-византийский город. В конце XIII в. он подвергся опустошительному нашествию и сильно пострадал от пожара. Однако, жизнь на поселении в той или иной степени продолжалась и в XIV в. Кроме указанных пещерных церквей, время создания которых мы можем относительно точно определить, на Эски-Кермене в XIII, и вероятно, в первой половине XIV вв., действовали еще три других пещерных храма, созданных ранее (Могаричев, 2019, с. 256–259).

Пещерные церкви XIII–XIV вв. известны и в Инкермане.

Церковь №12 на Загайтанской скале. Здесь сохранились остатки росписи, которая датируется XIII – XIV вв. (Бобровский, Чуева, 2006). В апсиде храма, под слоем штукатурки была выявлена вырезанная в нише надпись 1303 г. Скорее всего, не позднее первой четверти XIV в., помещение было украшено фресковой росписью (Виноградов, 2019, с. 335–336).

«Храм с крещальной». Отсюда происходит надпись «Почили рабы Божьи Авраамий, ..., первого разряда и комит, 8 числа первого месяца; и Ко[см]а, первого разряда и к[о]мит, 29 числа ...-го месяца», датирующаяся XIII в. (Виноградов, 2015г). Имевшиеся здесь росписи достаточно определенно также могут относиться к XIII в. (Могаричев, Ергина, 2021).

Храм Евграфия (География). В церкви сохранилась надпись: «Моление раба Божьего Сотирика с женой его и детьми его. В 6781 году» (1272–1273 гг.) (Виноградов, 2015д). (Могаричев, Ергина, 2021).

Кроме отмеченных скальных культовых сооружений, в Таврике, с определенной долей вероятности, XIII–XIV вв. может датироваться создание: первоначального монастыря на Шулдане (Могаричев, 1997, с. 37); некоторых

церквей Качи-Кальона (Могаричев, 1997, с. 80–82); «Церкви с ризницей» на Тепе-Кермене (Могаричев, 1997, с. 86–87); предполагаемой церкви в районе Южных ворот (Чуфут-Кале) (Могаричев, 1997, с. 89–90).

Таким образом, у нас есть достаточно серьезные основания утверждать, что в XIII в. были созданы, как минимум, четыре пещерные церкви Горного Юго-Западного Крыма, три из которых были, украшены росписью. В XIV в. были вырублены три скальных памятника, в которых были росписи. Еще ряд памятников следует включить в эти группы предположительно. В указанный период функционировали и храмы, созданные ранее. Напомним отмеченный в историографии высокий уровень фресковых росписей. А некоторые церкви, предположительно, могли быть расписаны столичными художниками. Указанные особенности, несомненно указывают на наличие среди жителей Горного Юго-Западного Крыма определенного числа обеспеченного и грамотного населения из числа христиан, имеющего возможность оплачивать расходы по созданию и росписи храмов. Кроме того, указанное может свидетельствовать о достаточно продолжительных периодах «спокойствия» в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXV. Симферополь, 2020. С. 493–513.

Бобровский Т.А. Чуева Е.Е. Пещерная церковь с фресками византийской эпохи в Юго-Западном Крыму // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфийского. (Пос. Партенит. 7–10 июля 2005 г.) / Отв. ред. Л.А. Ясельская. Симферополь: Симферопольская и Крымская епархия, 2006. С. 181–223.

Виноградов А.Ю. Каламита. Надгробие Авраамия и Космы // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015г. (URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html>). Дата обращения: 06.11. 2021).

Виноградов А.Ю. Каламита. Посвящение Сотирика // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015д. (URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.149-ru.html>). Дата обращения: 06.11. 2021).

Виноградов А.Ю. Феодоро. Строительная надпись неизвестного, 1224–1225 гг. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015а. (URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.174-ru.html>). Дата обращения: 06.11. 2021).

Виноградов А.Ю. Черкес-Кермен. Строительная надпись Марии, 1351–1352 или 1381–1382 гг. // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015в. (URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.209-ru.html>). Дата обращения: 06.11. 2021).

Виноградов А.Ю. Эски-Кермен. Строительная надпись неизвестного, 2 пол. XIII в. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015б. (URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.219-ru.html>). Дата обращения: 06.11. 2021).

Виноградов А.Ю. Новооткрытые греческие христианские надписи из Северного Причерноморья и вопрос о статусе пещерных обитателей в Горном Крыму // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2 / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 331–356.

Герцен А.Г. Описание Мангула-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 562–589.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-ер – Чуфут-кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь, Антиква, 2016. 312 с.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения Мангупа // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки». Том 3 (69). № 3. Симферополь, 2017. С. 102–129.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 36–49.

Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2007. 624 с.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия. 1997. 384 с.

Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 192 с.

Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Фресковые росписи пещерных церквей Юго-Западной Таврики: версия И.Э. Грабаря // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 6. 2020. С. 116–130.

Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Утраченные фресковые росписи пещерных церквей Инкермана («Храм с крещальной», «Церковь География», монастырь св. Софии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. № 6. 2021. С. 31–51.

Информация об авторе:

Могаричев Юрий Миронович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (г. Симферополь Россия); mogara@rambler.ru

REFERENCES

Aibabin, A.I. 2020. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii ((Materials Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. XXV. Simferopol, 493–513 (in Russian).

Bobrovskiy, T. A. Chueva, E. E. 2006. In Yasel'skaya, L. A. (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii "Duhovnoe nasledie Kryma" pamuiati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfuiuskogo. pos. Partenit. 7–10 iulia 2005 g. (Proceedings of the International Church and Historic Conference "Spiritual Heritage of Crimea" in Memory of St. John, Bishop of Gotha. Partenit Settlement. 7–10 July 2005)*. Simferopol: Simferopol and Crimea Eparchies Publ., 181–223 (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2015. In *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya. Vizantiyskie nadpisi. (Byzantine inscriptions. Ancient inscriptions of the Northern Black Sea region)*. (URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html>. Date of access 06.11. 2021) (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2015. In *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya. Vizantiyskie nadpisi. (Byzantine inscriptions. Ancient inscriptions of the Northern Black Sea region)*. (URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.149-ru.html>. Data obrashcheniya: 06.11. 2021) (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2015. In *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya. Vizantiyskie nadpisi. (Byzantine inscriptions. Ancient inscriptions of the Northern Black Sea region)*. (URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.174-ru.html>. Data obrashcheniya: 06.11. 2021) (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2015. In *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya. Vizantiyskie nadpisi. (Byzantine inscriptions. Ancient inscriptions of the Northern Black Sea region)*. (URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.209-ru.html>. Data obrashcheniya: 06.11. 2021) (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2015. In *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya. Vizantiyskie nadpisi. (Byzantine inscriptions. Ancient inscriptions of the Northern Black Sea region)*. (URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.219-ru.html>. Data obrashcheniya: 06.11. 2021) (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2019. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Miry Vizantii. Khersonos femata (Words of Byzantium. Χερσωνος Θεματα)* II. Simferopol, 331–356 (in Russian).

Gertsen, A. G. 2003. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (10). 562–589 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2016. *Kyrk-er – Chufut-kale. Krepost' na krayu sed'mogo klimata (Kyrk-Er - Chufut-Kale. Fortress on the Edge of the Seventh Climate)*. Simferopol', "Antikva" Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2017. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. T. 3(69) (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. V. 3(69)) (3)*. 102–129 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2016. In Seidaliev, E. I. (ed.). *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (Crimea in the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of a Vanished Empire: Exhibition Catalog)*. Simferopol: “Tarpan” Publ., 36–49 (in Russian).

Karpov, S. P. 2007. *Istoriia Trapezundskoi imperii. (History of the Empire of Trebizond Contents)*. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ. (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. 1997. *Peshchernye tserkvi Tavriki (Cave Churches of Tauris)*. Simferopol: “Tavriia” Publ. (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. 2005. «Peshchernye goroda» v Krymu (“Cave Towns” in Crimea). Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. Ergina, A. S. 2020. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations) 25 (6)*, 116–130 (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. Ergina, A. S. 2021. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations) 26 (6)*, 31–51 (in Russian).

About the Author:

Mogarichev Yuriy M. Doctor of Historical Sciences. Professor, Institute of Archaeology of the Crimea, RAS. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Russian Federation; Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education. Lenin St., 15, Simferopol, 295001, Russian Federation; mogara@rambler.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОНЕС В ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.: ГОРОД, ПОСЕЛОК, ТОРГОВЫЙ ПУНКТ?

© 2022 г. С.В. Ушаков, А.М. Байбуртский

В статье рассмотрены итоги исследования Средневекового Херсонеса (Херсона) как городской структуры во второй половине XIII в. В историографии ранее доминировала точка зрения, что Херсон этого времени оставался крупным торговым, ремесленным и культурным центром со зданиями монументальной архитектуры. В настоящее время считается, что он оставался обычным провинциальным византийским центром. Конкретные археологические комплексы с массовыми находками второй половине XIII в., выделены и изучались во всех районах городища и оказались связаны со слоями разрушений и пожаров. В Портовом районе зафиксировано два слоя разрушения (пожара), которые датируются XIII и XIV вв. Эти слои поздневизантийского времени представлены всем комплексом материалов (прежде всего археологических), которые позволяют заключить, что в начале второй половины XIII в. Херсон являлся типичным провинциальным византийским городом на краю Золотоордынской ойкумены. На рубеже третьей – четвёртой четвертей XIII в. (в 1278 г.) город был разрушен и уже не восстановился, за исключением Портового района, который превратился в небольшой посёлок XIV в.

Ключевые слова: археология, Средневековый Херсонес (Херсон), вторая половина XIII в., археологические комплексы, амфоры, поливная керамика.

MEDIEVAL CHERSONESUS IN THE SECOND HALF OF THE 13TH CENTURY: A CITY, A VILLAGE, A TRADING POST?

S.V. Ushakov, A.M. Bayburtsky

The paper addresses the results of the study of medieval Chersonesus as a municipal structure in the second half of 13th century. Historiography was previously dominated by the viewpoint that in that time period Chersonesus remained a major trade, craft and cultural center with buildings of monumental architecture. Currently, it is considered that it remained an ordinary provincial Byzantine center. Specific archaeological complexes with frequent finds of the second half of the 13th century were identified and studied in all districts of the settlement, and were found to be associated with layers of destruction and fires. Two layers of destruction (fire), dated to the 13th and 14th centuries, have been recorded in the Port district. These late Byzantine layers are represented by all complexes of materials (primarily, archaeological), which allow to conclude that at the beginning of the second half of the 13th century Chersonesus was a typical provincial Byzantine city on the edge of the Golden Horde Ecumene. At the turn of the fourth quarter of the 13th century (in 1278), the city was destroyed and has not been restored, with the exception of the Port district, which became a small 14th century village.

Keywords: archaeology, medieval Chersonesus, second half of the 13th century, archeological complexes, amphorae, glazed ceramics.

Во второй половине XIII в. Северное Причерноморье, Крым и Средневековый Херсонес (точнее, пост-византийский Херсон) находились в крайне сложной геополитической ситуации. Теперь можно было говорить не только о трёх действующих здесь цивилизационных парадигмах – поздневизантийской, золотоордынской и генуэзской (Мыц, 2021, с. 496) (последняя из которых только начала утверждаться), но фактически к ним стала добавляться четвёртая – поднимающаяся турецкая (сельджукская, потом османская). Положение Херсона крайне осложнялось отсутствием серьёзного византийского государственно-политического

тыла. «Константинопольская» империя находилась в стадии возрождения (с 1261 г.) и о прочных связях говорить было невозможно, а город по-прежнему находился под патронажем Трапезунда как его «Заморье». О надёжных союзниках на полуострове не стоило и говорить. Сам Херсон находился на юго-западном краю великой евразийской державы – Золотой Орды (рис. 1: А), и шансов его не только на великое будущее, но и просто на самостоятельное существование были крайне невелики. К тому же в 70-х гг. XIII в. в западной части Золотой Орды усилился бек-темник Ногай (Мыц, 2021, с. 518–519), в союзе с которым был победитель крестоносцев импера-

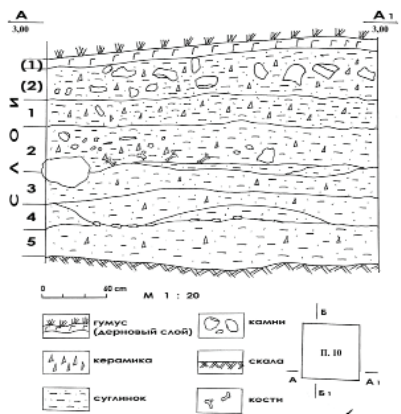
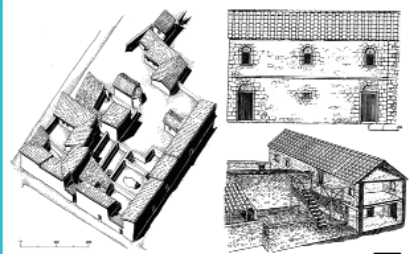
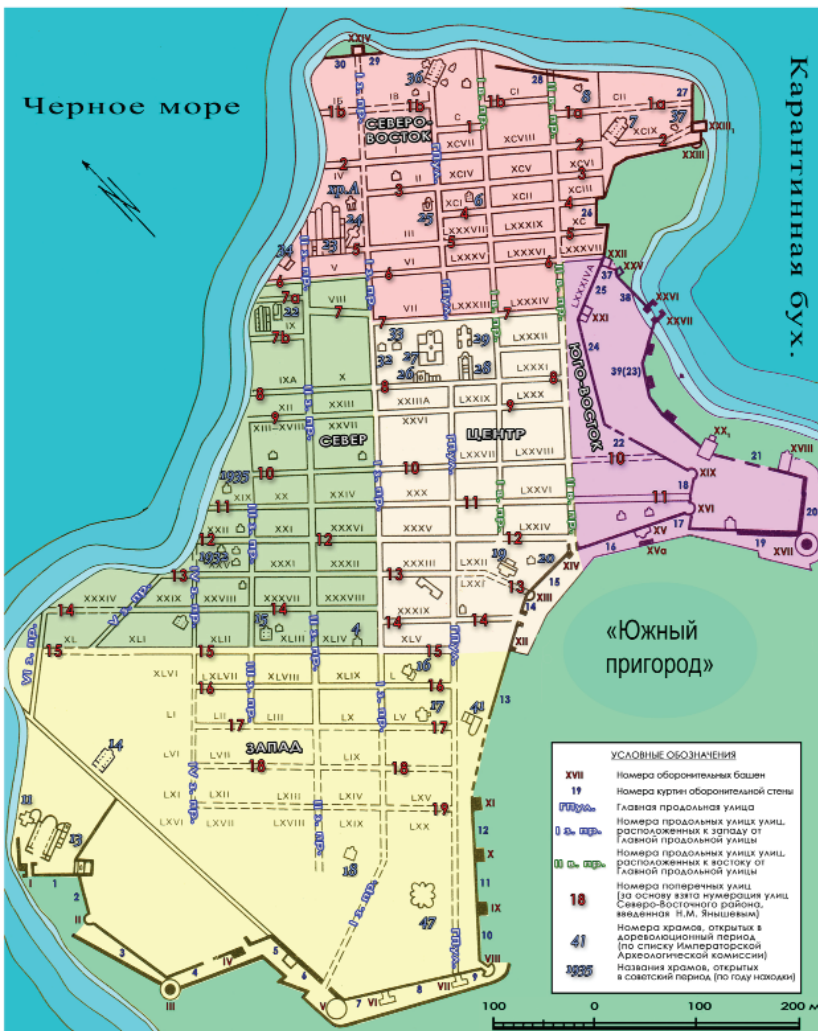
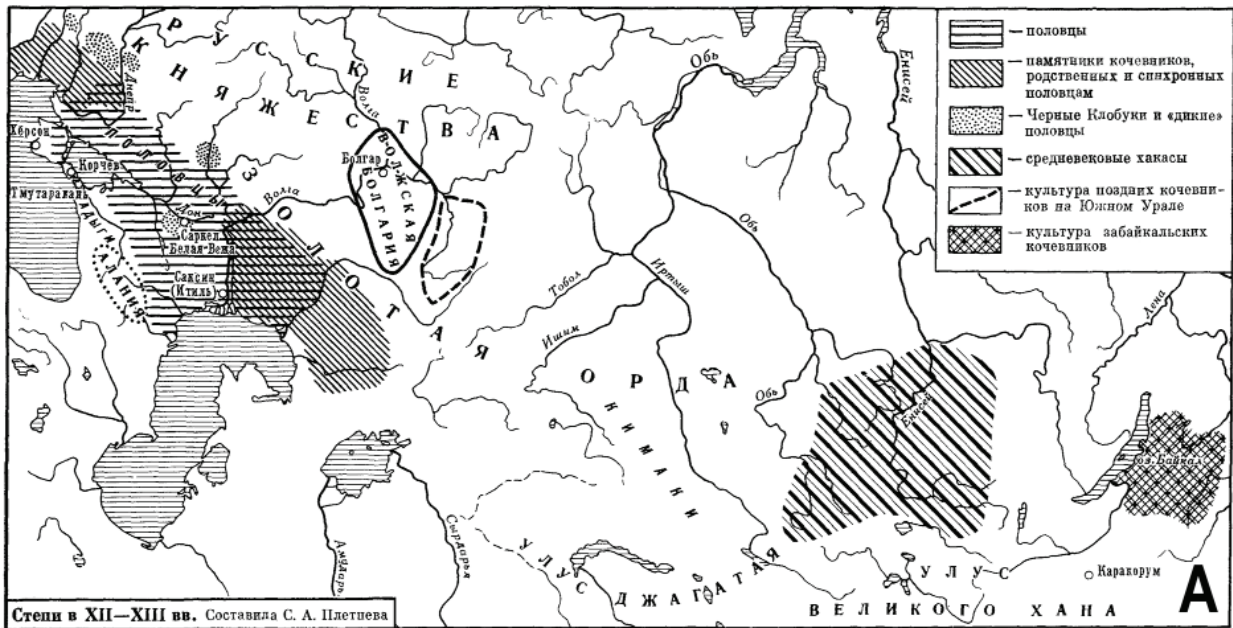

Рис. 1. А – Евразийские степи в XII-XIII вв. (по С.А. Плетнёвой). Б – План херсонесского городища (по В.В. Хапаеву). В – Жилой квартал XIII-XVIII в Северном районе Херсонеса: реконструкция (по А.И. Романчук). Г – дом в Портовом квартале 1 (по В.Н. Даниленко). Д – слой разрушения в квартале XCVII (пом. 10).
Fig. 1. А – Eurasian steppes in the 12th-13th centuries (after S.A. Pletneva). Б – Plan of Kherson settlement (after V.V. Khapaev). В – Residential quarter of the 13th-18th centuries in the Northern district of Chersonesus: reconstruction (after A.I. Romanchuk). Г – house in Port quarter 1 (after V.N. Danilenko). Д – destruction layer in quarter XCVII (room 10).

тор Михаил VIII Палеолог. А Трапезундская империя (покровитель Херсона) платила дань монголам Ирана Хулагуидам – противникам Орды. Конфессионально город подчинялся константинопольскому патриарху, который заключил в 1274 г. унию с католиками (подр.: Мыц, 2021, с. 519–520). Противоречие и противостояние для Херсона неразрешимое...

В настоящее время, судя по литературе, не совсем ясно, что он представлял из себя на протяжении решающего периода его истории – второй половины XIII столетия: полноценный (пост) византийский город или превратившийся (вследствие военных походов врагов?) в небольшой посёлок или торговый пункт. И когда это произошло? Возможно ли эти процессы проследить по данным археологии? Вот те вопросы, на которые важно получить ответ.

До сих пор в историографии доминирует точка зрения, что Херсон этого времени оставался крупным торговым, ремесленным и культурным центром (Якобсон, 1950, с. 99–100) со зданиями монументальной архитектуры (Якобсон, 1950, с. 252). А.И. Романчук рассмотрела итоги исследования его жилых кварталов (рис. 1: Б), начиная с Северного района. Она пришла к заключению, что его характеристика с убогими домами, характерными для жителей «полуремесленной, полуаграрной окраины города» (по словам Г.Д. Белова) нужно серьёзно изменить и считать его обычным районом (Романчук, 2000, с. 147 и сл.). Действительно, на самом деле существенных отличий, за небольшим исключением, в площади усадеб и технике строительства в различных частях города не прослеживается. Близок и набор керамики. Это можно подтвердить и по результатам исследований кварталов С (100) и ХСVII (97) в Северо-восточном районе города (Золотарёв, Ушаков, 2004).

Археологическая ситуация в Портовом районе другая: там зафиксировано два слоя разрушения (пожара), которые датируются, соответственно, XIII и XIV вв. «Итак, двукратный слой разрушения на данном участке ... оказалось возможным датировать. В верхнем слое пожара встретились золотоордынские монеты середины XIV в., а в нижнем – монеты XIII в.» (Романчук, 2008, с. 447). Подобные представления ранее распространялись на весь город, что можно проследить в трудах А.Л. Бертье-Делагарда и А.Л. Якобсона (Романчук, 2008, с. 437–444). Возвращением к данному тезису стало мнение Н.М.

Богдановой, считающей, что археологические материалы позволяют говорить о непрерывном существовании Херсона в XII/XIII – XIV/XV вв. (Богданова, 1991, с. 23–24). А с развитием в Причерноморье итальянской торговли ведущее положение стала занимать Кафа при сохранении торговых связей Херсона с другим центрами Причерноморья и Руси, который оставался одним из крупных византийских провинциальных городов (Богданова, 1991, с. 84–86).

Л.А. Голофаст обобщила археологические данные о городе XIII в. (Голофаст, 2008; 2009), который оставался обычным провинциальным византийским центром¹. Но как городской центр он прекратил существование в XIII в., а два слоя горения/разрушения в Портовом районе относятся как к XIII, так и к XIV вв., когда на руинах были отстроены новые дома (Голофаст, 2009, с. 319). Как видно, вопрос о времени датировки двух слоёв пожара остаётся одним из важнейших при рассмотрении судьбы Херсона на завершающем этапе его истории, к которому специально обращались многие авторы (подр.: Мыц, 2016, с. 73, 75–78; Ушаков, Байбуртский, 2018; 2020). Так, А.И. Романчук, проанализировав монеты в Портовом районе в сопоставлении с керамическими находками фактически присоединилась к мнению В.Л. Мыца о датировке этих двух слоёв разрушения в Портовом районе Херсонеса 1278 и 1299 гг. (Романчук, 2004, табл. I–IV).

Археологические комплексы с массовыми находками второй половине XIII в. выделены и изучались во всех районах городища (Ушаков, Байбуртский, 2020), где они оказались связаны со слоями разрушений (рис. 1: В) и пожаров в квартальной застройке, которая уже не возобновилась. Эти слои представлены залегающим на полах помещений бытовым и производственным инвентарем, погребенным сгоревшими деревянными балками, «перекрываемые упавшей черепицей кровли и камнем от обрушившихся стен» (Романчук, 2008, с. 437). Особенности их формирования позволяют собрать и свести в целостные комплексы «одновременно бытовавший материал» (Рыжов, Голофаст, 2000, с. 251). Описанная выше стратиграфическая ситуация фиксируется на городище повсеместно, за исключением, как было уже отмечено, Портового района, где выделены два слоя пожара.

К настоящему времени из раскопок 1970–2010 гг. поздневизантийских слоёв на горо-

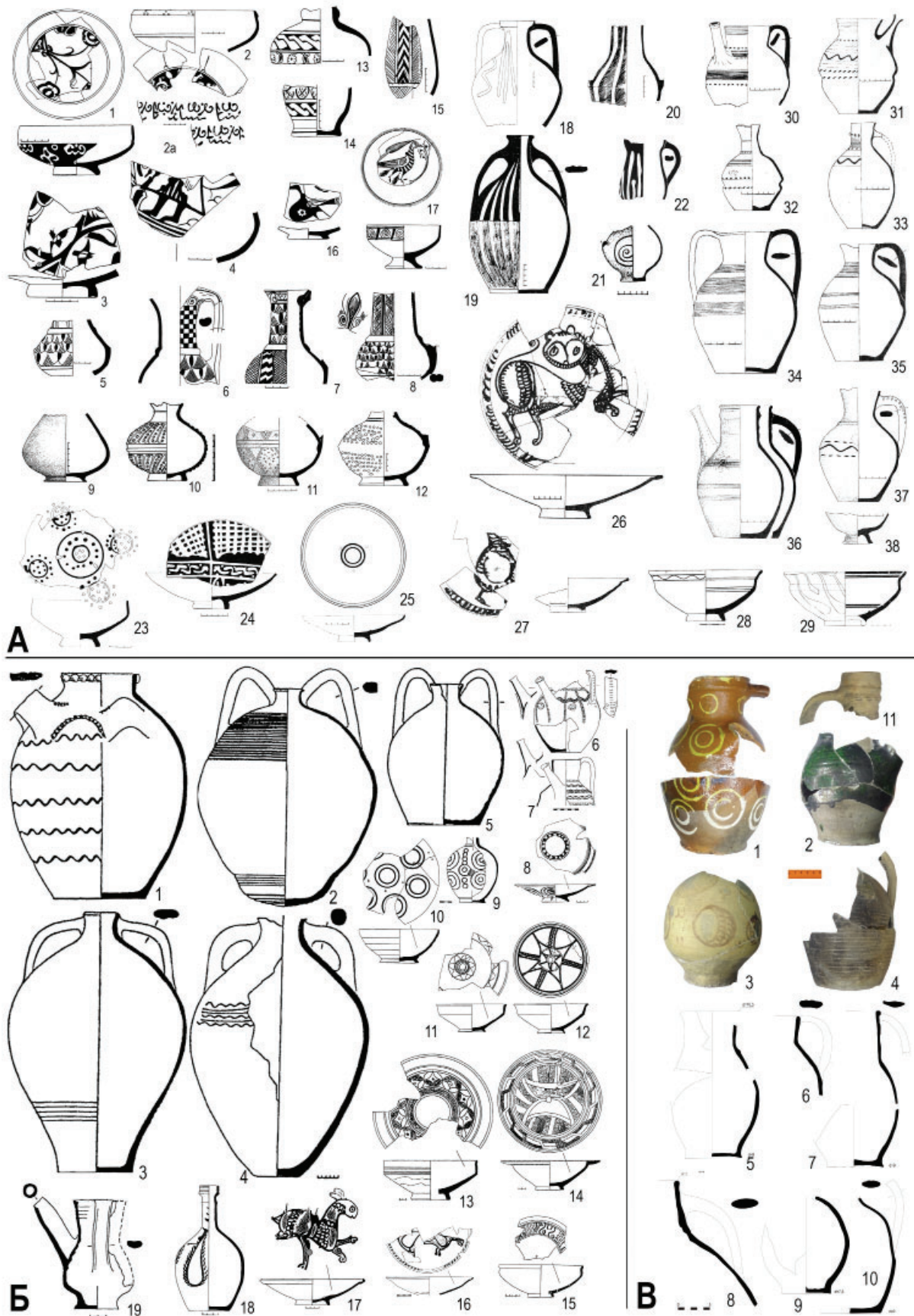

Рис. 2. А – Поливная керамика из Портового района XIII–XIV вв. (по А.И. Романчук). Б – Керамический комплекс из Северного района (квартал X) (по Л.А. Голофаст, С.Г. Рыжову). В – Керамический комплекс из раскопок в «Южном пригороде Херсонеса» 2021–2022 гг. (раскоп 6, объект 22 – колодец).
Fig. 2. А – Glazed ceramics from the Port district of the 13th–14th centuries (after A.I. Romanchuk). Б – Ceramic complex from the Northern district (quarter X) (after L.A. Golofast, S.G. Ryzhov). В – Ceramic complex from the excavations in the “Southern suburb of Chersonesos” of 2021–2022 (excavation 6, object 22 – a well).

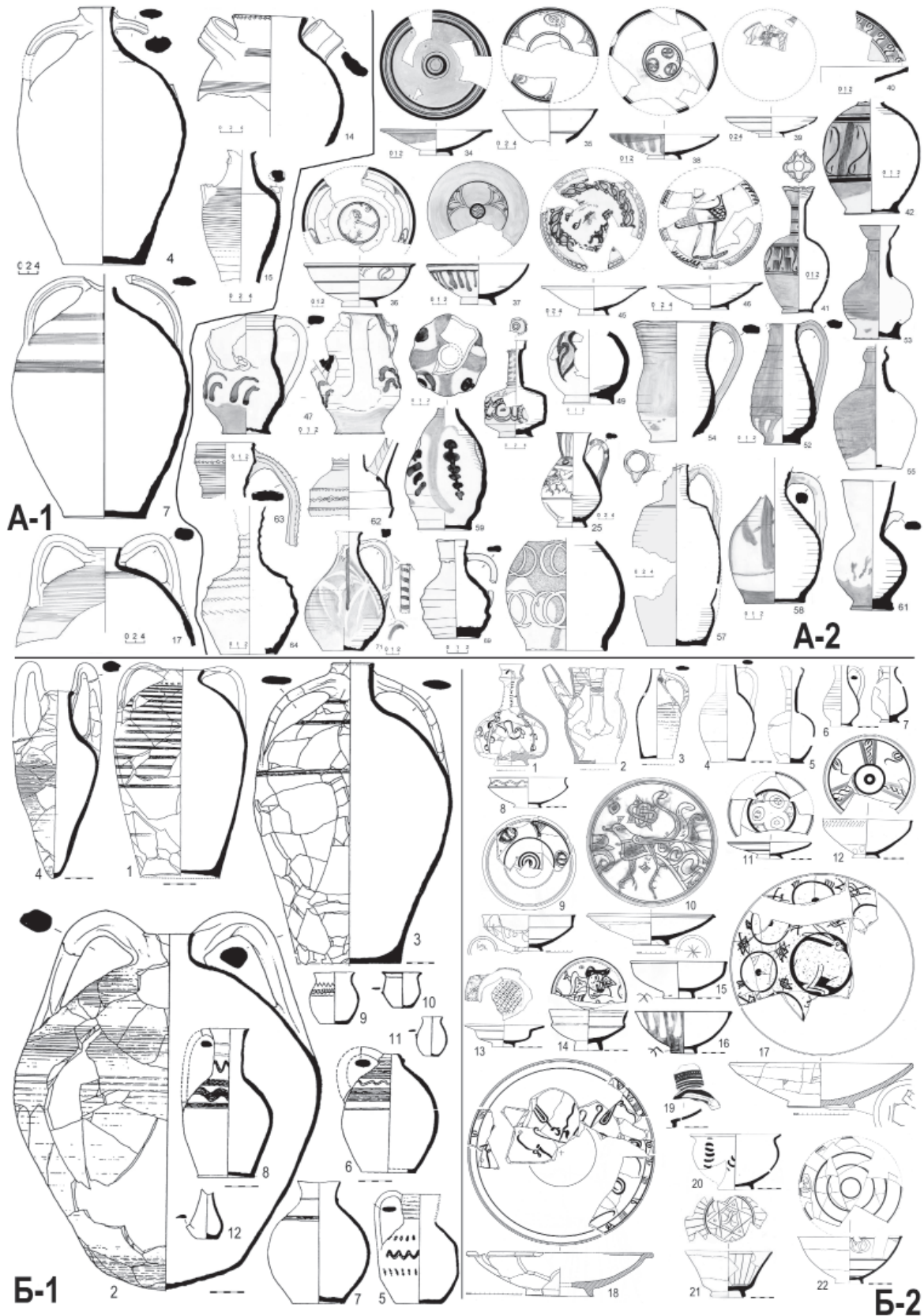

Рис. 3. А-1, А-2 – Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L (по Л.В. Седиковой) (А-1 – амфоры; А-2 – поливная керамика и керамика без покрытия. Сохранена нумерация автора).
 Б-1, Б-2 – Керамический комплекс из Северо-Восточного района (кв. ХСVII) (Б-1 – амфоры и простая столовая посуда; Б-2 – поливная керамика (по С.В. Ушакову, А.М. Байбуртскому).
Fig. 3. А-1, А-2 – Ceramic complex of the 13th century from the destruction layer of estates 2 and 3 in quarter L (after L.V. Sedikova) (А-1 - amphorae; А-2 – glazed ceramics and uncoated ceramics. The author’s numbering is retained).
 Б-1, Б-2 – Ceramic complex from the North-Eastern district (quarter ХСVII) (Б-1 - amphorae and common tableware; Б-2 – glazed ceramics (after S.V. Ushakov, A.M. Bayburtsky).

дище опубликованы следующие материалы: из Северного района – кварталы VIII, IX, X, Ха, XX (Калашник, 1989; Голофаст, Рыжов, 2003; Рыжов, Голофаст, 2000; Рыжов, 2001; 2005); из Северо-восточного района – кварталы С, ХСVII (Золотарев, Ушаков, 1997; 2004; Золотарев, Коробков, Ушаков, 1998; Ушаков, 2005); из Южного района – кварталы L и на месте античного водохранилища (Рабинович, Седикова, Хеннеберг, 2009; Седикова, 2018); из Портового района – портовые кварталы 1, 2 (Ивашута, 1975; Романчук, 1999; 2000; 2003; 2004; 2005).

В состав комплексов входят амфоры (рис. 2Б: 1–5; 3А-1; 3Б-1: 1–4), пифосы, столовая и кухонная посуда (рис. 2А: 30–38; 2Б: 6,7; 2В: 4,11; 3Б-1: 5–12), в их числе глазурованная керамика (рис. 2А: 1–29; 2Б: 8–15; 2В: 1–3, 5–10; 3А-2; 3Б-1: 1–22), монеты, изделия из металла и кости. Наборы керамики из отдельных районов Херсона в целом соответствуют составу комплексов из синхронных слоев на других участках городища, и отражают «весь типологический ряд тарной и столовой керамики, найденной в слое разрушения» (Седикова, 2018, с. 403). В равной степени, это обобщение относится и к монетным сборам.

В качестве «эталонного» комплекса может выступать слой разрушения в ХСVII квартале Северо-восточного района, представленный хронологически значимыми находками амфор и поливной керамики. Это тарные сосуды XXV, XXIII, XXII типов по херсонесской классификации 1971 г. (рис. 3Б-1: 1–4) (Антонова и др., 1971, с. 93–94), классов 52, 45, 48 по публикации 1995 г. (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 73–88). Аналогичные сосуды были широко распространены в комплексах Крыма и Причерноморья (типы Günsenin 3 и Günsenin 4) позднего XII – раннего XIII вв. (Günsenin 1989, fig. 12–13. P. 271–276). Хронологически амфоры сочетаются с многочисленными находками красноглиняной глазурованной посуды, представленными чашами, тарелками, мисками, кувшинами в технике «champleve» и «sgraffito» или с врезанной орнаментацией медальонного стиля, типов «Зевксипп» классов I, II (рис. 3Б-2: 1–22). Отдельные группы этой керамики датируются не позднее начала последней четверти – конца XIII в. Простая столовая и кухонная посуда представлена сосудами разнообразных форм (рис. 3Б-1: 5–11). Обнаружены различные предметы из металла (в основном – железный сельскохозяйственный инвентарь), культовые предметы личного благочестия и камен-

ные жернова (Ушаков, Байбуртский, 2018, с. 309–310).

В полевом сезоне 2021–2021 гг. в ходе охранных исследований на территории т. н. Южного пригорода Херсонеса (нач. эксп. С.Л. Соловьев) был открыт ряд объектов второй половины XIII в. Среди них – заполнение колодцев (объекты 21, 22) на участке раскопа № 6 (нач. эксп. ИАК РАН В.П. Власов, нач. раскопа С.В. Ушаков), представленное типичным набором керамических находок (во фрагментах) – амфор с дуговидными и высокоподнятыми ручками, простыми столовыми сосудами (рис. 2: В). По общему характеру эти комплексы аналогичны представленным выше из раскопок на городище, за исключением обнаруженных в одном из колодцев (объект 22) десятка византийских перстней. Кроме того, по устному заключению В.Л. Мыца, часть поливной керамики может быть отнесена к группе ранних сосудов золотоордынского происхождения.

Отдельно исследователями рассматривался вопрос о центрах производства керамики из слоев разрушения второй половине XIII в. К примеру, материалы из квартала L отнесены как к местному, так и к импортному производству. Керамика (поливная – вся) привозилась в Херсонес «из Константинополя и его округи, Малой Азии, Эгейского региона и мусульманской Сирии» (Седикова, 2018, с. 428).

Датировку слоев разрушения, также повсеместно, уточняют нумизматические находки. По наблюдениям Н.А. Алексеенко, «нумизматические комплексы второй половины XIII в. по составу резко отличаются от аналогичных комплексов начала столетия». С 60-х годов XIII в. из них пропадают монеты рубежа XII–XIII вв., сельджукские дирхемы и латинские имитации, но появляются монеты первых Палеологов, Трапезундских Комнинов и джучидские монеты ханов Золотой Орды (Алексеенко, 1997, с. 6; Гончаров, с. 121, 126–127). При этом в комплексах продолжают массово встречаться монеты городских выпусков с монограммой «РϞ». В квартале Ха из 211 найденных в 1987–1988 гг. монет к указанному типу было отнесено 82 экземпляра (Рыжов, Голофаст, 2000, с. 252). На основании приведенных фактов сделано предположение, «что с последней трети XIII в. преобладающую роль в торговых операциях Херсона начинают играть золотоордынские города, активным посредником которого становится Восточный Крым» (Алексеенко, 1997, с. 7).

При этом отсутствие монет Джучидов в слое разрушения квартала Ха, позволило определить его верхнюю хронологическую границу третьей четвертью XIII в. (Рыжов, Голофаст, 2000, с. 253).

Таким образом, весь комплекс рассмотренных материалов позволяет заключить, что в начале второй половины XIII в. Херсон представлял собой типичный провинциальный византийский город на краю Золотоордынской ойкумены (рис. 1: В, Г). Его окружала мощная система обороны. Городскими доминантами являлись площади с храмами. Сохра-

нилась городская сеть (рис. 1: Б) (основа – с античных времён), серьёзно перестроенная не позже XII в. Катастрофа случилась на рубеже третьей – четвёртой четвертей XIII в. При сопоставлении с историческими событиями следует один выбор даты – 1278 г. Город был тотально разрушен и уже не восстановился, за исключением Портового района, который превратился в небольшой посёлок. Так, по словам папы Иоанна XXII (1333) «Мы снова возвели это место Херсон в город» (Vasiliev, 1936, p. 174–175). То есть до этого он городом уже не был...

Благодарность: Выражаем благодарность С.Л. Соловьеву за возможность представить неопубликованный материал.

Примечание:

¹ Последнее описание Херсона XIII в. принадлежит В.Л. Мыцу (2021, с. 507–510).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеевко Н.А. К вопросу о денежном обращении и развитие торговых связей Херсонеса в XIII веке // ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК. Вып. VIII / Отв. ред. М.И. Золотарёв. Севастополь: Ахтиар, 1997. С. 4–9.

Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. 1 / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: МГУ, 1991. С. 8–172.

Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. // МАИЭТ. Вып. XIV. 2008. С. 345–384.

Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. Вып. XV. 2009. С. 275–377.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. X. 2003. С. 182–260.

Гончаров Е.Ю. Восточная нумизматика Херсона (Вторая половина XII – первая половина XV вв.) // Причерноморье в Средние века. Вып. 7 / Отв. ред. С.П. Карпов. Санкт-Петербург: Алетея, 2009. С. 118–132.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса // ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК. Вып. IX / Отв. ред. М.И. Золотарёв. Севастополь: КАЛАМО, 1998. С. 182–194.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК. Вып. VIII. Севастополь: Ахтиар, 1997. С. 30–45.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 279–294.

Ивашута Л.П. Неполиванная керамика позднесредневекового Херсона. (По материалам раскопок портового квартала) // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 14–22.

Калашиник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982–1988 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 165–187.

Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // Stratum plus. 2016. № 6. С. 69–106.

Мыц В.Л. Юго-Западный Крым в XIII–XIV вв. // История города Севастополя в трёх томах. Т. I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М., 2021. С. 493–581.

Рабинович А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XV. 2009. С. 196–274.

Романчук А.И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: К вопросу о гибели города в XIII в. или в XIV в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 187–202.

Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 390 с.

Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2003. 224 с.

Романчук А.И. Находки в Херсонесе из слоев пожара XIII в. // ВВ. М., 2004. Т. 63. С. 158–166.

Романчук А.И. Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонесе: местное производство и импорт // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 1. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 93–110.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. В 2 т. Византийский город. Т. 2. Тюмень: ТюмГУ, 2008. 623 с.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 169 с.

Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. С. 290–311.

Рыжов С.Г. Художественная керамика XII–XIII вв. из Херсонеса // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 1. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 62–69.

Рыжов С.Г., Голофаст Л.А. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 251–265.

Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. Вып. XXIII. 2018. С. 402–458.

Седикова Л.В. Новые находки поливной посуды XIII в. из раскопок Херсонеса // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ. X-й Международный Византийский Семинар (Севастополь–Балаклава 28 мая – 1 июня 2018 г.) Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018а. С. 183–185.

Ушаков С.В. Поливная керамика из комплексов XIII вв. северо-восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 1. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 70–92.

Ушаков С.В., Байбуртский А.М. О финальной истории Византийского Херсона и его взаимоотношениях с Золотой Ордой (на примере археологических комплексов второй половины XIII в. в Северо-восточном районе города) // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 309–313.

Ушаков С.В., Байбуртский А.М., Игнатьева А.В. К финальной истории Византийского Херсона (Средневекового Херсонеса): Археологические комплексы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 284–286.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. № 17. М.-Л.: 1950. 260 с.

Günsenin Nergis. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les g Turcs. In Recherches sur la Céramique Byzantine. Edited by V. Déroche and J. M. Spieser. Athens: École Française d’Athènes. 1989. P. 267–276.

Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Massach.), 1936. P. 174–175.

Информация об авторах:

Ушаков Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия); yshakovsv@list.ru

Байбуртский Аркадий Михайлович, младший научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия); surbhachark@rambler.ru

REFERENCES

Alekseenko, N. A. 1997. In Zolotarev, M. I. (ed.). *Khersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)*. VIII. Sevastopol: “Akhtiar” Publ., 4–9 (in Russian).

Bogdanova, N. M. 1991. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor’e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (1). Moscow: Moscow State University Publ., 8–172 (in Russian).

Golofast, L. A. 2008. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (14). 345–384 (in Russian).

Golofast, L. A. 2009. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (15). 275–377 (in Russian).

- Golofast, L. A. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (10). 182–260 (in Russian).
- Goncharov, E. Yu. 2009. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor'e v srednie veka (Pontic Sea Region in the Middle Ages)*. (7). Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 118–132 (in Russian).
- Zolotarev, M. I., Korobkov, D. Yu., Ushakov, S. V. 1998. In Zolotarev, M. I. (ed.). *Khersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)* IX. Sevastopol: "KALAMO" Publ., 182–194 (in Russian).
- Zolotarev, M. I., Ushakov, S. V. 1997. In *Khersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)* VIII. Sevastopol'. 30–45 (in Russian).
- Zolotarev, M. I., Ushakov, S. V. 2004. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 35. 279–294 (in Russian).
- Ivashuta, L. P. 1975. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 11. 14–22 (in Russian).
- Kalashnik, Yu. P. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 165–187 (in Russian).
- Myts, V. L. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 69–106 (in Russian).
- Myts, V. L. 2021. In *Istoriya goroda Sevastopolya v trekh tomakh. T. I. Yugo-Zapadnyy Krym s drevneyshikh vremen do 1774 goda (History of the City of Sevastopol in Three Volumes. V. I. Southwestern Crimea from Ancient Times to 1774)*. Moscow: "IstLit" Publ., 493–581 (in Russian).
- Rabinovits, A., Sedikova, L. V., Khenneberg, R. 2009. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (15). 196–274 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 1999. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 30. 187–202 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2000. *Ocherki istorii i arkheologii vizantiyskogo Khersona (Essays on the History and Archaeology of Byzantine Cherson)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2003. *Glazurovannaya posuda pozdnevizantiyskogo Khersona (Glazed Pottery from Late Byzantine Cherson)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2004. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (63). 158–166 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 93–110 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2008. *Issledovaniya Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. V 2 t. Vizantiyskiy gorod. T. 2*. Tyumen: Tyumen State University (in Russian).
- Romanchuk, A. I., Sazanov, A. V., Sedikova, L. V. 1995. *Amfory iz kompleksov Vizantiyskogo Khersona (Amphoras from Byzantine Cherson Complexes)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Ryzhov, S. G. 2001. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (8). 290–311 (in Russian).
- Ryzhov, S. G. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 62–69 (in Russian).
- Ryzhov, S. G. 2000. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 31, 251–265 (in Russian).
- Sedikova, L. V. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (23). 402–458 (in Russian).
- Sedikova, L. V. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonos femata: imperiia i polis. Materialy nauchnoi konferentsii (Χερσωνος Θέματα: Empire And Policy)* X. Sevastopol'-Simferopol', 183–185 (in Russian).
- Ushakov, S. V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 70–92 (in Russian).
- Ushakov, S. V., Bayburtskiy, A. M. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 309–313 (in Russian).
- Ushakov, S. V., Bayburtskiy, A. M., Ignat'eva, A. V. 2020. In Makarov N. A., Derevianko A. P., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22th) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* III. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 284–286 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1950. *Srednevekovi Kherones. (XII–XIV vv.) (Medieval Chersonesos. 12th–14th cc.)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 17. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Günsenin, Nergis. 1989. In Déroche, V., Spieser, J. M. (eds.). *Recherches sur la Céramique Byzantine*. Athens: École Française d’Athènes. 267–276.

Vasiliev, A. A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Cambridge (Massach.), 174–175.

About the Authors:

Ushakov Sergey V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Crimea, RAS. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Russian Federation; yshakovsv@list.ru

Bayburtsky Arkadiy M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Crimea, RAS. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Russian Federation; surbhachark@rambler.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

БЕСЕДКА СЕЛЯМЕТ ГЕРАЯ В БАХЧИСАРАЙСКОМ ДВОРЦОВОМ КОМПЛЕКСЕ¹

© 2022 г. Д. А. Ломакин, Е. А. Айбабина

На планах Бахчисарайского ханского дворца XVIII–XX вв. (Дж. Тромбара, В. Гесте, Н. П. Краснова, А. Л. Ротача) отмечен «Старый дворец» крымских ханов, построенный, вероятно, в XVI в. при хане Сахибе I Герае (правил в 1532–1551 гг.), позднее – лишь сохранившаяся галерея. На протяжении периода своего существования дворец оберегался ханами и неизменно восстанавливался после разрушений, будучи одним из первых сооружений на территории дворцового комплекса, служил символом ханской власти, связанным с зарождением новой столицы – Бахчисарая. В 20-е гг. XIX в. «Старый дворец» был разобран, как полностью обветшавший, однако реставраторы сохранили его галерею, позднее названную «беседкой Селямет Герая». Беседка с фонтаном в центре помещения, стоявшая на высоком цоколе, с мраморной колоннадой и арочными проемами стрельчатой формы, была украшена лепным декором и росписью в натуралистической и барочной стилистике, вошедшей в искусство и ремесло Турции и Крымского ханства во второй половине XVI – XVIII вв. Памятник утрачен в середине XX в.

Ключевые слова: Бахчисарай, «Старый дворец», беседка Селямет Герая, историко-археологический памятник, лепной декор, росписи.

SELYAMET GERAI GAZEBO IN BAKHCHISARAI PALACE COMPLEX²

D. A. Lomakin, E. A. Aibabina

The plans of the Bakhchisarai Khan Palace of the 18th–20th centuries (G. Trombaro, W. Hastie, N. P. Krasnov, A. L. Rotach) feature an ‘Old Palace’ of the Crimean khans, probably built in the 16th century under Khan Sahib I Gerai (reigned in 1532–1551), and later sources only refer to a surviving gallery. Throughout its existence, the palace was guarded by the khans and was invariably restored after the destruction, being one of the first structures in the territory of the palace complex, serving as a symbol of Khan's power associated with the birth of the new capital – Bakhchisaray. In the 1820s the ‘Old Palace’ was dismantled as a completely dilapidated structure, but the restorers preserved its gallery, which was later named the Selyamet Gerai Gazebo. The gazebo with a fountain in the center of the room, which stood on a high basement, with a marble colonnade and arched openings of a lancet shape, was decorated with stucco decor and painting in naturalistic and baroque style, which was included in the art and craft of Turkey and the Crimean Khanate in the second half of the 16th–18th centuries. The gazebo was destroyed in the middle of the 20th century.

Keywords: Bakhchisaray, ‘Old Palace’, Selyamet Gerai gazebo, historical and archaeological monument, stucco decor, murals.

В 1779 г. на службу в Россию прибыли итальянские архитекторы Джакомо Тромбара¹ и Джакомо Кваренги. Оба были приглашены по просьбе Екатерины Великой (Сборник..., 1878, с. 157, 158, 162, 168). Первый из них принимал участие в подготовке бывшей ханской резиденции в Бахчисарае к приезду императрицы, желавшей сохранить дворец в восточном стиле (Билялова, 2019, с. 80). План дворцового комплекса Дж. Тромбара (рис. 1), наиболее ранний среди выявленных, отразил бахчисарайский дворец на последнем этапе

существования Крымского ханства. Дата составления чертежа, вероятно, – до ремонтных работ 1784–1787 гг. (Нагаева, Абдурахманова, 2011, с. 7).

На чертеже под номером 17 отмечен «Старинный домик с левого крыла, сохранившийся ханами в качестве побудительной причины формирования этого города». Постройка располагалась в южной части закрытого двора. Напротив был обустроен цветник в восточном стиле чор-баг с четырьмя фонтанами. В западной части двора находилась

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

² The work was carried out within the framework of the implementation of the Russian Science Foundation Project No. 20-18-00076 “Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Time”.

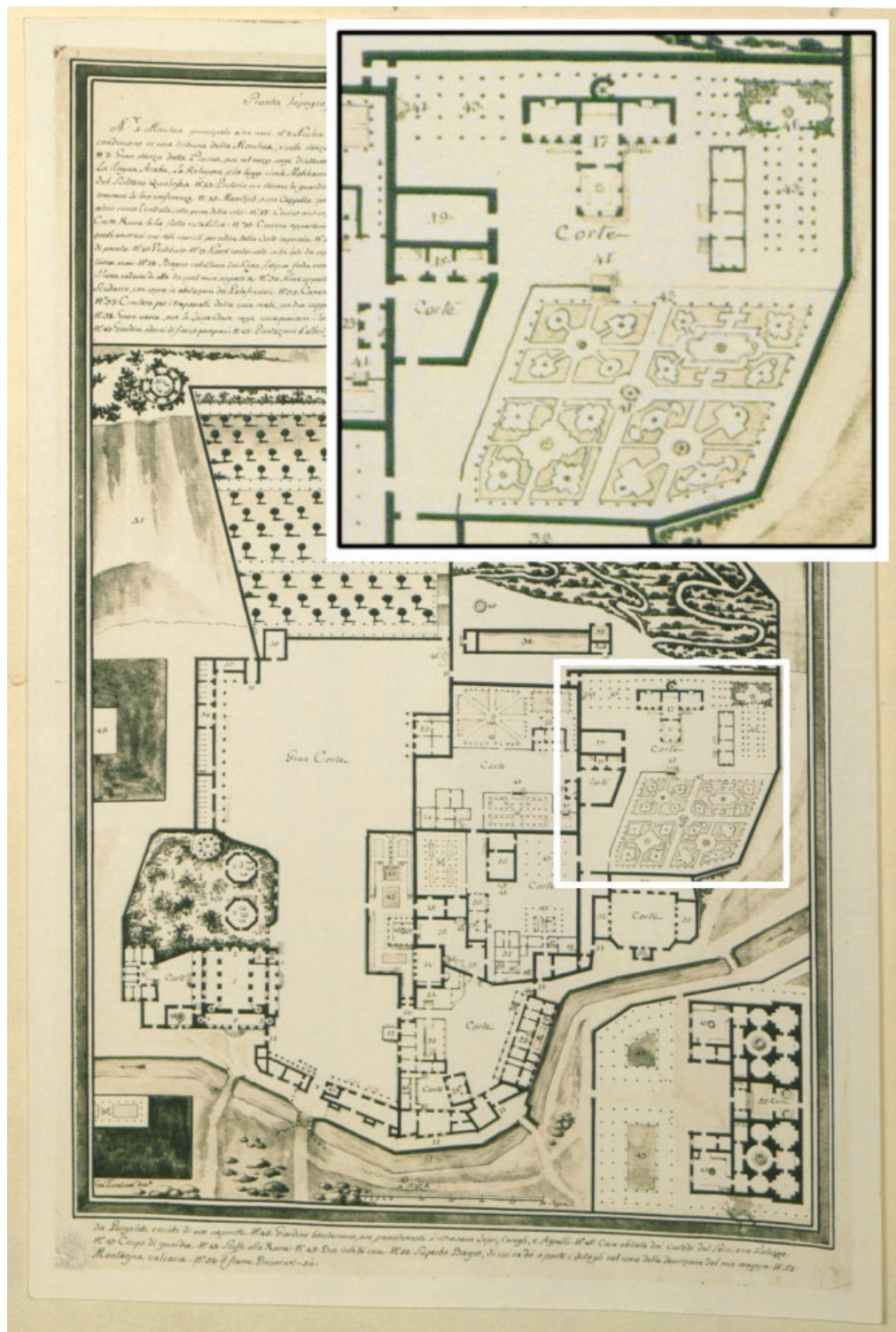

Рис. 1. Дж. Тромбара. План Бахчисарайского дворца. 80-е гг. XVIII в. В верхнем правом углу – увеличенный фрагмент плана с участком расположения Старого дворца. Фотокопия.

Fig. 1. G. Trombaro. Plan of the Bakhchisarai Palace. 1780s. In the upper right corner is an enlarged fragment of the plan with the location of the Old Palace. Photocopy.

«кухня, принадлежащая к упомянутому домику», в восточной – флигель для прислуги (?) и «кладовая». Согласно плану «Старинный домик» состоял из трех, вероятно, одноэтажных помещений. К центральному с южной стороны примыкала восьмиугольная башня, вход в которую был устроен снаружи с западной стороны, с северной – просторная терра-

са с колоннадой, в центре которой размещался небольшой бассейн с фонтаном. Восточное и западные помещения были снабжены четырьмя оконными проемами каждое, три из которых симметрично выходили на фасадную сторону.

В 1798 г. российский инженер и архитектор Вильям Гесте (William Hastie, 1763–1832)

выполнил детальные обмеры комплекса. Им были подготовлены общие поэтажные чертежи, впервые зарисованы фасады всех существующих сооружений дворца. Чертежи В. Гесте зафиксировали изменения, произошедшие с бывшей ханской резиденцией в связи с «ремонтom» накануне визита императрицы в 1787 г. Постройке присущи ярко выраженные черты европейской архитектуры XVII–XVIII вв., которые она получила в результате многочисленных восстановительных работ и перестроек, последняя из которых была осуществлена после пожара во дворце в 1736 г.

Восстановлением изрядно поврежденного Бахчисарайского дворца занимался Селямет II Герай (правил в 1740–1743 гг.). Об этом свидетельствуют сохранившиеся надписи над дверными проемами дворцовых помещений, увековечившие память о «славных» делах хана (Бахчисарайские..., 1848, с. 492, 495, 497). Подобная надпись была и над входом в «Старый дворец», она гласила: «О, открывающий двери, отвори нам наилучшую дверь» (Бахчисарайские..., 1848, с. 498). Здесь же была помещена дата – 1166 г. х. (1752/1753 г.). Вероятно, «Старый дворец» был восстановлен несколько позже, уже при Арслане Герае (правил в 1748–1756, 1767 гг.), «который подобно Селямету II Гераю <...> произвел разные сооружения, а также восстановил разрушенные и сожженные дворцовые здания Бахчисарая» (Котов, 1896, с. 3). После реконструкции здание было украшено росписями, лепниной, арки – витражами. Приобретенный постройкой облик после данного ремонта могли наблюдать посетители ханского дворца после присоединения Крыма к России и до подготовительных работ к визиту императрицы в Тавриду.

Остается лишь предполагать, что заставляло крымских ханов с завидным упорством восстанавливать и оберегать ветхие постройки «Старого дворца». Не исключено, что именно с него началось возведение бахчисарайского дворцового комплекса и формально – Бахчисарая. Косвенным подтверждением этому может служить один из фрагментов хроники османского ученого Кайсунизаде Мехмед Нидаи, более известного, как Реммаль Ходжа, «Тарих-и Сахиб Герай хан» или «История хана Сахиб Герая» (Остапчук, 2001, с. 393), поступившего на службу Сахиб Гераю в 1532 г. (Tarih-i Sahib Giray Han...). Сведения, приведенные в хронике, позволяют условно отнести возведение «Старого

дворца» ко времени правления Сахиба I Герая (1532–1551).

После пожара Бахчисарайского дворца 1817 г. возникла острая необходимость в производстве ремонтных работ, приуроченных к визиту императора Александра I в Крым в 1818 г. (Маркевич, 1895, с. 139). В 1820 г. составление планов и сметы было поручено архитектору И.Ф. Колодину (Маркевич, 1895, с. 139). Чертежи, подготовленные И. Ф. Колодиным к началу ремонтных работ и в их активной фазе – планы и развертки бахчисарайского дворцового комплекса, представленные двумя комплектами (каждый из пяти чертежей), датированы 1820 г. и 1824 г. (Абдурахманова, 2012, с. 17). Чертежи позволяют достоверно установить безвозвратно утраченные строения, в том числе и «Старый дворец» (Абдурахманова, 2012, с. 20). При этом терраса была сохранена. «Реставрация» 20-х гг. XIX в. привела к существенному изменению первоначального облика дворцового комплекса в целом, потери значительной части самобытного восточного колорита.

Ветхие постройки Бахчисарайского дворца сильно пострадали в результате ливня 17 июля 1892 г. Вновь возникла необходимость реставрации. Министерством внутренних дел для производства работ была привлечена Императорская археологическая комиссия (проработала с 1900 г. по 1908 г.) (Гернгросс, 1912, с. 29). Проектные изыскания должен был выполнить академик Г. И. Котов. В 1910 г. была создана Техническая комиссия по вопросу срочной реставрации дворца. К работе в последней был привлечен архитектор Н. П. Краснов. Им был осмотрен ряд сооружений дворцового комплекса, подготовлен проект его водоснабжения. Архитектор пришел к выводу, что перемещенный к визиту императрицы Екатерины Великой «Фонтан слез» первоначально мог быть частью террасы разрушенного ранее «Старого дворца». Н. П. Краснов обратил внимание на сохранившийся след на стене от неизвестной конструкции, вероятно – фонтана, из которого вода поступала в сад (Заседание 2-го декабря..., 1910, с. 46).

На плане Дж. Тромбара с северной стороны «Старого дворца» располагался сад в стиле чор-баг (чохарбаг, пер. с фарси – «четыре сада»). Он не являлся классическим персидским строго геометрическим по планировке, хотя деление на четыре части сохранялось. В соседнем дворе, с юго-восточной стороны, помимо строений находились еще три

сада подобной планировки. На плане 1798 г. В. Гесте они уже показаны как сплошь засаженные участки. Северная часть соседнего двора отделена оградой и обозначена как «Задний двор». На плане 1855 г. вся вышеописанная территория оказалась покрыта сплошной растительностью (фруктовыми деревьями), сад при «Старом дворце» превратился в «Нижний сад», а весь соседний двор получил название «Персидский сад», видимо, следуя уже сложившейся к этому времени традиции.

Архитектор А. Л. Ротач, составляя план ханского дворца в 1938 г.², как и автор плана 1855 г., обозначил: «Нижний фруктовый сад», соседний – «Персидский сад» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 248.). В дальнейшем вместе с названием «Персидский сад» появилось определение «Персидский двор». В северной части этой территории, как продемонстрировали археологические исследования, начиная с XVI в. возник ряд построек (Ибрагимов, 2015, С. 92, рис. 65; с. 200–213).

Предполагая, что рядом со «Старым дворцом» первоначально был разбит персидский сад, можно говорить о постепенной утрате названия и вида этого участка двора, который со временем превратился в «Нижний фруктовый сад». Интересно композиционное решение этого комплекса – сада и «Старого дворца»: сад располагался перед террасой, что соответствовало традициям персидской (среднеазиатской?) садово-парковой культуры. Ансамбль дворца с персидским садом, разделенным на части четырьмя дорожками (?), с акцентированной центральной частью является значительным элементом исламской культуры, в котором переплетаются мусульманские художественные традиции, представление о вечной жизни и о Рае с вытекающими из него четырьмя реками. Если принять во внимание предположение Н. П. Краснова о первоначальном месторасположении сельсебиля («Фонтана слез») на стене террасы, выходящей в сад, создается законченный пример садово-паркового ансамбля. Термин «персидский» в названии остался как раритетный, существующий со времен давно утраченных садово-парковых объектов.

Восстановить точное время разрушения беседки позволяют протоколы реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии. В результате технического осмотра Бахчисарайского дворца, произведенного 8–10 марта 1910 г. специальной комиссией, было отмечено: «Беседка в фруктовом саду приходит в совершенное разрушение.

Потолок ее и крыша провалились. Это случилось в самое недавнее время...» (Заседание 31 марта..., 1910). Затянувшиеся кабинетные споры не позволили провести первоочередные восстановительные работы, что привело к безвозвратной потере памятника и, прежде всего, его потолочных росписей. На качество последних одним из первых обратил внимание М. Я. Гинзбург (Гинзбург, 1925, с. 25). Архитектор пришел к выводу, что их авторство принадлежит придворному живописцу и каллиграфу (хатгату) Омеру, стиль которого говорит о его малоазиатском происхождении. Вероятно, Омер являлся одним из мастеров, занимавшихся росписями дворцовых построек во время масштабной реконструкции комплекса, предпринятой Кырым Гераем в 1762 г.

Архитектурно-декоративная композиция постройки состояла из девяти арок стрельчатой формы, опирающихся на круглые мраморные колонны с капителями (всего 10, две из них примыкают к торцевой стене), установленные на высоком цоколе (рис. 2, 3). Основание трехстенное, четвертая стена глухая, с дверным проемом, некогда соединяющим беседку с помещением «Старого дворца». Декор беседки был выполнен в технике росписи и рельефа. Живописный мотив составлял цветочный орнамент с листьями и цветами стилизованного «турецкого» рисунка. Он был нанесен на обрамлениях арок, на поверхностях междуарочных антревильтов и на стенной панели. Рельефный декор дополнялся живописным (цветы на тонких стеблях, зубчатые листья).

Стилистика росписи приводит к аналогиям из арсенала керамического производства, в частности, турецким изразцам и фарфору (Миллер, 1972, с. 48–51, 62–63, 99). Растительные, предметные и орнаментальные элементы декора панелей встречаются в каменной резьбе, отражая натуралистическую приверженность художников-декораторов и резчиков по камню, вошедшую в искусство и ремесло Турции и Крымского ханства во второй половине XVI–XVIII вв. Элементы орнаментальных мотивов составляют изображения картушей-медальонов, низких широких ваз, сосудов с узким высоким горлом и низким округлым туловом, пышных роз. Лепные мотивы дополнены искусными рисунками цветов и традиционных «турецких» зубчатых листов. Подобный «набор» элементов, вместе с мотивами в стиле барокко, получили распространение в каменной пластике Крыма

Рис. 2. Беседка Селямет Герая. Вид с северо-запада. Фото И. В. Болдырева. 70–80-е гг. XIX в.
Fig. 2. Selyamet Gerai Gazebo. View from the Northwest. Photo by I.V. Boldyrev. 1870s-1880s.

(Айбабина, 2001, с. 138–142; рис. 55, 57–58, 60–64) и находят аналогии в резьбе надгробий первой половины XVII – середины XVIII вв. ханского кладбища в Бахчисарайском дворце (Гайворонский, 2006, с. 26–39).

В живописно-рельефном оформлении беседки отразилась ведущая художественная тенденция, характерная для османского, а вслед за ним – официального искусства крымских ханов и их окружения, заключающаяся в смешении ориентальных натуралистических мотивов и элементов рисунка, характерного для стилизаций барочного направления. Вероятно, такой стиль, идущий от турецкого столичного искусства этого периода, воспринимался крымской знатью как индикатор роскоши и благополучия, культурной и ментальной связи с великим соседом.

В 1923–1926 гг. остро стал вопрос наружной охраны памятников в Крыму. Крымским отделом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) было поручено произвести зарисовку ряда архитектурных объектов, в том числе и строений ханского дворца феодосийскому художнику К. Ф. Богаевскому (Полканов, 1930, с. 118). В фондах Бахчиса-

райского историко-культурного археологического музея-заповедника выявлена акварель художника с видом беседки, выполненная в 1925 г. (Ломакина, 2020, с. 340). Дальнейшие сведения о памятнике фрагментарны и малоинформативны. Объекту культурного наследия не было уделено должного внимания, что привело к его скорому разрушению.

Заброшенность «Старого дворца» его владельцами связана, по-видимому, не только с физическим износом, обветшанием, но и с отсутствием необходимости в использовании. Композиционный центр территории ханского дворца переместился в северо-восточную часть. Интимность «Старого дворца» оказалась невостребованной, и он сохранялся лишь как раритет, отдавая дань традиции. При этом постройка оберегалась ханами и неизменно восстанавливалась после разрушений в качестве одного из первых сооружений на территории дворцового комплекса, служила определенным символом ханской власти, связанным с зарождением новой столицы – города Бахчисарая. Архитектурная стилистика этого гармоничного комплекса наследовала традиции жилой городской архитектуры, укоренившейся на полуострове с появлением золотоордын-

Рис. 3. Беседка Селямет Герая. Внутренний вид. Фото 1910–1912 гг.

Fig. 3. Selyamet Gerai Gazebo. Internal view. Photo of 1910–1912.

ского населения и развитием мусульманства, с установлением художественно-творческих контактов с Османской империей, Египтом, Средней Азией. Эта стилистика была использована и при постройке новых компартиментов ханского дворца.

Пример существования сада типа чор-баг для садово-паркового искусства полуострова, относящегося к XVI–XVIII вв., является единичным. Не исключено, что идейно-художественными инициаторами создания такого образа могли быть сторонники и проповедни-

Примечания:

¹ Джакомо Тромбара (Giacomo Trombaro, 1741–1838) – итальянский архитектор, прибыл в Россию одновременно с Джакомо Кваренги. Его имя связано в первую очередь со строительством усадьбы Архангельское под Москвой,

ки суфизма на территории полуострова, появление и численное распространение которых в большей мере связывается со Средней Азией. В мусульманском вероисповедании крымских ханов направление суфизма также было популярным.

В настоящий момент памятник утрачен, место его расположения отведено под частную жилую застройку. Археологические исследования не проводились, поэтому именно это направление для продолжения исследований выглядит наиболее перспективным.

церковью Святой Троицы в Тамбовской губернии и перестройкой императорских конюшен в Петербурге. Впервые в России обучал воспитанников созданию единого архитектурного комплекса вдоль шоссе и водных коммуникаций.

² План Бахчисарайского дворца, составленный А. Л. Ротачем в 1938 г., является наиболее поздним из выявленных, на котором обозначена беседка Селямет Герая.

ЛИТЕРАТУРА

Абдурахманова Л.А. Анализ чертежей Бахчисарайского дворцового комплекса, выполненных архитектором И. Ф. Колодиным в XIX столетии // Сучасні проблеми архітектури та містобудування. 2012. Вип. 29. С. 15–21.

Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV – XVIII вв. / Крымский филиал Института археологии НАН Украины. Симферополь: Сонат, 2001. 280 с.

Бахчисарайская турецкая и арабская надписи // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). 1848. № 2. С. 489–528.

Билялова И. Я. Архитектурные памятники Крыма в работах архитекторов Джакомо Тромбаро и Уильяма Хейсти // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 6А. С. 79–84.

Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.

Гернгросс В.[Н.] Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. Апрель. С. 3–29.

Гинзбург М.[Я.] Омер. Придворный живописец и декоратор крымских ханов Селямет и Крым-Гиреев // Среди коллекционеров. 1924. № 1–2. С. 22–27.

Заседание 2-го декабря 1909 года. Бахчисарайский дворец // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 34 (Вопросы реставрации. Вып. 5). СПб, 1910. С. 43–50.

Заседание 31 марта 1910 года. Бахчисарайский дворец // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 36. (Вопросы реставрации. Вып. 6). СПб, 1910. С. 24

Ибрагимова А.М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2015. 360 с.

Котов Г.[И.] Бахчисарайский дворец // Зодчий. 1896. № 1 (январь). С. 1–5.

Ломакина М.А. Крымские древности в акварелях К.Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника // Биобиблиография крымоведения. Вып. 30. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 448 с.

Маркевич А.И. К Истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. № 23. С. 130–176.

Миллер Ю.А. Художественная керамика Турции. Л.: Аврора, 1972. 184 с.

Нагаева З.С., Абдурахманова Л.А. О состоянии Бахчисарайского дворцового комплекса в XVIII веке // Строительство и техногенная безопасность. 2011. Вып. 38. С. 6–12.

Останчук В. Хроника Реммалы Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2001. С. 391–421.

Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796): изданные с пояснительными примечаниями Я. Грота // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 23. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878. 732 с.

Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОИАЭ. 1930. № 4. С. 93–123.

Информация об авторах:

Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); LomakinDA@mail.ru

Айбабина Елена Акимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры геометрического и компьютерного моделирования энергоэффективных зданий Института «Академия строительства и архитектуры», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); aibabinae@mail.ru

REFERENCES

Abdurakhmanova, L. A. 2012. In *Suchasni problemi arkhitekturi ta mistobuduvannya (Modern Problems of Architecture and Urban Planning)* 29, 15–21 (in Russian).

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV–XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th–18th Centuries)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

1848. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 2. Odessa, 489–528 (in Russian).

Bilyalova, I. Ya. 2019. In *Kul'tura i tsivilizatsiya (Culture and civilization)* 9 (6A), 79–84 (in Russian).

Gaivoronskii, O. 2006. *Khanskoe kladbishche v Bakhchisaraiskom dvortse (Khan's Cemetery in Bakhchisaray Palace)*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).

Gerngross, V. [N.] 1912. *Starye gody (Old Years)*. April, 3–29 (in Russian).

Ginzburg, M. [Ya.] 1924. In *Sredi kollektionerov (Among collectors)*. No. 1–2, 22–27 (in Russian).

1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 34 (5). Saint Petersburg, 43–50 (in Russian).

1910. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 36 (6). Saint Petersburg, 24 (in Russian).

Ibragimova, A. M. 2015. *Bakhchisarayskiy Khanskiy dvorets XVI–XVIII vv. (Bakhchisarai Khan's Palace 16th–18th)*. Kiev: "Vidavets' Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).

Kotov, G. [I.] 1896. In *Zodchii (Architect)* 1. 1–5 (in Russian).

Lomakina, M. A. 2020. *Krymskie drevnosti v akvarelyakh K.F. Bogaevskogo (Crimean Antiquities in Watercolors by K.F. Bogaevsky)*. Series: Biobibliografiya krymovedeniya. (Biobibliography of Crimean studies) 30. Simferopol': "N. Orianda" Publ. (in Russian).

Markevich, A. I. 1895. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Reports of the Tauric Scientific Archival Commission)* 23, 130–176 (in Russian).

Miller, Yu. A. 1972. *Khudozhestvennaya keramika Turtsii (Artistic Ceramics of Turkey)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).

Nagaeva, Z. S., Abdurakhmanova, L. A. 2011. In *Stroitel'stvo i tekhnogennaya bezopasnost' (Construction and industrial safety)* 38, 6–12 (in Russian).

Ostapchuk, V. 2001. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ord) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556 (Source Studies on the History of the Ulus of Jochi (the Golden Horde) from Kalka to Astrakhan of 1223–1556)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 391–421 (in Russian).

Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k Grimmu (1774–1796): izdannye s poyasnitel'nymi primechaniyami Ya. Grot (Letters to Grimm by the Empress Catherine II (1774–1796): Publication with Explanatory Notes by Ya. Grot). 1878. Series: Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society) 23. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Polkanov, A. I. 1930. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 4. Simferopol. 93–123 (in Russian).

About the Authors:

Lomakin Dmitry A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Crimea, RAS. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Russian Federation; lomakinDA@mail.ru

Aibabina Elena A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. V. Vernadskiy Crimea Federal University. V. Vernadskiy Prospect, 4, Simferopol, 295007, Republic of the Crimea, Russian Federation; aibabinae@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
 ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.
 ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ДонНУ – Донецкий национальный университет
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
 ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
 ИАК – Известия археологической комиссии
 ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры, Ленинград
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
 КБИГИ – Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований (г. Нальчик)
 КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской академии наук
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 КФ ИА НАНУ – Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
 КФУ – Казанский федеральный университет
 КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет
 МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
 МАР ИААН РТ – Музей археологии Республики Татарстан А АН РТ.
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований, Самарканд
 МХЭ – Материалы Хорезмской Экспедиции, Москва
 НИР – Научно-исследовательская работа
 НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд отдела Музей археологии ИА АН РТ
 НЦАИ ИИ АНРТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ОКН – объект культурного наследия
 ПКМ – Пятигорский краеведческий музей (г. Пятигорск).
 ПСРЛ – полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук.
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СГУАК – Симбирская губернская учёная архивная комиссия
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
 СУАК – Саратовская учёная архивная комиссия
 Труды ТашГУ – Труды Ташкентского государственного университета, Ташкент
 ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
 АИЕСМЗ - Association Internationale pour l'Etude des Céramiques Médiévales et Modernes en Méditerranée

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 11.05.2022

Дата выхода в свет 22.08.2022

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,88

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

